Алексей Митрофанов

Тайный визит профессора Воланда накануне перестройки

Повести и рассказы

Посвящается моей маме, толкнувшей меня на скользкий путь писаний.

От автора

Я депутат Государственной Думы. Последние годы моя жизнь целиком наполнена политикой. Но так было не всегда. До избрания в Думу параллельно с чиновничьей работой я кормился литературными и окололитературными заработками. Делал сценарии к документальным фильмам, видеоклипам и роликам, придумывал телепередачи, писал тексты песен. С материальной точки зрения получалось совсем не плохо. Теперь пишу другие сценарии. Политические. Правда, авторское право в отношении политических сценариев не действует.

Публикуемые в этой книге повести и рассказы мне дороги. Они написаны в восьмидесятые годы и, как мне кажется, передают дух того интересного этапа. Для интеллигенции это было время безысходности и смутных ожиданий. Я писал эти вещи задолго до известных событий, но в моих героях угадываются и будущие Горбачевы, и будущие Жириновские. Мне многое удалось предощутить. Для меня это самое главное. А еще главное, что профессор Воланд вернулся.

Песня,
которая не прозвучит

Повесть

Валерий никогда не опаздывал. Вот и сегодня он пришел ровно в семь, ни минутой позже, ни минутой раньше.

- Как всегда, по тебе можно часы сверять, - пробасил хозяин квартиры, широкоплечий, крепкий Паша, яростно пожимая Валерию руку. - Бросай, старик, свой дипломат, снимай пиджачок, если хочешь, и пойдем. Познакомлю тебя с народом. Народ интересный.

- Я не помню, чтобы у тебя собирался неинтересный народ.

- Это ты точно подметил.

Они вошли в громадных размеров комнату с высоченным потолком. Здесь царила атмосфера приятного ожидания, которая обычно предшествует любым пиршествам. Гости, проглатывая слюни, бестолково крутились вокруг стола, число блюд на котором непрерывно увеличивалось, обменивались ничего не значащими фразами и с нетерпением ждали сигнала к началу трапезы.

- Знакомьтесь, это Валера, - громко возвестил Паша, - а это соответственно: Марина, Наташа, Коля, Левушка. Ну, Зиночку, ты знаешь.

- Да, мы где-то встречались, - улыбнулся Валерий и, приблизившись к Зиночке, поцеловал ее в щеку.

- Этот поцелуй я буду вспоминать всю жизнь, - игриво проговорила Зиночка. - А ты не меняешься. Все такой же мужчина "комильфо".

- Я еще не в том возрасте, чтобы меняться.

- Верно. Ты еще у нас маленький. Ну, расскажи, как твои дела. Говорят, ты шикарно живешь. Катаешься на "Вольво". Пашка мне показывал фотографии.

- Да, только и делаю, что катаюсь. Иногда, правда, еще и работать приходится.

Коля и Левушка, угрюмые бородачи в потертых джинсах и дешевеньких цветастых маечках псевдозаграничного производства, с явным неудовольствием поглядывали на Валерия. Видимо, его элегантный костюм, белоснежная рубашка, галстук и затемненные очки вызывали у бородачей большое недоверие.

- А страна как? Страна, люди тебе нравятся? - не унималась Зиночка.

- Страна интересная. Все страны интересные, везде свои привычки, традиции.

- Сколько ты еще там будешь?

- Год. Потом, может быть, продлят.

- Здорово. А у нас по-старому. Пашка мотается по Союзу. Пишет обо всем на свете. И тех, о ком пишет, обязательно тащит домой. -

Она вдруг перешла на шепот: - Коля и Левушка, например, очень талантливые художники, но никак не могут пробиться. Пашка хочет им помочь. Он сейчас пишет о них статью. Марина тоже художник. Кстати, ее отец очень известный скульптор - Александр Бурганов. Он лауреат, заслуженный и прочее. Ты на выставке скульптуры около Крымского моста был?

- Нет.

- Темнота. Эх ты... А еще у нас сегодня будет Нонешвили.

- А кто это?

Зиночка взвизгнула от удивления.

- Ты не знаешь, кто такая Нонешвили? Певица Евгения Нонешвили.

- Ах, певица. Ну да. Я просто сразу не сообразил, - без энтузиазма отозвался Валерий.

- Ты совсем оторвался от жизни. Немудрено, конечно. У тебя теперь все другое.

В комнату влетел Пашка, держа в руках несколько бутылок вина. За ним семенила его мама - Антонина Петровна, невысокая, полная женщина с добрым лицом и нежненькими, присыпанными сахаром глазками. Завидев Валерия, Антонина Петровна тут же к нему подошла, стала расспрашивать, а затем начала громко и напыщенно расхваливать его, отчего физиономии Коли и Левушки приняли выражение, вполне похожее на выражение лица больного желудком в момент острого приступа.

- Ладно, давайте продолжим умные беседы за столом. Кушать подано, - объявил Паша.

- А где же обещанная знаменитость? - спросила миловидная Наташа, Зиночкина приятельница, о которой Валерий много слышал, но увидел сегодня в первый раз.

- Нонешвили сказала, что, возможно, задержится. Ждать мы ее не будем, потому что я лично хочу есть, кроме того имеются сведения, что остальные товарищи тоже не прочь меня поддержать. Так что, по коням, ребята.

Все с удовольствием уселись за стол, наскоро выпили первый бокал за встречу и энергично принялись за пищу. Молчаливое пережевывание прервал звонок в дверь.

- Кажется, пришла мадам, - буркнул Паша и, резко вскочив со стула, убежал.

- Интересно, - тихонько проговорила Наташа.

Через несколько минут перед гостями предстала темноволосая, стройная женщина, одетая в темную бархатную тунику и такого же цвета облегающие брюки.

Черные большие глаза глядели серьезно и быстро ощупывали

каждого из присутствующих. Руки Нонешвили были все время в движении, длинные, музыкальные пальцы то и дело сжимались и разжимались, будто она разминала их. Из уголков рта выпорхнула и едва заметно промелькнула по розовым щекам приветственная королевская улыбка, обнажавшая ровные белоснежные зубы. Своим обличьем она напоминала красавиц Древнего Египта и Ассирии, насколько мы их себе представляем, она таинственно притягивала, излучала нечто мифическое, уводила в предания ветхой старины, куда-то в эпоху фараонов и пирамид.

- Женечка, знакомься, это мои друзья и все как на подбор молодцы, - громоподобным голосом изрек Паша и негромко добавил: плюс жена Зина и мама Тоня. Присаживайся. Мы как раз только начали.

- Мне нравятся твои друзья, - сказала Нонешвили, плюхнувшись на шикарный мягкий стул с высокой спинкой. - Только бородатых мужиков я не люблю. После них неделю кожа зудит.

Все оторопели. Наташа даже поперхнулась и долго не могла прийти в себя.

- Странно. Многим женщинам нравится, - парировал Левушка.

- А мне нет, - настаивала Нонешвили.

- Интересно, а почему художники непременно носят бороду? - решил сбить напряженность и повернуть разговор в другую сторону Паша.

- Наверное, потому же, почему дипломаты не ходят на приемы в ватниках, - сострил Левушка.

- Интересно, а почему дипломаты не ходят на приемы в ватниках? - дурачился Паша. - Валера, к тебе вопрос. Ты же из нас к дипломатии ближе всех.

- Вероятно, потому не ходят, что боятся залить ватник соусом, - ответил Валерий.

Шутка понравилась. Раздался дружный хохот. Затем последовали традиционные тосты за прекрасных дам и за тех, кто в море. Гости покраснели, повеселели, порезвели. Особую активность проявлял сам хозяин: он беспрестанно что-то рассказывал, кого-то
пародировал и безуспешно пытался затянуть в свою словесную карусель Нонешвили, но та не поддавалась: сидела молча, уставившись в одну точку. Она выглядела усталой, разбитой, опустошенной, погруженной в свои, оторванные от происходящего вокруг мысли и переживания. Лишь временами ее лицо преображалось, оно становилось игривым, кокетливым, надменным, глаза жадно ловили каждый обращенный на нее взгляд. Ей было интересно, как воспринимают, как реагируют, как смотрят на нее эти люди, эта частичка мира, над которым она сумела взлететь.

Перед тортом, прозванным кем-то за что-то "Наполеон", коронным блюдом Антонины Петровны, объявили танцевальный тайм-аут. Валерий незамедлительно воспользовался возможностью и улизнул в соседнюю комнату, где удобно расположился на диванчике с журналом в руках. За последние недели две он сильно утомился от бесконечных встреч, тостов и бесед, но иначе нельзя: слишком уж много было родственников и знакомых, не почтить вниманием которых после приезда из-за рубежа означало бы надолго рассориться с ними. Приходилось таскаться по всей Москве, улыбаться, слушать, а еще больше самому говорить, расспрашивать, кто на ком женился, кто где работает, кто куда уехал и удивляться, почему тетя Марья Степановна не пьет по утрам настой шиповника, как советует соседка, и почему старинный приятель Митяй Белютин не едет отдыхать с дочкой начальника, как советуют друзья. Поэтому именно сейчас в тишине, вне всякого обществами по-настоящему блаженствовал.

- Сидите?

Валерий поднял голову. В дверях стояла Нонешвили.

- Сижу.
- Можно я с вами сяду?
- Садитесь. Только, признаться, я уже собрался домой.
- Как же торт?
- Я думаю, что торт съедят и без меня.
- Можно я с вами пойду?

Валерий усмехнулся.

- Можно. Вам не кажется, что наш коллективный побег будет довольно странно выглядеть со стороны. Что о нас подумают?

- Вам очень важно, что о вас подумают? Мне, например, на это просто наплевать.

- Тогда никаких проблем. Пойдемте.

- Слушайте, давайте уйдем и ни с кем не будем прощаться. Пусть потом ищут, - с детской непосредственностью предложила Нонешвили.

- Это неудобно, - вежливо сказал Валерий.

- Какой вы зануда. Ну я прошу вас как человека, давайте не будем прощаться. Трудно, что ли?

- Ладно,— неуверенно согласился он.

Нонешвили схватила его за руку, и они бесшумно, зачем-то прижимаясь к стене, прокрались к двери и выскочили на улицу. На улице она начала безудержно гоготать.

- Здорово мы их. Ха-ха. Пусть теперь... Были и сплыли.
- Куда пойдем? - прервал Валерий.
- Куда глаза глядят.

- Куда глядят в данный момент ваши глаза?
- На Маяковку... Пойдем на Маяковку.
- Согласен.

Замусоренными дворами, притулившимися у стареньких, неказистых, частью уже покинутых жильцами домиков, они вышли к широкой, хорошо освещенной городской магистрали и медленно побрели по мокрому после дождя тротуару.

- Вы давно знаете Пашу? - спросила Нонешвили.
- Давно. Мы вместе учились в школе.
- А его жену?
- Зина училась в параллельном классе.

- По-моему она дура, эта Зина. За столом говорила какие-то глупости. Хотела я ей выдать, потом решила, черт с тобой... живи.

- Вы не правы. Она хороший человек, добрый. Звезд с неба не хватает, конечно. Но не всем же делать синхрофазотроны и выступать в "Олимпии".

- Хотите меня уесть. Не получится. Я сама кого угодно сожру и не подавлюсь.

- Нисколько в этом не сомневаюсь.

Он тепло улыбнулся.

- Чего хихикаете? Думаете я болтаю? Нет, я не болтаю. Я слишком много заплатила за то, чтобы иметь то, что я имею. Помотаешься десять лет по халтурным ансамблям, по холодным гостиницам с банкой капусты и консервами и будет такая хватка, что о-го-го... любому глотку перегрызешь. Сколько было разных прослушиваний, сколько раз меня пихали, называли дешевкой. Но ничего, привыкла. С пяти лет вкалываю. Учительница Майя Соломоновна клала передо мной, на крышку пианино, десять спичек, и я играла десять раз одно и то же, перекладывая по спичке справа налево. Майя не проверяла, я могла переложить пару спичек, не играя, но никогда это не делала. А на улице солнце, на небе ни облачка. Из окон кричат: "К-о-о-ля, домой! Ма-а-а-ша, обедать!" А ты сидишь, как проклятая и долбишь эти фуги и инвенции Баха. Боже... как тяжело они мне давались.

- Зато сейчас вам многое дается и удается, - сказал Валерий. - Все люди, которые чего-то достигают, пробиваются с большим трудом.

- От этого не легче. Я иногда завидую бабам, которые живут спокойно: ходят на работу, по воскресеньям в кино или парк всей семьей, любят мужа и стирают ему рубашки. Хорошо... А я в семнадцать лет уже гонялась за каждой копейкой, не от жадности, а потому что нужны были деньги. Давала уроки музыки, подрабатывала в клубе, школе, где можно... При такой жизни станешь бойцом, даже если не захочешь. А вы боец?

- Боец. Только стреляю не очень метко. Наверное, из-за

близорукости.

- Шутник, - проговорила Женя задумчиво. - Слушайте, шутник, куда пойдем дальше после Маяковки?

- Не знаю. Вообще-то поздновато, а завтра у меня много дел.

- Хотите убежать? Я вас не отпускаю. Такой вечер, погода теплая, прекрасно... Сейчас бы в море броситься. Вы любите море?

- Люблю. Кто же не любит море?

- Я обожаю. Плохо, что в Москве нет моря. Правда, река тоже ничего. Сейчас бы я согласилась и на реку. Пойдемте купаться.

- Да, для купания время самое подходящее, - ухмыльнулся Валерий и демонстративно посмотрел на часы.

- Какой вы тяжелый, - почти крикнула Нонешвили. - Как вас жена терпит? Но мне без разницы. У меня отличное настроение, и я желаю купаться. Поехали.

- Куда?

- Все равно. Хоть на луну.

- Не знаю, как с купанием на луне, но мы можем поехать к моему отцу на дачу. Река там совсем рядом.

- Вот это другой разговор. Это мне нравится.

Они вышли на дорогу и стали голосовать. Как нарочно, ни одна машина не останавливалась. Нонешвили злилась, нервничала. Наконец, она не выдержала и ринулась наперерез такси с горящим зеленым огоньком, которое на большой скорости неслось вблизи тротуара. Жалобно запели тормоза. Такси чуть не ткнулось в фонарный столб.

- Тебе, что жизнь надоела, - заорал водитель, высунув свою одутловатую физиономию. - Корова, ядрена матрена.

- Поговори у меня, - отрезала Женя. - Сам должен остановиться. Видишь, тебе рукой машут.

- Я в парк. Я работу кончил.

- Ты кончаешь работу в двенадцать, а сейчас половина и повезешь как миленький.

Она открыла заднюю дверцу и залезла в машину. Валерий стоял в нерешительности.

- А ну, выметайся, - приказал таксист. - Ты кто такая, чтоб мной командовать?

- Я - Евгения Нонешвили, а ты кто?

- Скажи еще, что ты Людмила Зыкина, - сказал таксист, но уже гораздо спокойнее и мягче. Он пригляделся повнимательнее и, видно, признал в демонической красавице, захватившей с боем автомобиль, ту самую женщину, чья фотография вот уже два года висит у него на кухне.

- Ладно. Куда везти?

- Сейчас разберемся. Эй, шутник, садись, - обратилась она к Валерию. - И показывай куда ехать.

Такси мчалось, напрягая все свои лошадиные силы, по Рублевскому шоссе. Состояние раздражения и возбуждения, в котором пребывал шофер, передалось и машине: она бешено дергалась и подпрыгивала, словно проверяя на прочность пассажиров. Любая незначительная шероховатость дороги казалась чуть ли не настоящей ямой. Нонешвили естественно не удержалась от замечаний. Таксист огрызался, однако, определенные рамки не переходил. Худо-бедно, но через двадцать пять минут они подкатили по добротному асфальтовому полотну к большим темно-зеленого цвета воротам, венчавшим высокий, на совесть и надолго сработанный забор. Валерий вытащил из солидного бумажника несколько помятую купюру и сунул ее в грязноватую лапу таксиста. Тот недовольно покачал головой:

- Мог бы и набавить за скорость.

Валерий было засуетился, но Женя опередила его.

- Какая тебе еще надбавка, - выплеснула она свое негодование. - Ты же водить не умеешь. Дергаешь руль, как малолетний ребенок, когда его надо одним пальцем держать.

- Ты больно много умеешь, - рассвирепел таксист. - Воешь в микрофон и тыщи за это гребешь, а здесь болтаешься целый день за баранкой и ни шиша.

- Я бы тебе двух копеек в базарный день не дала бы. Ты типичный лентяй и бездельник.

- Пошла вон.

- Ах, пошла вон? Ты попляшешь у меня.

Нонешвили тут же катапультировалась из машины, подскочила к передней дверце и дернула ее так, что таксист едва не вывалился.

- Задом между теми двумя бочками проедешь? - Она указала на две подгнившие деревянные бочки, которые на небольшом расстоянии друг от друга стояли у овражка.

- Что я сбрендил что ли? По темноте задом между какими-то бочками... Да и потом там "Волга" не пройдет.

- Пройдет. И фонарь хорошо освещает. Дай я сяду покажу, как это делается.

- Ты что? Спятила что ли? Машина государственная. Ты ее долбанешь, а мне платить? Нашла дурака.

- На, держи в залог. - Она сняла с пальца кольцо и протянула таксисту. - Да не разглядывай без толку. Кольцо дорогое. На него два года безбедно жить можно. Не люблю эти кольца, сегодня специально для тебя нацепила. Освобождай место.

- Ну, учти, - сказал ошалевший таксист, не отрывая глаз от

кольца, - поломаешь, вдвойне платить заставлю.

- Хоть втройне.

Женя уверенно села за руль, завела мотор, смело развернула автомобиль и начала осторожненько приближаться задним ходом к бочке. На мгновение автомобиль замер, как бегун перед стартом, а затем с ревом рванулся и обогнул сперва одну, потом вторую бочку, с ювелирной точностью вписавшись в маленькое пространство между ними. Валерий, предусмотрительно покинувший такси до автородео, хладнокровно взирал на происходящее. Шофер был потрясен. Его сухие губы бормотали что-то бессвязно-ругательное. Не позволяя зрителям расслабиться, Женя проделала тот же трюк на переднем ходу и подрулила к воротам.

- Забирай свой драндулет и отдавай кольцо.

Таксист разжал кулак. На сероватом блюдце громадной ладони заискрились бриллиантики.

- То-то. - Она взяла кольцо. - И не выпендривайся больше. Профессионал называется.

- Как в канаву не свалилась? Повезло.

- Ничего не повезло. Если я за что-то берусь, то делаю. А халтурщиков и трепачей, вроде тебя, не люблю. Понял за что мне платят?

- Раскудахталась.

Таксист сплюнул и походкой старой, больной, уставшей от жизни лошади подошел к своей желтенькой "Волге"...

У порога роскошной, двухэтажной дачи из желтого кирпича, к которой через строй раскидистых деревьев вели аккуратные дорожки, Нонешвили вдруг заныла.

- Слушай, шутник, может не пойдем в дом, а сразу на реку? Давай не пойдем, а?

- Почему?

- Вдруг твой отец нас выгонит. Сейчас же поздно. Он, наверное, уже спит.

- Нет, он еще не спит. Скорее всего читает. И кроме того мой отец слишком интеллигентен, чтобы кого-то выгнать.

- А кто он у тебя по профессии?

- Чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза. Устраивает?

- Правда, посол?

- Сущая правда.

- С послами я мало общалась.

- Вот и восполните этот пробел.

- Ну, пойдем. Только... знаешь, не называй меня на "вы". А то у меня постоянно ощущение, что я с начальством из Госконцерта

разговариваю, а не с приятелем. Мы же с тобой приятели. Не так ли?

- Безусловно, - улыбнулся Валерий.

Дверь открыл невысокий, седоватый мужчина с гладким, без единой морщинки, молодым лицом. Он тепло поздоровался с сыном и его спутницей, извинился перед Женей за свой чересчур домашний вид, то есть за халат и тапочки, после чего на какое-то время удалился. В гостиную он вошел уже при полном параде: нарядная рубашка, галстук с заколкой, украшенной янтарем, идеально отглаженные брюки.

- Присаживайтесь, друзья мои, - засуетился папа. - Решайте, что будем пить, чем будем закусывать.

- Ты особенно не старайся, мы только что из-за стола, - сказал Валерий.

- Тем не менее пятьдесят граммов хорошего коньяка, мне кажется не помешают.

Он достал из бара бутылочку с внушающей почтение этикеткой, принес откуда-то искусно сплетенную корзину с клубникой, груши размером со страусиные яйца, наконец, диковинный для наших широт фрукт, как утверждал папа, чудо-гибрид арбуза и ананаса, выращенный в далекой азиатской стране. Фрукты произвели впечатление и вызвали аппетит даже у пресытившихся Пашиными угощениями ночных визитеров.

- Евгения. Как вас по батюшке? - спросил папа.

- Ювашевна.

- Евгения Ювашевна, простите за любопытство. Вы у нас дома уже бывали?

- Нет.

- У меня такое чувство, что я вас вижу не в первый раз.

- Отец, ты не ошибся, - вмешался Валерий, - ты видел Евгению Ювашевну много раз, но не у нас дома, а на экране телевизора.

- Так вы Нонешвили... Я сразу заподозрил, но думаю, не может быть... А мой хитрый сынок скрывает, что у него такие знакомства.

- Мы знакомы всего несколько часов, - улыбнулась Женя.

- Тогда беру свои слова обратно. Что ж очень... очень любопытно. Мне приходилось встречаться со многими известными людьми: дипломатами, политиками, учеными, деятелями искусства. Но с популярной певицей впервые.

- Спасибо за комплимент.

- Это не комплимент, это факт. Я ведь отношусь к числу самых ревностных ваших почитателей. Да-да. Не все мне нравится, прямо скажу, не все. Но в общем и целом ваше творчество, конечно, явление и, конечно, шаг вперед, большой шаг вперед. Мы ведь частенько консервативны, любим шаблоны, штампы. Вот вы в своей

области сильно ударили по консерватизму, сумели пойти собственным путем и этим привлекли публику. Ладно, не буду больше утомлять вас своими дилетантскими речами, а то вы просто- напросто заснете.

- Почему? Мне интересно.

- Вам, наверное, приходится выслушивать тысячу мнений. Каждый пятиклассник считает себя вправе судить. Он не станет рассуждать о проблемах управления термоядерным синтезом, ибо не обладает специальными знаниями. Что же касается эстрады, то здесь специалисты все без исключения.

- Это естественно, - сказал Валерий, - раз эстрада - искусство для всех, то все имеют право судить. Эстрада - не научная монография, а букварь. Букварь же в состоянии осилить любой психически нормальный человек.

- Эстрада - не букварь, - вспылила Нонешвили. - Для тех, кто ничего не понимает, это букварь. На самом деле это очень сложно.

- Кто говорит, что просто? Написать хороший букварь не менее сложно, чем написать научную работу. Однако, освоить букварь можно и без всякой подготовки, в отличие от научной работы.

- Друзья мои, - прервал диспут папа, - по-моему, мы слишком углубились и забыли о фруктах и коньяке, а также о том, что уже начался новый день и скоро наступит утро. Посему с вашего разрешения я поднимаю тост за здоровье и процветание очаровательной Евгении Ювашевны, за ее успехи и счастье.

Папа пригубил рюмку и медленно опустил ее на столик.

- Прошу простить, но мне пора. Выбиваться из режима в мои годы, увы, не безопасно. Надеюсь, Евгения Ювашевна, я вас еще увижу, и мы продолжим нашу беседу.

- Конечно.

- И не далее как завтра утром, вернее, сегодня утром, - уточнил Валерий. - Так что, Борис Федорович, у тебя будет возможность изложить свои взгляды на искусство.

-Прекрасно, - сказал Борис Федорович с едва заметным удивлением. - Я вас покидаю. Спокойной ночи.

Папа бодренько двинулся к двери. Как только дверь за ним закрылась, Нонешвили театральным шепотом изрекла:

- Какой у тебя интересный отец!... И красивый. Будь он чуточку помоложе, я бы обязательно вышла за него замуж.

- А почему сейчас поздно? - невозмутимо отреагировал Валерий. - Я могу с ним поговорить на эту тему.

- Поговори. Ты бы тогда стал моим приемным сыном... сынком... сынулей. Ха-ха... Ой, не могу! - Она засмеялась смехом провинциальной дурочки. - А здорово! Я возьму тебя под руку, и все

будут спрашивать: "Евгения Ювашевна, это ваш новый любовник?", а я буду отвечать: "Нет, дорогие мои, не угадали, это мой сын". Ха- ха. Вот умора. А ты, - сказала она тихо, прикоснувшись губами к его щеке, - хотел бы быть моим сыном?

- Мамочка, вы, кажется, собирались пойти на реку.

- А вы не собирались?

- Я, честно говоря, не горю желанием. По-моему стоит отложить это мероприятие до утра.

- Ты хочешь сказать, что я пойду купаться сейчас одна? Ничего себе джентельмен. Привез женщину ночью к себе на дачу и отправляет ее одну на речку. А если на меня нападут хулиганы, **а** если разбойники?

- А может, пираты?

- Может и пираты. Мной все интересуются.

- Ах, ох.

- Что ты ахаешь, что ты охаешь? Подымайся давай и захвати полотенце. Да плавки не забудь, а то я не люблю мужиков без плавок.

В саду Нонешвили начала восторженно прыгать и визжать, словно маленький ребенок, которому строгие родители долго не разрешали выходить из дома и который наконец выбрался на волю. Потом она сбросила босоножки, быстро подхватила их и побежала к забору. У забора она резко остановилась.

- Высокий у тебя забор, сыночек. Подержи-ка французскую обувь, я перелезу.

- По-моему стоит воспользоваться калиткой.

- Чудак, через забор интереснее. А дырки у тебя в заборе нет?

- Увы... нет.

- Не может быть... Мне кажется, у нас, на Руси, нет ни одного забора без дырки... Это же так неинтересно ходить все время через дверь. Давай я сделаю у тебя в заборе дырку. Принеси топор или что-нибудь такое... тяжелое.

- Сейчас темно, по-моему лучше это сделать утром. Тем более я не знаю, где лежит топор.

- Еще мужик называется. Не знает, где у него лежит топор. Ха-ха. А ты дрова когда-нибудь рубил?

- Рубил. Мы идем или не идем?

- Идем-идем. Испугался, что я тебя дрова рубить заставлю? Птенчик мой. Успокойся. Дай я тебя поцелую.

Она чмокнула Валерия в губы и взяла его за руку. Они вышли из вделанной в ворота калитки и петляющей тропинкой стали спускаться к реке. Нонешвили молчала. Валерий и не пытался затеять разговор. По совести говоря, ему очень хотелось спать.

Вскоре они выбрались на берег. Наскоро сбросив экзотическую одежду и не дожидаясь Валерия, который медленно и степенно складывал вещи в пакет, Женя бросилась в речку.

- Красота какая, - закричала она на все Подмосковье, - иди быстрей.

- Сейчас, - отозвался Валерий.

В реку он вошел не сразу. Сначала опустил ногу, сделал несколько шагов и лишь потом окунулся. Неожиданно он почувствовал, что кто-то сзади схватил его за плечи и с невероятной силой толкнул вниз, заставив глотнуть не очень-то вкусной, с приличной примесью песка водицы. Сонливость как рукой сняло. Вынырнув, он услышал дикий хохот Нонешвили.

- Живой... красавчик. Га-га-га, - веселилась Женя и, бросившись вперед, повисла на Валерии.

Он попытался высвободиться, но длинные пальцы держали крепко.

- Ну, обними меня, - прошептали ее вздрагивающие губы.

Они сидели, молча, на берегу. Женя куталась в полотенце и сосредоточенно разглядывала что-то в темноте. Выдержав паузу положенное время, она сказала:

- Слышишь, как лес шумит?

- Слышу, - ответил Валерий.

- Знаешь, а мне кажется, что лес в любую пору года шумит по-разному.

- Нет, не знаю. Расскажи мне об этом.

- А ты разве не чувствуешь? Например, береза зимой и летом - не одно и тоже: с листвой музыка раздольней, веселей, без листвы - строже, суше. А сосны, хотя они всегда зеленые, шумят по-разному. Шум сосен зимой особенный: в нем больше торжества и чистоты. Летом все по-другому. Слышишь, шумят сосны? Летит верховой ветер, и вот уже понеслась мелодия, понеслась широко, просторно. Она родилась в самых вершинах, легко и трепетно прошла и умолкла в отдалении. Потом пауза и эту волну сменила другая волна. Вот она накатывается, рвется разгонисто, широко. Мне очень хорошо почему-то от шума сосен. А тебе?

- Мне тоже.

- Врешь ты все. Я по глазам вижу. Ладно, пойдем, надеюсь, в твоем большом доме для меня найдется место.

Валерий поднялся.

- Тебе будет предложено несколько мест на выбор.

- Ой-ой, разбежался. Учти, с тобой я не лягу. А то папа примет меня за неизвестно кого, на самом же деле, я барышня конфузливая.

Она запрыгала на одной ножке.

- Я великая актриса и совсем не обязана с каждым встречным-поперечным. "Ой, вы встречные-поперечные, тараканы, сверчки запечные". Откуда это? Не знаешь? Есенин. Темнота ты, понял? Еще интеллигента из себя строишь.

- Великая актриса, ты долго еще собираешься трепаться?

- Тебе какое дело? Может и долго.

- Тогда придется принять меры.

Валерий, не спеша, подошел к Жене и неожиданно, ловким и быстрым движением взвалил ее на спину.

Она взвизгнула.

- Отпусти, чудак, а то сломаешь себе что-нибудь. Я же не Максимова, во мне не сорок килограмм.

- Лучше помолчи, не то в реке утоплю.

На лужайке возле дома за легким изящным столиком Женя, Валерий, папа пили утренний чай. Папа энергично интервьюировал Женю. Его интересовало решительно все: как большая певица подбирает музыкантов, сколько ей платят, сколько длятся репетиции, трудно ли сниматься на телевидении? Нонешвили отвечала охотно, с удовольствием. Валерий почтительно хранил молчание, хотя по лицу было видно, что излишнее любопытство родителя ему не нравилось. Наконец, когда папа поведал о том, что он сочиняет стихи, Валерий не выдержал.

- Отец, ну причем тут твои стихи?

- Как причем? Я просто люблю писать стихи и в молодости даже публиковался. Я же одно время работал в газете. Потом попал на дипломатическую работу, и литературные занятия остались за бортом. А, честно говоря, жаль.

- Еще не поздно это исправить, - улыбнулась Нонешвили.

- Что вы, поздно. В моем-то возрасте... Вот кому надо за ум взяться, - папа кивнул на Валерия. - Всегда говорил ему: литература - это по большому счету, а то, чем он занимается - писульки и не больше. Престижно, конечно, быть корреспондентом центральной газеты за границей, но на статейках нельзя останавливаться. Необходимо расти, идти дальше. Недавно прочитал его сообщение: "Министр иностранных дел попал в автокатастрофу и несколько дней выполнять свои служебные обязанности не сможет". Сообщение, конечно, важное, но не до седых же волос писать такие сводки человеку с блестящими способностями. Оттачивай перо и уходи потом в литературу.

- Почему я должен обязательно стать писателем?

- Потому, что у тебя есть способности.

- Нет у меня никаких способностей.

- Ты лентяй, мой дорогой сын, и никуда не стремишься. Но ничего, пройдет время, и ты вспомнишь мои слова. Хорошо написанная книга живет долго, гораздо дольше, чем ее автор. А статейки, как правило, умирают равно тогда, когда их напечатают, иногда чуть позже.

- Но ведь они нужны людям.

- Нужны, конечно. Людям все нужно, - вздохнул папа.

- А о чем вы пишете стихи? - вовремя перебила Нонешвили.

- По-разному. В зависимости от настроения. Иногда даже пробую сочинять на английском.

- На английском? Интересно... Вы так хорошо знаете английский?

- Со временем Борис Федорович начнет сочинять на санскрите или латинском, - съязвил Валерий.

- Некоторые небось не умеют двух строчек на русском срифмовать, а выступают больше всех. Зависть, подлая, съедает, - выпалила Женя.

- Правильно. Так его, - засмеялся Борис Федорович. - Наконец- то у меня появился союзник. А то матушка вечно защищает свое дитятко, а я остаюсь в меньшинстве. Сейчас мы с Евгенией Ювашевной в два голоса тебя перевоспитаем.

- Лучше спойте в два голоса, - с иронией сказал Валерий. - Литературно-музыкальная композиция. Известный поэт, второй по значимости после Шекспира прочтет свои вирши, а известная певица исполнит свои песни.

- Я спою, - закричала Нонешвили. - А вы, прочтите, пожалуйста, стихи на английском. Мы ему докажем.

- Что ж, как-нибудь, я надеюсь, мы организуем нечто подобное, - величаво произнес папа.

- Давайте сейчас. Что откладывать, - предложила Нонешвили.

- Сейчас не получится. Я, признаться, не готов. Тут надо основательно подготовиться.

- Ну, я вас очень прошу. Очень-очень, - заскулила Женя. - Ну, прочитайте на английском. Это так интересно. Хотите, я на колени перед вами встану. Хотите?

- Что вы, что вы... Если такой интерес, я, конечно, прочитаю. Ой, спасибо.

Женя подскочила к папе и поцеловала его. Тот растерялся и не знал, что сказать. Затем, когда легкий шок прошел, Борис Федорович несмело начал декламировать. Звуки лились гладко, ровно. Дикция у папы была хорошая, поэтому отчетливо слышались каждое слово, каждый слог.

Joy and Sadness have mixed up my brains.
I don’t know what thing dominates,
But know clearly that I’ll go mad If the world
keeps on to thrashmy head.

Wild tornados run around the Earth,
Winds and thunderstorms come from the North,
Madly dancing multicolored rings - My mind is
filled with no-matt’ ring things.

Darkness, flashes - spins the crazy wheel.
Strongest, brightest feelings one can feel No more
push my head from good to worse - Open
sparkling depths of Universe.

Радость и печаль перемешали мне мозги.
Не знаю, что сильнее,
Но знаю точно, что сойду с ума,
Если мир не перестанет сотрясать мою голову.

Дикие ураганы облетают Землю.
Ветры и грозы приходят с Севера.
В сумасшедшем танце мелькают разноцветные круги.
Мой ум наполнен совсем не важными вещами.

Тьма и вспышки - вращается сумасшедшее колесо.
Сильнейшие, ярчайшие чувства, какие только
можно пережить,
Не бросайте больше ум от хорошего к плохому,
Откройте сверкающие глубины Вселенной.

Борис Федорович умолк.

- Здорово, - всплеснула руками Нонешвили. - Правда, я ни одного слова не поняла, но здорово. Жалко, я языков не знаю. Еще прочитайте, а?

Папа на мгновение задумался.

- Стихотворение, которое я написал давным-давно. Названия нет.

Come to the ring
Where the witches play the Moon/ See
wonder thing That appears very soon:
Beeming behind
Comes the shining of the star -
Marvelous thing
Makes forget all where you are/
Flowers of Night
Turn' to women that you love
'will make you pray
For the starlight from above,
Tender and warm -
It's eternal fantasy
Wonders of Night
and a looming trace of Me.

Ступи в тот круг,
Где ведьмы играют с луной,
Увидишь чудо,
Которое вскоре настанет.
Сияя за твоей спиной,
Восходит лучистая звезда.
Это заставит тебя забыть обо всем.
Цветы ночи превратятся в женщин,
Любимых тобой,
Заставят молиться звездному свету,
Льющемуся с высоты,
Нежному и теплому.
Это вечная фантазия.

- Браво, - пролепетала Женя и захлопала, правда, без былой восторженности. Отчего-то она потускнела.

- Теперь очередь за вами, - объявил папа. - Просим актрису на сцену.

- Да-да... моя очередь, - рассеянно, глупо улыбаясь, отвечала актриса.

Песня, которую запела Нонешвили, была слушателям незнакома. Тем интереснее воспринималась. Больше всего Валерия поразили слова: грустные, выразительные, неожиданные. Мотив осторожно

ассистировал тексту. "Я не таюсь, я только лишь хочу себе быть верной в этой вере сильной". Откуда строки? Он не припоминал, но веяло чем-то бесконечно близким. Конечно, классики, однако кто именно?

Пока Валерий размышлял о поэтических первоисточниках, мадам выступление закончила и без поклонов, паузы, заигрывания с немногочисленной публикой, вскочила, сказав командирским тоном:

- Все. Пойду. Спасибо. Проводите меня.

Последнее указание относилось, естественно, к сыну.

- Посидите еще, если время позволяет. Очень рано вы нас покидаете, - забеспокоился Борис Федорович, теряясь в догадках относительно причин столь стремительного бегства. Ему грешным делом казалось, что знаменитость что-то обидело или расстроило.

- Пойду. Извините. И так заморочила вам голову. В следующий раз мы устроим вместе целый концерт. Соберем все окрестные поселки. Будет гениально.

- На день работника сельского хозяйства, - легонько подколол Валерий.

- На день милиции, - передразнила Женя.

- Подождите, я сейчас организую машину, - торжественно изрек папа.

- Не надо. Я доберусь. Счастливо.

Проводы прошли тепло и трогательно. Борис Федорович принес охапку цветов и забавные заморские сувениры. Нонешвили облобызала его, страстно обещала приезжать, дружить, уважать, **не** забывать до гроба. Наконец гостья с провожающими вышли за забор и двинулись пешочком вдоль дороги. Женя цепко, с чувством, словно грудного ребенка, держала букет, невзирая на доставляемые им неудобства. Взвалить цветы на кавалера она принципиально **не** желала.

- Сыночек, почему ты не спрашиваешь, замужем ли я? - нарушила тишину Нонешвили.

- А почему я, собственно, обязан спрашивать?

- Просто. Ведь это интересно.

- Ну, ладно. Вы замужем?

- Какое тебе дело? Рассказывай каждому, а он будет слухи распускать. Ну, ладно... Одолжение сделал. Пижон... Ты не обижайся. Это я так... для острастки.

Она приблизилась к автобусной остановке, в тот самый почти исторический момент, когда туда, откуда ни возьмись, подрулил автобус.

- Поехали, - приказала Женя.

- Разве ты не на машине?

- Какая разница? Неважно. Покатаемся.

Они лихо впрыгнули и уселись на места в середине изрядно загаженного салона.

- Любишь кататься, сыночек? Я люблю. На авто, конечно, быстрее, но в трамвае и на метро любопытнее. Лица, лица, лица. Где увидишь столько лиц? Причем разных, отовсюду. Детей, взрослых, ученых, неучей, артистов, жуликов, антикварных бабушек, смешных дедушек, испуганных приезжих. То-то. Только к чему я про это? Тебе ведь плевать. Ты, наверное, вечно за рулем. Возишь жену на дачу и к теще. Вокруг никого не видишь. Твой отец пишет стихи, а ты смеешься над ним. Зачем лирика? Правда? Тертая морковка куда полезнее.

- За что ты меня ненавидишь?

- От ненависти до любви один шаг.

Она улыбнулась.

Пока собеседники обменивались любезностями в автобусе наметилась заваруха. Повод более чем банальный - непочтительность молодежи. Началось с ерунды. Вошла пожилая парочка - мужичок с заплывшими глазами и красной ряхой и толстенная бабонька, которую можно охарактеризовать словами поэта: "Хороша была Танюша, краше не было в селе". Бабонька сумела быстренько плюхнуться на сиденье, мужику помешала последовать примеру жены девчонка лет четырнадцати. Представитель старшего поколения завелся. Девчонка восседала на троне и равнодушно созерцала в окне пейзаж. Мужик воспалился не на шутку. В интеллектуальную дискуссию о формах и методах воспитания вступили почти все пассажиры. "Безобразие, - кричали одни, - не уступать пожилому человеку! Распустились". "Они тоже устают, - кричали другие. - Уступать надо только инвалидам и беременным". "Рейсы надо делать чаще, тогда стычек не будет, - ныли разумные третьи."

Нонешвили внимательно следила за развитием событий.

- Пора прикрывать этот базар. Иначе подерутся, - констатировала она.

- Мне кажется, вмешиваться не стоит. Пускай сами разбираются, - проявил осторожность Валерий.

- Нет. Я обожаю балаганы. Я же девица из балагана. Эй... дядя, - заорала Женя зачинщику.

Публика притихла. Мужик проглотил язык. Его жена закрутила головой в надежде усечь, кто назвал благоверного дядей.

- Дядя... Чем ты недоволен? Зад негде притулить? Иди ко мне на коленки. Или я к тебе на коленки. Не пожалеешь. Иди. А то совсем замучился.

При этом она широко расставила ноги и водила продолговатыми ладонями по бриджам. Народ заржал со страшной силой. Бунтовщик опешил и надолго лишился дара речи. Инцидент перешел из серьезной плоскости в шутейную. К тому же, Нонешвили узнали (если внешность порой обманчива, то голос не врет) и стали бесцеремонно изучать. Не дожидаясь, когда начнут трогать руками, знаменитость на очередной остановке сбежала, вытянув за собой Валерия.

- Куда мы попали? - занервничал он.

- Не имеет значения. От Одессы все равно далеко — до Москвы близко. Здесь мы с тобой и расстанемся. Я брошу тебя, как котенка. Я вообще такая, поиграю и брошу. Не связывайся со мной. Вот машина, сейчас я ее заарканю.

Она голоснула. "Жигуленок" остановился.

- В столицу, на улицу Горького. Гонораром не обижу.

Водитель молча кивнул.

- До свидания, сынок. Веди себя хорошо, слушай взрослых. Не пижонь. Ах, да, забыла. Телефончик черкни.

Женя вынула из сумки записную книжку и ручку. Валерий спокойно отыскал нужную букву и каллиграфически вывел координаты. При этом его невозмутимость приближалась где-то к ста процентам. Нонешвили буквально вырвала книжку из рук.

- Ага, по чистописанию пятерка. По поведению тоже. А я между прочим круглая двоечница, и почерк у меня отвратительный. Поэтому своего телефона я тебе не дам. Перебьешься.

- Короче, ты едешь или нет? - оборвал Валерий.

- Еду, - гаркнула она, показала язык и шлепнула дверцей.

"Жигуль" тронулся, Нонешвили обернулась к застывшему придорожным столбом знакомому и строила ему рожи, покуда он не исчез из зоны видимости. Тот еще постоял минуты три-четыре в нерешительности, да и пошел спортивной ходьбой восвояси. Аккурат к вечеру после хорошей, чрезвычайно полезной для здоровья, пешей прогулки он пил с отцом полезнейший индийский чай и ел богатые витаминами фрукты.

Проехав мост, Валерий повернул направо, спустился к набереж- ной. Автомобиль припарковал прямо у входа. Предусмотрительно сняв дворники и зеркальце (чтобы прохожие не умыкнули на память), направился к двери. Пароль "К Нонешвили по пригла- шению" произвел впечатление. Вахтерша аж привстала и проводила пришельца изучающим взглядом. Валерий улыбнулся, вспомнив, как Женя жужжала в трубку: "Пусть попробуют пикнуть! Убью! Кто ко мне лично, те вездеходы. Остальных железно не пускают".

В зале царила суета. Заканчивались последние приготовления к репетиции. Нонешвили, словно дрессировщица в цирке, гоняла подопечных по кругу. Ребята, часть которых по качеству загривков не уступала львам, старательно исполняли. Неясно, что ими двигало - тяга к лакомствам или угроза плетки (скорее всего и то, и другое), но прилежание было образцовым, дисциплина железной. Моноцентризм этого микромира, обосновавшегося под сводами несовременного, довольно мрачного с виду здания сразу бросался в глаза.

Начальница заметила скромного Валерия и демонстративно, парадно, по-маршальски направилась к нему. Поцелуйчик в щеку свидетельствовал о высочайшем расположении.

- Привет. Как я тебе сегодня нравлюсь?

- Потрясающе, - тихо сказал он, - особенно юбочка. Уверен, никто не останется равнодушным.

Нонешвили была в мини и очень стройные ножки выставлялись на всеобщее обозрение.

- Когда я училась в школе, меня однажды вызвала директриса и спросила: "Почему ты ходишь в коротком платье?" Знаешь, что я ответила?

- Что?

- Я хожу в коротком платье, потому что я молодая. - И без всякого перехода бросила: - Сядь пока, полюбуйся на нашу кухню. Потом поболтаем.

Мадам снова погрузилась в решение вопросов организации и обеспечения. Щупленький парнишка протянул ей пачку фотографий. Женя перетасовала их и с раздражением швырнула щуплому под ноги.

- Халтура! Безобразие, Коля.

- Почему? - дернулся Коля.

- Я тебе деньги плачу. Изволь пораскинуть мозгами. Изображение должно говорить, выражать. Должно быть ясно, на кого я гляжу: на жениха или на колбасу. Сегодня будешь щелкать до потери пульса, завтра утром принесешь. Кстати, где фото с розами?

- Пока не готово. Мастер не успел.

- Бездельник ты и твой мастер. Будете еще бодягу тянуть и халтурить, пошлю к чертовой матери. Понял?

- Понял, - еле сдержался парень.

Постепенно, шаг за шагом повестка дня исчерпывалась. Нонешвили вроде утихомирилась, затем вдруг что-то припомнила.

- Где Игорь? - резко спросила она сподвижников.

- Он звонил, - последовал ответ. - Прийти не сможет. Сына в пионерлагерь отвозит.

- Сына отвозит? Я ему устрою. Пришибу. Он у меня вообще с сыном больше не встретится. Подлиза несчастный. Рифмоплет. "Лежала птичка на лугу, подкралась к ней корова, схватила птичку за ногу и птичка будь здорова". "На углу стоит аптека, любовь губит человека". Его стихи я в первом классе писала. Передай, чтоб на пушечный выстрел к нам не приближался. Таланта нет, хоть четкостью и усидчивостью отличись. Договорились, исполни. Это не свидание, а работа. Ладно, надоело. Поехали, ребята.

Наконец они поехали. Песни, которые услышал Валерий были совершенно новыми. Часть из них ему понравилась, часть - не особенно. Вообще музыкой он интересовался мало, среди стилей различал два: "хороший" и "плохой". Истоки таких прохладных взаимоотношений с замечательным видом искусства лежали в извечных конфликтах с учительницей музыки еще в детстве, в патологической неприязни к черному "гробу" с клавишами, занимавшему угол гостиной. Модные шлягеры, увлечение гитарами, бардами, пластинками, кассетами прошли мимо него. Дома к стереосистеме Валерий практически не прикасался, роль диск-жокея исполняла жена. Однако, при всей нетрепетности к музыке, эстраде, року, попу и прочим выдумкам, сегодняшнее зрелище захватило его. Прежде всего тем, что каждая песенка делалась, именно делалась по определенному сценарию. Жесты, повороты, прыжки, легкий танец Женя отрабатывала в зависимости от текста и мелодии. Причем сценарий был рассчитан не только на нее, а на команду целиком. Всяк игрок разучивал свой маневр под жесткую диктовку Нонешвили. Роботы получали детальную программу, усваивали и крутили ее до окончательного морального и физического износа. Стихи, надо сказать, характеризовались содержательностью и оригинальностью, давали возможность разыгрывать сценки, шутить, вплести цирковые трюки, завязать диалог с залом. Попавший в опалу поэт Игорь сказался на деле далеко не бездарем, Женя в горячке явно исказила правду. Просто она понервничала.

Репетиция походила на марафонский бег. Валерий устал, даже голова закружилась. Одно и то же повторялось по сто раз, пока не появлялся автоматизм. Сильно долбали по психике надрывные указания начальницы, ее весьма непарламентаристские выражения и комментарии. Наконец, общая чаша терпения переполнилась. В сердцах вспотевших музыкантов тихо, без внешних признаков зрел бунт. Еще немного, они наверняка бросились бы на мучительницу, которая, по чести говоря, сама теряла последние силы.

- Ладно, на сегодня хватит. Расслабьтесь, - раздался долгожданный приказ. - Только здесь не курить. Мне можно, мне директор разрешил.

Фотограф Коля подобострастно угостил ее сигареткой. Нонешвили напустила дыма, для профилактики пожурила Колю. Потом сурово спросила Валерия:

- Как?

- Ничего.

- Ничего бывает женская фигура. Отвечай честно, без вранья. Хотя... Дуракам и начальству полработы не показывают.

- К какой категории ты относишь меня?

- Если я тебе показываю полработы, значит ты не дурак и не начальник, а некто третий.

- К сожалению, третий всегда лишний.

- Ты из других третьих. Из нелишних. Пойдем в мою комнату.

Извилистыми путями она проконвоировала его в свою уборную. Шумно хлопнула дверью, извлекла из тумбочки чашки и термос. Кто-то из ее мальчиков робко постучал, попросил аудиенции. Женя, не вставая со стула, послала просителя и, судя по всему, он пошел.

- Надоели. Без меня допетрить не могут. Совсем поглупели. Разве с ними выдашь качество?

- По-моему, качество есть.

- Не то, пока не то. Понимаешь, сейчас мало петь и мало грамотно, хорошо петь. Даже голос не главное. Это раньше ходили на голоса. Теперь ходят на зрелище. Нужна феерия, сказка, пьеса, понимаешь.

- Хлеба и зрелищ. Хлеб пекут на заводе, зрелищами снабжает Евгения Ювашевна.

- Какой ты сноб! Боже мой... Да, снабжаю и этим горжусь. Конечно, лучше записаться в непризнанные гении, выступать в сельпо во время перерыва и надеяться, что через пятьдесят лет после смерти тебя назовут великим. Я, мол, высокое искусство творю, не сразу его оценят, а вот дешевка Нонешвили: работает на потребу публики, поэтому о ней знают, обо мне нет. Так? Я плюю на такую философию. Не верю в загробную жизнь, мне подавай сегодня, сию минуту, сию секунду. И мой спектакль - не развлекуха под пиво с креветками. Понял?

- Целиком и полностью, - кинулся прочь от дискуссии Валерий.

- Зря я тебя позвала. Впрочем, жалеть о чем-то - признак слабохарактерности. А я не слабохарактерная.

- О, присутствие характера мы успели заметить.

В дверь опять постучали. Женя превратилась в разъяренную львицу.

- Если Славка, то в стране станет на одного зануду меньше.

Но это был не Славка, а худощавый седой мужчина в очках с толстыми стеклами.

- Здравствуйте, Женюра, - виновато сказал мужчина. - Вы меня узнаете?

- Нет, - отрезала она.

- Я - Виктор Павлович Рогов. Извините, что без предупреждения.

Договорить визитер не успел. Нонешвили бросилась ему на шею и обсыпала опешившего старика поцелуями, будто он муж, вернувшийся с фронта, а она - проплакавшая все подушки жена, и происходит встреча не в артистической уборной в восьмидесятые годы, а на бурлящем вокзале в сорок пятом.

- Ой, Виктор Павлович, ну как же! Я сразу узнала.

- Идут годы. Стареем, - бормотал растерянно Рогов.

За экзальтацией и междометиями последовала сердечная беседа. Знаменитость поила гостя кофе, суетилась вокруг него, как директор магазина вокруг ревизора. Чуть ли не пылинки сдувала с его старомодного пиджачка.

- Рассказывайте, Виктор Павлович. Где вы? Что вы? Почему не появлялись так долго?

- Я уже на пенсии. Где мне появляться! Вам, Женюра, звонил и не раз. Не заставал. Вас ведь не поймать.

- Да, я дома почти не бываю. Ой, как здорово, что вы нашли меня. Отныне не растеряемся. Правда, не растеряемся?

Из последующего трепа Валерий выяснил, что Виктор Павлович Рогов в бытность главным редактором отдела сатиры и юмора Всесоюзного радио "открыл" Нонешвили и выпустил ее в большой эфир. Это было довольно давно, а ничто так не нежит душу, как далекие приятные воспоминания, слегка, естественно, романтизированные и идеализированные. Вечер мемуаров увенчался страстными чмоканьями вперемешку с клятвами в вечной дружбе. Одновременно Валерий получил четкую инструкцию:

- Доставишь Виктора Павловича домой. Ты ведь на машине? Или нет?

Последняя фраза представляла собой нечто среднее между вопросом и восклицанием.

- Я на машине. Виктора Павловича домой доставлю, - лаконично ответил Валерий.

- Не обижайся. Я не смогу провести с тобой вечер. Мне надо остаться одной.

- Хорошо. Как раз успею отпустить плиточника.

- Какого еще плиточника?

- У меня плиточник ванну облицовывает. Мы с ним договорились, что до моего прихода он будет верно сторожить квартиру, даже если закончит рано.

- Ну и вали к своему плиточнику.

Нонешвили изъяснилась бы поярче, но присутствие Виктора Павловича сдерживало. Валерий точно рассчитал: пилюля с плиточником оказалась для Жени горьковатой и явилась достойной платой за дерзкое обращение. Вечер с ней и облицовщик ванны! Такого оскорбления буйная натура избалованной почестями актрисы не снесла.

Дорогой к больнице МПС, около которой проживал экс-редактор отдела сатиры и юмора, всплывали детали первого этапа творческой биографии Нонешвили.

- Мне представили девочку, - рассказывал Рогов. - Женюра понравилась манерой поведения, какой-то не по возрасту умной головой, оригинальностью и уверенностью, колоссальной уверенностью в себе. Я стал расспрашивать, кто она, что она. Ассирийка, родом с кубанского хутора.

- Разве она не грузинка?

- Нет. Нонешвили - фамилия мужа. Мне показалось, что живет она трудно, семья не очень обеспеченная. Студентка, большую часть времени занята приработками игрой на фортепиано.

Виктор Павлович взял паузу. Выдержав ее, продолжил:

- Записывали тогда в студиях десятого и одиннадцатого этажей дома на Пятницкой, по ночам, поскольку днем студии были загружены. Она не знала, что такое фонограмма, пришлось объяснять. Получала мало. "Бесставочная" певица. За запись мы ей платили по максимуму - две ставки по пять рублей. А ведь нужно готовить, учить, потеть ночь в студии! Но если она на это шла, то значит рвалась. Да и десятка для Женюры тогда, видимо, была весьма ценна. Вы, простите, давно с ней знакомы? - вдруг отклонился от заданной темы Рогов.

- Несколько дней, - честно признался Валерий.

Виктор Павлович улыбнулся.

- В этом случае вам предстоит прочитать увлекательную книгу. Она безумно интересная личность. Когда-то я приглашал Женюру к себе на вечеринки. Вы не поверите, молоденькая девушка притягивала солидных, пожилых, очень глубоких людей, причем притягивала не кокетством, не внешностью, а своим внутренним "я", своим миром. Вы, простите, по профессии музыкант? - снова высказал любопытство Виктор Павлович.

- Нет, журналист.

- Журналист. Замечательно. Пишите о ней. Если бы я достаточно владел пером, я непременно бы писал.

- Значит, сначала прочитать книгу, а затем изложить ее на бумаге. Я правильно разобрался в вашей рекомендации? - культурно съязвил Валерий.

Рогова колкость задела.

- Напрасно иронизируете. Я от чистого сердца. Вот так же иронизировали некоторые ответственные, а, вернее, безответственные лица, когда я отстаивал Нонешвили с ее причудами. К сожалению, не только иронизировали, но и ногами топтали, и кулаком по столу стучали. Топот и стук прошли, а она стоит на сцене, крепко стоит. Выпустите меня вон у той башни.

Машина подрулила прямо к подъезду.

- Спасибо вам. А то добираться неблизко. На личном транспорте сейчас не езжу. Давление беспокоит. К тому же, сын мою старую "Волгу" забрал. Ему нужнее. Мы так уж... по-стариковски. Еще раз спасибо.

- Не за что.

- А над моими рассуждениями не смейтесь. Это серьезно, как серьезно все, что с ней связано. Постарайтесь вникнуть. Вы, я вижу, человек не пустой. Хотите совет?

- Да.

- Делите ее слова и поступки на шестнадцать.

- Почему на шестнадцать и почему делить?

- Комментариев не даю. Выдал секрет, а вы уж сами... До свидания. Надеюсь увидимся.

Рогов, кряхтя, вылез из авто.

"Странный дед, - подумал Валерий. - Говорит исключительно загадками. Впрочем бог с ним. Надо торопиться. Гаврилыч там, наверное, рвет и мечет".

Гаврилыч - тот самый легендарный плиточник, который действительно находился на ударной вахте в ванной и до прихода хозяина не смел уходить. Гаврилыч был свой мужик, очень порядочный, умелый, непьющий. Таких стоит уважать и ни в коем случае не злить. Иначе он плюнет, и пропала голубая мечта о голубой ванне к возвращению жены с курорта. Поэтому Валерий торопился.

Хозяин шуровал пылесосом. Он ждал гостью. Нонешвили обещала нагрянуть в течение получаса. Ее неофициальный визит совершенно не вписывался в планы Валерия. Завтра на Курском вокзале он должен был встретить жену с дочкой, соответственно, накануне привести изрядно запущенную квартиру в полный порядок, отдохнуть. Иначе нельзя. Дом есть дом. Порядок есть порядок. Эти две не новые по сути истины впитались в каждую клетку его организма, наверное, сразу после рождения. Поздравления, подарки родственникам и друзьям в связи с юбилеями, праздниками, служебными успехами, причем безо всяких изъятий: всем родственникам, дальним и близким, всем друзьям, старым, новым,

забытым и полузабытым (естественно, существовали записи: полагаться только на память нерационально), цветы женщинам (маме, жене, теще), обязательное участие в семейных торжествах: Новый год в узком, стабильном кругу - таковы традиции, которым он никогда не изменял.

Женя напросилась бесцеремонно в явно неподходящий момент. Валерий собирался поехать в оранжерею, чтобы выкупить через знакомого пяток роз пошикарнее для супруги. Но отказать знаменитости он все же не решился, счел это неудобным. "Выпьем кофейку, убью минут девяносто, не больше".

Нонешвили ворвалась шумная, сумбурная, нервно-веселая. Ощущалось воздействие винных паров. Вихрем пронесшись по коридору, она заключила:

- Ты мещанин, сынуля. Отпетый мещанин. Как у тебя гладенько, чистенько, тьфу, аж противно. Даже физиономия до синевы выбрита. Ужас.

- Вы же говорили в памятный вечер у Паши, что небритых мужчин не выносите.

- Еще раз назовешь меня на "вы", пристукну чем-нибудь тяжелым. Паша! Ха-ха-ха! Смешной он Паша. Да, тогда я не выносила небритых, а сейчас наоборот. Обожаю их!

- Понятно, с завтрашнего дня отпускаю бороду.

- Бороду? Представляю. Вот умора! Ты с бородой. Ой, держите меня, - она повалилась на диван, - сынуля с мочалкой. Отлично! Я этой мочалкой сапоги вытирать буду. Ха-ха.

- Чудесная перспектива. Я прыгаю от счастья. Однако, отбросим данный сюжет, перейдем к делу. Кофе, чай?

- Коньяк.

- Ты сегодня целый день пьешь коньяк?

- Почти.

- Заметно. Я думаю, спиртное мы отложим до лучших времен. Сосредоточимся на кофе.

- Пошел ты к черту со своим кофе. Хочу коньяк. Изволь исполнить. Приглашаешь меня, барышню конфузливую, на пустую фатеру и соблазняешь чашкой кофе. Коньяк, никаких гвоздей!

- Пошла ты, - прикрикнул Валерий.

- О, наконец-то, характер проявил. Мальчик-одуванчик. Ладно, тащи банку, будем травиться иноземным пойлом.

Вскоре Женя посерьезнела, сняла маску капризной дуры.

- Я прогнала недавно одного человека, совсем прогнала. Он украл у меня бутылку виски из бара. Представляешь, украл.

- Он алкоголик?

- Нет. Просто подонок. Попроси, дам десять бутылок. Не жалко.

Но красть. Столько сделала для него. И вот благодарность. Ненавижу подлецов.

- Лично я ничему не удивляюсь. У меня такие казусы случались, такие подножки ставились.

- А я удивляюсь. Всегда буду удивляться. Откуда берутся гадости. И сквозь пальцы смотреть не буду. По башке лупить надо. Конечно, бутылка - мелочь. Неприятная, но мелочь. Мне гадости крупнее подкидывают.

- Не наводи тоску.

- Действительно, как за стол, так про дерьмо. Слушай, я голодная. Накорми девушку.

- К сожалению, еда имеется только в виде полуфабрикатов и сырья.

- Прекрасно, я приготовлю. Вываливай припасы.

"Этого еще не хватало, - подумал Валерий. - Кажется, она не собирается уходить. Придется рубить открытым текстом".

- Я тороплюсь, - сообщил он. - Кулинарное искусство продемонстрируешь в другой раз. Завтра приезжает жена с дочкой. Мне их встречать, а до этого массу дел прокрутить.

- А чем ты кормить будешь жену с дочкой? Сразу прислонишь бабу к станку стряпать? Хорош, гусь. Давай приготовлю. Я замечательная повариха. Недаром в кафе в Тбилиси работала.

"А что... в общем неплохая идея. Используем энергию в мирных целях, - сообразил Валерий. - Правда, цветы накроются. Ничего, рано утром смотаюсь".

Досконально изучив наличные товарные ресурсы, Женя приступила к общественно полезному труду. Валерий был задействован в качестве неквалифицированной, дешевой рабочей силы. В течение всей кухонной операции Нонешвили испытывала прилив настроения, чувств и, соответственно, слов.

- Осетинский пирог. Мечта, сказка. Ел когда-нибудь?

- Вроде ел.

- Вроде... Если бы ты ел, то не строил бы кислой рожи. Так... курицу мы делаем в духовке и на соли.

- На соли? Это как?

- Увидишь. Достань-ка соль. Да побольше... Не жадничай. Гони пачку. Слушай, забыла спросить, ты доставил Виктора Павловича?

- В лучшем виде. Прямо к двери.

- Молодец... Постарел он. Представляешь, ради меня специально приехал. Узнал, что репетирую и приехал. Я стерва. Ни разу за несколько лет не звонила, не навещала. Сволочно мы живем. Когда что-то надо, увиваемся, когда не надо, забываем. Он был редактором, я не вылезала от него, ушел - и я исчезла. Что Рогов подумал обо мне?

Валерий уже открыл рот, чтобы пересказать разговор в машине, но мадам устремилась мыслями в сторону.

- Как тебе понравился Виктор Павлович? Правда, интеллигент? Настоящий, идейный. Я мало встречала интеллигентов. Твой отец - интеллигент... прелесть. А ты нет.

- Позволю себе не согласиться, - заявил Валерий.

- Интеллигентность - не бумажка об образовании, интеллигентность - культура души. Виктор никогда не ругнется не потому, что за ругань осудят или выбросят с должности, а потому, что ему это противно, неприятно. Он не обидит ближнего не потому, что ближний - зять начальника главка, а потому, что ближний - человек. Ты соблюдаешь правила поведения в силу привычки, привитой благородными родителями, но не по убеждению.

- А вы в силу чего?

- Опять "вы"... Предупреждала же... Я вообще не соблюдаю правила. Я хулиганка, пацанка. Что с меня взять? В институте благородных девиц не училась.

Валерий измучился. Байки и басни надоели ему. Хотелось быстро сменить пищу духовную на пищу натурально-вещественную. Вскоре смена свершилась. Осетинский пирог, салаты, вкусно пожаренный картофель резко способствовали повышению жизненного тонуса. "Ничего, соображает по этой части красотка", - констатировал Валерий.

- Масло бери, - руководила Женя. - Пирог без масла как кобыла без хвоста. Майонеза ты для салата явно пожалел. Жмот несчастный.

- Я показывал. Ты сказала достаточно, - придурился подсобный рабочий.

- Мало ли, что я сказала. Сам шурупить должен. Журналист, писатель. Добавь майонез.

- Отстань. Сама добавь.

- Добавь. Пугало гороховое, - она засмеялась раскатистым смехом.

- Ах, пугало.

Валерий схватил ее руку. После сытного ужина нужна была легкая физическая разминка. Натура звала порезвиться.

- Пугало.

Нонешвили вырвалась, дернулась со стула и понеслась в коридор. На приличном расстоянии от объекта шутливого издевательства она повернулась, обхватила длинными пальчиками свои худые бока, высунула обложенный язык и заорала:

- Не догонишь, пугало огородное.

Обычно твердокаменный Валерий вдруг разыгрался, подобно ребенку. Дикой кошкой рванулся хозяин вдогонку. Преследование в ограниченных размерах квартиры продолжалось недолго. Минута - и

оскорбившая оказалась в цепких верхних конечностях оскорбленного.

- Пусти, поломаешь, - игриво запричитала Женя.

- Давай бакшиш, он же пишкеш, хабара, могарыч, срыв, побор, приношение, дар, гостинец, принос, подарок, плата, благодарность,
- веселился Валерий.

- Взяточник. Тебя посадят. С бедной девушки требовать.

- Что ж, придется применить меры физического воздействия. Сейчас я достану розги.

- Не надо. Я тебе спою. Только отпусти.

- Спою. Все поют. Эко диво.

- ... И станцую. И сыграю. Пусти к инструменту.

- Все танцуют и играют.

- Я хорошо спою и хорошо станцую. Вместе с тобой.

- Ну, если хорошо, тогда освобождаю под залог. Учти, будешь плохо служить, снова отловлю.

- Развоображался. Отловлю... - Нонешвили села за пианино. - Безобразие, пыль. Небось, за десять лет никто не прикасался. Для интерьерчика держите.

- Естественно. Для чего же еще?! Мы мещане. Матерые мещане. Не нравится пыль, возьми тряпку и вытри.

- И возьму. Где тряпка?

- В стенном шкафу около двери.

Она побежала к шкафу. Вернулась с вдрызг измятой, скомканной шляпой Валерия.

- Не нашла. Подумала, что головной уборчик сгодится. Извини, я его немножко потоптала. Иначе неудобно. Зато в следующий раз перед моим приходом языком пыль вылижешь. Матерый мещанин.

У Валерия чуть слезы не брызнули. Первая шляпа, купленная, после окончания института! К вещам ведь привыкаешь, как к людям. И потом сам стиль действий. Женя почуяла смятение друга.

- Не переживай, - сказала она, протирая пыль хозяйской реликвией. - Я подарю тебе три самых шикарных, самых модных шляпы. Неужели тебе жалко ее? Ответь, жалко?

- Да, жалко.

- Хочешь, я разорву в клочья свою кофту? Прямо сейчас, прямо здесь. Чтобы равно было.

- Не стоит.

- Пожалуйста, смотри.

Она ухватилась за батист с весьма серьезными намерениями.

- Прекрати, - рявкнул Валерий фельдфебельским голосом. - Разорвешь одежду, в чем домой пойдешь?

- Голая.

- Правильно. А мне на работу напишут, - с каменным лицом идиота вещал он. - Из-за тебя места лишусь. Она голая, а мне по шее получать за низкий моральный облик. Еще не хватало. При живой жене. Жена, кстати, завтра прибывает с ребенком.

- Ну и что! Не знаю, насчет ребенка, а жене точно будет приятно со мной познакомиться.

- Несомненно. Особенно, если порвешь кофту.

- Когда тебя вытурят за аморалку, я возьму тебя в ученики, в мальчики. Ха-ха.

- Да. Ты будешь петь, а я тяпать по залу с холщовой сумкой и собирать с добрейших граждан пожертвования бывшей эстрадной звезде и бывшему журналисту.

- Я никогда не буду бывшей. Даже когда умру. Свое хладное тело я завещаю первому медицинскому институту, а может, второму, там посмотрим...

- Пошли мрачные сюжеты. Поиграй лучше.

Нонешвили заскользила по клавишам, извлекая простенькую, незатейливую мелодию. Голос звучал тихо, грустно. Затем захлестнул другой ритм, бешеный, страстный, бьющий, зовущий. И снова лирика, снова полушепот, снова эмоциональное размышление. Каждый следующий текст как бы развивал предыдущий, развивал единый образ. Вот она, девчонка, от мамы уходит к любимому, объясняется, грубит, понимает, что ошибается. Вот она уже женщина, уставшая и несчастная, хотя судьба сложилась с виду благополучно, вот приходит Судьба и спрашивает, чем помочь, а она отвечает: "У меня все великолепно, ве-ли-ко-леп-но! Так здорово, что плач одолевает". Эти песни - куски жизни, сжатые в три минуты музыки и чувства.

- Знаешь, - прервалась Женя, - о чем я мечтаю. О театре. О своем театре. Небольшом, уютном и неповторимом. Декорации двигаются, могут двинуться в зал, в публику, могут летать в воздухе. Сцена перемещается в центр, взмывает ввысь, кресла крутятся, зрителю даже не нужно вертеть башкой. Слайды, кино, цирковые трюки. Пол колеблется. Настоящее землетрясение. Антракт, и уходит под землю, в тартарары, на первый этаж, прямо с народом. А на первом этаже буфет, скоморохи, конферансье куролесит. Мистерия.

- Буфет, конечно, с пивом.

- Не издевайся.

- Шумы, дымы, эффекты. Где же искусство?

- Искусство в середине. Искусство - главное. Актера техника не заменит, но поможет, оживит, усилит впечатление. Отмахиваться от нее глупо.

- Красиво говоришь. Сама придумала или позаимствовала, -

разъязвился Валерий.

- Какая разница? Всех волнует авторство. Правильная мысль, бери, пользуйся. Нет, важно, кто придумал. Ничего, будет у меня театр... увидишь. Тебя приглашу в билетеры. Хотя ты вряд ли потянешь.

- Тебя чрезвычайно беспокоит вопрос о моем трудоустройстве. То ты меня записываешь в ученики несуществующей мастерской, то в билетеры несуществующего театра. Увы, хлопоты не стоят свеч. Расслабься... Расслабься и поиграй что-нибудь теплое.

Пальцы медленно опустились на клавиатуру. Опустились и отпрянули, словно в испуге. Тусклыми, отрешенными глазами посмотрела она на Валерия. Тот сидел неподвижно, сцепив губы, внешне в полудреме. Возникшая вдруг пауза затянулась.

- Играй, - тихо попросил Валерий.

- Сейчас. Не торопи. Знаешь мне рассказывали, что в ООН есть традиция: перед собранием обязательно минута размышления.

- Тебя не обманули. Только не собранием, а сессией. Это официально называется, если я не ошибаюсь, минута молчания, посвященная молитве и размышлению. Только какое отношение имеют столь высокие материи к нашим скучным персонажам?

- Хорошая традиция. Иногда нужно остановиться, оглянуться, подумать. Может и бежать незачем, да и куда. Может, наоборот. Давай объявим минуту размышления, в этой комнате, немедленно.

- Объявляйте, господин председатель Генеральной Ассамблеи.

Но поразмышлять всласть не удалось. Пронзительный звонок в дверь оторвал от самосозерцания. Валерий напрягся. Кого несет в столь поздний час. Хозяин решил применить маленькую хитрость, а именно, затаиться и на сигнал не реагировать. Банальный приемчик прошел бы на ура, если б не мадам, которая кинулась к двери так, будто на лестничной площадке стояли Бетховен с Моцартом (завистника Сальери послали в магазин).

- Я открою. А ты спрячься, не выползай, - прошелестела она.

- Прекрати дурочку валять.

- Сам прекрати. Не выступай. Изыди.

Нарушил минуту молчания мужчина с намечающимся брюшком лет сорока. Судя по домашней форме одежды - мятой клетчатой рубашке и брюкам от тренировочного костюма - сосед.

- Здравствуйте, - громыхал сосед хриплым басом,- Валерий Борисович у себя?

При этом Женя подвергалась пристальному изучению.

- Нет его. Их никого нет. Уехали.

- А вы кто? - не выдержал мужик.

- Я... Я воровка. В данный момент обчищаю квартиру. А ты мне

мешаешь. Лучше б помог барахло в узлы связать и до тачки дотащить. Хотя барахло я не возьму. С ним только пуп надрывать. Бабок и золотишка хватит. Ладно, чувак, мне некогда.

Она хотела хлопнуть дверью аккурат перед носом соседа, но он не дал.

- Ты кто такая? Где Валера? Он был дома, я знаю.

- Вот что, фраер, - паскудным голоском сказала Женя. - Вали отсюда. Не то перышком в бок схлопочешь.

Валерий в течение всего лицедейства тихо умирал со смеху в комнате. После упоминания о перышке ему показалось, что пора выходить на сцену во избежание неприятных инцидентов.

- Знакомься, - громко объявил Валерий, появляясь в коридоре. - Евгения Ювашевна Нонешвили - певица. Альберт Афанасьевич Михин - мой сосед и коллега.

Нонешвили заржала, как отдельный показательный лошадиный хор, который, наверняка, будет создан в ближайшее время где- нибудь при управлении коневодства. Альберт Афанасьевич улыбался. "Да. Такой я козел", - говорила его улыбка. Потом последовала полоса робких сбивчивых объяснений.

- Смотрю, лицо вроде ваше. С другой стороны, откуда? Валерий никогда не рассказывал. Я, собственно, по делу.

- Какое еще дело? - перебила Женя. - Никаких дел. Танцы до упаду. Заводи свою хваленую систему. Танцы!

Сосед оказался лихим на подъем.

- Я на секунду. Переоденусь.

- В морге вас переоденут. Крути шарманку. Поехали. Альбертик. Я жду, когда ты меня пригласишь.

Под давлением общественности хозяин был вынужден с глубокими вздохами включить аппаратуру. "Этот базар нескоро прикроется. Еще и Альберт с неба свалился, - соображал диск-жокей. - Беда".

Пляски разыгрались стремительно, будто пожар на танкере. Мощная энергия Жени била во все стороны. Партнер также потрясал энтузиазмом. Постепенно в водоворот ритмической гимнастики попал и Валерий. Танцевальный марафон проходил практически без остановок, без пауз, эдаким беспосадочным рейсом, сначала под импортные записи, затем под шлягеры самой мадам. (Она принесла с собой две свеженапетых кассеты). Естественный отбор осуществлялся в процессе, слабые сходили с дистанции, сильные продолжали гонку. Первым сдался Валерий. Он решил поберечь силенки для утренних протокольных мероприятий по торжественной встрече родного семейства. Предварительно им предпринимались попытки изгнать забывших об этикете гостей. Но где там!

Нонешвили прикинулась глухой, а Альберт недовольно бурчал что- то о трех комнатах, где можно свободно разбежаться и не дергать друг друга. Хозяин, махнув рукой, отправился в спальню. Не драться же, в конце концов! Лишь бы паркет не испортили. Сон упорно не давался. Стакан сорокаградусной живо утряс проблему, невзирая на трясущиеся от бесчисленных децибелов стены.

Валерий продрал глаза ранехонько и, не откладывая, отправился в инспекционный поход по собственным апартаментам. Женя спала на диване одетая, укрывшись пледом. Соседа поблизости не наблюдалось. Паркет был в полном порядке, посуда и мебель - как ни странно, тоже. Последние обстоятельства приятно радовали. Но вот Нонешвили... Разбудить и выпроводить? Естественно, не держать же ее до возвращения жены. Да и она, наверняка, куда-то спешит. Он осторожненько потормошил Женю и тут же получил без комментариев шлепок по рукам. Положение осложнилось. Стало ясно, что выдворить Нонешвили до ее полного пробуждения не получится. Но Валерий не терял спокойствия. Он никогда не терял спокойствия. Попил чайку и в путь-дороженьку. Спящей красавице оставил записку, в которой рекомендовал посильнее хлопнуть дверью при уходе, иначе не защелкнется.

Церемония прошла без приключений. Даже поезд не опоздал. (Он втайне надеялся на это. Больше шансов не застать гостью у себя дома). В машине после дежурных расспросов о природе, о погоде Валерий приступил к подготовке:

- Вчера Альберт новую подружку притащил. Угадай кого? Нонешвили.

- Певицу?

- Певицу.

- Да-а?! - закричала дочка Машенька.

- Помолчи, когда взрослые разговаривают, - одернула дочку мама. - Интересно, где он ее выкопал?

- При наличии желания, времени, денег и квартиры можно выкопать кого угодно. Что касается квартиры, то Альберту пришлось поспособствовать.

- Опять? Когда-нибудь я разозлюсь.

Дело в том, что сосед частенько арендовал (на безвозмездной основе, естественно) их обитель для небольших холостяцких развлечений. Хозяева катались то за границу, то на дачу. Три светелки пустовали, а Альберт проживал с родительницей - женщиной весьма сварливой. Поскольку любил грешник побаловать, убежище ему было необходимо. Жене Валерия не нравились проявления мужской солидарности, но она мирилась, так как арендатор оказывал взамен

кой-какие услуги, да и присмотр за хозяйством не мешал.

- Что делать, Катя? - по-актерски продекламировал муж. - Братская помощь. Они до рассвета танцевали, а на рассвете притулились и уснули. Возможно, сейчас уже проснулись.

- Притон какой-то. Богема. Все из-за твоей глупости. Небось, загадили квартиру.

- Загадили, расчистят. Береги нервы. Не колотись.

- Я поговорю с Альбертом. Надоели эти штуки.

"Поговори, поговори, - рассмеялся в душе Валерий. - Он парень грамотный. Не продаст. Состроит виноватую рожу. Тихий малый. Попробуй возьми голыми руками".

Дальнейшие события показали, что смех, пусть даже неявный, был преждевременным. Когда благородная семейка входила в родной дом, Женя выходила оттуда. Произошло лобовое столкновение. Пришлось знакомиться. Женя кивнула жене, жена кивнула Жене. Они не понравились друг другу с первого взгляда. Одноименно заряженные тела, как и положено, оттолкнулись. Подлинный, неподдельный восторг испытала лишь Машенька. Продвинутый ребенок гораздо больше, чем уроками, интересовался пластинками, певцами и ансамблями. Созерцание живой, не консервированной в телерадиограмзаписях, звезды в двух шагах от себя будоражило детское сердце. На прощание Нонешвили сказала:

- Приветик. Я позвоню.

Затем обернулась к Кате:

- Вас ждет пирог, салаты и прочие вкусности. Отведайте, оцените. Я бы еще что-нибудь приготовила, да ваш сосед вдруг постучался. Как его... Вальдемар, кажется. Ничего, еще встретимся. Вместе накашеварим.

- Конечно, - с усилием выдавила Катя.

Валерий побледнел. Блестящая с точки зрения теории операция по дезинформации с позором провалилась. Обидно. Задержись они на несколько минут, стыковка бы не состоялась. Да и кто тянул ее за язык? Шутница проклятая.

Разбор игры состоялся в домашних условиях незамедлительно после встречи. Валерию были предъявлены обвинения в порочащих его связях, в моральной неустойчивости и попытке коварного обмана. Под тяжестью улик подсудимый сознался, глубоко раскаялся, сообразив, что честные признания облегчат участь. Накал заметно спал. Судья, успокоившись, собралась заменить строгий режим на условное наказание. На сем процесс бы мирно завершился, если б не сюрприз младенца. Машенька юркнула в комнату, когда суд удалялся на совещание и громко спросила:

- Мама, где фломастеры, которые мне дядя Леша подарил?

- Какие еще фломастеры? - забилась в истерике мама Катя. - Выйди отсюда.

- Подожди, - схватился за соломинку подсудимый. - Что за дядя Леша? Не Алексей ли Петрович?

- Да, Алексей Петрович, - подтвердила далеко не наивная Машенька с очень наивненьким личиком.

- Что ты болтаешь? - вырвалось у Кати.

- Нет, она не болтает. Болтаешь ты, - вырвал муж стратегическую инициативу. - Лешенька... пропавшая грамота. Институтский дружок. Как же... Ну-ка, запудри мне мозги. Докажи, что он оказался там случайно, что ты натолкнулась на него на пляже. Гуляла - гуляла, смотришь Лешенька на камешке валяется, соломенной шляпкой прикрылся.

- Мы вместе в самолете летели, - нежно добила матушку Машенька.

- Ах, в самолете. То-то от моих услуг по проводам отказались. Якобы сами доберемся, не отвлекайся, дорогой товарищ.

Словом, контрнаступление, проведенное на основе достоверных разведданных, спасло. До самого вечера воцарилась тишина. Собственно, и вечером, обилия звуков не наблюдалось. Единственно, за ужином Валерий вдруг сказал ни с того ни с сего:

- Ты бы научилась пироги осетинские печь.

- Как прикажешь понимать? - огрызнулась Катя.

- Понимай правильно. Ты же не умеешь печь осетинские пироги, а освоить это стоит, как, впрочем, многое другое.

Жена хотела дать отпор, но поперхнулась и долго откашливалась. Вместе с кашлем исчез запал. Олимпийское спокойствие вновь восстановилось.

Время несется как джигит на лихом коне. Быстро пролетел у Валерия отпуск. Казалось, только-только приехали, а уже отправляться назад барабанить последний год командировки. Тихий, чинный аэропорт "Шереметьево-2", мягкий голос диктора, объявляющего рейсы, поцелуи отца, матери, тестя, напутствия, наконец, взлет, с которым отступили мелкие и крупные предотъездные хлопоты. Нонешвили он с того памятного визита накануне возвращения семьи не видел и не слышал. Она не звонила. Валерий часто ее вспоминал и всякий раз с тайной надеждой срывал трубку. Увы... Типичное не то. Очередной приятель излагал очередную просьбу. Однажды в плену порыва он попытался выяснить координаты Жени. Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе. Девчонка из справочной протараторила: "Мы не сообщаем этот номер". Можно было попробовать через

Госконцерт, но... В итоге какой смысл? Дома ее не поймаешь. Желала бы, сама появилась. Барышня ведь не из застенчивых. Значит, не желала. Так и отбыл он, даже не попрощавшись.

Работа сразу захлестнула множеством забот. Страна бурлила перед выборами. Кандидаты лили повсюду елей, обещали избирателям счастье и блаженство, ругали друг друга. Приходилось мотаться из города в город, брать интервью, перелопачивать ежедневно тонны местных газет, по ночам надиктовывать материалы. Все срочно, срочно. Порой и стиль отшлифовать некогда. Давай-давай. Успевай поворачиваться. Катя помогала здорово. Как-никак два языка на добротном уровне плюс неплохая общая подготовка ("красный" диплом института международных отношений обязывал).

Дела поглотили с потрохами. Отпуск, Женя, полуанекдотичная ссора с женой ушли прочь, куда-то далеко, за горизонт, представали давним, забытым сновидением. Будто это происходило не с ним, а, может, и вовсе не происходило. Как-то раз мадам прокрутили по частному телеканалу в числе беснующихся, психующих, прыгающих мелькающих западных певцов и певичек. Валерий торчал тогда у ящика. С горячащим душу чувством посмотрел он на знакомую. "На экране она моложе. Или снимали сто лет назад. Надо же, сюда докатилась". Он вспомнил панибратские отношения: "сыночек", "сынуля" и улыбнулся. Выдумщица. Взрослое дитя. Когда они еще встретятся? Бес знает. Наверное, через лет десять, в коридоре серьезного учреждения, либо на улице демонстративно отвернутся, либо действительно не признают один другого. Воды ведь сколько утечет. Немудрено.

Многое в жизни случается против ожиданий. Вероятно, об этом думал Валерий, держа в руке трубку с клокочущим грудным голосом.

- Приветик. Это я.
- Здравствуй. Ты откуда? - ошарашенно спросил он.
- Из гостиницы. Еду на проверку твоей нравственности.

Они встретились вечерком в маленьком уютном кафе. Женя изменилась: чуточку пополнела, что, впрочем, не повредило ее конструкции, приняла на вооружение новую прическу, более благородную по сравнению с прежней, шалашно-метелочной. Принесли кофе и малюсенькие, изящные пирожные.

- Погибель моя, - вздохнула Нонешвили. - Калории, калории. Надо худеть, а не худеется.

- От таких лилипутских доз не потолстеешь. Не бойся.

- Я не боюсь. Девочкой уже не быть. Изображать из себя девочку - глупо. Каждому возрасту своя диета, и в еде, и в искусстве. Необходимо перестраиваться. Искать иные ритмы, темы, перевернуть наизнанку манеры, внешность. Старость - не радость.

Сценическая старость - трагедия. Недавно сподобилась с малым в театр Юного зрителя сходить, в кои-то веки выбралась прогулять родного дитенка вместо братьев. Ужас. Пошлятина. Сорокалетние бабенки в школьных формах, с косичками. Бегают, пищат. Неужели я когда-нибудь буду выглядеть подобной дурой? Лучше застрелиться.

- Ты на сколько приехала? - перевернул пластинку Валерий. - И зачем, если не секрет?

- Ненадолго. Не утомлю тебя. К тому же график у меня напряженный.

- Странно. Обычно я заранее узнаю, когда в здешних краях объявляются отечественные деятели культуры. Насчет тебя никаких уведомлений.

- Какой я деятель? Просто женщина, которая поет. Как поживает супруга? - вдруг с издевкой спросила Нонешвили.

- Спасибо, нормально.

- Она не понравилась мне. Даже не пойму почему. Так бывает. Вроде человек умный, вежливый, расшаркивается перед тобой, красивый. Объективно не подкопаешься. А субъективно противен. И наоборот. Удивительно, правда?

- Да.

- Слушай, ты балакаешь по-итальянски?

- Нет. Уловить идею сумею, переводить нет.

- Жалко. У меня завтра обед с Антонио Моретти. С итальянским напряженка. Парнишка из посольства сопровождает, он только на английском. Еще будет мужик из агентства по авторским правам, он тоже ни в зуб ногой. Ладно, придется на английском. Хэлло-у! Хау ду ю ду! Чего там еще? Сенькью вери матч. Ой, потеха.

- Моретти отлично знает французский. Здесь я могу посодействовать. Пожалуйста.

- Выручи, сыночек. Тебе тоже любопытно будет. Накатаешь статейку с огромным моим портретом. Я в белом платье, шляпе с вуалью, вокруг цветы, море цветов.

- И ванна шампанского за счет благодарной фирмы в качестве гонорара за рекламу средства от пота.

- Неисправимый циник, вот ты кто. Неохота международный скандал затевать, иначе я бы стукнула. Завтра чтоб минута в минуту пришел. Надо продемонстрировать пресловутому Моретти нашу точность.

- Продемонстрируем.

Обед в ресторане отеля "Интерконтиненталь" задался неплохой (в смысле атмосферы, что касается яств, то тут было поскучнее - никаких излишеств). Антонио оказался заводным общительным

малым. Его глаза — маслины весело светились из-под густых бровей, выделяя пробирающую сердца (особенно дамские) энергию. Серебристость висков добавляла обаяние, а нос с горбинкой - колорит. Моретти беспрестанно хохмил, анекдотничал, сыпал смешными историями. Беседа велась на французском. Толмачом служил Валерий. Поскольку рот кумира итальянской публики ни на секунду не запирался, перевод обернулся по трудоемкости чем-то вроде разгрузки вагонов. Оба сопровождалы Жени пребывали в большом довольстве, созерцая, как потеет в беге на дистанцию два часа с языковыми барьерами журналист-доброволец, пока они тихонько отпивают из бокалов.

Вволю нахохотавшись, свернули к делам искусства. Моретти лестно отозвался о профессиональных достоинствах Жени, пустился в рассуждения о близости их творческих почерков, единство философии и прочих туманных вещах, о которых любят распространяться служители муз и в которых они, якобы, что-то смыслят. Нонешвили приняла комплименты холодно, как нечто само собой разумеющееся. При всем глубоком уважении к своей персоне, она не выносила хвалу близ сидящих в собственный адрес. Хвала письменная, в журнале или письме, особенно от незнакомых, пожалуйста, хвала в ее отсутствие - пожалуйста, но аллилуйя в лицо - нет. Высокоштильность речей тоже раздражала. Тем более, что она скептически относилась к подобным речам из уст артистов, большинство которых не обладают систематическими знаниями. Род занятий делает их эклектиками, собирателями разнородных представлений и мнений, отучает от самостоятельного мышления. Однако хорошо поставленный голос, богатая мимика, электронная память с сотнями чужих идей порой создают эффект аналитического ума. Но это для легковеров, а не для нее. Ведь она сама актриса, звезда, пусть не гений, но талант (к тому же умеет готовить!) и в отличие от других говорит всегда о том, что ей доподлинно известно, что она пережила, осознала и за что готова драться кулаками.

- Я сомневаюсь, что у нас одинаковая философия, - рубанула Женя, воспользовавшись паузой. - Мы слишком неодинаково воспитаны.

Антонио не докопался до "второго дна" фразы, понял ее буквально.

- О, да, конечно. Мне рассказывали, что вы представительница древних ассирийцев, что вам пришлось трудно начинать. С кафе, с ночных клубов. Мое начало было, естественно, легче. Я сразу попал в центр внимания. Но не из-за своих талантов, а из-за имени отца. Мой отец - крупнейший адвокат, позже политик, депутат парламента, даже полтора года входил в правительство. Когда он

умер, его хоронила вся Италия. Отец славился поразительной порядочностью в защите демократии. Он выступал за дружбу с вами, ездил в Россию, боролся за мир.

- В таком случае у вас вдвойне теплые отношения к нашей стране, - улыбнулась она.

- О, да. Я всегда за обмены, против воинственности. Надо контактировать, вместе петь, играть, торговать и не драться. В этом я уверен. Но кто виноват в том, что мы иногда деремся, я не берусь судить. Политика - грязное дело. Трагедия моего отца в том, что он чистыми руками взялся за грязное дело. От его честности мир не стал лучше, а в сенате и палате депутатов не стало чище. Я предпочитаю держаться подальше от политики.

- От политики нельзя держаться далеко. Сегодня мы перед выбором: либо активность, либо радиоактивность.

- Знаю, знаю. Пацифизм, конечно, лучше, чем фашизм. Но пацифисты наивны. Митинги, листовки, проповеди - этим ничего не поменяешь. Если я буду биться в истерике и требовать, чтобы американские парни убрались к черту со своими ракетами, разве они уберутся? У меня есть только голос, а у президента — армия, полиция, тайные службы, целая свора ублюдков, готовых тебя удавить в любую минуту.

- Разве голос мало? Тысячи, сотни тысяч, миллионы голосов вместе, этот мощнейший хор заткнет рот авантюристам.

- Вы оптимистка.

- Оптимистка и этим горжусь. Я же предупреждала, мы воспитаны неодинаково.

- Я готов, чтобы меня перевоспитали. И в качестве конкретного шага предлагаю сложить наши два голоса и записать их на пластинку. Записывать миллионы голосов, к сожалению, пока не научились.

- Ничего, еще научатся.

Валерий поражался. Такой подругу он увидел впервые. Четкая, лаконичная, собранная, безо всяких капризов и выходок. Тонкость и наступательность в гармоничном сочетании. Прямо опытный дипломат. Когда распрощались с Антонио и сели в машину (обоих мужиков Нонешвили вежливо отсекла), Валерий не удержался от реверанса:

- Ты даешь! Тебе бы иностранными делами заниматься, а не песенками. Здорово его попотрошила.

- Ничего, не развалится. Покатаемся немножко по городу. Устала я от политесов. Хоть достопримечательности мне покажи.

- Покажу, поехали.

Вечер провели чудесно. Он разбился в лепешку, мобилизовал все

свои знания, краснобайские способности, знакомства среди местных. Мадам осталась в восторге. Но на пути в гостиницу она скуксилась.

- Тебе понравился Моретти?

- Энергичный. Бодренький. Поет нормально.

- Нормально. Нашел слово. Если мое пение охарактеризуют этим словом, то я устроюсь в ЖЭК пенсионерам музыку преподавать.

- По мне, ему в ЖЭКе и выступать, - из принципа защищался Валерий.

- Абсолютно не согласна. У него есть чутье, пластика. Он притягивает, понимаешь. Сердцеедствует. Мне другое не понравилось. Бескрылый он, серенький, духом небогатый. Имеет доходец, популярность и счастлив по уши. На физиономии написано: на счете бешеные деньги, сплю с красавицами, отдыхаю в Ницце на роскошной вилле. Он где-то напоминает моего бывшего мужа. У Вити, конечно, характер иной, темперамент. Внешность вообще закачаешься. Бабы падали направо и налево.

- В чем же сходство?

- Сходство в приземленности. Моя семья, мой кров, моя жена, мое, мое, мое. Не нужны гастроли, не нужны песенки. Ты замужняя женщина, иди на полставки или вообще никуда не иди. Обслуживай мужа, дом, а я тебя прокормлю.

- Это по-мужски.

- Нет, это не по-мужски. Его бесило, что я вхожу в моду, что трепыхаюсь целыми днями ради успеха. Как же! Меня узнают-его не знают. Ко мне приходят тонны писем, а ему нет. Со мной за руку здороваются люди, о которых в газетах пишут каждую неделю, а на него ноль внимания. Зависть, ревность - не по-мужски. Хотя любил он меня бешено и сейчас любит.

- Он женат?

- Нет. Думаю, не скоро женится. Он гордый: не полюбит, не возьмет. А полюбить по второму кругу ему трудно. Не заживает рана и долго не заживет.

Женя умолкла на мгновение.

- Помнишь, Моретти съюморил: "Моя супруга - животное домашнее". Прямо Витины рассуждения. Но я-то - животное дикое, поэтому у нас не сложилось. Ладно, эта история позади. Сколько еще историй впереди! Так вот...

- Начали за здравие, кончили за упокой. Вылезаем, приехали.

- Здравие будет. Обязательно. Веришь? - серьезно сказала она.

- Верю.

Женя медленно поцеловала его в щеку, хотела открыть дверцу, но Валерий неожиданно сильно, жадно обхватил ее, повторяя как

заклинание:

- Посиди... Не торопись... Посиди... Посиди...
- Ты чего, дружок? Сбрендил на старости лет. Ну-ка, отпусти.
- Посиди... Не торопись... Поговорим.
- Наговориться успеем. Отпусти.

Он покорился, опустив голову, будто провинившийся ученик младших классов в момент разбирательства в присутствии родителей. Нонешвили выпорхнула, прошептав:

- Странный ты... Трудный.

На какое-то время мадам выпала из поля зрения Валерия. Обрывками до него докатывались сведения о том, что Женя репетирует с Моретти, записывается на пластинку. Якобы творческий альянс получился на славу (в смысле обещающий обрести славу). Падкие до сенсаций местные газеты осветили факт, придали ему товарную форму. Среди прочего сообщалось о концерте в престижнейшем зале с участием "западной" и "восточной" звезд. Концерт намечался на ближайшее время. Билетики стоили недешево, значит, интерес прогнозировался.

Валерий обрадовался событию чрезвычайно. Обнаружился предлог. Звонить без предлога он стеснялся. Появление по собственной инициативе, да еще без повода, нарушило бы традицию односторонней связи и, наверняка, вызвало бы раздражение, насмешки со стороны Нонешвили. ("Уж она поиздевается, особливо после инцидента в машине", - прикидывал Валерий). Однако, имея в кармане повод, жить легче. Можно обратиться почти официально. Концерт - явление заметное в текущем культурном процессе, и оно не должно ускользнуть от зоркого ока прессы. Легенда надежная. Когда он нажимал на кнопки телефонного аппарата, аргументы последний раз прокручивались в мозгу, выстраиваясь по росту в хитроумный логический ряд. Правда, внутренний голос предательски скрипел: "Пошлет!" Воспитанный в духе конструктивного доброжелательства и самоуважения, он тяжело сносил пренебрежительное отношение к себе и вечно боялся нарваться на хамство. (Удивительно, но знаменитость с ее выкрутасами переносилась им запросто, оттого, видно, что грубость слов причудливо сочеталась с тонкостью натуры.) Вдруг действительно пошлет?

- Алло, ты? Что ты исчез, зараза? Я болею. Представляешь, угораздило, - возбужденно кричала Женя. - Приезжай, немедленно. Я требую. Умираю.

Ее номер в гостинице был наполнен страшным, душу выматывающим нытьем: "Ой, за что мне это? Ой, кошмар! Ой, скорее бы завтрашний вечер пришел, чтобы я уже скорее выступила,

началось и закончилось! Какой ужас, да за что мне все это, за что..."

Вокруг толкалось полно народа. Однако, костлявого, сутулого, эдакого крючка, Валерий видел и на репетиции в Москве. Этот суетился больше других.

- Не стоит рисковать. Отлежись. Сорвется, шанс упустим. Прогорим, - мямлил крючок.

- Сорвется... Я из тебя полтавскую котлету сделаю, чтоб не каркал. Освободите помещение. Живенько. Все. Не видите, интервью брать пришли. Мировая общественность сильно интересуется моим самочувствием.

Соратники молча повиновались. Валерий удостоился коллективного презрения в форме искривленных лиц. Устроить нечто большее фавориту начальницы, к сожалению, пока было не в их силах.

- Садись, сынуля. Я лягу от греха подальше.

Она тяжело опустилась на кровать.

- Идиотизм. Перед самым-самым свалиться...

- Что с тобой?

- Слабость. Голова кружится. Врач утверждает, воспаление легких. Хрипы какие-то он слышал. Лысый черт. Врет, наверное. Когда воспаление, кашляют, дышать нечем. А я дышу и не кашляю.

- Температуру мерили?

- Тридцать восемь и пять.

- Высокая.

- Ну и что. Даже если тридцать девять или сорок, что это меняет? Все равно идти. Не отказываться же. Подвести столько людей, загубить мероприятие. Оно мне слишком тяжело досталось! Воспаление пройдет, а такого концерта больше не будет.

- Ты права, конечно. Не волнуйся. Тебе нужно хорошо выспаться, отдохнуть. Постарайся заснуть, а я забегу потом.

- Крыса. Вот ты кто, - взвизгнула Нонешвили. - Крысы бегут с тонущего корабля. Но учти, я еще не утонула и никогда не утону. Я как раз из того дерьма, которое не тонет. Убирайся.

- Что ж, - Валерий повернулся.

- Сядь. Не маячь. Я же попросила сесть.

- Ты попросила убраться, насколько я уразумел.

- Сначала я попросила сесть. Какие нежные. Чуть притопнешь, надуваются. Тащи стул и дай мне руку.

Он притулился возле кровати.

- Поделись, сынуля, с мамочкой. Чем занимаешься? Кого боготворишь?

- Ничем не занимаюсь, бездельничаю. Никого не боготворю.

- Ой, трепешься, - хитро сощурилась Женя. - Зажимал меня в

машине?

- Детство вспомнил. Потянуло на игры.

- Ты разве в детстве играл? Не поверю. Небось, Жюля Верна читал. Драмкружок, кружок по фото... Я играла по-настоящему. К цыганам носилась тайно. Около нашего хутора стоял табор. Меня мальчишки боялись. Ведьмой дразнили. Ушло то время. Сейчас летом там прыгает мой сын.

- Сколько ему?

- Одиннадцать.

- Кто им занимается?

- Я. В основном я. Родственники, братья помогают, к себе забирают. Но воспитание мое. Знаешь, удивительно. Мы иногда неделями не видимся, и все равно он похож на меня, каждым жестом, каждой черточкой. Привезла игрушки, дорогие, шикарные, он раздал их ребятам в классе. Спрашиваю: "Ты почему не ценишь подарки?" Отвечает: "Я добрый. Такой же, как ты... Ты же для друзей не жалеешь." Маленький лис. Боюсь за него. Что получится, когда вырастет, как к матери отнесется? Представляю, сколько гадостей ему про меня намелят. Скажут, низкий сорт, дешевка, и жила, и пела дешево, бестолково. Давно, лет в шестнадцать, попала я к известнейшему музыканту. Он принял, прослушал, раскланивался. "Прелесть. Замечательно". Я вышла за дверь. "Ерунда на постном масле", - тявкнул он жене. Я помню это, - процедила Женя сквозь зубы. Не простив до сих пор.

Валерию показалось, что историю с музыкантом-лицемером Нонешвили уже не единожды повторила.

- Меня лично сплетни не волнуют. Но сын. Его могут сбить с толку. Ему ведь не расскажут о том, что сумасбродная мать переводила деньги на детский дом, что купила гитаристу кооператив, когда его обобрала жена при разводе, что десятки людей пьют и жрут на мои кровные, а я ничего кроме трехкомнатной квартиры не имею и самое главное, ничего мне не надо. Я не играю в скромницу, просто это так. Если завтра окончательно охрипну, безбедной старости у меня не будет, потому как наличных про запас нет. И черт с ними. Я знала времена, когда приходилось сутки работать, чтобы кусок хлеба намазать тоненьким слоем чего-то там. Снимала у хозяйки угол, и по воскресеньям затевала у нее генеральную уборку. Старуха отваливала немножко варенья, немножко меда, по праздникам отрезала мяса на один откус. Крепкая бабка, с норовом. Год назад проведала. Здоровая, в магазин шлепает сама, хотя лет, уж, наверное, под девяносто. Накупила я всякой всячины, мы позастольничали, а в конце она всучила банку меда по старой памяти. Ха-ха. Получи, говорит, хорошо поешь. Заработала, видишь.

А бабка прижимистая, страсть, зря чаем не напоит. Значит, заслужила. Значит, не подохну с голода. Ха-ха.

- Выходи за меня замуж, - вдруг отчеканил Валерий, покраснев как благовоспитанная девица, услыхавшая неприличное словцо.

- Че-е-е-го? - протянула Нонешвили в диком изумлении. - Ты, случайно, головушку не застудил или...

- Не иронизируй, пожалуйста. Я серьезно.

- Не иронизируй. Ой, не могу, - она истерически засмеялась, громко, заразительно. - Не могу. Сынуля жениться вздумал. Тронулся мальчик. Га-га-га.

- Ладно. Прощай. - Он рванулся к двери, задыхаясь от негодования.

- Стой, - в мгновение посуровела Женя. - Не мельтеши. Будем разговаривать без шуток. Ты готов на мне жениться?

- Да.

- А куда денется семья? У тебя ребенок. Ты отвечаешь за него. Опять же работа. На карьере отразится, в вашей сфере ведь смена жен не приветствуется.

- При чем тут сфера и карьера? Ты же не из управления кадров. Ни с того ни с сего забеспокоилась за мою карьеру.

- Черт с ней с твоей карьерой. В какое положение ты меня поставишь? Хочешь, чтобы пальцем в спину тыкали: Нонешвили разбила семью. Отбила молодого мужа. Нет.

- Чудовищная глупость. Просто чудовищная. Ты же всю дорогу не боялась злых языков, а тут страх напал? Сама только две минуты назад...

- Не в злых языках дело. На несчастье счастья не построишь. Причинишь другому горе, оно тебе аукнется. Вы хорошо жили, не ссорились, потом появилась я и разрушила. Девочка маленькая, ее это убьет и жену тоже. Она так смотрела на тебя тогда у подъезда, преданно, ласково.

- Ничего с Машкой не произойдет. Дед, бабка, я. Она в надежных руках.

- А жена? Ты же любил ее?

- Со временем многое переоценивается.

- Может, ты и меня потом переоценишь. Уценишь и сдашь в утиль, как старую вешалку. Так и есть... Я стара для тебя.

- Опять глупость. Возраст не имеет значения.

- Имеет.

- Не имеет.

- Имеет.

- Не имеет.

- Дурак. Если ты мне не нравишься нисколечко, ни пол-сколечко,

это имеет значение.

- Это имеет, - выдавил Валерий.

- Наконец-то дошло... Жираф несчастный. О главном спросить не соизволил... Конечно, само собой разумеется. Преуспевающий молодой парень. Спешите хватать, иначе не достанется. Знай же, ты мне не нравишься. Слюнтяй и недотепа.

Он весь загорелся: щеки, шея, особенно заалели уши. В сей критический момент в комнату с шумом ворвался, потрясая газеткой с иностранными буковками, бойкий крючок (подобные повороты сплошь и рядом происходят в приключенческих многосерийных фильмах, чуть реже - в реальной действительности).

- Жаль, статья про тебя. Целый подвал. С фотографией.

Она накинулась на газету с жадностью, с которой припадает к воде погибающий от жажды путник.

- Только принесли, - комментировал крючок. - Видно, отличная рецензия. Фото выбрали выигрышное. Я никому даже не показал, сразу к тебе.

Нонешвили бросила свеженький, "горяченький" экземпляр Валерию.

- Переведи.

Тот пробежал колонки по диагонали и начал медленно, путано, с церемониальными покашливаниями излагать. Мадам пристально следила. Писанина была на редкость едкая и ругательная. Крючок не угадал. Валерию пришлось извиваться, пропускать некоторые абзацы полностью, порой откровенно врать, поскольку портить Жене настроение перед важнейшим выступлением он, естественно, не хотед. Впрочем, обман раскрылся. Десятым чувством она уловила неискренность и скованность переводчика.

- Чего ты бубнишь? Жульничаешь... Дай сюда. Я чуть-чуть сама петрю. Ага... Ага, - она впилась в текст. - Министар. Минизвезда, что ли? Вот здесь что, где цифры? Честно говори, а то убью.

Мало-помалу, опираясь на богатую интуицию, зачатки знаний английского и железную логику, она добивалась правды. Взрыв невиданной силы потряс гостиницу. Истерика. Страшная, уничтожительная истерика. Все летит, все валится, все рушится. Землетрясение. Тайфун. Смерч. Шторм. В эту минуту Нонешвили могла перебить мировые запасы посуды. Зашел бы случайно в номер некий господин Роберт Слим, накатавший в известном издании данный пасквиль, тела бы его не нашел самый опытный сыщик. В порошок бы его стерли, в пыль. Крючок пытался урезонить. Какое там!

Получив порцию комплиментов, он позорно ретировался. Валерий отхватил во вторую очередь.

- Лапшичку вешал мне... Артист... Знаешь, как я в языках. На русском шесть лет разговариваю постоянно и не хуже тебя освоила. Еще грузинский, армянский, осетинский. Тьфу на тебя. Надо учить иностранные, чтобы разные прохвосты за нос не водили. Увидишь, через год с листа читать буду и понимать.

- Отвела душу? - невозмутимо отреагировал он.

- Да... Ты придешь на концерт?

- Обязательно. Мне положено.

- Положено, - Женя улыбнулась. - Дипломат... Сказал бы, прибегу, радость моя. Поддержу... Попереживаю. Ночь не засну. Эх, ты... Еще жениться собираешься. Ладно, не оскорбляйся. Я играю. Я всегда играю и никогда не выйду замуж. А может, выйду. Найду себе тряпку... половую... Ха-ха... и стану о нее обувь вытирать. Но ты ведь не тряпка, ты личность. Я слишком уважаю тебя, чтобы испоганить тебе жизнь. Семья, карьера под откос, взамен взбалмошная бабенка. Минутное помутнение - и в обрыв. Зачем? Дорогому человеку я не желаю такого. Наша песня - песня, которая не прозвучит.

- Извините, ваш смелый полет мысли мне недоступен. Счастливо оставаться. Кстати, до отъезда я должен взять у тебя интервью.

- Неужели наше общение не завалило тебя материалом для интервью.

- М-да. Завалило... Все же выбери часок.

- Выберу. А ты подумай. Я в корень зрю. Наверное, от этого часто скучаю.

Нонешвили поймала его губы и долго не отпускала. Насытившись, она оттолкнулась.

Нонешвили ходила за кулисами вдоль сцены по темному, огромному пространству, пронизанному сверху вниз натянутыми тросами, занавесами разной длины. Она ходила, как заведенная, в темном, расшитом золотом "царственном" платье. Ох, сколько мучилась с этим платьем художница по костюмам - безотказная, преданная подруга Вера, сколько было ссор, скандалов, крика из-за проклятого выреза. Теперь все позади. Впереди главное. И Женя двигалась, покачиваясь на ходу и постанывая, по идеально прямой линии взад и вперед. До конца, резкий поворот и обратно. В радиусе десяти метров никого. Никто близко к ней не подступает, хотя она, собственно, не замечает никого в своем лунатическом предконцертном состоянии. Она как измученный адской болью человек перед дверью кабинета стоматолога: вот-вот позовут и не отвертишься. А бормашина за дверью зудит и слабонервный пациент воет, бедняжка. Так лучше уж скорее. Но не вызывают. Нервы будто наматывают медленно на

катушку, вытягивают из тела, тянут, изуверы, по микрону, чтобы наиздеваться вволю, чтобы страдала дольше. Она крутит кистями рук, шевелит пальцами, сжимает себе кисти - и все идет, идет - живой маятник. На самом кончике языка пляшут и жгут слова, которые она скажет... Но рано, рано говорить. Концерт начинается с опозданием. Маясь за кулисами, Нонешвили орет про себя зрителям, что шумят и заполняют зал по ту сторону занавеса, бродят, покупают бутылочку с прохладительными напитками, пробираются по рядам к своим местам в легком и приятном предвкушении удовольствия: "Скорей уж расселись бы вы, собаки..."

И вот начало - привычное и всякий раз непривычное. Вышла она сильным шагом с газетой в руках, вышла энергично, будто собралась мир перевернуть, разрушить горы, пустить вспять реки. В жестах и позах, в мимике яркого восточного лица - одно: я здесь командирша, я позабочусь о вас, вы тут у меня... Вы мои... Она чувствует свою силу на сцене. Сцена - ее корона, ее счастье, ее самое-самое.

Нонешвили оглядела владения: зал аплодировал, нет, пока не шквально, пока вежливенько, приветственно, изучающе, мол: "Ну-с, что ты за птичка залетная?" Женя кивнула переводчику, тот приготовился.

- Здравствуйте, друзья мои. Я рада возможности встретиться с вами. Тем более, что вы мало обо мне знаете, а то, что знаете, в основном неправда. Полюбуйтесь, к примеру.

Она развернула газету. Публика оживилась.

- Автор Роберт Слим. Есть среди нас Роберт Слим?

С энного ряда поднялся худой очкастый тип, обшарпанный и непредставительный.

- It’s me,* - крикнул он.

- Вам не стыдно обманывать людей в Европе и на вашей Родине? - спросила Нонешвили.

- I told the truth to my readers,** - спокойно ответил Слим.

Температура в помещении повысилась. Бешено застрекотали камеры. Участники дуэли интенсивно обстреливались вспышками. Необычная прелюдия, видно, заинтересовала профессиональных гонщиков за сенсациями и энтузиастов из числа любителей.

- Что ж, пятная других, подчас норовят скрыть собственные пятна, - после паузы заявила Женя. - Или хитрят. Говорят плохо, стало быть, ценят; ведь когда покупатель хочет вещь заполучить, он ее дешевит.

Последняя фраза вызвала овации.

- Спасибо вам, господин Слим, - продолжала она. - Сегодня я собираюсь работать с тройным старанием. Исключительно ради вас.

* Это я (англ. яз.)

** Я сказал правду моим читателям.

Ведь ничто не бьет по злопыхателю сильнее, чем успех объекта злопыхательства. Итак, весь вечер на сцене преданные служители эстрады Антонио Моретти и Евгения Нонешвили.

При этом мадам разорвала газетенку и швырнула клочья в зал.

- Where is Moretti?*** - заорал благим матом посрамленный и затюканный Слим. Он явно стремился продолжать внеплановый диалог в присутствии сотен свидетелей.

- Антоша, где ты? - игривым голоском протянула певица, повернув голову направо. - Молчит. Он принципиально с Вами не разговаривает. Придется мне одной отдуваться.

Словечко "отдуваться" заставила переводчика на мгновение запнуться. Парнишка попался добросовестный и пытался передать колорит языка оригинала. Пока он морщил лоб в тщетных поисках эквивалента, свет погас и заиграла музыка.

Пятнадцать минут гордого одиночества. Песни на русском. Краткое содержание переводилось на фоне вступления к песням. Связки получались очень красивые. Потом на подмогу прибыл Моретти. Темп увеличился. Постепенно двухмоторный двигатель набрал нужные обороты. Лихие танцы, включая стабильно молодой канкан, шутки - прибаутки, фейерверк туалетов и вдруг остановка: раздумья, переживания и снова в путь. Шумит, гудит скорый поезд, гремит на стыках. Загорелся в ней азарт, десять пожарных команд не потушат. Азарт переупрямить, перетянуть, перевернуть, удивить. На предпоследней репетиции осенила идея научиться жонглировать, хотя бы немножко, для разнообразия. Антонио пожал плечами, мол, валяй, если приспичило, непонятно только зачем это нужно. Ему непонятно, ей понятно.

Заперлась в номере и жонглировала мячиками и шляпами. Через шесть часов получилось. Правда, десять потов сошло. Тогда десять, сейчас, наверное, двадцать. Напряжение, нервы, да еще проклятая, подлая болезнь. "Не останавливайся. Остановишься, расслабишься, погибнешь", - повторяла Женя себе приказ. Движение, действие спасало. Концерт мелькнул искрой, показался ей одним глубоким вдохом. Она уходила со сцены разбитая, отсутствующая, без головы, рук и ног, а сзади неистовала, бушевала видавшая виды публика. Моретти раздавал поклоны и воздушные поцелуи за двоих. Женя на "бис" не появилась. Овации, овации, а ее нет. Всему есть предел. Публика постепенно потянулась к дверям. Еще слышатся отдельные полуфанатические хлопки. Вдруг на сцену выезжает, отчаянно сигналя, старинная машина. За рулем Нонешвили. Зрители повернулись, кинулись назад. Паника, сутолока, хаос. А она залезает на крышу авто

*** Где Моретти?

и... снова в бой. Мгновение и на крышу вскакивает Моретти. Две песни на прощание. Рассаживаться снова не стоит. Стойте в проходах. Стойте... Раз не верили, раз мучилась десять лет в заштатных группах, в провинциальных ансамблях, раз не приняли сразу, не уверовали, обошли, заставили долго ждать - то теперь терпите, стойте навытяжку в лучших залах Европы, теперь она отыграется. Бойтесь ее, будет носиться она по миру, неведомая сила, хозяйка медной горы из сказки, будет зазывать в трубы, срывать шляпы, хохотать из-за плеча в полночный час. Потому что теперь ее время. Упоена своей силой, своим талантом. Славой своей. Победительница, актриса, демон, звезда эстрады. Кто не верил - тот проиграл и прочь с дороги.

Постой в ее уборной - вавилонское столпотворение. Импрессарио - подтянутый, подстриженный под мальчика игривый итальянец - откупоривает по-гусарски шампанское, выстрел, струя пены в подставленные бокалы. По традиции пьют в честь певцов, которые выступили только что на знаменитой сцене. "Пускай это будет не последний раз". Тут журналисты, режиссеры, представители фирм грамзаписи. Все подходили к Жене и Антонио, поздравляли, как молодоженов на свадьбе. А невеста скользила по окружающим нервным взглядом. Среди многих лиц она искала одно. Искала и не находила. Просто его здесь не было. Оно, не сдерживающее обещание, лицо, валялось у себя дома на диване с книгой. На концерт не явилось. Целый день у Валерия страшно зудела голова, затылок придавил стотонный пресс. Настроение того хуже. Отдохнуть от всех, закрыться в комнате, схватить детективчик, успокоиться и никакого общества, даже собственной семьи. Не пойти на концерт невежливо, он понимал, а пойти невозможно. Ноги отказывались шагать, руки надевать костюм с рубашкой. Почему? До конца неясно, но так бывает.

Хандра слегка отпустила на следующие сутки. После мрачных колебаний Валерий решил нанести официальный визит, причем без предупреждений и предварительных договоренностей. Он готовился к серьезному разговору. Продумал свою речь. Он произнесет умную речь, аргументированную, безошибочную, тонкую. Разница в возрасте? Пустяки, сколько примеров. Разрушенная семья? Если рушится, значит некрепкая. Некрепкие умирают, крепкие выживают. Естественный отбор. Ребенок не пострадает. Дедушка с бабушкой не допустят. Катя - женщина молодая, привлекательная, накопает другого мужа, не накопает - на то воля господня. Работа? Он согласен обслуживать Женю, ездить, служить пацаном на побегушках, исполнять прихоти, только бы... Валерий любил ее, это последний, главный и самый сильный довод, на который есть один контрдовод - "не люблю". Наверное, смешно и странно смотреть со стороны, как человек со сложившимся статусом, мировоззрением,

положительный, "благородный", сходит с ума и враз перечеркивает прежде написанные страницы, особенно когда страницы эти не рождались в муках, а диктовались чужим мудрым голосом и с ходу - в чистовик. Со стороны странно, изнутри же совсем не странно. Кто консервировал эмоции в двадцать, выплеснет их в тридцать или сорок (иногда в пятьдесят - шестьдесят). Природа берет свое. За излишнюю степенность в молодости она мстит буйством в пору зрелости и старости, а за буйство в молодости расплачивается степенностью на этапах активного цветения и угасания (большим грешникам, правда, в плате отказывает). Буйство, пожалуй, чересчур громкое определение. Далеко не всем его подставишь. Многие люди ограничиваются минутным всплеском, иные бесятся тихо, в уголке, третьи накапливают в себе заряды, чтобы однажды взорваться по- крупному.

Нонешвили Валерий в гостинице не застал. В ее номере дежурил крючок, который шибко обрадовался гостю. Как выяснилось, из эгоистических побуждений.

- Будете ждать? Очень хорошо. Я тогда отлучусь на секунду. Она скоро придет. На обед с кем-то поехала. Вы зафиксируйте, кто звонил. Если она раньше меня появится, объясните, что меня вы выгнали... Просто взяли и выгнали. Иначе убьет. Вам все равно простит, а нам...

- За что убьет?

- За самоволку... У нас же как в армии. Дисциплинка. Побежал. Только не выдавайте. Дочке шубку искусственную приметил. Хочу купить, - делился крючок, спешно влезая в пиджак. - Десять лет трубил на киностудии. Там спокойно, мирно. Оператор с ведущей актрисой на неделю в Крым смотались, слова никому не сказали, думаете, был шум? Ничего подобного. Дружок его заменил, отсняли пока эпизоды без нее. Режиссер свой. Вошел в положение. Девочка- то разведенная, личную жизнь надо устраивать.

- А оператор?

- Оператор наоборот. Ворох детей, жен. Врач посоветовал снять напряжение. Я к чему это. Атмосфера добрая... без гонок, без, понимаешь, давай-давай. У нас же казарма. Она себя изводит, ребят изводит. Стадионы собираем, золотые диски, успех во!.. по горло. Мало. Еще, еще. Зачем? Деньги? Так она транжирит без толку. Племянницам, понимаешь, японские магнитофоны раздаривает, а себе дачу никак не построит. Нашему Славке недавно тройку вельветовую. Поистрепался, бедняга. На, носи. А кто он ей? Ни жених, ни любовник. Был бы парень хороший, а то шпана шпаной. В общем... безобразие. Обкрадывают ее, выматывают. Сердце кровью обливается. И нам достается на орехи. А как жить-то можно.

Красиво, с шиком. Птичье молоко стаканами хлебать. У нее имя, с таким именем я бы уже давно не работал. Вот натура-дура. Повлияйте хоть вы... Вас послушает.

- С чего вы взяли?

- Слава богу, не слепой. Эх... Объясните вы ей, что нельзя так, нельзя... Глупо. Ай... - протянул крючок, махнув рукой. - Побегу, пока не вернулась. Так, денежку она обещала положить.

Он полез в тумбочку, порылся там. Найдя разрисованный конверт с купюрами, принялся производить пересчет наличных.

- Железно. Тютелька в тютельку. Память у шефицы феноменальная и аккуратность тоже. Вчерась заикнулся насчет вспомоществования по бедности, между прочим, в лифте, когда спускались вниз. Добро, говорит, в тумбочке оставлю. Не забыла. Ничего никогда не забывает, ни одного взгляда, ни единого слова. Имейте в виду на будущее.

- Вы как, в долг, или... - саркастически улыбнулся Валерий.

- Намек понял. Мол, сам ругаешь и сам пользуешься. Се ля ви. Все мы сотканы из противоречий. Даже Федор Михайлович Достоевский проповедовавший духовное очищение, играл в рулетку и выторговывал копейки у издателей. Это гиганты, а что мы, мелкие зверьки. Кормимся около слонихи и довольны. Побежал... До свидания, до новых встреч. Регистрируйте, кто звонил. Звонят сейчас много. До свидания.

Стрелки часов стремительно описывали круги. Валерий томился в вакууме. Ни живых душ, ни звонков. (Сглазил крючок). Он уж и подремал, и вкусил холодненького, из холодильника пива, и послонялся из угла в угол, пока не наткнулся глазами на залежи книг и бумаг. Ага, любопытно. Валерий пустился разбирать стопку. От первого же названия аж присвистнул. Бальтасар Грасиан "Карманный оракул или Наука благоразумия". Кто таков Бальтасар Грасиан? Он перелистал. Древний мыслитель. Семнадцатый век. Страницы испещрены подчеркиваниями, красный карандаш гуляет по всей книге. Микроскопические, неразборчивые записи на полях. Неужели это читает она? Похоже. Валерий задумался. Когда в последний раз он брал в руки подобные сочинения? Кажется, в институте перед экзаменом по философии. А зачем ей Грасиан? Только мозг захламлять. За Грасианом следовали несколько номеров журнала "Театр", отпечатанная на машинке с массой орфографических ошибок пьеса Виктора Легентова "Эдит Пиаф", "Вестник Академии наук" (вот еще загадка загадок - к чему Жене сухие академические материи), отечественные и зарубежные романы. Характерно, что отсутствовали поэтические произведения. Впрочем, вскоре Валерий обнаружил и поэзию, правда, самодеятельную,

рукописную, и на изумление непесенную. Лишь немногие стихотворения, как правило, весьма посредственные предназначались для песен. Мадам так и писала наверху под заголовком "Песня". Металл поблагороднее шел под грифом "лирическое мимолетное".

В числе прочих пред светлые очи Валерия предстало "Обращение к другу". Другу? Интересно, к какому? Стоп, дата. Позавчера. Он вбуравился в помятый листок. Волнение мешало сосредоточится. Каждый шорох заставлял вздрагивать. Ощущение было такое, будто в руках сворованная дорогая вещь, а вот-вот войдут, увидят и тогда... Поэтому быстрый, внимательный. А строки пляшут, кисть трясется. Рассудок температурит, бьется в жару.

Остынь, мой друг.
Оставь свои терзанья,
Жесток, порою, жизни суд,
И не спасут тебя страданья.

Оставь, мой друг, свои терзанья,
Она не любит никого И главной
красотою мирозданья Считает
лишь изображение свое.

Что-то с ритмом в стихе. Мелкие неполадки. Валерий занимался в литобъединении и уловил. Хотя причем тут ритм! В напряженный момент в голову всегда лезут пустяки.

Ты так старался, ты хотел.
Счастливым сделать свой удел,
Но все старания никчемны И
изначально обречены.

Я думал, вот настанет время И ты
поймешь, судьбой гоним,
Что зря взвалил на сердце бремя,
Напрасно тратил столько сил.

Он бросил листик. Вот и все. Вот тебе поводы, аргументы. Вот тебе чувства. "Напрасно тратил столько сил". "Жесток, порою, жизни суд". Валерий закрыл глаза. Внутри пустота. Вокруг пустота. Чудак! Наивный ребенок. Старания твои, получается, "изначально обречены" никчемны. Принял игру за искренность. Он медленно, тяжело поднял веки и встрепенулся. Померещилось, что около

шкафа стояла Женя. Но это была не Женя, а ее концертное платье, повисшее на плечиках. Валерий подошел поближе. Платье казалось большим, широким, оно сияло, а сейчас, будто усохнув, висело похудевшее и посеревшее, такое одушевленное, что кажется, сама хозяйка висела на плечиках, далекая, чужая и родная ему душа.

Он ушел, не дождавшись Нонешвили. Подоспевший крючок подменил в роли вахтенного.

Свиделись они уже в Москве, когда у Валерия закончилась командировка. Поужинали в ресторане "Союз", поклялись не терять связь, почаще созваниваться, встречаться. Однако, встречаются они очень редко. Почему? Наверное, не хватает времени.

ШАНС

Повесть

Алексей медленно шел по Кертнеру, разглядывая шикарные витрины. Вена ожидала Рождество. Шумно, празднично. Разнаряженные венцы, туристы. Речь слышится самая разная. Даже наша, русская. Все несут в руках покупки, многие что-то на ходу жуют. Здесь любят сытно и вкусно поесть. Особенно напирают на свинину, да и на все остальное тоже. Давно, когда Алексей только приехал сюда, его умилил один эпизод в маленьком кафе. За соседний с ним столик сели две девушки, худые, нежного возраста и манер. За пятнадцать минут хрупкие создания съели по огромному венскому шницелю и тарелке жареной картошки, а затем основательно попили пива. Позже он понял, что шницель и пиво в этой стране - национальные виды спорта, и играют в них все: молодые, пожилые, худые, толстые. Несмотря на то, что по телевидению постоянно гоняют ролики, предупреждающие об ожирении.

Алексей свернул с многолюдного "венского Арбата", пересек несколько пустынных улочек и открыл массивную деревянную дверь. Это было то самое кафе, где годы назад он наблюдал прожорливых девиц. Он часто бывал тут. Не потому, что это кафе сильно отличалось от других, просто - привычка. Хозяйка Линда Блюм - подстриженная под мальчика, чуть за сорок, приветливая - симпатизировала Алексею. Судя по некоторым полунамекам Линда имела в недалеких поколениях российские корни. Впрочем, Алексей никогда не говорил с ней на эту тему. Для нее он был постоянный клиент, что само по себе уже немало.

- Привет, - сказал он, бросая куртку на спинку стула.
- Добрый вечер, господин Тармаков, - улыбнулась Линда.
- Принеси кофе. Холодно, надо согреться.

Алексей развернул газеты. Обычно он читал американские и советские газеты, местные лишь пробегал глазами.

- Что пишут? - спросила вежливая Линда, подавая кофе.

- Ребята из "Геральда" совсем сошли с ума, - туманно отозвался Алексей.

- Они получают столько денег, что могут позволить себе сойти с ума, - вздохнула Линда.

Говорили они на немецком. Когда Алексей приехал в Вену, он не знал ни слова по-немецки. Постепенно освоил - радио, телевизор, газеты, окружение, плюс склонность к языкам, хотя, в принципе, в этом городе можно нормально жить, владея английским. Здесь все, за исключением стариков, привыкли к английскому и реагируют на него гораздо лучше, чем на ломаный немецкий, на котором изъясняются обычно местные "лимитчики" - иностранные рабочие, весьма непопулярные среди коренных горожан. Если человек говорит на

хорошем английском, по-европейски выглядит, его здесь уважают, особенно молодые, воспитанные на американской культуре и не зажатые предрассудками военной поры.

Звякнул колокольчик. Появился мужчина в длинном модном пальто и шляпе чуть набок. Алексей на мгновенье оторвал глаза от газеты. Боже ... мужчина в пальто - Игорь Свирин. У Алексея чуть не остановилось сердце. Вот так встреча! Тот сел спиной. Не заметил или делает вид. Заказал у Линды стэйк. Говорит как настоящий венец, не отличишь. А ведь Игорь не учил немецкий. Но за то время, что прошло, китайский язык можно выучить. Сидит, не шелохнется. Неужели не заметил? Алексей раздумывал: подойти или закрыться газетой и себя не обнаруживать. Он придумал нечто третье: направился к Линде, якобы о чем-то спросить, тем самым навлечь на себя внимание, сделать встречу случайной. Пока Линда слушала с присущей ей сосредоточенностью наскоро изобретенные речи своего постоянного клиента, другой клиент раздувал щеки и мяукал себе что-то под нос. Увы, это был не Игорь Свирин. Хотя сходство фантастическое. Алексей, беседуя с хозяйкой, то и дело бросал взгляд на сидящего. Да, не он. Бывают же на свете похожие люди. Но у этого венца подзаплывшие глаза, у Игорька... у того - живинка. Прически разные. В остальном-почти копия. Бывает...

Алексей снова припал к газете. Но чтение уже не шло. Интересно, где сейчас Свирин, чем занимается? Лиза рассказывала, что он уволился из МИДа, крутился где-то в сфере культуры. Он всегда это любил: артисты, артистки, спектакли, концерты... Еще на Курсах было ясно, что для него перевод - занятие неглавное. Учился неприлежно, домашние задания не выполнял, однако умело выкручивался, ладил с директором и считался одним из лучших.

Подружились Андрей с Игорем не сразу. Поначалу не наблюдалось ничего общего между провинциальным мальчиком Лешей Тармаковым и сыном непростых родителей, выпускником Института международных отношений, за руку здоровавшимся с половиной московских знаменитостей, Игорем Свириным. Леша ведь попал на эти привилегированные Курсы почти случайно. Жил бы, наверное, и сейчас в своем городе Прокопьевске, работал в местном "Спутнике", но ... судьба.

Он на всю жизнь запомнил тот день, когда отец вернулся из Москвы со встречи однополчан. Алексей пришел тогда с работы поздновато. Родители сидели за столом. Начала мать - она была в доме организатором и вдохновителем.

- Лешик, у нас дело к тебе серьезное, - сурово посмотрела на отца. - Рассказывай. Только не тяни.

Чувствовалось, что родители до его прихода все обсудили и даже

немножко поругались. Впрочем, по мелочам они всегда ругались.

- Чего тянуть? Тут слов на две секунды, - сказал отец с некоторым волнением. - Понимаешь, я видел в Москве Михаил Ивановича. Он же наш председатель совета ветеранов. Вот ... Разговорились мы о том, о сем, о семье. Он ведь знает, что ты с языками работаешь.

- Короче, - не выдержала мать, - он может устроить тебя на курсы, где готовят сразу на заграницу. Год поучишься и на пять лет туда.

- Чего ты лезешь? - оборвал отец. - Никуда он не будет устраивать. Просто есть курсы, готовят на переводчиков.

- И сразу за границу, - напирала матушка.

- Ты помолчишь или нет? Если захочешь поступать, поезжай в Москву на пару дней, узнаешь порядок, документы какие положено. С Михаил Ивановичем посоветуешься. Но делать это надо быстро, уже сейчас шевелиться. Если хочешь, конечно.

- Чего ты молчишь, Лешик? - закричала мать.

- А это реально? - полуриторически спросил Алексей.

- Не очень ... - отозвался батя.

Тут мать окончательно взяла в свои руки инициативу.

- Реально. Нужно попробовать. Если не пробовать, то ничего не получается. Позанимаешься побольше. Чего ты не освоишь?

Позднее, когда отец лег спать, она продолжила обработку.

- Ты не отказывайся. Будь умнее. Мы поможем. К Михаилу Ивановичу съездим. А ты приналяг. Так, двойной тягой.

- Я не отказываюсь, - говорил Леша. - Но толком не понимаю, что это. Вы оба наговорили-наговорили. Я толком еще не разобрал.

- Разберешься. В Москве разберешься. Что за люди! Никто тебя приглашать не будет, и объяснять тоже. Сам давай. Где ты видел, чтобы у нас предлагали хорошие места? У нас их хватом захватывают. - Она самозакипала. - Только локти потом не кусай. Бегай, как цуцик, на работу с портфельчиком и ругайся с каждым дураком. Скоро твой Митричев сделает из тебя котлету, будешь тогда доволен. Вспомнишь мать. Тебе предлагают вроде как в космос слетать.

Алексей уснул с мутной головой. Ничего конкретного. Москва, курсы, заграница... Фантазия какая-то. Многое прояснилось после поездки в столицу. Чудесные деньки получились. Алексей остановился дома у Михаила Ивановича, подружился с его дочками - девчонками подходящего возраста: девятнадцать и двадцать три. Вместе они обошли весь центр города, пообедали однажды в "Национале", посмотрели балет в Большом, а в театре на Таганке знаменитого "Мастера". На субботу-воскресенье поехали на дачу, там ели на природе, запивали вкусным вином и подогретые бегали по лесу. Михаил Иванович оказался совсем другим, нежели Алексей представлял себе по рассказам отца. "Государственная голова...

дипломат, - говорил о нем отец, и воображение рисовало чопорного, недоступного человека с портретов, которые носят на демонстрации. А он оказался доступным, добрым. Девчонок своих обожал. И они на нем постоянно висли. Он уступал малейшим прихотям жены и мог незло, совсем по-ребячьи сказать: "Людка, дуреха, куда она мои очки положила?" Вообще атмосфера в этом доме была особенная, непринужденная, раскованная. Михаил Иванович непременно шутил, иногда разговаривал с девочками и женой на английском или французском, как объяснял, для практики. Здесь вместе читали книги, спорили о них. Дочки умели водить машину, и папа спокойно им доверял руль. Во время обеда спокойно наливалось пиво или вино, и никто никого не одергивал, тем не менее, больше стаканчика никто не выпивал. Материально михаливанычево семейство тоже жило неплохо. Многого из того, что было в квартире и на даче, Алексей прежде вообще никогда не видел. Почти все иностранное, необычное, красивое. Здесь впервые он смотрел фильмы по видеомагнитофону.

Деловая часть поездки тоже удалась. Во-первых, выяснилось, что Михаил Иванович курирует те самые курсы от министерства. Алексей встретился с директором - седым, лысоватым человеком с простым, крестьянским лицом. Тот проявлял исключительное дружелюбие и, затягиваясь сигареткой, малословно шутил. Никаких обещаний не давал, больше предпочитал спрашивать. Затем Алексей заполнил документы и написал письменный перевод нескольких текстиков. Два текста одолел легко, третий оказался зубодробительным - цветастые фразы, главная мысль теряется за абстрактными рассуждениями и, главное, слова знакомые, а выложить их на русском так, чтобы благозвучно и стройно получилось невообразимо трудно. После нескольких часов творческих мук труды были вручены директору, тот небрежно бросил листки в дальнюю папку и промычал: "Ладно, телефон есть, позвоним". Алексей не знал, что этот перевод и есть экзамен, он-то думал - просто прикидка, проба пера, слишком буднично и спокойно: сиди себе без ограничения времени, пользуйся словарями, никто над душой не стоит. А хитрый директор, давая тексты, через кашель говорил: "Возьми, покумекай". Ни слова больше.

Уезжал Алексей из Москвы со слезами. С чужой планеты предстояло лететь на свою, серую, где день на день похож и нет таких девчонок, как дочки Михаила Ивановича. Потом настал период ожидания. Нет, ему не было безразлично, чем закончится история. Там, в столице, он почуял, что есть шанс, и мать, как бы ни примитивно она рассуждала, по сути права. Шанс нешуточный. В малолетстве Алексей часто покупал на сэкономленные на завтраках в школе копейки лотерейные билеты и с нетерпением и замиранием сердца ждал газеты с таблицей выигрышей. Увы, удача не любила его.

Билеты выбрасывались в корзину. Но запомнилось сладкое нервное ощущение игры, веры, что "вот-вот". Это ощущение ожило. Он снова ждал счастливого билета.

Долгожданный звонок раздался. Позвонил, правда не директор, а сам Михаил Иванович. Очень кратко, без подробностей сообщил, что перевод понравился, теперь надо подъехать на собеседования и заодно привезти недостающие документы, в том числе копию свидетельства о браке. Это был удар. Алексей знал и раньше, что на Курсы принимают женатых, но он предполагал оформить брак, уже имея твердые гарантии поступления. Пока же почва рыхлая ... У него была девушка, они вместе учились в школе, часто встречались, но дальше не шло. Алексея пугали бесквартирье, безденежье и прочие "без". Зоя, по характеру тихая, не давила, не ставила вопрос ребром, чем кстати, еще больше к себе привязывала.

Груз вычислений придавил Алексея. Если жениться, а Курсы все-таки сорвутся - какой-нибудь поганый столоначальник шепнет: "Тармаков нам не нужен" и все - получится глупо. Не побежишь же разводиться... И засосет трясина. Гроши, пеленки. Тьфу... Неизвестно, чем закончился бы процесс вычисления, если б не настойчивость матери. Она выдвинула сильный аргумент - не попадешь в этом году, попытаешься в следующем, раз уж дорожка известна. И вообще при хорошей поддержке можно и по-другому в загранку попасть, но только если жениться.

Алексей решился. Расписались ускоренно, через недельку - мать договорилась в ЗАГСе сократить положенные сроки. Свадьбу сыграли скромную, но достойную. Гостей было мало - только родственники с обеих сторон. Выпили, закусили, попели песни под аккордеон. Наутро Леша побежал снимать копию со свидетельства о браке...

Собеседования в Москве прошли с большой кровью, между тем, ничего сложного и коварного для кандидатов в слушатели не подготовили. Обычные разговоры. Но Алексей не сумел подавить нервы. Его трясло. Особенно когда допрашивал некий представитель международной комиссии - лукавый француз со стальными очками на носу.

- Где бы вы хотели в будущем работать: и Нью-Йорке или Женеве? - поинтересовался француз на близком его сердцу французском.

Тармаков знал французский, но далеко не блестяще, тем более он настраивался на английский. К тому же вопросик, показалось тогда, имел "двойное дно". Потому-то Алексей понял, что вопрос банальный, за которым стоит вполне определенный смысл, поскольку места службы выпускаемых Курсами переводчиков - Нью-Йорк или Женева, очень редко - Вена, Бангкок, Найроби.

- Я готов поехать, куда пошлют.

- Пока вас не посылают. Еще год учебы. Но какой город предпочтительнее для вас и вашей семьи?

- Готов работать где угодно.

Француз заулыбался. Другие члены комиссии, в том числе и советские, тоже обозначали улыбку.

- В каких странах вы бывали? - возник директор.

Алексей растерялся. Неужели он не в курсе? Анкеты ведь читал...

- Ни в каких. Я за рубеж не выезжал.

- Видите, господин Пелан, - обратился директор к французу, - кандидат не видел ни Нью-Йорка, ни Женевы, и ему трудно выбирать.

Присутствующие засмеялись. Нет, не заливались, а культурно, синхронно, в течение нескольких секунд порастягивали губы.

Позже с глазу на глаз директор сказал: "Молодец... куда Родина пошлет, туда и поеду. По-нашему... Ишь ты, Женева или Нью-Йорк. Вредный тип, сей господин Пелан. Империалист несчастный". В этих словах присутствовала, конечно, ирония, но по всему было видно, что ответ пришелся по вкусу начальнику.

И опять же после собеседований полной ясности не наступило. Михаил Иванович прокомментировал так: "Пока все идет нормально". На Курсах вообще от комментариев воздерживались.

Другие ребята, крутившиеся в коридорах, - с некоторыми Алексей успел познакомиться, - в высказываниях очень осторожничали. Короче, туман.

Он уехал домой с еще большей, чем раньше, тревогой. "Пока нормально". Почему пока? Да или нет? Если сорвется? Он ведь немало уже бросил на карту. Спустя время Алексей поймет, что в системе, куда он влился, до последнего момента никогда ничего неясно, поэтому авансов здесь давать не любят.

Тридцатого августа он снова приехал в Москву. На общем собрании зачитали списки: попал. Вечером счастливый и пьяненький, слушатель Курсов Алексей Тармаков сидел в гостях у Михаила Ивановича. Дочки балагурили, хохотали, играл магнитофон, хозяин отпускал шутки, хозяйка вертелась на кухне и, надо сказать, небесполезно - ужин получился по-настоящему праздничным. Ему тогда не верилось, что все свершилось...

Домой он сорвался на два дня: рассчитаться на работе и сняться со всяких учетов. Мать с женой - да, Зоя теперь уже жена, никуда не денешься - закатили пир. Мать радовалась, суетилась, целовала его через каждую минуту, Зоя тихо сияла, отец донимал вопросами. На работе встретили, в основному кислыми физиономиями, некоторые даже не здоровались. Шеф имитировал большую занятость и, кроме "крепись", напутственных слов не нашел. При чем тут "крепись"?

"Ладно, - думал Алексей, - пошли к чертовой матери, они для меня сейчас ничто, пройденный этап. Пусть сами крепятся. Когда-нибудь я им припомню".

Праздники закончились. Начались будни. Учеба захватила полностью. Алексей старался. Сидел в своей комнатке в общежитии до двух-трех ночи. Оттачивал переводы, которые задавали на дом, читал пособия и конспекты. Больше всего он боялся сорваться, выглядеть слабаком. Но не только страх заставлял усердствовать. Ему было интересно. Курсы казались марсианским изобретением. Здесь преподавали Библию, древнегреческую мифологию, экономику, статистику международных организаций, право, политологию, литературу, основы современного естествознания и прочее разное. Пусть не в глубину, а по верхушкам, все равно ново, любопытно. Преподаватели - люди неординарные, при этом каждый неординарен по-своему и каждый знает свое место в медленно текущей курсовой жизни. Среди них, как и везде, были свои либералы, философы, бездельники, кровопийцы. Даже диссиденты. Специалист по экономике, например, такое говорил про наше хозяйство, что хотелось выйти, ибо страшно находиться в аудитории, где произносятся подобные речи. Однако на общем фоне наибольший интерес вызвали три фигуры. Первая - директор. Он читал лекции о международных отношениях. Поступал просто: открывал книгу и оглашал целые страницы. Иногда отвлекался, рассказывал какие-нибудь курьезные истории из своей практики. Шеф немало лет проработал в ООН, но злобные силы стали распространять слухи, что он - разведчик, и из Нью-Йорка пришлось уехать. Остались одни истории. Их у него было много. Он говорил тихо, медленно, обычно не выпускал изо рта сигарету - дым выпускал в окно. Завершал, как правило, выражениями типа "вот и вся капуста" и "ловить там больше нечего, ребята". Иногда во время читки - читал бесстрастно, чаще тараторил - он спотыкался о какую-нибудь фамилию или географическое название и замолкал, а затем задумчиво, глядя на притихших слушателей, либо устремлялся куда-нибудь в окно, говорил примерно так: "Я встречался с ним. Веселый старичок..." Если речь о городе, стране: "Бывал там. Жарко". Более слов не тратил. Остальное - в паузе, в покачивании головой. Да, было о чем вспомнить деду. Ребята уважали его. Живой памятник...

Другая достопримечательность Курсов - политолог Поварков. Точнее сказать, артист-политолог. Артист, потому что, рассказывая о германском фашизме, он мог кататься по ковру, изображая фюрера, произносить величественный тост с сильным кавказским акцентом в духе "отца народов". Поварков вскакивал на стул, кричал, почти плакал, заразительно ржал, посылал в буфет за чаем, стонал, угрожал, при этом всякий раз режиссура моноспектакля менялась. Апогеем

творческой деятельности политолога Поваркова явилась речь о пиве. Ругая обывателей, называя их навозом для любой диктатуры, политолог с придыханием вещал: "Я обыватель. Мне плевать на мировые проблемы. Я сижу с кружкой пива. Мировые проблемы далеко, а пиво - вот оно, рядом. Холодненькое, такое, знаете ли, с пеной. Пену сдуешь и поехал маленькими глотками. А под пиво хорошая закусь рыбец жирный или креветочки. Палочки соленые тоже хорошо. Пивко густое, не водянистое. Тянется отлично. В теле приятная тяжесть. В голове немножко шумит. Тут-то и надо взять сигаретку. Ну, а если еще есть грудь, на которую можно положить голову... О, - завел глаза лектор и через мгновение разбесился. - Вы говорите глобальные проблемы, политика? Я плевал на это. Я в гробу видел. К е... матери. Пиво - вот жизнь". Он стукнул кулаком по столу. Раздались аплодисменты, сперва жидкие, потом - во всю мощь. Двадцать пять слушателей в едином порыве выразили восхищение. Впечатление, кстати, усиливалось тем, что действие происходило в субботу, в жаркий весенний день и одно упоминание о пиве сводило с ума. Актер умел выбрать момент...

Занимательным персонажем представал Владимир Иванович Якушев - преподаватель экономического перевода. Он был мрачным, ходил незаметно, скорее скользил вдоль стен в коридоре. Одевался несуразно, такое впечатление, что его синий потрепанный костюм-с чужого плеча. Приходя на занятия, Якушев сначала осторожно приоткрывал дверь, просовывал седую голову и неизменно спрашивал: "Здесь?" Не дожидаясь ответа, устремлялся к своему столу. Его поведение было очень странным: за чепуху мог устроить разнос, а порой смотрел на все сквозь пальцы. Слушателей Курсов мучил изрядно, некоторых - по характеру невыдержанных - просто доводил. Жертвы обрабатывались постепенно: сперва замечания, колкости, шутки, потом - выговоры, насмешки, наконец, прямая атака с криком, запугиваниями. У кого-то не срабатывали тормоза - отвечал. Владимир Иванович, видимо, ждал бурной реакции и, получив повод, приступал месить ногами. Алексей тоже почувствовал на горле когтистые лапы - Якушев в какой-то момент стал смеяться над его вполне приличными вариантами перевода и заявлять: "Нет, не профессионал ты еще, Тармаков. Тебе тренироваться и тренироваться". Наученный чужим горьким опытом, Алексей на конфликт не пошел - молчал с внешней бесстрастностью и слушал. Играл тупого исполнителя. В итоге Якушев потерял интерес, отстал. Через определенное время даже похвастал: "Вот, Тармаков, уперся обеими ногами в дословность и превратился в человека". Ересь какая- то! Как переводил, так и переводил, причем тут дословность... Вообще Якушеву принадлежала масса странных высказываний. Он, например,

говорил, что все болезни - от ушей, или советовал при флюсе прижаться щекой к батарее. Переводил он тоже с вывихом. То затевался искать потаенный смысл там, где было ясно, то, наоборот, без оснований упрощал. Мог полфразы вообще не переводить, патетически восклицая: "Я выкинул, потому что для смысла это ничего не дает, только мешает понять". Мог буквально черное назвать белым и привести кучу аргументов, один надуманнее другого, в итоге запутать, закрутить, что черное действительно не отличалось от белого.

Большинство ребят считали Якушева болваном. Алексей тоже так думал. Но однажды Якушев произнес фразу, которая поменяла впечатление Алексея о нем. Он сказал: "Важна не правильность перевода, а то, сумеешь ли ты отстоять свой вариант". Через эту фразу виделось все иначе. Нет, не болван, а учитель тактики. Он обучал не терминам и правилам, а тому, как надо себя поставить и какой демагогией запастись, чтобы не пропасть в жизни. Фактически он моделировал практику. Причем не сознательно, не в силу педагогического замысла. Ему, видимо, доставляло главное удовольствие копаться в психологии слушателей, незримо ощупывать их характеры, разыгрывать с ними экзерсисы. Алексей понимал взгляд Якушева, напряженный, проникающий, выворачивающий наизнанку. С его появлением в аудитории поселялось ощущение неловкости, какой-то даже опасности.

"По-учебному хорошо перевел, ну, а в жизни... - ворчал обычно Владимир Иванович. - Вызовет тебя начальник и давай за вольности, за выдумки. Потом на собрании. И уже - репутация. Ребята потихоньку посмеиваются. Все, тебя записали в дурачки. Потом бей себя в грудь, из кожи лезь, не поможет - записан в дурачки". Якушевские абстрактные ситуации "из жизни" были, конечно же, автобиографичны. В какой степени - судить трудно. По слухам, он когда-то закончил эти же Курсы, поехал за границу, законфликтовал с руководством - причин толком никто не знает, - приехал назад в Союз и с далеких пор "туда" не выезжал. Несколько раз пытался оформлять документы на выезд, но дело это после волокиты застревало. Крепко, видимо, Якушев запал в чью-то душу.

А еще любил Владимир Иванович приходить на лекции диссидентствующего экономиста. Садился скромненько в уголок, потертый портфельчик - на колени и ловил каждое слово. Криво улыбался. Подергивал головой. Зачем приходил? Послушать то, что сам боялся говорить вслух? Сам Якушев не увлекался либеральной болтовней, лишь иногда срывались туманные реплики, но слишком туманные. Перед директором он заискивал, сутулился больше обычного, но в его подобострастии, как ни странно, читалось скорее презрение, чем желание выслужиться. Однажды произошел такой

любопытный случай. Шеф появился в аудитории во время занятия. Постоял, поприщуривался и ушел. На Якушева пришествие оказало неожиданное действие. "Видели, начальник. Сам начальник! - буквально завопил он, будто заходил президент Америки. - Пришел, поглядел. Что хотел? Неизвестно. Так часто бывает. Придут, посмотрят, раз и все". Тут он скис и просидел до конца пары, уставившись в одну точку на своем столе.

Якушева Алексей вспоминал часто. По разным поводам и без повода. Для работы уроки Якушева не казались бредом. Вскоре после приезда в Вену прилетела весть: Владимир Иванович умер. Прямо на улице, от инфаркта. Ребята реагировали бурно, но в целом без переживаний. Алексей переживал по-настоящему. Вроде не родственник, не друг, а горько было. Оборвалась часть того мира, который остался позади в розовой, счастливой дымке.

Да, Алексей любил Курсы. И тогда, когда учился, и потом. Здесь хорошо дышалось. Всякий день - новое. Вокруг толковые люди. За год узнал больше, чем за пять лет института. Плюс Москва. Благодаря Игорю Свирину он лицезрел большие столичные дома не только с фасада. Игорь, подвижный, ловкий, знал, казалось, всех и все. Сдружили их обстоятельства. Сперва совершенно случайно сели за одну парту. Позже Игорь, который в отличие от Тармакова не думал особенно о занятиях - его увлекали какие-то посторонние дела - попросил разрешить списать Лешин перевод. Потихоньку списывать он стал постоянно. Причем умудрялся, шельмец, преподнести чужую работу так, что ни малейших сомнений. Обычно домашние переводы зачитывали. Так вот у Свирина абсолютно та же фраза звучала по-другому, гораздо лучше, чем у Алексея. Преподаватели чаще хвалили Свирина. Артист...

В Алексее накапливалось раздражение. Сосед по парте тоже понимал, что бесплатное пользование долго не может продолжаться. Он решил не оставаться в долгу.

- Старина, тебе огромное спасибо, - нежно сказал как-то Игорь. - Здорово ты меня подпираешь.

- Ничего, - сдержанно отозвался Алексей.

- Ничего - пустое место. А с меня причитается. Пойдем сегодня в кабак.

- Не смогу. На завтра французский делать и рубашки еще постирать надо.

- Старина, брось рубашки, - рассмеялся Игорь. - Что у тебя, семеро по полкам? Живешь один. Жена за тысячу километров. Какие проблемы... Пойдем в кабак, я угощаю.

- В кабак не стоит. Дыхнешь там на кого-нибудь и в милицию заберут. Скажут - пьяный. Докажи потом.

- Ладно, тогда пойдем к моему приятелю. У него как раз тусовка идет.

- Тусовка? А что это? - спросил Алексей.

- Тусовка - то, чего нам сейчас не хватает. Тусовка, дорогой товарищ лингвист, - понятие многозначительное. Это и компания как таковая, это и сам процесс общения в компании. Мы ведь за общение, правда? Кстати, познакомлю с отличными девчонками. Советую не теряться.

- Я же женат, - без иронии заявил Алексей.

- Старина, мы все женаты. Я не к разводу призываю, а, так сказать, к новым впечатлениям. Итак, сегодня в семь жду тебя у памятника Маяковскому. Знаешь, где это?

Последний вопрос оскорбил Тармакова, но он вида не подал.

Тот вечер в доме Игорева приятеля имел значение для Алексея. Что-то после того вечера хрустнуло в мозгах, что-то переменилось. Приятель, по имени Димон, был из молодых, да ранних. Уже знаменитый на страну. Он сочинял песни, не бог весть какие сложные, но людям нравилось. Его имя часто мелькало в эфире. Он - первый композитор, которого Алексею пришлось увидеть вблизи. И был это не седой дед, а одногодка. Квартира - небольшая, но заваленная дорогими и красивыми вещами. За столом бутылки из не наших магазинов. Компания - две девушки, худые, сильно накрашенные, и бородатый парень с острым взглядом - Санек. Девушек, кажется, звали Рита и Татьяна.

Игоря здесь приняли как своего. Впрочем, почему "как". Он и **был** своим. С Лешей вежливо поздоровались.

- Ребята, у всех налито? - кричал Димон. - Давайте выпьем за здравие и на счастье. Вот бежит, шумит веселая капель, день уйдет, за ним наступит новый день.

Присутствующие дружно чокнулись.

- Про капель я еще не слышала. Давно написал? - игриво спросила одна из девушек - Рита. Она вообще вела себя игриво.

- Давно. Уже сто лет, как записали. Скоро в "Утренней почте" дадут, - с эдакой ленцой отозвался Димон, как бы подчеркивая, что он устал от песен и "Утренних почт".

- А с кем писал?

- Сам. Крутой шлягер получился. Вот увидишь, во всех кабаках будет.

- Твои песни и так во всех кабаках, - сказала Рита, раскуривая длинную черную сигарету. - Сидели недавно в "Праге", там раз десять, наверное, крутили "Весна, цветы, судьба". Достали уже! Андрон метра позвал, сказал: Сколько заплатить ребятам, чтобы они не играли?

- Метр - Паша что ли? - спросила вторая девушка - Татьяна.

- Нет, другой. Новый какой-то. Деревянный тип. Лимитчик. Говорит, народ тащится, ребята и играют. Ну, Андрон ему четко: плачу деньги, чтобы они пластинку поменяли. Лимитчик начал пафос давать.

- Надо было Лидию позвать, - перебила Татьяна.

Тут впервые подал голос бородатый Санек.

- Андрон разберется и без Лидки.

- Ему быстро объяснили, - продолжала Рита. - Ребята взяли бабки и больше почти вообще не играли.

- Мне больно это слышать, - саркастически улыбнулся Димон. - Хорошая музыка должна звучать, благотворно влиять на трудящихся.

- Не волнуйся, твои авторские Андрон не урезал, - сказал бородатый.

Татьяна не очень весело рассмеялась.

- Димона не урежешь. Попробуй. Он у нас богатый. Поделился бы с бедными девушками.

- В нашем обществе принято зарабатывать деньги, а не вымогать их, - отозвался композитор.

- И делиться с товарищами. - Бородатый Санек отпил деликатного напитка. - Но Димоша молодец, он делится, чего нельзя сказать о будущих международных деятелях.

Тут присутствующие обратили взоры на Игоря и Алексея. Игорек заулыбался и отбился фразой вроде: "Мой пример не очень характерен". А Санек принялся за Алексея.

- Вы учитесь вместе с Игорем?

- Да.

- Это хорошо. За бугор скоро поедешь, штаны-бананы привезешь, а девкам колготки.

- До распределения еще далеко.

- Не бойся, распределишься, поедешь как положено, колготки только не забудь.

Девушки попросили включить видео. На экране замелькали не наши лица. Компания задымилась от интереса. Только Димона тянуло поговорить. Он рассуждал вслух о том, что русский шлягер должен быть про реки, моря, березы, глаза незнакомок. Тогда это будет петься, и автор получит деньги. Он восклицал, что не хочет записываться в сторонники абсолютной идеи, которая должна перевернуть мир и не верит в абсолютное счастье для всех. Алексей запомнил одну фразу из его речи, позже эта фраза не раз вспоминалась: "Мне что-нибудь поменьше, попроще: работа чтоб в кайф, денежки чтоб не переводились, квартира чтоб не сгорела, ибо мы живем не для выполнения плана и экономии металла".

Алексей устал в этой "тусовке". Ему хотелось поскорее уйти. Но

прежде, чем он ушел, состоялся неприятный разговор. Начался он вполне невинно: Татьяна сообщила, что кто-то из ее подруг продает новый японский магнитофон.

- Может, вам надо? - спросила она Алексея и добавила: - Какая у вас машина?

- У меня нет машины.

Ребята сдержанно заулыбались.

- Машина в смысле магнитофона.

- Магнитофона здесь тоже нет, а дома у нас "Яуза". Большой такой.

Татьяна скривила свои пухлые, созданные для любви, губки.

- "Яуза" - это круто. Ничего не скажешь. Так вам самое оно поменять "Яузу" на "Шарп".

- Нет-нет, у меня нет таких денег.

- Ну извини. Денег нет, тогда ловить нечего.

- Ничего, - буквально заорал Санек. - Поедешь за кордон, затаришься такими "шарпами", что никому и не снилось. Все опухнут от зависти.

- До магнитофона еще далеко, - дал провинциальную откровенность Алексей. - Простых нужд много... Магнитофоны и наши неплохие.

Вот тут ребята развеселились. Санек первым схватил хлыст:

- Правильно, у нас самые лучшие в мире магнитофоны. Вы отлично подкованы идейно. Политически грамотен. Морально устойчив.

- На наши маги хорошо ставить тяжелые предметы, - подхватил Димон. - Супницу, например. Прекрасная подставка.

Алексей попытался отбиться.

- Мой неплохо работает. Слушать можно.

- Слушать можно все, что мы и делаем, - воскликнул композитор.

- Да еще аплодируем, - сказал Санек.

- Наши зато более прочные.

Леша бодался уже из принципа.

- Я же говорю: прекрасная подставка. По объему выдерживаемого веса равных не имеет, - смеялся композитор.

- Не привязывайтесь к мальчику. Нравится "Яуза" - на здоровье, - вставила Татьяна и спросила: - Ты за границу когда-нибудь ездил?

- Нет.

- Вот поедешь, посмотришь. Просветишь нас насчет аппаратурки.

Что-то кто-то еще сказанул. Пошутил. Это стало последней каплей. Леша взвился,

- Вы не оскорбляйте, и дурака из меня не делайте. Пижоните тут... министры.

Наступило молчание. Они переживали. Затем Игорь постарался

замять, увести разговор в сторону. Интересно, что Игорь никогда впоследствии не касался эпизода в доме композитора, не делал выговора Алексею. Будто ничего не было.

На самом деле эпизод был. И зарубка осталась от него. Тармаков ежился при воспоминании. Конечно, нахамил, повел себя неумно, невыигрышно, как провинциальный медведь. Через годик-два отвечал бы совсем по-иному. Но тогда еще не обтесался, не покрутился "в средах". Опыт - дело наживное. Первые уроки - самые впечатляющие. Впервые жизнь сказала ему: ты дерьмо, ты смешон со всеми своими планами и мечтаниями. И суть не в ссоре. Раньше тоже приходилось ссориться и ругаться. Не обидными словами, а фактом своего существования веселая компания во главе с Димоном перевернула то простое и привычное, что покоилось в Тармакове. Оказалось, что не все живут так, как его родители, родственники, знакомые, даже как Михаил Иванович. Есть люди, для которых все отдельное: фильмы иностранные по видео, ужины в "Праге", диковинные сигареты и выпивка. Одеты отдельно и разговаривают отдельно, не о ежедневщине, а о чем-то таком... Ведь кто-то гениально придумал: обитает гражданин в своем Прокопьевске, гуляет по улице, стоит в очереди, жалуется в исполком, что крыша протекает, в газетах читает про строительство универсама в далекой Якутии и про успехи шахтеров и считает гражданин, будто все, как он, а другого просто не существует. И так всякий плавает в личном корыте, чужие корыта скрыты, они где-то, отсюда хорошее самочувствие. Ничто не смущает. Когда не знаешь, спокойнее спишь. Кто-то гениально придумал.

Знакомство с московским "светом" и "полусветом" не закончилось на Димоне и его компании. Опять же через Свирина Алексей попал в дом вдовы знаменитого генерала Смирнова. Получилось это случайно. Вдова генерала, Марта Викентьевна - престарелая дама, худенькая, энергичная, - сломала дверной замок. Попросила Игоря Свирина прийти и разобраться. Игорь, конечно, не был слесарем, просто его родители дружили со Смирновой, и старуха вечно привязывалась с просьбами. Исправить замок Игорь, который хлеб-то ровно не умел порезать сам, не мог и взял с собой Тармакова. Леша отвел беду от вдовы и вообще понравился ей. Она зазывала его на чай, а попутно ремонтировался кран, пододвигался массивный шкаф. Леша безропотно принимал поручения, порой нелепые. Но чай наливали, даже конфеты выставлялись.

- Попробуйте конфетки, - говорила Марта Викентьевна, - очень вкусные, не стесняйтесь.

После первой чашки она обычно предавалась воспоминаниям. Морщинистое лицо сразу оживало.

- Познакомилась я с Сергеем Александровичем очень интересно.

Он приехал к нам в театр на "Лебединое озеро". Нас за неделю предупредили: будет Смирнов. Шуму было, беготни. Начальство с бледными лицами. Александр Сергеевич приехал со своим заместителем Балабановым Никитой Юрьевичем... Мы с ним очень дружили. Умер он год назад. Приехал, посмотрел спектакль, а потом сказал директору: "Я хотел бы предложить вашей приме, Марте Норской, выступить в нашей аудитории, перед военными. Можно ли с ней побеседовать на эту тему?" За мной сразу послали гонцов. Для меня это было так неожиданно, так неожиданно. Подумать только: Смирнов и вдруг - меня?... И я, как его увидела, слова вымолвить не могла. Язык отнялся. Я ему толком тогда ничего не ответила. А через два месяца он предложил мне руку и сердце. Я продолжала танцевать, но, конечно, все было не так. Положение изменилось, я уже была жена, и из балета потихоньку пришлось уходить. Ой, как мне завидовали! Просто черной завистью.

Алексей слушал, не перебивая. Он понимал свою задачу. Вдове, как любому пожилому человеку, нужна аудитория, пусть не многочисленная, даже из одного слушателя, главное выговориться. Рассказы за чаем повторялись. Тармаков узнал почти все о знаменитом генерале: что даров от подчиненных он не получал, со Сталиным встречался чуть ли не ежедневно, управлял жестко, но справедливо, жену любил безумно. И она любит до сих пор и любила его больше, чем балет. "Еще бы не любить, - думал Тармаков, - пятикомнатная квартира, хоть на велосипеде катайся, дача, машина с шофером, домработница, санатории. А ведь он довольно давно умер". Несмотря на то, что генеральша жила в богатстве, особой щедрости от нее не наблюдалось. Полдня могла плакаться по какой-то ручке, которой рубль цена, или торговаться с водопроводчиком. Алексею, кроме жиденького чая с задубевшими от долголежания конфетами ничего не перепало. Впрочем, неправда, перепало...

В последний свой визит Алексей обнаружил вдову Смирнову разгоряченной. От нее припахивало спиртным. Потому, видно, традиционный чай проходил веселей, чем обычно, и, помимо конфет, на столе появилась колбаса.

- Балет - не работа, - кричала Марта Викентьевна, полыхая щеками, - балет - судьба! В театре все особенное, даже запахи. Вы обратите внимание, Алешенька, за кулисами, на сцене и в зале - везде свой непередаваемый запах. Я до сих пор чувствую запах. Я могла часами сидеть, просто смотреть, как готовится сцена, собирается оркестр, как вот-вот и начнется. Там-тарам-тарам, там-там... Ты маешься, истязаешься за кулисами. Ничего не видишь, не замечаешь. Комок нервов. Только бы не расплескать образ, только бы не расплескать. И наконец...

Она привстала, сделала несколько движений. Руки поплыли, глаза закрыты. Да, не напрасно понравилась Марта Норская в свое время генералу. Тармаков очарованно глядел на небольшой спектакль. Однако следующий поворот был еще более неожиданным. Вдова удостоила гостя поцелуем в щеку. Алексей ощутил тепло. Вовсе не старушечий поцелуй, не порыв бабушки к внуку. Это была мгновенная вспышка. А потом опять чай и конфетки...

Время бежало. За редким исключением время не оставляло зарубок в памяти, текло ровно, блекло, одинаково. Потихоньку Алексей перескрипел зиму. С весной пришли страхи и переживания. Как выпускные экзамены? Куда распределят? И вообще распределят ли? У Тармакова сложилась хорошая репутация - "звезд с неба не хватает, но трудится, старается". Бояться повода не было. Занятия не пропускал, общественную работу вел, не задирался, не хамил. Однако... Алексей почувствовал, как ребята вокруг немножко изменились, посерьезничали, даже посуровели. В курилке болтали поосторожнее, с трепетом выпытывали друг у друга малейшие новости насчет настроений и планов начальства. Не менялся только Игорь Свирин. Он по-прежнему болтался по артистическим компаниям, вечерами и ночами гулял, утром на первом занятии клевал носом, на втором шептал Алексею о том, с кем он в очередной раз познакомился, и кто ему вчера крепко жал на прощание руку. Развеселость Игоря на фоне общей удрученности раздражала. "Конечно, - думал Леша, - твои родители знают все заранее, можно не беспокоиться". Но вскоре Свирин втайне поделился, что он на грани развода, следовательно загранка сорвется, и Леша уже не раздражался, охотнее давал ему списывать и даже слегка жалел.

К Михаилу Ивановичу заходил нечасто, следуя совету отца "лишний раз не морочить голову". В том доме принимали по-прежнему сердечно, жарили отбивные, наливали пиво, девочки крутили видео и много смеялись. Хозяин шутил и тоже смеялся, словом, мило. Ничего важного насчет своих жизненных перспектив Алексей не слышал. Михаил Иванович упорно обходил эту тему. Иногда лишь спрашивал о том, что происходит на Курсах, причем непременно с шуточкой. Тармаков стеснялся прямо задать вопрос, мол, что со мной будет, хотя такой вопрос сидел на кончике языка.

В мае приехал отец на традиционную встречу ветеранов. Естественно, виделся с Михаилом Ивановичем. Леше потом сказал: "Вроде все нормально". Что нормально? Отец не тот человек, чтобы лезть в душу, высекать подробности. Поэтому "нормально", с одной стороны, немного успокаивало, с другой - тревог не снимало. Хороший номер-специально жениться, проучиться год и никуда не поехать, вернуться в родной Прокопьевск, в свою безысходную контору, где

коллеги и начальник будут издеваться настолько, насколько хватит у них фантазии. Соседи, знакомые и прочая прокопьевская шушера обхихикаются на радостях. Тогда он полный дурак.

Переживания оказались напрасными. В мае закончили учиться, в июне сдали экзамены, опять встретились с международной комиссией, правда, люди в комиссии были уже другие, мило побеседовали, в выходной день вместе покатались с иностранцами на теплоходике по каналу имени Москвы, поели в бухте Радости шашлычков, попили сухого вина и шампанского. Солнце, шезлонги, ветерок обдувает... Потом, как и положено, узнал Алексей, что ехать ему назначено в Вену. Честно говоря, это была неожиданность, он настраивался на Нью-Йорк или Женеву - большинство ребят направили туда. Но Вена тоже хороший город, и Тармаков не расстроился. Дальше - хлопоты. Сбор документов на выезд, бесконечные созвоны с кадровиком, дурные справки. Причем одновременно бумажки собирала жена. Зоя путалась, не по форме заполняла анкеты, не так сфотографировалась, чем измотала чиновников. Они ругали Лешу, он ругал Зою, та нервничала еще больше и снова ошибалась. При обследовании в поликлинике у нее обнаружили какое-то пятно на почке, врач поднял шум. Тармаков буквально чуть не умер - неужели из-за пятна все насмарку. Посовещавшись, медики решили, что пятно не опасно, хотя в будущем может стать опасным, хотя это окончательно не ясно, хотя остерегаться надо. Короче, обычное наше заключение: случиться может все. Но на итоговом бланке написали: "Здорова". От сердца отлегло.

Перед самым отъездом навестили родителей в Прокопьевске. Мать, счастливо возбужденная, закатывала столы, созывала знакомых. С утра до вечера ели и прощались. Отец молчал, но чувствовалось, что он тоже счастлив. Он ведь не очень-то верил в затею. Зоины родственники растерялись, для них все это было непонятным, полуреальным. Слово "Курсы" они воспринимали, слово "ООН" звучало космически. Лешка Тармаков, которого запросто хлопали по плечу, у которого гудели на свадьбе, вдруг в "ООН", да так быстро. И ведь даже в райкоме не работал, а сразу за границу, в ООН. Теща норовила задавать каверзные вопросы. Подозревала она что-то. Но вслух говорить боялась.

Из Шереметьева они вылетели утренним рейсом. Провожали их отец с матерью, Игорь Свирин и дочки Михаила Ивановича. Накануне целый день вместе с Игорем отправляли несопровождаемый багаж: сковородки, тарелки, утюги и прочую дрянь. Устали. Поэтому Леша особых чувств не испытывал, ему мечталось залезть в кресло и заснуть. Мать плакала. Дочки Михаила Ивановича почти плакали. Игорь никак. Просил выслать ему модные сигареты "поугощать

людей". А Алексей вдруг обнаружил, что у него грязные ботинки. Вот незадача... ехать в Европу в нечищенных ботинках. Безобразие...

Наконец прошли через стойку. Безусый пограничник, прыщавый, пальцы в зеленке, взял паспорт. Разглядывал внимательно, долго. Ясно - человек на службе, страна доверила ему важный участок.

- В посольство едете? - спросил зачем-то пограничник.
- Нет, - твердо отвечал Алексей, - в международную организацию.

Пограничник, не снимая настороженности, кивнул. Алексей был почти одного возраста с этим парнем. Пограничник возвратил паспорт и посмотрел на молодого дипломата зло и завистливо. Так, по крайней мере, показалось Леше.

Когда самолет оторвался от земли пришло настоящее блаженство: от расслабления в кресле, от ощущения того, что хлопоты закончились, но самое главное-от ожидания неизвестного ухода от привычной среды, которая просто поднадоела.

В Вене их встречали. Высокий человек в очках, посадил в старенький "Вольво", и повез в дома советского представительства.

Встречающий, по имени Вася, был коллегой по службе, потом они сидели в соседних комнатах. В дороге Вася говорил мало, судя по лицу, накануне он бурно провел время, оттого испытывал тяжесть. Супруги Тармаковы, как и следовало предполагать, глядели сквозь стекла на чужой город. Вена напоминала Москву - примерно такого же роста, без заносчивых небоскребов, много серых зданий, похожих на те, что сурово стоят на Кутузовском, трамвайчики бегают совсем как в Москве на Бауманской. Тармаковы не ощущали себя в другом царстве. Но кое-что все же резко отличалось. По глазам били изящно, ярко оформленные витрины, рекламные щиты. И автомобильный поток совсем другой, машины самые разнообразные, естественно, иностранные, с картинок и проспектов. Такого разнообразия в Москве нет.

В первый день Алексея и Зою поджидал сюрприз. Дежурная в домах нашего представительства - толстая тетка в шлепанцах, как выяснилось потом, жена одного чина - разместила их в подвале, в сырой комнате, где было к тому же довольно грязно, объяснив, что это временно, поскольку начальство разъехалось и указаний ей не оставило. Вася помог занести чемодан и быстренько смылся. "Знакомые картинки. Вена называется", - думал Леша, разглядывая шкаф с поломанным замком, запыленную, обглоданную тумбочку. В ванной бегали тараканы и отсутствовала лампочка. Но главное потрясение было другое. Под замызганным зеркалом на столике стоял отечественный трехпрограммный радиоприемник, обычный приемник из тех, что скрашивают быт почти каждой советской семьи. Алексей включил и услышал родной голос диктора и новости с ферм. Будто не

уезжали. Тогда Тармаковы еще не знали, что в домах нашего представительства принимается первая программа телевидения из Москвы и радиопередачи. Интересная штука - смотришь "Сельский час" или "Время", слушаешь про перебои с маслом и стиральным порошком, а тебя это не беспокоит, потому как в магазине через дорогу мясо есть всегда, всех видов и для любых блюд. Со стиральным порошком тоже нет трудностей. В жаркие дни, оказывается, где-то невозможно попить воды. А ты пьешь пиво из банки и думаешь: черт знает что, бюрократы из управления торговли совсем обалдели и ведь только выговорами отделываются. Правильно их бичуют журналисты.

Вечером пришел комендант, тихий, незаметный человечек - Миша Ладнюк. Вкрутил лампочку в ванной, принес белье и пропал. Ночь Зоя и Леша проспали беспокойно. В комнате было сыро, простыни оказались влажными. Тем более неделю назад в подвале случилось наводнение, лопнули какие-то трубы, полдня собирали воду в ведра. Об этом рассказала дежурная, когда заселяла их. Открытая форточка не спасла. Под утро Алексей, вконец измучившись, предложил выйти глотнуть свежего воздуха.

- Ты что, - ужаснулась Зоя, - ни одного человека на улице. Мы здесь вообще ничего не знаем.

Но он настоял. Полчаса бродили мимо притихших темных домов. Постояли возле огромного щита, на котором картиночный красавец предлагал купить сигареты "Мемфис". А Леша и не ведал раньше, что есть такие сигареты.

Ранним утречком отправился на службу. Начались бумажные хлопоты, хождение из кабинета в кабинет, с этажа на этаж. В отличие от московской волокита в международном центре проходила намного быстрее и спокойнее. Чиновники здесь неизменно улыбчивы, долго не держат, все делается на компьютерах. Первый день дал массу впечатлений. И второй тоже. Во второй день Тармаков ходил в наше представительство на "беседы". Ему назначили зайти в два кабинета. В первом кабинете щуплый очкастый дядя, в обсыпанном перхотью пиджаке кричал о том, что Вена - город сложный, провокации не только возможны, но даже часто случаются, спецслужбы держат под прицелом советских работников и поэтому бдительность и еще раз бдительность. Во втором кабинете голубоглазый товарищ с благородной седой шевелюрой сказал:

- Вена прекрасна. Мы с женой обожаем ее, - задумчиво поглядел в окно. - Вам повезло. В молодом возрасте попасть на хорошую работу в интересную страну не каждому удается. Ритм здесь спокойный. Живите, работайте. Если произойдет нечто неприятное, поставьте меня в известность.

Самое занятное, что ответственное лицо из первого кабинета,

настаивавшее на бдительности, оказалось секретарем парткома, а товарищ, обожавший Вену, - офицером безопасности.

Знакомство с непосредственным начальником не оставило радостных ощущений. В русской языковой службе работали только советские, и начальник был советским, с нейтральным, вполне номенклатурным именем-отчеством - Дмитрий Сергеевич и простой фамилией - Николаев. Дмитрий Сергеевич имел неприметную наружность. Лысоват, брови бесцветные, уши торчат. Разговаривал тихо, рисуя что-то в блокноте. Выразил сочувствие Алексею в связи с поселением в подвале. Обещал выяснить, помочь. Спросил про жену, мол, что умеет, где училась. "У нас сильная художественная самодеятельность. Жены все участвуют", - произнес он со значением, без намека на улыбку. Далее охарактеризовал права и обязанности переводчика. "Работаем трудно, на легкую жизнь не настраивайтесь". Когда Леша выходил, Дмитрий Сергеевич окатил его холодным, надзирательным взором. Леша сразу почувствовал себя не очень.

Начальник лукавил. Ничего смертельного в работе не было. Утром приносили несколько страничек документа. До обеда документ надиктовывался на пленку, машинистки со слуха печатали, отдавал переводчику на правку, потом текст шел редактору на проверку. Обед обычно длился часика два, а, учитывая то, что все сидели в отдельных комнатах, порой и больше. Здесь, как и в российских учреждениях, вешали на спинку стула пиджак и уходили по своим делам, любили попить чай или кофе, коллективно покурить либо просто поболтать, обсудить покупки, позубоскалить на кого-то. Начальник обычно целый день отсутствовал, появлялся ближе к пяти часам, собирал дурацкие совещания, лгал, что он только что приехал из представительства, где проходило некое мероприятие. Присутствующие, естественно, молчали, выслушивали. Ни для кого из них не было секретом, что Дмитрий Сергеевич болтался вместе с женой по магазинам или сидел в кафетерии на первом этаже международного центра, ни в какое представительство не ходил, да и языка толком не знал. Зато много лет служил в кадровом управлении министерства иностранных дел, повсюду имел знакомства и поплевывал себе в потолок, понимая, что мальчишек типа Леши и девочек-машинисточек, если они взбунтуются, можно удавить одним пальцем. Впрочем не будут они бунтовать. Не сумасшедшие...

Всю первую неделю Тармаковы прожили в подвале. Алексей кротко ждал оказания помощи. Однако ничего не менялось. Поговорил с завхозом. Тот пожал плечами, дескать, трудности есть, постараемся, но без гарантий. Тут Леша запсиховал. Жить без дневного света при жуткой влажности, как нищий, как бомж. Даже дежурная с презрением начала на них смотреть. Леша решил пойти к

постоянному представителю. С бюрократической точки зрения, это представляло собой грубое нарушение правил, ибо негоже мелкому дипломатическому чину по мелкому недипломатическому вопросу будоражить высочайшего. Но Тармаков был еще не объезжен, не просвещен в кабинетных тонкостях. И к тому же измучен полубессонными ночами в подвале.

Сначала Леша хотел идти на прием, потом передумал, сообразив, что это чересчур долго - записываться, объяснять суть дела помощнику, тот еще отклонит или в самый момент уедет "по делу" - начальники любят исчезать, когда другим они нужны. И Леша отважился на крайнюю наглость - телефонный звонок. Соединили не сразу, сперва выпытали, кто и зачем, Тармаков представился, но дело свое не раскрыл. Наконец в трубке прозвучал бархатный мужской голос. Текст обращения был написан на бумаге, выверен до буковки. Высочайший послушал и задал единственный вопрос:

- С кем вы до меня на эту тему говорили?
- С завхозом.
- Ладно. Выясним.

Вечером примчался завхоз. Из той чепухи, которую он нес, следовало, что администрация просит, почти требует переехать в хорошую, благоустроенную квартиру в том же доме. Завхоз нервничал, суетился, схватил тармаковские чемоданы и сумки и потащил наверх. Леше и Зое отвели трехкомнатный номер - в прошлом люкс для почетных гостей из Москвы, утративший свое назначение из-за строительства нового дома с более шикарными люксами. Номер, видно, пустовал, зарос пылью, мебелишку постепенно растащили, и пока Тармаковы переносили вещи, шла экстренная уборка. Уборщицы швабрами с применением необыкновенно пахучей жидкости драили кухню и прихожую, комендант возился с телевизором, затем принес журнальный столик. Люди работали в поте лица. Дежурная с серьезной миной на лице, официально, будто вручает орден, дала ключи. Пренебрежение исчезло с ее лица.

Это была радость. Целых три комнаты, со спальней, широкой кроватью, гостиной, где свободно можно устроить танцы, кухней, комнатой с диваном и письменным столом. Правда уборку сделали торопливо и нетщательно. Ну, да бог с этим. Не до чистоплюйства. Алексей и Зоя выпили от счастья ликера и завалились на широкую кровать.

- Молодец он, - щебетала Зоя, засыпая, - устроим им, собакам. Позвони, поблагодари.

Но Леша не позвонил постоянному представителю. Постеснялся. Несколько месяцев спустя из обрывков кулуарных разговоров стало ясно, что наглый звонок пришелся как нельзя вовремя. Представитель

затевал тогда кампанию против заевшегося завхоза - в итоге, кстати, выставил его, - и факты тогда требовались. Леша попал в десятку. Завхозу высочайший устроил такой скандал, что тот со страху таскал тармаковские чемоданы. Как важно в делах службы поймать нужный момент и как опасно промахнуться.

На следующий день вся советская колония знала, что кое-кто удостоился поддержки на самом верху и живет отныне в аппартаментах. Молва рассудила привычно: случайностей не бывает, просто так в руководящий люкс не селят. Окружающая среда поменялась к Тармаковым, коллеги чуть предупредительнее, жены чуть менее болтливы и откровенны. Дмитрий Сергеевич не удержался от вопроса:

Вы когда-нибудь раньше контактировали с Олегом Николаевичем?

Олег Николаевич - это Сам.

Шеф пристально следил за реакцией Алексея.

- Да, приходилось, - скромно, но с достоинством соврал Леша и сам испугался. Вдруг тот спросит у постпреда и тогда... Впрочем, это вряд ли реально, прикидывал потом Тармаков, не те отношения. И, даже если постпред скажет: "Не знаю такого", - Дмитрий может воспринять это как неискренность, как уловку, не желает-де раскрыть карты. Словом, до конца достоверность факта знакомства с высочайшим никто не установит, темные это дела... А поиграть мускулами перед всякими козлами полезно, меньше приставать будут. Так он провел свой первый дипломатический трюк. Получилось, правда, без предварительных расчетов, на импровизации, но получилось. Первый тур конкурса кабинетных интриг он, делетант, выиграл. Конкурс, однако, скоро продолжился. Было сие так.

На службе существовала традиция. Перед отъездом очередного сотрудника назад, в Москву или Киев, или Минск, или другой город необъятной страны, устраивался сабантуйчик - пирожные, коньячок, чай. Начальник обыкновенно произносил спич, напутствовал. Затем дарился подарок. Через минут тридцать отъезжающего каждый по очереди тащил в уголок и упрашивал захватить с собой посылочку для родственников, "которые очень просили" прислать чай, кофе либо шубу, дубленку, магнитофон, часы и прочие товары непроизводственного назначения. Отъезжающий, как правило, не отказывал, не плевал в колодец. И подарок не зря вручался.

В первые месяцы в Вене Леша присутствовал на нескольких подобных "юбилеях". Чувствовал себя на них паршиво. Чужие люди. Друг друга знают много лет. На него даже не смотрят. Салага. И посылку его не возьмут, сошлются на перегруз. И вот однажды, когда профорг Валентин сообщил, что в пятницу провожают Леонова и

попросил пятьдесят шиллингов, Тармаков дал реакцию:

- Опять поборы?

- Ничего не поделаешь. На пятьдесят шилов, я думаю, не страшно.

У Леши с утра копилось раздражение, то ли от гнусной погоды, то ли от тяжкого текста, сплошь из незнакомых терминов. Раздражение пошло наружу.

- Для кого как. Для Леонова не страшно. Он шесть лет отсидел. А у меня еще года нет. Еще столько дырок. На хлебе и воде сидим. За систему еще долги не раздали...

Что правда, то правда. Сглупили Тармаковы: едва приехав, ухватили дорогую музыкальную систему с огромными колонками, набрали денег взаймы. Потом поняли, что без повышенной чистоты звучания тоже можно жить, но поздно. Причем и система-то оказалась не самая лучшая. Привезенный из Прокопьевска принцип - "дают - бери" в условиях Запада оказался непригоден. За серость заплатили штраф...

- Леонов машину в Москву везет и тонну барахла. А я ему подарок должен покупать?

- Традиция такая, - сухо сказал Валентин.

- Плохая традиция, - кипятился Леша. - Кто может и хочет, пусть сдает. С ножом к горлу приставать не надо. У меня нет денег. Почему я обязан сдавать? Почему всегда обязаловка.

- А я почему обязан сдавать? - обострил профорг.

- Тоже не обязан. Хочешь - сдавай, не хочешь - не сдавай.

- Но я, как видишь, хочу, и все другие хотят. Значит, и ты должен хотеть. Или ты против всех?

Это был удар в живот. Тармаков на мгновение запнулся.

- Я не против всех. У меня нет денег. Я весь в долгах. Сюда пятьдесят, туда пятьдесят и побираться пойдешь.

- Откуда такая нищета? У людей дети, и то они не жалуются. У вас детей нет.

- Чего ты подсчитываешь мои деньги. Они мои, не твои. Почему, если тебе приспичило дарить Леонову подарок, я сразу должен раскошеливаться? Это что, указание начальства?

- Это не указание, а общее решение товарищей. Ты против? - опять обострил Валентин.

- Я не против, но денег у меня нет.

- Ладно, так и запишем. Минус пятьдесят шиллингов. Напрасно ты...

Ровно через день в кабинете начальника состоялся примерно такой разговор.

- Мне сказал Валентин Петрович, что у вас с ним какие-то трудности, - хмуро произнес шеф.

- Нет. Просто он спросил, а я ответил.

- Вы взрослый человек. Думаю, не имеет смысла напоминать, где вы находитесь и какие нормы поведения существуют.

- Я не нарушал нормы поведения, - отрезал Леша.

- Не собираюсь с вами спорить. Но поверьте моему опыту, мнение складывается из небольших показателей.

- У меня действительно сейчас сложное материальное положение. И вообще почему?

- Вопрос "почему" задают дети, взрослые же прислушиваются к соображениям коллектива.

- Я сдам эти деньги... Ладно, - сказал Тармаков не тем тоном, которым просят прощение.

- Одолжений не надо. Дело это сугубо добровольное. Надеюсь вы поняли, что я вызвал вас не в связи с обеспокоенностью по вопросу пятидесяти шиллингов. Случай пустяковый. Но мне хотелось бы помочь вам лучше осознать некоторые совсем простые вещи. Причем именно по-товарищески.

- Я осознал.

- Не торопитесь. Сегодняшний факт не единственный. Коллеги жалуются на вас. Тяжелый характер, неуживчивость. А эпизод на экскурсии просто всех возмутил.

Эпизод... Нашел слово. На воскресной экскурсии в Линц Алексей с Зоей опоздали на десять минут к автобусу, заставив себя ждать. Коллеги и их прелестные жены насупились так, как это делают при самом страшном оскорблении. "Подумать только, - говорили мрачные физиономии, - чином мелкий, а позволяет себе." А Алексей просто-напросто заплутался, зазевался и не заметил, как пробежало времечко.

- В условиях загранкомандировки, - продолжал Дмитрий Сергеевич, - поведение людей на виду. На Родине вы ушли с работы, и никто вас уже не знает, а здесь ... Делайте выводы. Со всей серьезностью.

- Конечно, - пробормотал Леша, а потом уже за дверью добавил в четверть голоса: - Скотина чертова... Я тебе покажу... со всей серьезностью.

Естественно, Леша ничего начальнику не показал. Злость потихоньку улеглась. Все пошло своим чередом. И возвращаясь в мыслях к этому неприятному разговору, Тармаков находил больше и больше логики в том, что сказал шеф. Окружению надо подчиняться. Особенно здесь. В замкнутом мирке советской загранкомандировки люди действительно как на ладони. Подмечают каждый штрих: новое пальто, неосторожное слово, запах изо рта, время прихода домой. Тут опасно выделяться - немедленно заслужишь ненависть. Нельзя показывать, что к деньгам относишься без трепета, все экономят - и

ты экономь, если заходишь в кафе или дорогой магазин - старайся, чтобы тебя не заметили свои. В беседах постоянно жалуйся, что денег не хватает. Шагай в ногу: если все закупают через магазин представительства кроссовки, ты тоже купи, если выписывают аппаратуру - выпиши. Не удивляйся, что в стране, где товары есть любые и в любых количествах, жены за час занимают очередь в "лавку" на территории миссии, поскольку обещали "что-то выкинуть" по цене меньшей, чем в городе. Здесь не принято, чтобы дипломат подвозил на машине женщин, ибо это может быть истолковано...

Нельзя ходить в гости к иностранцам, тем более водить их к себе. Это называется "несанкционированные контакты". Запрещается уезжать из города на субботу-воскресенье, не поставив в известность руководство. Общение в нерабочее время ведется, как правило, согласно чину: высокие с высокими, а невысокие с невысокими. Сын коменданта водится с дочкой завхоза, но никак не советника. В кинозале - рассадка тоже по уровню. За постоянным представителем - отдельный ряд, впереди никого, чтобы чьи-то дурацкие головы не заслоняли экран.

В оперу, на концерты здесь ходили редко. Дорого. В основном крутили видео, "ходили по пиву". На пиве не экономили. Часто ездили на экскурсии. Особые эстеты увлекались горными лыжами и теннисом. Иные не умели играть в теннис, но любили пофигурятъ в белоснежном костюме. Все-таки Запад, и всем хочется выглядеть по- западному.

Разговоры в совзагранколонии, в основном, на две темы: барахло и цены, коллеги и их поведение. Цены, конечно, главное. Каждый, кто приезжает за границу, сразу включает счетчик, учится считать, в уме или на калькуляторе - неважно. Причем происходит это не из-за скудных, по западным масштабам, доходов. Будь зарплата советских в десять раз выше, все равно бы считали крохи. И не из-за безумной жадности. Просто каждый здесь в плену сопоставления цен. Выпивая чашку кофе в баре, ты прикидываешь, что посеребренный синтетический платок в магазине для туристов из Восточной Европы стоит примерно столько же. Потерял платочек за глоток кофе! Поужинал в ресторане - шикарный дамский костюм, долой. Еще более убийственно переводить цены в чеки "Внешпосылторга". Скажем, стаканчик яблочного сока - два с половиной чека. Ужас! Пусть по сравнению с твоей зарплатой стаканчик стоит вполне сносно, но ведь, если перевести в чеки - ужас. Мораль - меньше яблочного сока, больше барахла и магнитофонов.

В России потом попьем сока вволю, продав по бешеным ценам купленные "там" за счет недопитого "там" сока дешевые проигрыватели и двухкассетники. То, что практически все возят

тряпки и технику на продажу, почти не скрывается. Просто это обсуждается вполголоса. В Вену летели обычно самолетом, оттуда с десятками тяжелых ящиков - поездом. Купе обычно заваливалось так, что нельзя было вытянуть ноги. Бдительным проводникам, дабы не волновались, давали по бутылке дешевого коньяка. Этот коньяк так и называли между собой - "смерть проводника". Очередного отъезжающего провожали человек двадцать - тащили тюки, баулы, ящики, через окна затаскивали ковры. Знаменитый венский вагон! Сколько нужного и полезного для страны и отдельных ее граждан повидал он! К сожалению, вагон не может написать мемуары, а те, кто в нем работает, и подавно. Жаль. Захватывающая получилась бы книга.

Особая тема совзагранколонии - женщины. Они, как правило, не работают. Если женщина работает - значит "блатная", "высокая". Здесь хорошо считают не только свои, но и чужие деньги. Служат и муж, и жена - богачи. Им завидуют, их ненавидят. Неработающие женщины варятся полными днями в собственном соку. Крутятся между кухней, детьми, магазинами, мужьями, разводят сплетни, поливают тайно и явно друг друга. По праздникам жен задействуют для подготовки банкетов, они пекут в неимоверном количестве пирожки, которые с удовольствием уминают под водку иностранцы, или готовят тяжелые, с майонезом салаты. Еще они поют в самодеятельном хоре и приплясывают во время помпезных концертов к какой-нибудь дате или на Новый год, умиляя посла или представителя. Начальство любит такие зрелища, то ли потому, что денег за вход платить не надо, то ли за возможность посмотреть сразу на подчиненный персонал. "Это кто так лихо прыгает? Сидорова? Смотри-ка, сам Сидоров такой тихий. Чего это Иванова так намазалась? В публичный дом собралась?! Нехорошо, нескромно". Мужиков тоже заставляли участвовать в концертах, а Тармакова в первый год даже избрали Дедом Морозом - на утреннике, прикрывая ладонью рот, чтобы не сжечь детей перегаром после вчерашнего, Алексей кружился в хороводе и мечтал об одном: только бы не упасть и не перепутать подарок, каждому ребенку профсоюз припас подарок согласно чину родителей.

Но нельзя сказать, что все в венской жизни Тармаковых было грустно, убого и серо. Помимо нудных лиц, тайных и явных конфликтов, была сама Вена, а Вена - прекрасна, как совершенно справедливо отметил офицер безопасности в своей первой беседе с Алексеем. Тармаковы в выходные дни ходили в чистенькие музеи, коих в городе великое множество, играли в большой теннис, в хорошую погоду сидели за столиком под открытым небом где-нибудь в парке, ели мороженое, либо пили пиво. Еще они ездили по хорошим дорогам на своем стареньком "Вольво" - Леша купил за гроши у какого-то негра. Однажды отважились, плюнув на деньги, покататься

по старому центру в коляске, запряженной замечательной кобылкой. Раза два побороли страх - страх перед разоблачением - пошли в порнографический кинотеатр. Вначале впечатление было сильным, под конец надоело - больно однообразно, создателям фильма не хватало фантазии. Порнокинотеатры, кстати, не оставили ощущения процветания. В зале сидели обычно десять-пятнадцать человек, в основном, мужики доходяжестого вида. Реагируют спокойно, внешне по крайней мере. Молодая девица, которая продает билеты, не хихикает, не глядит на покупателей с иронией - она на работе. В общем, никакого ажиотажа. Точнее никакого интереса. В один из своих визитов в "секс-кино" Тармаковы увидели на соседнем ряду парня из советского торгпредства. Они не были близко знакомы, но лицо примелькалось. Парень тоже их заметил и быстренько исчез. Потом, встречая Лешу на разных мероприятиях, торгпредский любитель "клубнички" ускорял шаг и прятал глаза. Впрочем, черт с ним и с его глазами.

Постепенно втянулись Тармаковы в местную жизнь. Зоя чуть-чуть освоила немецкий, разобралась в продуктах и магазинах, где лучше, где хуже, где дороже, где дешевле. Привыкли к телепередачам - скучным, медленным австрийским и западнонемецким, к динамичному, зрелищному и не очень серьезному "Скай чэнэлу". Стали узнавать западных, особенно американских артистов. Смотрели запросто американский футбол и кетч. На работе с какого-то момента у Леши все пошло ровно, одинаково, с минимальными качками. Один день не отличался от другого.

Прошел почти год. Тармаковы приехали в свой первый отпуск. С собой везли полвагона барахла. Лешины родители три дня охали, разглядывая заморский товар. Матери досталась пара хороших платьев, скромных и точно по возрасту. Бате - часы и бутылка дорогого виски, остальным - соответственно степени близости. Особую сумку мать отложила для Михаила Ивановича и твердо сказала: "Передашь ему. Только не забудь. На лбу себе запиши".

Дни в Прокопьевске были наполнены встречами с рассказами о загранице, которые превращались, в конце концов, в обычную пьянку. За две недели Леша и Зоя порядочно измучились от бесконечных застолий, пирожков, водки, тостов, дядей Толи, Васи, Коли, тетей Маши, Жени, Оли, подруг, друзей с их завистливыми глазами, тупых речей и пожеланий. Напьется какой-нибудь сосед и начнет:

- Ты, Леха, нас за полных додиков ... не надо. Мой дед-дружок... вместе в армии служили... недавно тоже из загранки вернулся. Шмотья привез, всякие "грюндики" - шмундики... хренотень, в общем. Я без "грюндиков" жил и проживу. Но еще приволок он одну вещичку... я тебе скажу - во такую. Альбомчик один ... с цветными фотографиями.

И в разных видах. Хорошо. Я к нему когда в Ленинград заезжал ... пивка возьмем, сидим смотрим - хо-ро-шо!

- Постыдился бы, - кричит жена соседа.

А он свое:

- Чего стыдиться -то? Что я не мужик? Леха, видел такие альбомы?

- Не видел. У нас много работы, - на нервном пределе отвечал Леша.

- Не видел? Не ври... никогда не поверю. Заработались, небось. Штаны просиживать и трубку курить?

- А почему трубку? - спрашивает кто-то из осоловевших гостей.

- Все эти... трубки курят. Леха тоже вроде буржуя стал.

Или же начинают вспоминать общую знакомую Катьку, которая выскочила замуж за негра, уехала, пишет, что отлично устроилась - он там какой-то начальник, денег много получает. Кто-то понимающе вздыхает, кто-то гневно осуждает Катьку, мол, за барахлом погналась, а он, черненький, наверняка ее бросит и свою негритянку возьмет.

И все переругаются насчет Катьки, передергают друг друга, а потом самый гибкий предложит выпить за свободу негров в Африке; народ выпьет, заест хорошим малосольным огурчиком - Лешина тетка была мастерица солить огурчики - вроде как успокоится. В общем, как всегда. Дома мало чего изменилось. Да и что может измениться за год? Это ведь только у Леши с Зоей многое поменялось. А в Прокопьевске по-старому: люди балагурят, не торопятся, вздыхают по поводу цен на рынке, ругают начальство, смотрят "Утреннюю почту", основательно пьют, по праздникам ходят на демонстрацию. Магазины почти пустые. Но не магазины раздражали Алексея больше всего. Почему-то его больше всего раздражали люди, их вопросы и разговоры. Эти люди были безумно далеки от мира, который он уже знал. Они были с другой планеты. И то, что раньше, до командировки Алексей воспринимал равнодушно или как само собой разумеющееся, теперь бесило. То, что раньше казалось смешным, теперь выглядело безобразным, глупым. Даже восторженно-завистливые взгляды окружающих не придавали Тармакову гордости и радости. Ему хотелось поскорее уехать назад, в Вену. Он судорожно считал дни.

В Москве, почти перед отлетом, Алексей встретился с Михаилом Ивановичем. Тот как всегда шутил, веселился. Передал привет от дочек. Встреча получилась комканая, недолгая и вообще стены министерства не располагают... Главное, Леша выполнил материн приказ - передал сумку.

А еще в тот день отлета произошел малоприятный, точнее трагический случай. В метро, рядом с Тармаковым шла женщина, не очень молодая и не очень старая, но очень толстая, с сеткой в руке. Шла-шла, а потом упала, и из сетки посыпались апельсины. Подбежал

милиционер, вызвали врача. А баба умерла. Алексей не мог надолго останавливаться - в кармане лежал перечень из двадцати пунктов. Но внезапно позеленевшее лицо женщины запомнилось. Оно часто являлось ему в Вене. Вот так банально: встала утром, купила апельсинов, упала в метро и умерла. Ни мыслей, ни нервов, ни прав, ни обязанностей. Всю жизнь слышала: живи для других, думай о ближнем. Апельсины, наверное, внукам несла. А апельсины оказались ненужными. Он вспоминал умершую каждый раз, когда скверное настроение или случались неприятности, и думал: к чертовой матери... к чертовой матери суету, водобоязнь, обязанности перед кем-то... есть шанс - лови, пользуйся и плюй. Если каждый будет жить для других, для чего же тогда будут жить все? Противоречие, обман. И противоречия повсюду.

Второй год командировки тянулся мрачно. Сладкое, детское чувство узнавания нового прошло, все уже стало привычным и оттого не будоражило. С Зоей отношения похолодали. Она нервничала, взвинчивалась по пустякам. Готовила плохо, без выдумки. Бросала на сковородку какие-нибудь полуфабрикаты - их подавалось бесконечное множество - и дело с концом. Особо напирала на мороженых водянистых кур, тогда как парная телятинка лежит запросто во всех магазинах и стоит не смертельно. Может, Зое пора рожать, иначе она свихнется с тоски? Но к ребенку Леша был не готов, его страшили пеленки.

Одни и те же лица, которые мелькали на работе, дома, на теннисной площадке надоели окончательно. Тюрьма... Подводная лодка. Еще в отличие от первого года он часто думал о том, что будет потом, после командировки. Тот же начальник в Прокопьевске, вдвое злее из-за зависти к иностранной куртке и штанам? Машину и ту зальют какой-нибудь гадостью в отместку... Мать что-то шептала насчет горкома комсомола, уже кому-то она отнесла презентики. Горком - не самый плохой вариант, конечно. Но заседать впустую целыми днями и требовать улучшения морального климата в коллективах - тоска, а после Вены - ужас. Бегать с бумажками, месить грязь, заставляя передовую молодежь собирать картошку... Дико. Сейчас - дико. Два года назад - вполне нормально.

Алексей все чаще задумывался о жизни вообще и о своей жизни в частности. Наступил момент задуматься. Раньше он не пытался охватывать вообще, интересовался только конкретным. Но наступил момент... Почему судьба сыграла так? Жил тихо в тихом городе и вдруг попал сюда. Обстоятельства... Человек в одних обстоятельствах - животное, в других - добродетель, в третьих - марксист, в четвертых - садист.

Леша чувствовал, что в Вене он изменился. Здесь он научился

важной вещи... очень важной, а именно, цинизму. Нормальному, здоровому цинизму, цинизму как реализму. Всяк должен знать: он дерьмо, винтик, его писк ничего не значит. Обстоятельства выше. Трепотня о правах, о достоинстве - муть. Демократия - это попытка поиграть на тщеславии мелкой рыбешки, мол, ребята, вы тоже кое-что из себя представляете. Шуруйте, болтайте, все равно мы сделаем, как нам надо. Но даже тузы, которые вроде бы решают, придавлены обстоятельствами. Здоровый цинизм - когда каждая сволочь знает свое место и знает, на что она может претендовать. Здесь четко: имеешь деньги - молодец, не имеешь - пошел вон. Деньги - это труд. Так просто деньги не дают. На Западе живут по марксистским принципам, хотя их не признают. В России живут как придется, большей частью строят иллюзии. Все до Вены казалось Тармакову сплошной иллюзией.

Каждому - свое. Это они правильно написали. Равенства нет ни в чем- ни в деньгах, ни в судьбе. Сама идея равенства порочна. Выдумка демагогов. Разные руки, ноги, головы, темперамент. Один изобретает в год по машине, другой только пьет и спит. Разве они равны? И это будет всегда... Да и почему должно быть равенство? Одному нравится изобретать машины, пусть он их изобретает и задохнется в роскоши, а ты хочешь пить - пей и спи под забором. Он не умеет изобретать и не желает, и не против поспать под забором. Ему больше ничего не нужно. Одна большая ошибка... Там, в России, - всех под одну гребенку. А ведь людишки разные, на юге так, на севере иначе, традиции разные. Одного криком заставишь, а другому ласка требуется... а этот вообще не умеет и не стремится. И не трожь его.

Самое главное - неизвестно, что надо человеку... не животному... человеку. И те, и другие, и третьи пытаются заманить куском пожирнее. В России и на Западе говорят: поднять материальный уровень. Был автомобиль, станет два, был костюм, станет два. А ведь от двух костюмов ничего для себя, ничего для внутреннего состояния, чтобы чувствовать хорошо. Давят на зависть: смотри - у соседа два костюма. И дурак потеет, мучается, тратит нервы, кровь.

В Вене Леша жил на порядок богаче, чем в Прокопьевске. Первый год это казалось счастьем. В магазине хотелось купить всего, каждую банку, каждую коробку, без разбора. Купить и наслаждаться тем, что вещь есть. Потом все стало привычным, и былое наслаждение улетучилось. Появилось раздражение. Мать бы сказала: "С жиру бесишься". А он не знал, с чего бесится. Целыми днями ему казалось, что он должен сделать нечто самое важное. Он словно припоминал, отыскивал в памяти это нечто и не мог отыскать.

В пору, когда настроение вообще упало до нуля, произошла

историческая встреча с Томасом в магазине. Томас Бюргер работал секретарем директора департамента переводов, куда входила и служба русских письменных переводов. Мужчина под пятьдесят, высокий, чуть сутулый, с благородным лицом и мягкими, кошачьими манерами. Обычно за повадками кошки скрывается звериный нрав, но за Томасом гадостей не числилось. Вел себя он исключительно вежливо, предупредительно, за спиной не наушничал. Добрый человек, да и все. По своему солидному облику он тянул на генерального секретаря ООН, а на самом деле - микроскопический чиновник, чуть выше статусом, чем машинистка. Он собирал данные, рассылал документы, следил за сроками. Была у Томаса одна деталь в биографии - в малолетстве он жил в Москве с отцом - знаменитым австрийским коммунистом. Отец работал в Коминтерне. Еще рассказывали, что Томас неудачно женился, потом, естественно, развелся и с тех пор свободен. Вот, собственно, все, что Леша слышал о Томасе. Правда, важный штрих - Бюргер знал несколько языков, в том числе сносно говорил по-русски.

Тармаков стоял у полки с напитками и выбирал что-нибудь повкусней и подешевле. Томас проезжал мимо с полной коляской.

- Алекс, попробуйте ликер "Моцарт". Это очень редкий ликер, - сказал Томас, глядя на батареи бутылок с красивыми этикетками. - Только не увлекайтесь. Завтра утром придет срочный документ на перевод. Голова должна быть чистой, - Томас заулыбался.

- Опять резолюции? - спросил Тармаков.

- Как всегда. Ничего нового. Но резолюции переводить просто. Это ведь не правила по эксплуатации реакторов. Тогда бы я порекомендовал купить водку.

Они рассмеялись. Разговор сам собой перекинулся на водку. Сие происходило в России, на даче "крупного руководителя": по неопытности малого Томаса вывернуло наизнанку. Взрослых это развеселило. Отец проявил сдержанность и спокойствие, зато дома задал настоящий разбор. Отец, по словам Томаса, умел быть гневным.

Они вместе вышли из магазина. Томас бросил продукты в багажник машины и вдруг, подумав, спросил:

- Правда, что собираются закрыть Большой театр на ремонт?

Леша засмеялся. Про Большой театр вообще и про ремонт в частности он ничего не знал.

- Не в курсе... вероятно. Надо посмотреть газеты.

- В Москве можно поселиться только из-за Большого, - мечтательно и искренне сказал Томас. Его глаза увлажнились. По крайней мере так казалось.

- В Вене тоже знаменитый театр.

- О, конечно, конечно... Венский театр - это гениально. Не

представляю, как бы я жил в другом городе. Умер бы сразу. Я ведь бываю в опере через день.

- А я вот ни разу там не был, - ввернул Тармаков.

- Как? - воскликнул Томас. - Не верю! Жить в этом городе и не ходить в оперу!

Леша уже пожалел, что проболтался.

- Билеты трудно достать. И цены пока не по моему карману.

- О, майн готт, цены... Что такое цены? Почему ты не сказал раньше? Если ты любишь оперу, я помогу попасть на самый лучший спектакль. Хочешь?

- Конечно.

Томас с восторгом хлопнул Лешу по плечу.

- В понедельник "Бал-маскарад". Премьера... Будет петь Паваротти. Поедем вместе. Я тебя проведу. Правда, ложу не обещаю. Но все увидишь.

До понедельника Леша прикидывал, идти ли в оперу. Не выйдет ли ему боком контакт с Томасом? В принципе Бюргер полу свой. Он часто ходит в советское посольство, посол с ним здоровается за руку. В Союзе у Бюргера толпы друзей. Тем не менее... Кто-то случайно заметит и пойдут разговоры. С другой стороны, Леша слышал, что Бюргер умудряется целые делегации проводить в оперу бесплатно. И наши часто просят его насчет театра. Но просьбы официальных лиц - одно, а самостоятельный подход - иное. Может, проинформировать начальство во избежание неприятностей? Но эту мысль Тармаков сразу отогнал. Инициатива наказуема... Скажут: что это он суетится? Оперу очень полюбил? Какой культурный...

Леша решил от приглашения отказаться. Придумал отговорку, простую, но надежную: мол, приболела жена. Но когда Томас, энергичный и сияющий, зашел в понедельник, Леша не посмел отказаться. Язык почему-то не повернулся. Стеснение захватило.

Прошли они в оперу без билетов. Томас хлопнул билетера по плечу, бросил несколько фраз. Все дело. Почти как в Прокопьевском кино, где служил кассиром родственник Леши. Дружное семейство Тармаковых обычно удовлетворяло свои культурные запросы бесплатно. В отличие от Прокопьевска, правда, в Венском театре места достались стоячие, дешевые, где-то на самом верху. (Родственник-кассир выделял своим самые лучшие места)

Публика в тот день поражала и раздражала одновременно. Женщины в дорогих платьях, которые дорого пахли и искрились бриллиантами, мужчины при бабочках и смокингах... Ходят не спеша, независимо. Попивают шампанское, улыбаются друг другу. Что им не улыбаться? Им не надо экономить, они не знают, что такое долги, над ними нет начальников, они не добиваются характеристики, они

политически неграмотны и морально неустойчивы, они имеют склонность к спиртному, не умеют хранить государственные и служебные тайны, потому как эти тайны на хрен им не нужны... Чувство классовой непримиримости у Тармакова обострились до предела. Он искренне понимал героев Красной Пресни. Он уже был готов идти на баррикады с булыжником в руках.

Премьера действительно получилась шикарная. Декорации, костюмы, голоса - все на высочайшем уровне. В антрактах выходили с Томасом на балкон, дышали свежим воздухом, обозревали панораму вечернего города. Томас безостановочно говорил. Комментировал то, что происходило на сцене, рассказывал о певцах. Под одной крышей в этот вечер собрались звезды из разных стран, в том числе и соотечественница - Людмила Шевчук. Леша никогда прежде не слышал этого имени. Ему стало стыдно за свою серость. Что делать? В Прокопьевске нет оперы, до Москвы далеко, а по телевизору показывают Архипову или Образцову.

Спустились в буфет. Зал сверкал люстрами ненынешних времен, за паркет можно смело давать Ленинскую премию.

Томас еле успевал поворачиваться, пожимать руки, восклицать. Казалось, что он пел сегодня заглавную партию, и все его поздравляют. Леша чувствовал себя несколько растерянно. Отойти от Бюргера было неудобно, идти с ним рядом - привлекать внимание, что совершенно не нужно. А Бюргер словно назло стал представлять его как своего советского коллегу. "О-о-о, - произносили гладко выбритые дяди и оголенные тети после такого представления и с интересом разглядывали Тармакова. А Леша нервничал. Попросить Бюргера обойтись без рекламы? Но ведь обидится. После колебаний Леша шепнул Томасу, что, мол, о его скромной личности можно вообще не говорить.

- Ты боишься? - заржал Томас. - В оперу не ходят агенты КГБ.

Тармаков покраснел. Идиот... И шутки у него идиотские...
Впрочем, надо реагировать достойно. Неизвестно, кому Бюргер будет докладывать об этом разговоре. Не исключено, что соответствующий товарищ в советском посольстве завтра будет в курсе или... в американском посольстве, но уже господин... Черт дернул пойти сюда.

- Причем тут КГБ? Зачем говорить глупости? - без лишней вежливости выпалил Алексей.

Томас не обиделся.

- Ладно, Алекс, не волнуйся.

Но не волноваться уже было трудно. Оставшееся время Алексей не слышал знаменитых голосов. Он слушал свой внутренний голос. Кто такой Томас? Зачем он пригласил его? Случайно ли он остановился в магазине? Леша старался припомнить детали. Бюргер всегда

приветливо к нему относился. Впрочем, он ко всем относился приветливо. Несколько раз он хотел вызвать на разговор: однажды, полгода назад в лифте - что-то спрашивал про Ленинград, затем - в Русском клубе при международных организациях во время коктейля вертелся рядом, травил анекдоты. Как-то в парке после обеда пристал с рассказами об обществе против изготовления слоновой кости. До слоновой ли кости обыкновенному советскому сотруднику? Леша тогда посочувствовал слонам и убежал поскорее.

Как расценивать эти эпизодики? Никак или же... Леша хорошо помнил беседу с Михаилом Ивановичем однажды на подмосковной даче. Дочки самого носились по лесу, заползали в очередной малинник и с визгом уничтожали дары леса. Михаил Иванович и Леша брели за ними следом, болтая о том, о сем. Самым извилистым образом разговор повернулся к теме назначения в Вену, дипломатической работе вообще.

- Международные дела, - заметил Михаил Иванович, - так или иначе связаны со специальными целями и специальными службами. Это всегда чемодан с двойным дном. Это всегда борьба теней. Тысячи людей-наших, не наших-будут тебе улыбаться, и ты не будешь до конца жизни знать, зачем они это делают, каково их главное занятие в жизни. У меня был приятель, ученый, который писал книги, ездил в бесчисленные командировки, работал в ООН. Тихий по характеру, мы с ним чаи гоняли... Да, и только на его похоронах я понял, что книги для него - увлечение, не профессия.

Леша посмотрел на Михаила Ивановича. Тот был такой же, как обычно, домашний, расслабленный. Но в тот момент он не казался добрым дядей и примерным отцом. Он по привычке улыбался, но глаза не улыбались. По Леши пронесся холодок. Леша хорошо запомнил это ощущение.

После спектакля тихо скрыться не удалось. Томас потащил за кулисы. Причем в буквальном смысле - схватил за руку и повел по бесчисленным лестницам, кивая бесчисленным служителям. Наконец добрались до коридора, где мелькали артисты. Группа оперных болельщиков растеклась вдоль стены. Ждали героев... По коридору проследовал пожилой мужчина со старой, но молодящейся женщиной под руку. Что-то знакомое у него лицо... Ба... Да это же президент Австрии. На портретах он лучше. Надо же... Президент запросто прохаживается, и, самое интересное, никому до него нет дела. Ни суеты, ни беготни вокруг. Интересно, если б советский президент гулял по Большому... Леша усмехнулся над этим своим предположением.

- Послушай, - шепнул Тармаков Томасу, - сейчас прошел...
- Да-да, - оборвал Томас и продолжил со злостью: - Он сюда часто

шляется. Сидел бы лучше дома... Что он понимает в искусстве.

Бюргер еще пробормотал что-то на немецком, видать, не сильно хвалебное.

Наконец появился Паваротти. Раскованный, тучный, с довольным лицом. Говорят, что это чуть ли не лучший голос мира. Поклонники затрепетали. Он шел по-царски в своем сценическом костюме. Улыбался, кивал, небрежно пожимал руки. Приветливо кивнул Томасу, видно, активистов знает. Дав прогулку по коридору, знаменитый свернул в комнату, уселся за стол и золотым фломастером стал подмахивать автографы. Люди выстроились змейкой, спокойно, без истерики, по очереди подходили. И здесь организованно. Что значит Европа! Томас тоже встал в ожидании, он хотел подписать фото. Леша вынужден был поддержать компанию. Так, совершенно без желания, Тармаков заимел автограф великого. Листок бумаги до сих пор хранится в книжном шкафу и о многом напоминает. Собственно, с того дня все началось...

Наступил момент, когда надо было поблагодарить Томаса и улизнуть. Но опять - в который раз за вечер - не получилось. Томас потащил в кафе напротив, где поклонники накрыли столы для артистов. Паваротти, не переодеваясь, по улице, в окружении восхищенной публики поплыл первым. Выпить-закусить, судя по всему, он любит. Прохожие оборачивались, аплодировали. Исключительно мило. И даже никто не выматерился в бога душу мать. Некому возле Венского театра материться. Беда...

Удивительное дело - Алексей выпил несколько бокалов холодного красного вина и настроение резко улучшилось. Уже не хотелось бежать, в голову не лезли тревожные мысли. Будь что будет... В конце концов, ни одна разведка мира его еще не купила, ни одного секрета он не продал. Пьет с артистами? Ну и что... Попал случайно, отказаться неудобно. Мало ли что можно наплести. Когда после красного вина пошел джин, Леша уже травил анекдоты - что-то про старых евреев и женщин, чьи мужья в командировках. Томас ржал и переводил на немецкий своим знакомым. Те, кстати, были ребята не из обиженных судьбой. Юрист с положением, врач, профессор- филолог, родственник композитора Вагнера. На поверхности всех их объединял интерес к опере. Но Тармаков заметил, что, помимо оперы, они обсуждают массу других тем, обмениваются деловой информацией, договариваются о взаимоуслугах. Своего рода клуб. Алексей не знал настолько язык, чтобы ухватить детали, но ключевые слова расшифровал. Скажем, "оперщики" решили в следующем месяце полететь в Нью-Йорк, в "Метрополитен", на очередную премьеру. Будет петь сам Доминго. А ближайшим летом они мечтали податься в Союз, в Грузию, в гости к грузинскому басу. Бас выступал с огромным

успехом в Вене, ребята успели с ним познакомиться и подружиться. Тот, естественно, пообещал настоящий шашлык и настоящее вино. Теперь они ждали лета с надеждой. У Алексея какой-то лохматый тип - по виду не чиновник, скорее, великий поэт - настойчиво просил похлопотать об ускорении визы. Томас, видно, наплел, что русский - важная птица, дабы обосновать появление в теплом кругу поклонников нового лица.

Подвыпивший Тармаков в отличие от трезвого вопросов и просьб не боялся. Хотите визу, постараемся помочь. Жалко что ли... Любопытно, как вытянутся физиономии посольских начальников, если мелкий клерк Алексей Тармаков начнет хлопотать о визе для непонятных австрийских бездельников, которым стукнуло в голову поразвлечься в Грузии. Такие хлопоты могли бы закончиться сумасшедшим домом. Но наивным людям, привыкшим кататься за океан, чтобы еще раз послушать Доминго, этого не объяснишь. И бог с ними, пусть пребывают в неведении.

Мероприятие закончилось глубоко за полночь. По территории поселка советских сотрудников Тармаков шел тихо-тихо, стараясь дышать по возможности реже. Пока шел, пропала веселость и действие шампанского притупилось. Он брал себя в руки. Он осознавал, что идет сейчас босыми ногами по битому стеклу, ибо, если кто-то увидит его крадущегося ночью домой, будет... понятно, что будет. Кажется, все тихо, граждане мирно спят. Он открыл своим ключом. Зоя глядела безумными глазами. Что-то сказала. Но он не слушал, мгновенно завалился спать.

Следующую неделю Тармаков провел в напряжении. Внимательно наблюдал за окружающими. Появилось ли нечто новое в их отношениях к нему? Как реагирует начальник? Если к Дмитрию Сергеевичу поступила какая-либо информация, он бы по-другому разговаривал. Впрочем, не обязательно.

Томас вел себя тактично. Не панибратствовал, не хлопал по плечу, мол, помнишь, дружище, как мы с тобой ходили на премьеру. Леша больше всего опасался, что Бюргер в чьем-то присутствии проговорится. Но тот, как и раньше, был вежлив, лишнего не болтал. Только здоровался теплее и смотрел с нескрываемым восторгом. Почему восторг? Леша чувствовал на себе этот счастливый взгляд Томаса. Что он в самом деле? Или просто отсутствует привычка к нормальным глазам, в которых нет ненависти, зависти или подозрительности?

Неделю спустя Леша окончательно решил, что страхи напрасны. За всеми не уследишь - это раз, во-вторых, ничего плохого и опасного он не сделал, в компанию артистов в кафе попал случайно. Когда Тармаков краем уха услышал, что Томас обещал провести бесплатно в

театр жену Дмитрия Сергеевича вместе с женой представителя "Аэрофлота", он успокоился окончательно. А потом вышло неожиданное: Дмитрий Сергеевич попросил его сопроводить дам в оперу. "Купишь им пирожные, деньги отдам," - улыбался шеф. Насчет денег - чистая шутка, деньги шеф не отдавал никогда. О его жадности ходили легенды. Он даже машину не брал, хотя ему положен бензин за счет сопредставительства, предпочитал ездить "на подчиненных". Как правило, самый слабый, зависимый сотрудник возил на работу, с работы и за покупками. Когда собирали деньги на какие-то нужды, Дмитрия Сергеевича обходили, поскольку знали, что просьбы с финансовыми последствиями вызывали у него сложные чувства. Культпоход в оперу предполагает затраты - свою жену можно приструнить, но чужая ведь непременно захочет в перерыве перекусить и промочить горло, зараза! - и Дмитрий Сергеевич решил послать кого-то из ребят. К тому же баб надо после спектакля развести по домам, нужна машина, а он сам не за рулем.

Леша честно выполнил свой долг. Женщины остались довольны. Послушали оперу, поели тартинки с ветчиной и сыром. От шампанского интеллигентно отказались - вошли в положение младшего чина, для которого угощать шампанским в буфете Венской оперы накладно. Самое большое счастье обеспечил Томас - он посадил их в ложу. Такие местечки стоят много-много шиллингов, но Томас не взял ни одного шиллинга. Жены обалдели, однако постарались изобразить аристократичность, доказать, что они достойны сидеть в ложе. Вытягивались шеи, строились чуть-чуть презрительные гримасы. В перерыве дамы раскурили по длинной черной сигарете, что, видно по мысли, должно бы окончательно решить вопрос в пользу принадлежности к элите. "Колхозницы, - думал про себя Тармаков. - Как такие дуры в Европу попадают?" Впрочем, вопрос он себе задавал чисто риторический. Ясно, что дур в Европу привозят дураки...

На следующее утро шеф поблагодарил за сопровождение. Про пирожные не сказал ни слова. Как и ожидалось. Бог с ним, лишь бы не привязывался.

С тех пор Леша стал бывать в опере часто. Он обрел внутреннее спокойствие, уверенность в том, что его не упрекнут в чрезмерной тяге к опере и в контактах с Томасом. Раз шеф сам просил Томаса, и все посольство просит- значит, можно. Тем более с Томасом близких контактов нет. Только на работе и в театре.

И Тармаков расслабился, вошел в плотные слои поклонников Венской оперы. Не потому, что полюбил пение и интриги с заранее известным финалом. Ему было интересно находиться в этом помпезном здании, где навечно поселился праздник. Люстры,

зрители, декорации все сияло, блестело. Здесь бурлила какая-то жизнь, а дома жизни уже не было.

Зоя не ходила с ним. Однажды лишь напросилась, проспала представление. При выходе умудрилась зацепиться рукавом плаща за ручку, и тонкий материал порвался. Зоя не сдержалась, заплакала. Действительно, случай глупее не придумаешь. Плащ хороший, купили на распродаже в дорогом магазине. Больше Зоя в оперу не просилась. Леша не переживал, на людях с ней он чувствовал себя несвободно, словно стыдился, может из-за того, что сравнение с другими женщинами Зойка проигрывала, и даже не внешностью, а мельчайшими деталями, выдававшими в ней незнатное происхождение. Нечто неуловимо хамское в повадках. За границей, особенно с тех пор, как Леша стал театралом, он остро ощутил деление людей на породы. В России это незаметно. Там все почти одинаковы, похоже, и те, что наверху, и те, что внизу. Давно, когда Тармаков учился в седьмом или восьмом классе, к ним в школу приехал секретарь обкома. К событию готовились заранее - терли полы, вешали плакаты. Учителя кричали, чего-то требовали. Наконец появился он в сопровождении неисчислимой свиты. Обычный человек с красноватым лицом, с брюшком, в галстуке с огромным узлом, в стоптанных ботинках. Чем-то напоминавший Леше отца. Ну чем этот секретарь отличался от тысячи мужиков, которые снуют с сетками по замусоренным улицам Прокопьевска? Ничем. И говорил он просто, как дедушка, который ведет внучка в школу: "Наш школьник обязан хорошо учиться, чтобы потом хорошо работать". Дипломаты, советские дипломаты, населявшие посольство и представительство, тоже не отличались от прокопьевских мужиков. Разве что лучше одеты и пострижены... И луком от них меньше несет. Но, когда напиваются, так же болтают глупости и ругаются матом. Про Шопена и Шопенгауэра советские дипломаты, признаться, ни черта не знают. Как и прокопьевцы. Понятно. Ведь дипломаты сами в прошлом прокопьевцы или их отцы прокопьевцы. Секретарь обкома тоже в малолетстве бегал без штанов, дрался с пьяным соседом. Его мать готовила пирожки и пироги, а по праздникам в их доме пьяные гости пели под гармошку. Все мы одних корней. Те, кто других корней, в незапамятные времена удрали в Париж...

В Вене Тармаков наблюдал людей, которые никогда не бегали без штанов, никогда не дрались. Они не знают, что такое нечищенные ботинки и метро. У них особая осанка и на лицах совсем другое. Таких лиц в Прокопьевске не встретишь. И женщины привлекательны совсем по-иному. Может, потому, что не стояли часами у плиты и привыкли носить с собой только сумочку. В обществе этих женщин Зоя проигрывала однозначно. Зоя не создана для Венского оперного,

с ней можно пойти максимум на футбол.

С Томасом у Леши наладились вполне свойские отношения. Томас постоянно крутился в театре. Впечатление создавалось такое, что он в театре жил. Лешу познакомил с теми, от кого зависел вход. Совсем, как в Союзе мелкие служители - билетеры, администраторы - радовались бутылке виски, сигаретам и шоколадкам, находили "господину Алексу" местечко в ложе или подставляли стул. Обязательно улыбались. По-английски они почти не говорили, Леша предпочитал не говорить по-немецки, оставался язык жестов и восклицаний. Так или иначе Тармаков навел мосты дружбы и отныне мог попасть в театр в любое время дня и ночи, не заглядывая в кассы.

Постепенно при участии Томаса Леша освоился и в кругу оперных болельщиков. Со многими здоровался за руку, с другими обменивался при встрече кивками. В основном завсегдатаи - солидные мужчины, интеллектуалы, бизнесмены. Попадались и студенты. Мелькали одни и те же личики восторженных девочек и дам постарше, но Томас с ними почти не общался. Томас предпочитал мужчин. Создавалось впечатление, что помимо искренней тяги к опере, он имеет корыстный интерес, крутит какие-то дела. Часто Бюргер брал за локоть некое лицо из числа своих знакомых, отводил в сторону, они секретничали. Леша несколько раз, поймав Томаса на таких сценах, снова забеспокоился - не пахнет ли от интеллигентного клерка и театрала дерьмом, не затянут ли походы в оперу в историю, которая закончится сибирскими лагерями. С другой стороны, Томас постоянно вертится среди советских, и даже Дмитрий Сергеевич, тип во всех отношениях осторожный, обращается к нему с просьбами. Может, он работает на нас, в смысле на Союз, и находиться недалеко от него выгодно и почетно? Не поймешь... Одно ясно: Томас непрост...

Венский театр расцветил второй год командировки. Но, чем ближе отпуск, тем больше Тармакова заедал вопрос: что дальше? Что произойдет после Вены? Сколько еще Вена продлится? В начале лета произошли события, которые дали самый неожиданный ответ на эти вопросы.

Началось как всегда со стечения обстоятельств. Алексей был в опере. Давали "Тоску". После спектакля он в числе первых выскочил на улицу. Леше жутко хотелось есть. Днем не успел пообедать - бросили на перевод срочные бумаги - утром два бутерброда с чаем. Раньше по утрам Зойка готовила горячее - кашу, либо даже жарила картошку, потом она решила не доставлять себе лишние хлопоты, и Леша перешел на бутерброды, соленые орешки и какие-нибудь кукурузные хлопья - чушь, в общем, если уходишь на целый день.

Леша побежал к ближайшей будке перехватить хот-дог - горячую

сосиску с хлебом и непременным соусом - и чуть не сбил с ног Томаса, который направлялся к своей машине.

- Алекс, куда ты так спешишь? - спросил Бюргер. - Не хочешь с нами поужинать? Мы заказали ужин в китайском ресторане.

Томас был не один, рядом с ним стоял худой, бесцветный парнишка. В другой момент Леша поблагодарил бы за приглашение и отказался. Однако, тогда он умирал, и слово "ужин" прозвучало спасительно. Через десять минут они сидели за столом, еще через десять минут Леша боролся с голодом при помощи креветок или чего-то там еще... Пили хорошее вино. Томас раскраснелся, разболтался. Вспоминал Москву, рассказал истории из своего необычного детства. Например, о том, как он, совсем малыш, ехал в лифте с лидером компартии одной из стран. В будущем этот человек стал всемирно известным деятелем, тридцать лет возглавлял государство и даже жил на своем персональном острове. Но это в будущем, а тогда в лифте лидер держал в руках гроздь винограда. Одному дьяволу известно, где он нашел виноград зимой. И ребенку не дал ни одной виноградинки. Томас запомнил это на всю жизнь. "Я не верил ни одному его слову, меня тошнило от его снимков. Когда Сталин начал против него кампанию, я искренне радовался", - говорил Бюргер, и было заметно, что он до сих пор испытывал негодование.

Леша слушал увлеченно. Среди его знакомых лидеров партий не наблюдалось. Забавно ощущать, что у человека, который сидит рядом и преспокойно пьет вино, какие-то личные счеты с лидерами...

После очередного бокала Тармаков впал в пьяное блаженство. Он тянул одну за другой сигареты, смеялся, хлопал по плечу спутника Томаса, который все время молчал. Собственно, ему трудно было участвовать в разговоре, потому что Томас в основном шпарил на русском, лишь иногда сбиваясь на английский и немецкий, а парень, судя по реакции, английский знал плохо, а русский вообще не понимал. Роль немого свидетеля ему, видно, не нравилась, и он выражал свое отношение к происходящему кислой миной. Но Томас не обращал внимания, разглагольствовал дальше. И помимо прочего, сказал такую странноватую фразу, кивнув в сторону парнишки и перейдя на полутон: "Кажется, он нас ревнует". Леша не понял. Из всей болтовни Бюргера эта фраза сразу отложилась в мозгу. Что он имел в виду? Кто такой парень? Таинственный Томас... Старые страхи опять полезли Леше в голову. Подведут под монастырь эти ужины в китайских ресторанах.

Закончился вечер славно. Хорошо подогретые, сытые и довольные, они выползли на свежий воздух. Томасу еще собрали кое-что из еды в пакетик. Расплатились каждый за себя. Леша прикинул - получилось не так дорого. Парень почти ничего не платил, поскольку почти

ничего не ел.

- Я живу вот в этом доме, - неожиданно сказал Томас, указав на серое старое здание. В Вене много такого типа домов. - Приглашаю на чай. У самовара я и моя Маша, - запел Бюргер и даже попробовал отбить чечетку на мостовой.

- Давай, - крикнул Леша громко и совсем не к месту икнул. Он старался идти прямо, но это не всегда удавалось. - Наливай.

Леша запомнил, как Бюргер открыл ключом дверь подъезда, как они поднимались на лифте. Он не запомнил, был ли с ними паренек. Вроде был. Хотя не известно... Когда пришли, Леша сразу залез в мягкое кресло и позволил себе расслабиться. Потом пили зеленую жидкость, сладкую, вкусную. Градусы Леша уже не чувствовал. Бюргер завел музыку и прыгал по ковру в носках. "Чудеса, - вертелось в пьяной башке Тармакова, - куда я попал?"

Вдруг Томас встал на четвереньки, подполз к креслу и стал медленно расстегивать рубашку на Леше. Глаза Томаса слезились, то ли от алкоголя, то ли еще от чего-то. Он провел рукой по лешиной груди и медленно прикоснулся губами к соску. Сладкие токи потекли по лешиному телу. А Томас все энергичнее прихватывал сосок. Лешу на мгновение парализовало. Его давно так не ласкали - Зоя не отличалась особой выдумкой, а кроме Зои у него в последнее время никого...

Томас прижимался все сильнее. Его нежная рука уже лежала на чужой ширинке. Тут Лешу изнутри кольнуло, он вышел из оцепенения и принялся ржать. Просто умирать от смеха. Бюргер оторопел.

- Думал, что шпион, а он гомик, - заливался Тармаков, подпрыгивая в кресле.

- Что есть гомик? - испуганно спросил Бюргер.

- Гомик... Га-га-га... Это - ты. А я думал, ты шпион. Ты, наверное, шпион и гомик сразу. Трахаешь и сведения узнаешь. Да?

Тармаков ржал, как безумный. Бюргер попробовал его снова зажать, прямо в кресле. Леша со ржаньем дергался.

- Пусти... Козел... Ой, не могу.

Томас обнимал крепко и в то же время негрубо. Потом стал осыпать Лешу поцелуями. С особым удовольствием лизал шею и ухо. Тармаков дергался все слабее, пока наконец не остыл окончательно. Он прекратил ржать, ему захотелось лечь. От выпивки и ласки кружилась голова. Он устал...

Утром Тармаков еле открыл глаза. В теле невероятная тяжесть. Первое, что обратило на себя внимание - свежайшие простыни и пододеяльник яркой расцветки. Непривычно - Зойка имела наклонность не менять часто белье и белье-то стелила какое-то старое, противное, из Прокопьевска навезла, чтоб не тратиться.

Леша лежал на широкой кровати один. Где-то за несколькими дверьми шумела вода. Он оглядел комнату. Довольно уютно, мило и без излишков. Как в нормальной европейской гостинице.

Этой ночью произошло важное, неожиданное. Леша еще не осознал до конца всего. Ночные игры на широкой кровати казались сном, навеянным идиотскими фильмами. Но сна не было. Как он теперь? Гомосексуалист? Первый раз Леша услышал это слово, когда ему уже исполнилось двадцать лет. В Прокопьевске такое слово шло наравне со словами "фашист", "диверсант". Гомосексуалистов в их городе не наблюдалось, да и не могло наблюдаться, ибо попадись первый, его отмутузят так, что мало не покажется. В Москве, обратил внимание Леша, отношение более спокойное. Ребятки типа Игоря Свирина смотрели на это дело с улыбочкой. Лешу удивляла такая терпимость. В Москве вообще ко многому терпимость. То ли от того, что столичные больше видят, то ли от того, что им все равно. Как-то около Большого театра Игорь аккуратно, кивком показал группу размалеванных мальчиков. Лешу потрясло зрелище. Средь бела дня... Без особого стеснения.

Игорь рассказывал, что в древних государствах любовь между мужчинами культивировалась и сейчас среди людей искусства немало таких... эдаких. Игорь называл знаменитые фамилии. Леша не верил, он был уверен, что, если показывают по телевизору, то человека проверяют, собирают все данные о нем. При выезде за границу бабушек и дедушек проверяют, а при выходе на экран тем более... И там уж не допустят. Если Игорь знает, значит, кое-где тоже знают. Однако, покрутившись в Москве, Тармаков перестал верить в твердый порядок вещей и их всеобщую обусловленность. Он увидел, вернее, почувствовал и бардак, и подкуп, и разврат, о масштабах которого в Прокопьевске не предполагают. В Москве, известные "среды" покрыты паутиной, происходящее в них - на четверть на поверхности, на три четверти под водой. Чтобы уметь здесь нырять, надо долго учиться. Спустя время Леша уже не сомневался, что среди знаменитых есть гомосексуалисты и еще бог весть кто и это не мешает показываться на экране, а, может, и способствует.

В Вене на эти темы реакция еще более спокойная. Об этом пишут в газетах, рассуждают. Мужчины, тяготеющие друг к другу, не скрываются. В душу им не лезут. Если люди ведут себя так, а не иначе, значит, им надо. Лишь бы не мешали другим. Сие - принцип западной жизни.

Дверь открылась. Появился Томас, босиком, с обнаженным торсом, в юбке из полотенца. Капельки воды стекали с шеи и плеч. Фигура довольно спортивная. В одежде он смотрелся хуже.

Леша поднял глаза, его взгляд пересекся со взглядом Томаса.

Молчание. Оба тянули паузу. Леше стало тошно - вся ситуация повергла его в тихий ужас. От гнетущих мыслей отвлекали похмельный шум в голове и сухость во рту.

- Алекс, будешь пить кофе? - совсем по-домашнему спросил Бюргер.

Леша кивнул. Так кивает больной, когда нет сил говорить.

- Я заварю чудесный кофе, - сказал Бюргер задумчиво и двинулся на кухню. - Я сделаю еще бутерброды с ветчиной.

Кофе пили почти молча. Леша выпил несколько чашек, но ему показалось мало - жажда измучила. Заварил чаек и влил в себя стакан крепчайшего, без ароматических добавок английского чая. Вроде полегчало.

- Алекс, расскажи о городе, в котором ты живешь в Союзе, - неожиданно спросил Томас тихим голосом.

- Это маленький город, - ответил бесстрастно Тармаков.

- Расскажи. Интересно. Я не ездил в Союзе в маленькие города.

- Совсем неинтересно.

Разговор прекратился. Когда Леша уходил, Томас произнес неясно к чему:

- Знаешь, в последнее время я жалею, что не имею хороших денег. Если бы я был богат, то смог бы помогать другим, помогать своим друзьям.

Томас сказал это просто, естественно. Что он понимал? На что намекал? По дороге домой Лешу не отпускали слова Бюргера. Даже растрогали. Даже вызвали слезы. Может, конечно, расшатались нервы и вполне обычное звучит как-то не так и потрясения являются там, где их нет.

Дома Зоя закатила истерику, которую, однако, следовало ожидать. Леша рассеянно воспринимал крики и рыданья. Он действительно не мог предупредить, что исчезнет на ночь - телефоны прослушиваются, объясняться по проводу не стоит, тем более Зоя не знает эзопова языка.

- Я искала тебя везде, все представительство обзвонила, подняла с постели Дмитрия Сергеевича, - прокричала она помимо всего прочего бабского набора.

- Идиотка, - прошипел Тармаков, - сама себе руку отрубила.

- Я еще и идиотка... Руку отрубила. Да тебе голову отрубить мало, - Зоя захлебывалась в отчаянии.

Она ничего не поняла. Сообщить начальству о неприходе мужа домой - подписать себе приговор. Вот так какая-то дурость ломает карьеру. Сейчас начнут вызывать, разбираться. Могут и до Томаса докопаться. Вдруг кто-то видел их вдвоем в театре или, того хуже, в ресторане. Все... конец. В Москву в двадцать четыре часа с волчьим

билетом. А из Москвы в Прокопьевск, на всеобщее издевательство, ведь след дойдет и до Прокопьевска, такие вещи трудно скрыть. Лешу трясло от этих мыслей, страх давил даже острые впечатления прошедшей ночи.

Выходные Тармаков провел в кресле, ожидая чего-то, скорее всего телефонного звонка. Но никто не позвонил. Утром в понедельник он отправился на службу, словно на казнь. Но казнь не состоялась. Жизнь текла своим, обычным канцелярским ходом. Коллеги так же здоровались, как в пятницу, машинистки как обычно пригласили на чай. Лишь Дмитрий Сергеевич на бегу в коридоре бросил:

- Разыскала вас супруга?
- Да, - шепнул полумертвый Леша.
- Ну и хорошо.

И никаких дополнительных вопросов. Что дальше? Не готовится ли удар ниже пояса? Не стоит ли за внешним равнодушием уже принятое решение? Лучше б они устроили открытый скандал, разрядили обстановку.

Леша нервничал день, два, три. Но нельзя нервничать вечно. Чувство опасности стало притупляться. Вокруг ничего не менялось. Никуда не вызывали. Намеков в разговорах не проскальзывало. Может, пронесло? Ведь в жизни есть место везению. В конце концов шумиху поднимать Дмитрию Сергеевичу невыгодно. Вообще всем невыгодно. Шум, разборы, традиционный вопрос: "Вы куда смотрели?", ведра грязи... Здесь у людей задача - как можно дольше продержаться, как можно позднее вернуться на родную землю, в родные советские учреждения с их сторублевой зарплатой и разыгрыванием в шапке заказов на жратву. Скандалы отрицательно влияют на выполнение сверхзадачи, поэтому в целом пассажиры этого корабля заинтересованы молчать и делать вид, что ничего не замечают. Но одна логика заставляет молчать и не замечать, другая - есть и другая, тоже вполне жизнеспособная - заставляет сваливать коллег и набивать себе очки. Ведь скандал - это чье-то падение, а стало быть вакансия и перегруппировка сил: тот упал, а кто-то поднялся. В состязании двух логик проходит учрежденческая жизнь, предугадать, где какая перетянет, под силу только гроссмейстерам.

Опасность накатывалась с другой стороны. Потерял чувство меры Томас. То и дело он заходил в кабинет, приносил ненужные бумаги, что-то напоминал, пересказывал новости. Но смотрел... как он смотрел. Леша сгорал от стыда, правда, скорее это был не стыд, а трепет, в нем начинали бродить неведомые соки. Ладно бы Томас глядел так, когда наедине. Кажется, окружающая публика тоже стала улавливать. Во время очередного чаепития у машинисток Томас изобразил во взгляде такое безумство, что любой взрослый человек

сразу заподозрит.

Лешу такое развитие тревожило, но в то же время он ощущал в тревоге приятность. Вид Томаса, его голос, его рассказы, мягкость и откровенное внимание с его стороны возбуждали Лешу. Томас притягивал. Хотелось видеть его.

Однажды под конец работы Томас появился в лешиной комнате в пятнистой шляпе-колпаке и длинном шпионском плаще. Смешной видок. Леша улыбнулся. Бюргер не улыбался. Он был серьезен.

- Алекс, я хочу пригласить тебя на ужин. Я заказал столик в русском ресторане.

Тармаков словно получил удар палкой по голове. В доли секунды он должен был принять очень важное решение.

- Почему в русском? - раздумчиво спросил Леша. - Почему не в китайском? Я хотел бы пойти в китайский ресторан.

Бюргер весело рассмеялся.

- Можно и в китайский. Там нас всегда ждут. Поехали.

С того момента, когда они спустились в подземный гараж родной организации, Бюргера уже не покидало хорошее настроение. Он шутил, хихикал, вспоминал крепкие слова на русском и на немецком, мурлыкал под нос "Очи черные". В ресторане по-настоящему кутил, назаказывал дорогих закусок и коньяка, подмигивал бесстрастной официантке-китаяночке. Леше на ухо шепнул, что платит за все сам.

- По какому поводу гуляем? - поинтересовался Леша.

В ответ пошла длинная речь о скоротечности жизни, о друзьях, которых мы часто теряем и тому подобные вещи. Леша вдруг припомнил слова Томаса перед тем, как тогда утром они расстались, точнее не сами слова, а то, как они были произнесены: "Если бы я был богат, то смог бы помогать другим, помогать своим друзьям...", и опять растрогался. Чуть слезу не пустил. Томас, милый Томас, он и не предполагал, что случайная, ничем не выдающаяся фраза чиркнет по лешиной душе.

- Попьем у меня чаек с ликерчиком, - предложил Бюргер после ужина и с плохо скрываемым волнением посмотрел на Лешу.

- Попьем, - ответил Леша. - Только сначала я позвоню домой, чтобы не было истерики, как в прошлый раз.

Томас обрадовался как малое дитя. Он просиял. Прыгал как козел у автомата, из которого Тармаков попросил Зою покрепче запереть дверь и не ждать его, конечно, он сказал это не прямо, а полупрозрачными намеками. Зоя пыталась выспросить детали, но Леша положил трубку - много будет знать, скоро состарится.

Томас, угощал ликером и армянским коньяком - кто-то из наших привез ему бутылку. Но сегодня они были абсолютно трезвы. И когда Томас начал обнимать Лешу за плечи, и у того потек по телу легкий

ток, коньяк здесь не играл никакой роли...

Утром Зоя, опять зареванная, на пределе нервов кричала:

- Что это такое? Ты теперь не будешь ходить домой?

На этот раз Леша подготовился.

- Дура, если ты ничего не петришь, то хотя бы не ори. Ты думаешь, мне здесь деньги только за перевод платят. В сортир выкинуть перевод, поняла?

- Нет, не поняла.

Зоя опешила, Леша перехватил инициативу.

- Не поняла - молчи. Не звони по всему миру. Здесь люди занимаются делом, нужным для государства делом. За это государство содержит тебя, бездельницу, которая ходит и болтает своим языком. Отрежу язык к чертовой матери! - зарычал Тармаков.

Отличный получился переход - после артподготовки мощный удар - "отрежу язык"... Зоя была убита. Под завязку Леша бросил еще несколько загадочных фраз - пусть жует.

- Здесь тебе не Прокопьевск. Если я куда-то поехал, даже ночью, значит так надо, соответствующие товарищи в курсе. Неужели ты еще не просекла, что здесь все под контролем. Ты плюнешь, через час об этом доложат.

Зоя стояла неподвижная, ошеломленная. Ни слов, ни слез. Тармаков запомнил на всю жизнь выражение ее лица. Версия сработала стопроцентно. Жена не только перестала допытываться, но и на удивление изменилась. Так меняются из-за болезни, больших несчастий, либо слишком больших удач. Зоя замкнулась, никогда не кричала, насколько могла проявляла вежливость, не задавала вопросов. Она перешла в новое состояние - стала хранительницей тайны, и, видно, внутренне готовила себя к чему-то ответственному.

Нейтрализовав Зою, Алексей ощутил себя почти свободно. Оставалась, правда, внешняя опасность - чуткие коллеги, заботливый Дмитрий Сергеевич и прочая обозная сволочь. Этим, к сожалению, наврать сложнее. Этим не надо попадаться на глаза. Просто соблюдать правила конспирации. Не будут же они следить за каждым шагом.

С Томасом они встречались все чаще. Леша уже без звонков приезжал к нему на квартиру. Иногда оставался на ночь, но не злоупотреблял - щадил Зоину кровь и нервы - несмотря на объяснение она, конечно, переживала. Однажды Томас предложил поехать на уик-энд в Альпы. Леша колебался, но в итоге дал отказ по соображениям конспирации. Томас немножко обиделся. Но как ему объяснить, чудаку, что, заходя в подъезд, приходится оглядываться по сторонам - не наблюдает ли кто, а вместе ехать на машине, жить в кемпинге - чересчур. Даже по улице вместе ходить чересчур.

- Мы прячемся, как преступники, - сказал Томас, - от этого в

наших отношениях многое теряется.

Алексей взорвался.

- Ты прожил в Союзе полжизни и не хуже меня знаешь, как у нас все делается. Ты знаешь, чем я рискую. Головой рискую, ясно?

- Не сердись, Алекс, - грустно произнес Томас. Он хотел что-то добавить, но вовремя остановил себя.

Конечно, Леша тоже переживал дурацкую подпольщину, тем более, что он по-настоящему привязался к Томасу. Он ждал случайной встречи с ним в коридоре, вздрагивал при телефонных звонках - не он ли? - искал предлог, чтобы передать какую-то бумажку. В часы обеда Леша намеренно крутился вокруг стола, где обычно обедал Томас в компании с высохшей пожилой немкой фрау Шюллер - она работала в секторе документации. Они обедали вместе много лет - своего рода традиция. Сейчас Лешу эта традиция злила, а старухе Шюллер хотелось врезать посильнее. Как-то на пляже недалеко от их здания Тармаков видел старуху без лифчика. Она, загорала (ох, уж эта европейская привычка - сидеть на пляже с голым верхом. Для российского сознания это удар, сильнее ядерного. Две дряблых груди- висюльки, как у затасканной отражавшей суки. Тело в мелких родинках и прыщах. Мерзкий видок... Леша с тех пор старался не глядеть в сторону фрау Шюллер. А Томас с ней обедал каждый день. Лешу это раздражало.

Вообще его многое стало раздражать. Он стал чувствительным, реактивным. Нервы превратились в оголенные провода. Но самое главное, Томас теперь ему был нужен физически. Леша страдал, не находил себе места, когда его долго не имел. Долго - три-четыре дня. Потом он уже бросался на стенки. В холостяцкие времена, когда иной раз по месяцу приходилось быть без девочек - днем работа, а вечером негде - Леша не испытывал такого острого желания. Иногда, когда сильно выматывался, вообще забывал. Но сейчас буквально скулы сводило...

Однажды Бюргер крепко напился. Пропускал одну за одной виски, без содовой и безо льда, совсем по-русски. Потом разделся, носился голый по квартире, затащил Лешу в ванную, и они принялись мыть друг друга. Пьяный Томас сперва расточал ласки, гладил Лешу по заду, целовал в спину, медленно размазывал пахучий шампунь по своему телу и по лешиному. Все предвещало интересную любовь. Вдруг Томаса стошнило. Причем так закрутило, что Леша еле успевал подставлять таз. Бюргер словно нарочно не стоял на месте, он шастал по квартире, хватался за все, что можно, охал и рыгал. Леша впервые видел подобный приступ. Трудов стоило уложить Томаса на кровать и немножко успокоить. Он даже призаснул, но посредине ночи опять начал разговаривать с тазом. Ужасная ночь... Кто мог подумать, что

его развезет. Однако, странная вещь - Леша, брезгливый по натуре, погибавший при виде волоса в супе, чувствовал на сей раз себя спокойно. Он вытирал после Томаса и не испытывал отвращения, напротив, жалел друга и готов был сидеть возле него, сколько потребуется. На следующий день, когда Зоя, не переставая кашляла за ужином - с перцем переусердствовала - Леша чуть не врезал ей ложкой по лбу. Врезать все-таки не врезал, но швырнул тарелку и ушел из-за стола.

Венские будни охарактеризовались заметным для тармаковского круга событием - приездом завотделом переводов МИДа Союза Александра Алексеевича Развина. Впрямую здешние переводчики Развину не подчинялись, но все они после окончания командировки хотели попасть в МИД, что сулило в будущем новые командировки. Рассказывали, что мидовские переводчики катаются по всему миру почти без заезда домой. Короче, райская группа.

Завотделом оказывали маршальский прием. Всякий норовил подержаться за его руку, постоять рядом, оказать мелкие услуги. Высокий, спортивный, лет за пятьдесят, Развин казался личностью демократичной, любил прибаутки и анекдотики, словечки типа "ребята", "старик". В нем не было свойственной дипломатам чопорности. С внешней простотой не вязался только колкий, изучательный взгляд. Глаза завотделом никогда не смеялись, они напряженно щупали, отбирали, просеивали, отмечали. По слухам, он был родом из Магадана, может, из-за этого следовательские глаза.

Леша думал тоже найти подход к Развину. Сделать это было трудно, потому что кое-кто подсуетился и остальных отгоняли дубиной. Леше в этой игре счастье не светило. Однако, случилось непредсказуемое. Развин сам нашел и пригласил на беседу, причем неформальную, за чашкой кофе в буфете международного центра. Гадать насчет мотивов высокого благоволения долго не пришлось. Развин передал письмо от Михаила Ивановича. Обменялись малозначащими фразами. Вдруг Развин сказал:

- У тебя хорошие перспективы попасть в наш отдел. Заработай характеристику, а там мы тебя подстрахуем.

- Я не москвич, - виновато проговорил Леша.

- Это не проблема, - отрезал Развин, - главное, чтоб человек был хороший. Мы же все-таки министерство иностранных дел, а не банно-прачечный комбинат.

На прощание завотделом как бы невзначай обронил:

- Хочу обратиться к тебе с просьбой. Привязался ко мне сын купить одну музыкальную штучку. Он в ансамбле играет и замучил своей техникой. Я в этом ни черта не смыслю. Посмотри бумажку.

Он протянул помятый листочек с разборчиво написанным на

английском названием и индексом из каталога. Это было что-то очень профессиональное из области электронной музыки.

- Есть магазин "Штельцхаммер", пожалуй, единственный здесь магазин для концертирующих и записывающихся музыкантов, - солидно, как эксперт, заявил Леша. - Только там можно это купить, по крайней мере, спросить.

- Вот и отлично, - воскликнул Развин, - займись этим, пожалуйста. Я уезжаю послезавтра, ни одной свободной минуты не осталось. Плотная работа... - он со вздохом качнул головой. - А насчет денег так решим: ты купи, а в Москве мы разберемся. Приедешь в Москву, сразу позвонишь, и мы там уж как положено...

- Вы знаете, - сказал Леша. - Я с удовольствием, но сейчас не при деньгах, готовимся к отпуску. Может, кто-то из ребят даст сколько нужно, а я куплю. "Штельцхаммер" - дорогой магазин.

У Развина сузились зрачки, внутри он накалился добела, но внешне сдержался, даже пытался дать юмор.

- Наверное, у тебя молодая жена? Обычно молодые девочки не расчетливы, все переводят на духи и краски. Ха-ха, ха-ха... Жены - жены.

Развин натянуто засмеялся. Леша не врал: он с Зоей сидели на мели, а музыкальный магазин дорогой. Покупал он однажды там гитарные струны, простые струны для приятеля из Прокопьевска - выложил уйму шиллингов. А если серьезный инструмент или прибор... Состояние.

Ночью Леша не спал. Он думал. Перечитывал письмо Михаила Ивановича, в котором патрон намекал, что к Развину следует проявить максимум уважения и ласки. Леша понял: сегодня он грубо ошибся, не попал с двух метров в пустые ворота. Нужно было бросить все, стремглав помчаться в "Штельцхаммер", если надо, занять денег, и купить Развину эту дрянь, да еще что-то в придачу, вечером же отнести товар в гостиницу, поставить тихо в уголке номера и задом, поблагодарив и покланявшись, выползти, заслужив "спасибо". О возврате суммы забыть, если даже он будет спрашивать, пожимать плечами и улыбаться, мол, как-нибудь, в другой раз. Неужели, чтобы понять все это требуется высшее образование? Последний дурачок разберется, а он не сумел. Значит он хуже последнего дурака.

Он представил себе, как изумился Развин его глупому ответу насчет того, что ребята снабдят деньгами, тогда можно купить. "Ну и кретин, - наверное, думал про себя завотделом. - Кого Иванович мне подставил?" Что же теперь делать? Леша раздобыл номер телефона Развина и принялся названивать. Глухо... Телефон молчал. Естественно, он не сидит на месте. Может, купить и отнести без всяких предварительных созвонов? Деньги немалые, а вдруг он уже у

кого-то заказал.

Телефон молчал и на следующий день утром. Днем Леша во искупление греха отправился на вокзал на проводы. Людей собралось много. Все тащили коробки, сумки, свертки. Развин по обыкновению травил анекдоты, прибаутничал. На Тармакова вообще не обратил внимания.

В разгар церемонии два балбеса из секции стали затаскивать в вагон какое-то бревно.

- Что это, ребята? - поинтересовался Развин.

- Палас. Вам в кабинет, Александр Алексеевич, - кряхтя, ответил один из балбесов.

Развину, очевидно, не понравился ответ. Принародно, на весь вокзал про кабинет...

- У меня скромный кабинет. Мне ваш палас не нужен.

Возникла натянутая пауза. И тут второй балбес, который на самом деле, вероятно, не такой уж балбес, сказал:

- Нет, этот палас не для кабинета, а для центровки вагона. Чтобы не качало.

- Ну, если для центровки, то можно, - засмеялся Развин.

Все вокруг тоже засмеялись. Вскоре стали прощаться. Бойцы вытянулись в шеренгу, командир обошел строй. С кем-то даже обнимался. Леше бессловесно и бесстрастно протянул руку. Крепкая, неинтеллигентская рука. Леша хотел сказать нечто извинительное, намекнуть на свою ошибку, но в ухо дышали коллеги, и он постеснялся. Промолчал.

Развин поднялся в вагон. Один парень вдогонку всучил ему сверток.

- Яблочный пирог. В дорожку... Жена испекла, - лепетал парень.

- Привет жене, - отвечал Развин. - Она, оказывается, у тебя не только красавица, но и кулинар высшего разряда.

Завотделом помахал людям рукой на прощание. Поезд тихо тронулся. Леша едва не заплакал. Те, что тащили палас и пекли пирог - те попадут. Пока зайцами, без билетов, потом они попрыгают на двух задних, прижав лапки к груди, и им выдадут билеты. Будут полноправными пассажирами. Придет время, и им понесут паласы и пироги, а ему, Тармакову, не понесут, потому что он упустил шанс.

Прошло две недели. В один из мерзких слякотных вечеров Зоя пришла домой поздно. Леша ужинал совсем по-холостяцки - вареная картошка, колбаска, сырок и пиво. Зоя, даже не зашла на кухню, забежала в спальню и закрыла за собой дверь. Леша всполошился, кинулся вслед.

Она лежала на кровати и плакала.

- Таня сказала, что мы из отпуска назад сюда не приедем. Нас

оставят в Москве. Валера запретил ей давать нам передачи.

Таня - это жена кадровика из представительства. Зоя с Таней дружили, точнее были близки, ибо искренней дружбы между людьми в загранколонии не бывает. Они - одного возраста и даже внешне похожи. Таня, правда, отличалась удивительной болтливостью, что в сочетании с информированностью и чисто женской гибкостью ума представляло смертельную опасность для ее мужа Валеры, который ведал самым деликатным делом - кадрами.

- Что она еще говорила? - спросил Леша после паузы.

- Что отношения у нас с тобой в семье плохие, что Развин о тебе плохо говорил, с коллективом у тебя тоже плохо.

Зоины плечи вздрагивали. Она выглядела бледной, больной, самой несчастной.

- Ладно,- твердо сказал Леша, - посмотрим. Не переживай...

Он вышел из комнаты с нормальным самочувствием. Он будто ожидал такого поворота, тайно, подспудно, не признаваясь самому себе, ожидал. Это должно было произойти, ибо он жил в обществе, где приняты определенные правила игры. Нарушение правил карается. Вот и все. Он знал, что шутит с огнем, знал, но тем не менее продолжал шутить. Впрочем, Таня могла наболтать ерунду. Ведь вокруг все тихо. С другой стороны, тишина непривычная. Шеф вообще утратил к нему интерес, проходит мимо, кивает и все. Поручениями, как прежде, не загружает. Секретарь партбюро тоже никак не реагирует. Подписали приговор и сдали дело в архив? Скоты... Настораживало еще и то, что из начальства никто не совался к ним с передачами, обычно закидывали свертками и коробками, а тут ничего.

И опять, в который раз за последние годы в резком, жестоком виде всплыл проклятый русский вопрос "что делать?". А что, собственно, можно сделать, когда до отъезда два дня... От судьбы не сбежишь.

Когда Леша поведал новость Томасу, тот вначале онемел. Заложил руки в карманы и принялся мерить шагами габариты жутко надоевшей им обоим комнаты-клетки. Глядя в заоконную даль, он сказал:

- Алекс, ты не должен уезжать. Ты должен остаться.

- Как это остаться?

- Остаться и все. Австрия - не самая худшая страна в мире. Будешь продолжать работать в ООН, если твои русские коллеги совсем замучат, я найду тебе работу. У меня много друзей, они помогут.

Леша вспомнил, как в первую интимную встречу Томас произнес трогательную фразу: "Если бы я был богат, то смог бы помогать другим, помогать своим друзьям". При этом воспоминании Тармаков едва не расплакался. Неужели все рушится? Как он будет там, в Союзе без Томаса? Ведь если танькина сплетня окажется правдой, они с

Томасом никогда не увидятся. Сейчас, стоит не побывать друг у друга денька три, и уже зуд такой, что хочется биться головой об стенку. А как будет в Союзе? Смерть... С другой стороны, предложение Томаса - экстремизм. Остаться - значит, обречь себя на неопределенность и битвы. По крайней мере на первых порах. Ведь наши начнут выживать с работы, устраивать всякие гадости. А воевать с целым государством бесперспективно. Как поведут себя австрийские власти? Не ясно... Где жить? Тоже не ясно...

Итак, первая сторона - смерть, вторая сторона - трудности. Он вынужден делать выбор немедленно. Он сделал выбор.

От Томаса Тармаков поехал домой забрать кое-какие вещи. Чтобы не привлекать внимание, много не брал - только самое необходимое и ценное. Зоя в момент сборов словно по заказу спала, и у него было время окончательно решить для себя тяжкий вопрос - говорить ей или нет. Все же из-за чувства гуманности, но явно в ущерб конспирации Леша разбудил ее и заявил о том, что в отпуск не поедет и останется в Австрии навсегда. Вот так: просто и коротко. Ей он предложил тоже остаться.

- Сейчас я убегаю по делу. Завтра ровно в двенадцать я тебе позвоню, - заключил он свою речь, не давая Зое очухаться. - Ответишь: "да" или "нет". Без лишней трепотни. Только "да" или "нет". Если "да", остановишься в гостинице "Атланта", через три дня я тебя там найду.

Не дожидаясь вопросов, Леша исчез. Пусть дожевывает сама. Не маленькая. Он поступил благородно, предупредил и предложил. Не согласится - ее проблема. В душе Леша надеялся, что она не согласится, в противном случае трудностей станет гораздо больше. Зоя будет пудовой гирей на его ногах. Пока его ноги не так уж крепко стоят на австрийской земле. И потом Томас... Зоя будет мешать.

Леша шел по двору советского поселка быстрой, напряженной походкой. Вокруг было мирно. Дети гоняли на площадке мяч, периодически выкрикивая неприличные слова. Бабы сидели на скамейках, вязали, болтали, хихикали. Вот и проходная. Кто сегодня там сидит? Тамара Ивановна, жена советника из представительства. Смотрит через большие очки затравленным взглядом. Как-то она плакалась Зое, что муж уже пять лет ничего с ней не делает, лежит как бревно рядом с приемником на животе. А она, бедняжка, потеряла сон, без таблеток не засыпает. Пойти налево не с кем, круг замкнутый, люди, в основном, женатые, скандал получится... Вот и мучается. Звереет потихоньку. До свидания, Тамара Ивановна. Решай свои проблемы! Тармаков вышел из проходной, посмотрел в последний раз на поселок. Стоит белокаменный. Ну и пусть стоит! Теперь он вряд ли когда-нибудь придет сюда. Здесь ему больше нечего ловить.

Тармаков уселся в машину и рванул во все лошадиные силы. По пути он несколько раз оглядывался: не гонится ли кто? По мере приближения к дому Томаса волнение нагонялось. Боковым зрением он тревожно цеплял людей на улице. Везде мерещились знакомые рожи. Сейчас загородит дорогу грузовик, а знакомые рожи заламают руки и потащат: "Попался, гаденыш! Сбежать хотел! Мы тебе устроим. На Лубянке все расскажешь". Но он пока ни в чем не виноват, он пока не сбежал, разговор с Зоей не в счет. Беглым он будет, когда не явится к поезду.

Томас ждал его за празднично накрытым столом с бутылкой французского шампанского в руках. Они выпили за начало новой жизни. На утро ровно в двенадцать Леша из телефонной будки за квартал от дома Бюргера позвонил Зое. От волнения он дважды неправильно набрал номер. Наконец попал.

- Откуда ты звонишь? - сразу спросила Зоя.

- Неважно,- буркнул он, - ты остаешься или уезжаешь? Только без... "Да" или "нет"?

- Я уезжаю, - ответила она тихо.

- Счастливого пути.

Он моментально повесил трубку. Рассусоливать некогда.

Наверняка их разговор прослушали и вычислили, откуда он набирал. Тармаков побежал в переулок, смущая спокойных венских бабушек, прогуливавшихся со спокойными сытыми собаками, крутился в каких-то дворах, пока не разыскал спасительную дверь томасовского подъезда.

Операция шла по разработанному Бюргером плану. Вечером пришел журналист из местной газетенки - старый приятель Бюргера. Он взял интервью и сделал пару снимков. На следующий день на первой странице появился заголовок большими буквами: "Советский дипломат выбирает Запад", где товарищ Алексей Тармаков заявляет о своем намерении продолжать трудиться **в** международной организации, не подчиняясь при этом внутренним советским инструкциям. Тармаков объясняет далее, что все служащие международных организаций советского гражданства обязаны сдавать львиную долю своей зарплаты государству и делается это согласно тайному положению, путем привоза свежих купюр из банка в бухгалтерию представительства, при этом можно еще получить втык от бухгалтера за опоздание или за приезд **в** обеденный перерыв, когда хочется кушать, а не считать деньги. Сотрудник обязан сдавать также все пособия и дотации от международной организации. Он обязан каждый год ездить домой **в** отпуск, ему запрещено отдыхать в Ницце или где-либо на Западе. Он обязан быть членом коммунистической партии или, по крайней мере, комсомольцем. Он обязан являться за указаниями **в**

советское представительство, участвовать в партийных и иных мероприятиях, но в стенах ООН не разглашать факты своей принадлежности к партии.

Первое, что почувствовал Леша, взяв в руки газету - страх. Он пошел по хрупкому льду. И на свой берег уже возврата нет.

Только сейчас Тармаков во всей яви понял, что интервью сожгли мосты. В одну ночь. Он - перебежчик. Поэтому хитрый Томас торопился, настаивал на газетной шумихе. Воспользовался замешательством. Можно еще побежать в посольство, упасть в ноги чиновникам и плакать, плакать, мол, опоили, обманули, поддался искушению, а интервью спровоцировало ЦРУ. Но это глупо. Отправят в Москву, а там, в тиши кабинетов будут кишки на свои "паркеровские" ручки наматывать. Взвоешь. И на всю жизнь клеймо. Да еще и посадят. Нет, назад нельзя. А вперед куда?

Между тем колесо крутилось. С утра до вечера Леша сидел в китайском ресторане и беседовал с журналистами. Они были разные - молодые, старые, худые, толстые, австрийцы и прочие. Лишь русских не было. Снимало несколько телегрупп. К вечеру Леша абсолютно выдыхался, голос садился, ему казалось - в горле вот-вот что-то порвется и хлынет кровь. Рассказывал он одно и то же: про положение международных гражданских служащих советской принадлежности, про закрытые директивы, про тайную сдачу денег. О личных делах спрашивали мало, лишь одна курносая девчонка из немецкого журнала допытывала биографию и сведения о жене.

Томас проявлял необыкновенную активность. Он составлял расписание для журналистов, встречал провожал их, беспрестанно звонил, договаривался, решал финансовые дела, короче, служил менеджером и добивался на этом поприще успехов. Деньги текли немалые. Какие-то телевизионщики-американцы даже расщедрились на гонорар в три его месячных зарплаты за тридцать минут съемок. Можно представить, как легко и счастливо живут разные там звезды, которые полные дни и ночи забавляют своей трепотней прессу и телевидение.

Но Леша мало думал о деньгах, хотя прежде его волновали именно деньги - вдруг не удастся устроиться, вышибут с работы или болезнь - сбережений нет, а жизнь на Западе жестокая, не попал в стремя - деклассировался и никому ты не нужен. Однако боль о деньгах как-то сразу отлегла. В безумные первые дни после ухода он думал о себе, о том, как постоянно поворачивает и испытывает судьба, словно таинственный кто-то проводит эксперимент, скалит ядовитые зубки, нашептывая: "Ну, поглядим, как ты у нас сейчас попрыгаешь". Месяц назад он даже в снах не видел того, что происходило сейчас. Месяц назад он интересовал двух-трех человек, теперь - устал сам от себя,

разглядывая свои изображения и заявления в газетах. Куда его несет? Лешу трясло, но не как раньше, а страшнее...

Наконец отреагировали наши. Томас принес номер "Известий" со статейкой венского корреспондента - Леша видел его несколько раз на вечерах в посольстве, мужик с русским лицом красноватого оттенка, видно, выпить уважал. В статье делался намек на то, что дело странное, пахнет вражеской провокацией, похищением советского сотрудника и принуждением к клевете на Родину. Краснорожий выбрал хитрый, правда, не новый метод подачи: факты изложил без вранья, мол, уехал из дома и не возвратился, говорил с женой по телефону, к поезду не явился, а рассуждения такие накрутил вокруг, что сомнений не остается - ЦРУ. "Боже, - подумал Леша, - что происходит сейчас в родном Прокопьевске". Здоровая, многопудовая гидра Москва равнодушно проглотит и переварит любое событие, тем более столь мелкое по ее масштабам. Для Прокопьевска - это гвоздь, городская сенсация на год. Соседи, знакомые, родственники... Бывшие коллеги. Выстоят ли родители? Мать выстоит, она гибкая, хотя переживать будет страшно, отец с налету как обычно наломает дров. А Зойка? Куда поехала Зойка? В родном городе ее сотрут в дорожную пыль. Ей бы бежать подальше... Сама она не убежит. Может найдется дурачок, который ее утащит из прокопьевского болота. Да, пожалуй, найдется... С заграничными шмотками не пропадет. Налетят охотники. С нашими нищими магазинами таких охотников много".

Шумиха тем временем продолжалась, правда, накал пошел на убыль. По замыслу Томаса апофеозом должна стать встреча Леши с сотрудниками совпосольства, где будут торжественно развеяны мифы о принудительном бегстве. Встреча произошла, но крупного события из нее не получилось. Журналистов к посольству пришло мало, несмотря на то, что Бюргер оповестил все редакции. Сам разговор двигался мирно. С нашей стороны был советник Дыбов, с которым еще месяц назад на приеме Леша пил, в итоге они оба набрались в дымину и, обнявшись курили на балюстраде, поплевывая вниз. Дыбов при этом крепко матерился, кричал матом, что начинал трудовой путь шлифовщиком и на родном заводе всех е... в рот. На встрече в посольстве Дыбов, конечно про завод не вспоминал. В официальной обстановке он не кричал, говорил плавно, нотно, глухо. Предупредил Алексея о возможных последствиях его необдуманного, с точки зрения посольства, шага. Намекнул, что на службе в международной организации он останется вряд ли.

- Если я буду испытывать искусственные трудности на работе, - вытащил Леша домашнюю заготовку, - придется обратиться в Комитет по правам человека.

Дыбов удивленно взметнул брови. Сидевший рядом офицер

безопасности - тот самый, который в первые дни советовал Тармакову наслаждаться Веной - кашлянул.

- ... У меня нет политических мотивов. Я не собираюсь менять подданство. Просто хочу работать там, где нравится и не испытывать давление извне.

- Мне кажется, - заметил Дыбов, - вы сейчас испытываете давление извне больше, чем когда-либо.

На том и расстались. У ворот Тармаков остановился перед камерами, ответил на ходу на несколько вопросов. Бал заканчивался. Вечером они распили с Томасом бутылочку вина, прикинули дивиденды. Деньги хорошие, хватит на первое время. Бюргер насиловал калькулятор, напрягал лоб в подсчетах и переподсчетах. Вдруг он отложил калькулятор и сказал:

- В русском посольстве завтра большой прием. Меня не пригласили. Впервые за столько лет.

- Ну и черт с ними.

- Это начало. Кажется, я потерял целую страну.

- Ты потерял? - вскричал Леша. - Что ты потерял? У тебя кто в той стране живет? Казенные пирожки на приеме потерял.

- Не злись, - сохранял спокойствие Томас. - Я думаю о будущем. Они, конечно, начнут мстить.

- Что тебе их месть? - кипел Леша, - у тебя квартира, деньги, знакомства. Ты в своей тарелке. Ты в своей стране. Автомобильную катастрофу они тебе устраивать не будут, времена не те, а мелкие пакости переживешь.

- Понимаешь, Алекс. В обществе у меня репутация человека, близкого к России. Многие люди здесь интересуются мной лишь потому, что у меня связи в России. Это приносило и деньги. Сейчас, если ваши захлопнут двери, я лишусь важных возможностей.

- Я не виноват. Ты сам все придумал, а теперь...

- Прекратим этот неприятный разговор,- шепотом сказал Томас.

Леша тормознул. И вовремя. Зачем развивать тему, от которой лишь злость? Дело сделано, кулаками размахивать поздно. Они теперь не только в одной постели, но и в одной лодке по жизни.

После бурных событий требовался отдых. По предложению Бюргера они двинулись на машине в Тироль к свежему воздуху и ласкающей глаза зелени. Здесь все забывалось моментально. Долгие прогулки по чистеньким дорожкам и лужайкам несли успокоение. Еще был бассейн и баня. А по вечерам просто кружка пива. Или крутой горячий кофе. Они сидели в тихом баре с грубой, псевдо- простой мебелью. На столе свечка. Время, кажется, здесь вообще остановилось. Перед сном Леша завел привычку залезать в горячую ванну и нежиться в ней до обморока. Иногда, по настроению они

принимали ванну вдвоем. Получалось физически утомительно, но интересное шоу. Вода дает особые ощущения.

Единственное, что раздражало - словоохотливость хозяйки пансиона, где они остановились. Стоило попасться ей в коридоре, полчаса переминайся с ноги на ногу - слушай и кивай. Леша почти не понимал, что она лопочет, но кивал исправно. Хозяйка рассказывала про свой тяжкий путь, смерть мужа на войне, про то, что за ней бегал русский офицер, про то, что жизнь дорожает и не известно, куда катится мир. Мадам была аккуратной телезрительницей. Тармакова узнала, оттого привязывалась с огромным энтузиазмом. Она задала вопросов больше, чем все журналисты вместе взятые. Леша сперва дергался, потом смирился - она одинокая женщина, ей просто не с кем поболтать.

Они вернулись в Вену расслабленные, хорошо отдохнувшие. У Леши кончился отпуск. В понедельник поутру Леша вошел в проходную модернового ооновского комплекса. Он шел на службу. Охранник - негр в синей робе и фуражке, взглянул на висящий у Тармакова на груди пропуск и улыбнулся, выставив напоказ крупные белые зубы. Опознал, а может, и не опознал, а так... В этот день Леше казалось, что все встречные опознают его. У лифтов в холле от него шарахнулась машинистка из русского машбюро. Даже в один лифт с ним не зашла. Испугалась. Эх, Таня, Таня... Ведь когда-то пела в хоре вместе с Зойкой. Приходила в гости, тянула навзрыд “Ой, мороз, мороз"... Впрочем, что удивительного? Чувство самосохранения.

Тармаков вошел в свою комнату. Все так же - стул, стол, диктофон, словари. В ящиках стола, правда, ералаш - рылись. Что искали? Секретные документы? Донесения в ЦРУ? Утащили набор фломастеров, фотографии. Кому понадобились фото Зойки? Глупость... Прошел час - материал на перевод ему не принесли. А ведь идет сессия, до черта документов. Леша выполз в коридор. Ребята без умолку надиктовывают - в коридоре слышно. Он пошел к секретарю русской секции - полногрудой девушке Маше - она распределяла работу.

- У меня на сегодня сколько страниц? - спросил Тармаков.

Маша молчала, делая вид, что не замечает и не слышит.

- Я спрашиваю, - рявкнул Леша, - сколько страниц на сегодня?

Девушкины плечи дернулись.

- Не кричите на меня.

Маша стала называть его на "вы".

-... Сидите, вам скажут.

Лишь неведомая сила удержала Тармакова от того, чтобы не швырнуть в Машку какой-нибудь предмет. Но он только сжался и выбежал. Так, блокада... Карибский кризис. Немедленно звякнул Томасу.

- Идиоты... Зачем они это делают? - воскликнул Томас.
- Ты ожидал другого?
- Ненормальные люди... Я поговорю с директором департамента.

За день не принесли ни одной странички на перевод. За вечерним чаем Томас сообщил, что говорил с директором. Тот, со слов Томаса, выслушал, не перебивая, и обещал разобраться. Что еще мог сказать профессиональный дипломат? Дипломаты за то и получают деньги, что обещают и ничего не делают...

На следующий день история повторилась. На столе пусто. Маша в прямом смысле бегала от него, втянув голову в плечи. К Дмитрию Сергеевичу Леша идти не хотел. Его трясло от перспективы столкнуться с шефом глазами. Итак блокада...

- Чего они добиваются? - вопрошал Томас опять же за вечерним чаем.
- Доказывают, что я бездельничаю. Потом выгонят.
- Но не так же явно... Это же скандал.
- Для кого скандал? Для тебя? Для директора? Директор тоже не будет связываться, потому что один человек не может воевать против государства.
- Что же делать?
- Не знаю.

План у Леши родился утром, в ванной при чистке зубов.

Он вдруг вспомнил, что выбил квартиру звонком постоянному представителю...

Трубку взяла секретарша.
- Будьте добры Олега Николаевича.
- Кто его спрашивает?
- Алексей Тармаков.

Молчание. После паузы секретарша сказала изменившимся голосом:
- Олег Николаевич занят.
- Передайте, что я звоню по вопросу государственной важности и прошу немедленно взять трубку.

Молчание. Потом знакомый голос.
- Слушаю.
- Говорит Алексей Тармаков. - Перед Лешей лежала шпаргалка. Как и в тот раз он читал. - Я намерен сделать заявление. Своим решением стать независимым международным гражданским служащим в полном соответствии с Уставом ООН я никоим образом не нанес ущерб советскому государству. Я не совершал уголовно наказуемых преступлений, не занимался шпионажем или клеветой на советский государственный строй. Я не просил политического убежища в чужой стране и остаюсь советским гражданином. Факты,

сообщенные мной в интервью западным средствам массовой информации, являются правдивыми, и вы знаете это лучше меня. Причем эти факты не составляют государственную тайну. Исходя из изложенного, я абсолютно не понимаю, за что меня подвергают преследованием на службе, ставят под сомнение мою репутацию как сотрудника международной организации. Предупреждаю, что если ситуация не изменится, я буду вынужден обратиться за помощью в Комитет по правам человека. Если сегодня мне не принесут материал на перевод, я передам это мое телефонное заявление в прессу. До свидания!

Леша положил трубку, не дожидаясь ответной реакции. При чтении он был на взводе, казалось, в любую секунду его оборвут по ту сторону провода, рявкнут, тявкнут или зарычат. Но - молчание. А через час взъерошенная Машка принесла три страницы протоколов. Положила на угол стола и выскочила. Блокада оказалась прорвана. Леша радостно и быстро перевел нудные выступления. Он соскучился по работе. И днем, и ночью он бы сидел и тарахтел в свой диктофон. И чтоб не выходить в коридор. И в лифт не садиться. В буфете тоже не появляться. Ни Машки, ни Шефа, ни трусливо-серых физиономий совсотрудников.

Вечером они с Томасом ходили в оперу, а ночью напились в честь первой победы.

Победа, как и следовало предвидеть, была условной. Явная дискриминация поменялась на не явную. Например, машинистки не приносили ему как обычно напечатанный материал. Он сам прибегал в машинописный пул за бумагами. Приходилось заходить по два-три раза. Девочки тянули резину, из-за этого нарушались сроки, он не вытягивал норму - пять с половиной страниц в день. Леша не долго терпел. В обстановке блокады он освоился. Дмитрия Сергеевича он уже не боялся. Двинулся прямо в кабинет, Машку чуть не снес по дороге и в лоб: "До каких пор... Буду сдавать в печать под расписку с указанием времени и принимать из печати тоже с указанием времени". И криком. У Дмитрия Сергеевича даже геометрия ушей изменилась. Уши начали вращаться.

- Прекратите скандалить, - единственное, что нашел сказать начальник.

Леша пригрозил Комитетом по правам человека и шлепнул дверью. Козлы... Ему нечего с ними делить. Он теперь знает, как поступать. С молотком в руках напролом. Иначе съедят. Через час машинистка принесла распечатку.

Первые бои закончились. Покатила обыкновенная жизнь, рутина. Леша снял квартиру в квартале среднего класса, недалеко от работы. Томас пригласил дизайнера, и они втроем кумекали, как обставить

квартирку. Получилось неплохо, что называется, дешево, но со вкусом. Так у них появилась вторая берлога, которую они с наслаждением осваивали, потому как первая, томасовская, надоела смертельно. Леша поменял машину, взял "Рено". Теперь он не носил две трети зарплаты в представительство, и в банке у него шли проценты. Он вдруг обнаружил, что получает гигантские деньги. Сумма вначале пугала, вводила в замешательство. Но при ближайшем рассмотрении получалось, что денег не так уж много, ибо цивилизованному человеку, если он хочет поддержать свою принадлежность к определенному кругу, нужно и то, и другое, да и неизвестно сколько времени продлится это счастье. Пока есть контракт, можно быть уверенным. А дальше? Дальше неизвестно. Наши, конечно приложат усилия, чтобы контракт не продлевали.

Неделю Леша мучился вопросом: как поздравить мать с днем рождения. Позвонить или дать телеграмму? Или послать письмо? Письмо он быстро отмел - слишком долго, пока все уполномоченные прочитают и доложат начальству. Рука зудела позвонить, но звонок - это расспросы, ответы, объяснения. При всем желании услышать родные голоса, он предпочел телеграмму. Пока телеграмму. Пройдет немного времени, он до конца укоренится, дома потихоньку улягутся страсти, и тогда прямой смысл звонить. Алексей сочинил ласковую телеграмму, нарочито длинную, чтобы мать как женщина сообразительная сделала вывод, что денег он не жалеет, стало быть деньги у него водятся и вообще не так уж плохо ему живется. И тон текста он выбрал мажорный. Выверял, как в серьезном документе, каждое слово - ведь целый город прочитает. Отправил, и сразу как мешок с камнями сбросил с плеч. Улетела бумажка далеко, на другую планету. Ответа он не ждал.

Через некоторое время, когда Алексей уже порядочно забыл о телеграмме, на его рабочем столе зазвонил телефон. Было рано, он только появился на службе, не успел повесить пиджак на спинку стула. Кто это? С Томасом он только что вместе поднимался на лифте, он еще до комнаты не дошел. Кроме Томаса ему никто не звонил, почти никто.

- Алло, - проговорил осторожно Леша в трубку.

Внутри раздалось бормотание на немецком, потом щелчки и наконец отлично слышимый голос матери.

- Леша, Лешенька, - кричала мать, - алле.

-Мама, здравствуй, - сказал он, оправившись от шока. - Поздравляю тебя с днем рождения.

- Леша, как ты живешь? - она продолжала кричать.
- Нормально. У меня все в порядке.
- У нас несчастье - умер отец.

Алексей вздрогнул.

- Когда?

- Месяц назад схоронили. Скоро уже сорок дней.

- Что с ним было?

- В сугробе ночью замерз. К Михал Иванычу поехал, выпил там и не дошел... Замерз.

- В Москве, что ли?

- В Москве.

Чувствовалось, что мать на пределе, но не плакала, держалась. Она всегда умела себя контролировать.

- Как ты себя чувствуешь? - произнес Алексей, запинаясь.

- Ничего. Болею немножко. Когда ты приедешь, Лешенька?

- Я сейчас занят... работаю. Посвободнее буду - приеду. Или ты ко мне приедешь.

- Приезжай, к отцу на могилу пойдешь. Видишь, какой он у нас, войну пережил, а в мирное время умер... Замерз...

Установилась тягостная пауза.

- Мама, ты не болей, - нашел что сказать Леша. - Жизнь не повернешь назад. Я буду тебе звонить. Сама не звони, не трать деньги.

- Что деньги? Я же не каждый день. Где ты сейчас живешь?

- У меня все нормально. Я хорошо устроился. Чуть-чуть разберусь с делами, приглашу тебя в гости.

- На той неделе звонила Зоя. Она теперь в Харькове.

- Передай ей привет.

- Михаил Иванович на пенсию вышел. Отец как раз у него был. Не послушался, ночью в холод пошел, в час ночи, а как раз в Москве морозы. Утром нашли, он уже и не дышит.

Леша молчал? Что он мог сказать?

-... Лешенька, у тебя произошло несчастье? Да? Мы так толком ничего и не знаем.

- Мама у меня все нормально. Как-нибудь я тебе позвоню, и мы обо всем поговорим. Или приезжай в гости. Ты извини, я на работе, и мне не совсем удобно здесь... К тому же тороплюсь, ты меня удачно застала.

- Ладно, беги ... Ты только звони, Лешенька. Не забывай. До свидания.

- Обязательно буду звонить, и ты обязательно приедешь в гости.

Он положил трубку. По щекам текли слезы. Как бы сами собой. Он не страдал сентиментальностью, но, видно, настал момент разгрузиться, выплакаться. Жизнь подвела к такому моменту. И последняя капля нашлась сегодня. Отец ... Леша ярко представил, как долго собирался отец к Михаилу Ивановичу, как мать ежедневно пилила: "Езжай, узнаешь, что к чему". Наконец он собрался с духом

и рванул. У Михаила Ивановича они крепко, по - фронтовому выпили. Отец просил рассказать всю правду о сыне, Михаил Иванович наверняка увиливал от прямых ответов, не хотел наносить травмы. Но отец от природы был наделен здравым смыслом, он понял, что его сын, Алексей Тармаков, не захвачен в плен вражеской разведкой, не оклеветан ЦРУ, просто решил остаться "там" и работать, где работал раньше. Для отца, воспитанного на простых и строгих формулах своего времени, это был удар. Последние надежды разбились. Отец почувствовал себя кругом виноватым, и прежде всего перед своим другом, которого крупно подвел. (Недавно Томас принес на хвосте, что в кадрах МИДа после случая с Лешей устроили крупный разгон, Михаила Ивановича, в частности, убрали на пенсию. Кстати, Томас знал Михаила Ивановича лично, тот ведь долго служил в Вене). Отец больше всего не любил быть виноватым и зависимым. Нести вину перед Михаилом Ивановичем для него равносильно пытке. Как не хотел отец того просить! Словно предчувствовал, что чистая, не замутненная расчетом, дружба может пострадать. Мать додавила. Как, наверное, сжигал себя отец за то, что поддался! В тот вечер, перед смертью, он, конечно, извинялся как умел, кургузым, неповоротливым словом. Матушка бы защищалась, искала объяснения, выгораживала, он - нет. В тот вечер он возненавидел своего сына Лешу как последнего гада. И злость свою заливал водкой. Остаться на ночь в доме, в который он принес беду, не мог. Каким бы пьяным не был... Его несло на ночную улицу. Там развезло окончательно. А может, кто-то посодействовал, милиция разве станет разбираться. Упал пьяный в сугроб, и бог с ним, сам дурак... Впрочем, вероятно, все произошло по-другому, не так, но все же на восемьдесят процентов это было так.

Итак, первые итоги... Выкинули Михаила Ивановича, умер отец. Оба факта связаны с его "бегством". По злой шутке судьбы, эти люди как раз помогли ему, купили билет на корабль, а он вместо намеченного курса поплыл в чужом направлении. Щедрая получилась расплата за благодетельство. Но вернись он в Союз, было бы лучше отцу и Михаилу Ивановичу? Вряд ли.... Эта жертва не облегчила бы ничью жизнь. Просто к перечню жертв добавились бы еще двое - он и Зоя. Волчий билет, а значит, никакой сносной работы, слухи, переживания родственников, всеобщая подозрительность и ненависть - "что? самым умным хотел стать? в загранку? Иди поешь дерьма, поумнеешь..." К чертям.... Все он сделал правильно. Самопожертвование здесь не нужно. Оно обманно, относительно. В свое время Леша откопал в книге Брежнева "Малая земля" одну поразившую его мысль. Брежнев писал, что гуманизм на войне - штука неоднозначная. Хочешь спасти одного, тем самым посылаешь

на смерть другого. И не на войне, подмечал Леша, то же самое. Часто вопрос стоит: или ты, или не ты. И компромиссов нет. Ты, или не ты...

Правда, жил в лешиной душе один червячок. Нет-нет да шевельнется. Что если тревога была ложная? Обманула Зойку кадровиковская жена, наболтала, то ли по умыслу, то ли от дури, они дернулись, а на самом деле никто не собирался их задерживать в Москве, отдохнули бы и назад в славный город Вену. При глубоком анализе Тармаков все же находил эту версию сомнительной. Эпизод с Развиным, его связи с Томасом, не очень-то хорошие отношения с начальством.

Груз накапливался. А зойкина дурость, когда он не пришел ночевать! Додумалась позвонить шефу. Такие вещи не проходят мимо заостренных товарищей. Но даже пусть тревога ложная! Эта тревога подтолкнула сделать выбор, который он считает правильным и предопределенным, не обстоятельствами момента, а всем жизненным настроением.

Отца жаль. Что б там ни было... Крепкий мужик, он бы проколотился еще не один десяток лет. Дурацкая случайность... Леша вспоминал, как отец водил его ребенком на канал "смотреть на пароходы". Медленно тянулись баржи-громадины, замирали у шлюзов, а отец водил рукой: - "Это называется так-то, это сяк-то". Однажды к ним подошел какой-то дядька и сказал, что там, где они стояли, находиться нельзя, запрещено. Отец тогда достал из пиджака какую-то книжицу, показал дядьке, и тот, сменив гнев на подобострастие, быстренько отошел. Леша после этого зауважал отца еще больше, понял с помощью безошибочной детской интуиции, что отец - человек не просто так.

А что же делать с матерью? Она, по-видимому, сильно сдала, даже голос поменялся. Немудрено... Чем он сейчас мог ей помочь? Прислать вызов? Никто ее не пустит в Вену, замусолят, затаскают по инстанциям. Местные прокопьевские чины вообще устроят травлю. Но если вдруг она приедет, хорошего тоже мало. Что она поймет в его нынешней жизни? Она здесь ровным счетом ничего не поймет. Другая планета... Будет только переживать и нервничать. Надо бы послать что-нибудь из вещей, продаст, неплохие деньги поимеет, в России говорят, цены на иностранное выросли совсем фантастически, тем более у них, в голом, ободранном Прокопьевске. С кем послать - вот проблема. По почте ведь глупо - налог и немалый шанс, что не дойдет, потеряется, тем паче его посылку изучают с пристрастием, нет ли бомбы или мины, чтобы подорвать родной город. Короче, помочь матери сейчас трудно, но надо постараться найти человечка и передать кое-что. Со временем, глядишь, удастся другое придумать, посерьезнее, например, вытянуть ее к себе. Но это в дальней

перспективе.

Лишь только Леша оттаял после звонка матери - на это ушла неделя - он задумался над ближнем будущим. Оно не рисовалось слишком заманчивым. Заканчивался контракт. Совпредставительство и любые коллеги начали игры, чтобы не допустить продления. Положение усугублялось тем, что пришел новый директор департамента - поляк, который много лет крутился в Союзе, учился, работал в посольстве. С ним нашим легко договориться. Плюс на кадры сел - словно в издевательство - советский, мужик из МИДа, между прочим, Михаил Иванович когда-то познакомил Лешу с ним в коридоре высотного здания на Смоленской-Сенной. Мимоходом, конечно. Ныне этот факт не имел значения. Тармаков чувствовал, что шансы остаться международным чиновником при подобном раскладе не высоки. Правда, Леша поклялся себе биться до последнего патрона. Обещал помочь, используя свои многолетние связи, и Томас, однако пока он, судя по всему, мало суетился. Отношения с Томасом - это вторая большая трудность нового периода лешиной жизни. Нет, они не ругались, не ссорились, но постепенно, исподволь наступило похолодание, уходило то самое-самое... Томас мог позволить себе несколько дней не звонить, в сексе проявлял мало темперамента, так, по привычке... они почти не выползали вместе на люди, не путешествовали в уик-энды. Томас иногда стал делать довольно хамские заявления, например, он бросил насчет того, что Леша ему очень обязан, чуть ли не по гроб. Леша смолчал, хотя у него были в запасе слова, от которых Томас закрыл бы рот. Еще старина Бюргер начал закатывать сцены ревности, причем явно не от избытка искренних чувств, а скорее от желания избавиться от переполнившей его желчи. Складывалось впечатление, что Томас намеренно морочит голову насчет помощи с работой, сам же ничего не предпринимает. Какой его расчет? Воспользоваться лешиными трудностями, чтобы зажать стальным зажимом? Зачем? Просто садизм или глухое недоброжелательство... То, что Томас становился недоброжелателем - однозначно. Как-то, например, он порекомендовал фирму, которая якобы искала переводчика с русского. Леша немедленно туда явился - действительность заставляла прощупывать любые варианты - и определил, что парень из этой фирмы (знакомый Томаса!) попросту валяет ваньку, притом делает сие не тонко, шьет белыми нитками и точка. На следующий день Томас, не моргнув глазом, загибает, что, мол, фирме Леша не понравился, вел не так себя. И кто об этом судит! Этот парень - мелкая букашка в фирме, какие собеседования он вправе проводить? Вот зачем потребовался Томасу розыгрыш? Помотать нервы, поиграть, как с собачкой, или кроликом...

В венской партии Тармакова таким образом назревали два кризиса

- с работой и с Томасом. Их сочетание могло дать последствия, о которых Леша страшился задумываться.

Однако, так уж складывалось, что судьба завязывала перед ним тугие узлы и потом сама подкидывала шансы развязать узлы. Почти случайно - опять же в опере - Леша познакомился со Штефаном фон Левицем, аристократом, банкиром, лицом в высшей степени влиятельным. Сухой, подвижный дедок с живыми, без старческой паутины глазами, в безукоризненном смокинге, он буквально источал энергию. Его распирало от идей и проектов. Узнав, что Леша из России, дедок заохал, картинно схватился за сердце и тут же сообщил, что купил живописный участок земли и хочет предложить поклонникам языка эсперанто из разных стран собраться и построить на этом участке дом, точнее башню, эдакое вавилонское столпотворение в конце двадцатого века нашей эры. Леша восхитился задумкой, а про себя горестно заметил: "Мне бы твои проблемы". Фон Левиц сказал еще, что ищет команду помощников на это дело и предложил встретиться отдельно и поговорить. По отдельным штришкам, полувзглядам и полугримасам Леша сразу почуял, что дедка интересует не только башня и эсперантисты. События раскручивались быстро. На их следующей встрече в итальянском ресторане дедок уже не скрывал своих пошловатых намерений. Старичку хотелось чистой и светлой любви. Он зазывал ехать к нему прямо из ресторана. Леша, как мужчина опытный, применил грамотный тактический ход - он не поехал сразу, но и не дал отказ. Сделав так, Тармаков в душе забеспокоился: не ошибся ли он, не спугнул ли... Но успокоение пришло быстро - дедок принялся бомбить по телефону, явно пренебрегая аристократическими понятиями о приличии. Клиент зрел. Когда дозрел окончательно, когда тянуть дальше означало прервать связи, да еще нажить недруга, Леша оказал помощь старику. В сексе фон Левиц оказался столь же неординарен. Он кричал как мамонт от удовольствия, выказывая бешеную страсть. В перерывах зачем-то с лупой изучал лешин член. Имел особую тягу, кстати, как и Томас, к развлечениям в ванной комнате. В ванной дедовских апартаментов можно было разместить полк солдат на постой, а уж двоим порезвиться - не то слово...

В погожее воскресенье Леша поехал в поместье фон Левица. То, что он там видел, выходило за пределы обычного разумения о бедности и богатстве. Этому даже завидовать нельзя. Можно завидовать соседу, купившему машину последней марки, но нельзя завидовать владельцу замка с залами метров по двести, картинной галереей, фамильным музеем, оранжереями, бассейном, спортзалом, парком, где наличествовал даже вольерчик с оленятами. Потусторонний мир... Космос... Особенно для Тармакова, чье имущество вполне

запихивалось в несколько чемоданов.

Всем огромным хозяйством у дедка ведал один человек, длинновязый, бесцветный тип, по виду полный флегматик. Иной, наверное, и не продержался бы. Дедок носился по парку, как угорелый, давал бесчисленные указания - подрезать, положить, убрать - завхоз, его звали Курт, - равнодушно записывал в блокнот. Он привык слушать. Как объяснил дедок, Курту в год выделяется энная сумма на содержание виллы, и он распоряжается - приглашает когда надо садовников, уборщиков, строителей. Еду привозят из ближайшего ресторана. Курт ее разогревает и подает.

Ужинали в круглой гостиной при свечах. Высоченная тяжелая дверь открылась, и вошли две девицы в сопровождении Курта. Дедок восторженно взвизгнул, вскочил и усадил девиц за стол. Курт беззвучно удалился. Леша встрепенулся, откуда и к чему эти лошадки? Экстерьер у них ударный: одна блондинка - с большой грудью, длинными танцевальными ногами, другая - темная, худая, обильно разрисованная, с пухлыми губками и тоже большой грудью. Фон Девиц выдал длиннющий тост, потом пустился рассказывать байки, коих у него в запасе хранилось великое множество. Девицы молчали с абсолютно отрешенными лицами - так обычно реагируют на чужой язык, когда ни слова не понятно... Леша реагировал на речь дедка кивками, а если требовалось смешками, успевая и кое-что вкусное заглотнуть. Отлучившись на некоторое время по нужде, Леша с удивлением обнаружил, когда вернулся, что собутыльников в зале нет. Он с ужасом осмотрел брошенные приборы и салфетки. На ковре валялся носовой платок. Внезапно послышался шумок и возня где-то рядом, за стеной. Ага, вот и дверка, обитая так же, как и стены, потому незаметная в полумраке.

Леша дернул тайную дверь и оказался свидетелем живописной картины. На бескрайней кровати, занимающей полкомнаты, извивался голый дедок. Над ним трудилась языком и пухлыми губами темная девица. Она была полуобнажена, аппетитные груди плавно качались. Блондинка, совершенно голая, пыталась нависнуть своей попкой над головой дедка. Тот жадно мял своими лапками ягодицы и запускал длинный обложенный язык туда, посередине... Блондинка замечательно владела тазом.

- Иди к нам, - полушепотом вздохнул фон Левиц. - Тут очень хорошо.

Леша давно не видел голых баб, если не считать пляж и баню, где местные гражданки, в отличии от советских, запросто хаживают в парилку с мужиками. Женщин Леше и не хотелось - он ведь ныне предпочитал более острые ощущения. Но эти лошадки вызвали у него желание, уж больно рысистые. Он быстренько разделся и полез на

кровать-аэродром искать свое место в общем процессе. Начал с темной лизуньи, поскольку блондинка по-прежнему сидела на языке у дедка. Леша легко вошел в нее, она сразу среагировала, закрутилась, завертелась, не оставляя сосать у главного клиента. Не смотря на активность партнерши, сильной страсти не наступало. Член свободно болтался в разработанном отверстии и мог там болтаться еще лет сто без остановки. Все равно что в заборной дырке. Дедок чуть поддался в сторону и отвлекшись от блондинкиных нижних прелестей впился глазками в Лешу.

- Сильнее, - азартно заорал дедок, - не жалей ее. Раз, два, три. Переверни ее.

Он поменял позу. Леша взобрался на подругу. Она взвила ноги до потолка. Дедок сел по-турецки рядом, наблюдал. Блондинка целовала старичка в шею и игралась с его членом.

- Хорошо, - восхищался фон Левиц, - ты должен кончить. Слышишь, - вскричал он, - кончай, залей ее этой гадостью.

Легко сказать кончить. Ничего более глубокого, чем чувство физкультурника, выполняющего упражнение, Тармаков не испытывал. Команды дедка не помогали. Только, когда блондинка начала ласкать ручкой яйца, промелькнула в теле сладость. Вслед в бой ринулся дедок со своим длинным языком, искусно направляемым в горячие места Леши и его партнерши. Темная запищала как маленькая девочка, в этот момент к Леше пришел пик формы. Он тоже глухо застонал. Блондинка словно по сигналу обхватила его за грудь и принялась тереться сзади о спину щеточкой своих волос, тех что в нижней части тела, и щетинкой после подбривания, Леша дошел. Раньше, чем по нему пробежала судорога, он успел вытащить из темной член. Густая сперма полилась ведрами. Он облил девиц. Блондинка успела взять в рот и последние капли отсосать. Дедок провел рукой по скользкому, липкому телу темной и помазал себе шею божьей жидкостью.

- Майн гот, сколько, - шептала темная, - никогда не видела столько спермы.

Пожалуй, это были первые слова, сказанные девицами за вечер. По крайней мере Леша других не слышал.

После небольшого тайм-аута игры возобновились. На сей раз потребовал любви дедок. Леша завладел им без предварительных шалостей, просто и грубо. Блондинка осуществляла поддерживающий маневр - изловчилась целовать дедку соски, а он в нее залез пальчиками. Темная сачковала, с душевным интересом лицезрела половой акт между мужчинами. Дедок крутил попкой так, что танцовщица позавидует. А выл призывно, как африканка из забытого цивилизацией племени. Ах, дедок... шалун, разбойник.

Когда Леша кончил, фон Левин заставил девиц ласкать друг друга. Пока девочки возились, ребята отдыхали в кресле с коктейлем в руках. Блондинка разложила темную и, задрав ее ногу, прыгала на ней на всю мочь. Потом сжимала груди подружки, да, чувствовалось так сильно, что у той останавливалось дыхание. Дедок сидел как болельщик на футболе, многословный, активный. "Засунь ей в рот пальчик", - например, кричал он, или "язычком, язычком", или "какая задница!". Наконец он не выдержал, сел над головой темной и предложил ей для рта свой видавший виды. Блондинка этим временем работала языком в нижней части богатого тела темной...

Спорт завершился поздно под всеобщие объятия и фейерверк из шампанского. Дедок заливал Лешу и девиц холодной пеной, мазал им соски шоколадом. Потом натянул красный фосфорический презерватив на лешин член, выключил свет. Публика наблюдала в кромешной темноте красный маяк и смеялась до сумасшествия. Кто-то из девок схватился за маячок и начал его доить.

Несколько дней спустя Тармаков подписал с дедком контракт, согласно которому он назначался координатором проекта по строительству дома для эсперантистов с жалованьем двадцать две тысячи шиллингов в месяц. Контракт на год. Деньги, конечно, не бешеные, но на душе спокойнее - появилась гарантия от голодной смерти. Притом работа интересная, престижная, если пойдет нормально, появятся связи и возможности. Пока же двадцать две тысячи плюс основная зарплата - состояние. Он держит птицу счастья за хвост! А за контракт с ООН он еще поборется. Советскому представительству легкой победы не видать. Теперь проще - за ним есть база, нечего бояться полного крушения, в конце концов выгонят не на улицу.

Если один большой кризис - с работой - в определенной мере разрешился, то второй кризис - с Томасом - нависал. Томас еще не знал о дедке, но очевидно скоро узнает. Устная почта в их кругах исправно доносит информацию. Достаточно где-то вместе появиться. Более всего Леша боялся физической расправы. Бюргер заведен, черт знает, что ему влезет в башку. Любые виды мести, кроме насилия, Леша переживет. Но ждать, когда Томас узнает и выкинет какой- нибудь номер (какой?) глупо. И Лешу осенило...

В ооновском магазине, находившемся в подвале международного центра, работал араб. Точнее арабчонок, молодой парнишка. Трудился руками - таскал и распаковывал ящики, собирал тележки. От людей Леша слышал, что арабчонок в целях улучшения своего материального положения иногда поступает в пользование богатых господ и, кстати, стоит немалых денег. Тармаков давно обратил на арабчонка внимание, слишком широко и загадочно тот улыбался покупателям в магазине,

гораздо шире, чем того требует обычная вежливость.

Леша подошел к нему прямо в магазине, отвел за локоток в сторону и предложил встретиться в семь вечера. Тот задергал головой, как китайский болванчик, и с глупой рожей согласился. Ровно в семь парнишка сел в лешину машину. Познакомились. Звали его Мохамед, как добрую половину мусульман. Оказался не последний дурачок, сразу запросился в шикарный ресторан... Леша быстро расставил все по местам.

- Помнишь господина, с которым я часто ходил за покупками? - спросил Тармаков арабчонка.

- Господ много.

- Ладно, завтра я приду с ним вместе опять. Я прошу в течение недели с этим господином подружиться. О вашей встрече заранее меня предупредишь. За услугу получишь хорошие деньги. Понимаешь, этот господин - наш хороший друг, он очень скучает, и мы, его товарищи, хотим ему помочь.

Арабчонок мягко осведомился, сколько ему причитается. Леша вместо членораздельного ответа всунул две тысячи шиллингов аванса и туманно пообещал небо в алмазах.

- Про наши разговоры, естественно, никому, - пригрозил Леша, совсем как в детективах, - иначе будут неприятности.

Тармаков внешне выглядел стильно, в духе разыгрываемой игры - темные очки, перчатки, кепка, голос приглушенный, внушающий. Арабчонок должен был понять серьезность происходящего и немножко бояться.

Договорились созвониться. Связь односторонняя - Леша своих координат не дал. Каждый день в разное время он набирал номер арабчонка и справлялся о проделанной работе. Все двигалось по этапам: Мохамед познакомился с Томасом, затем Бюргер подкатил насчет того, что как-нибудь неплохо повстречаться, еще через пару дней Томас клюнул окончательно и объявил час и место.

Перед операцией Леша тщательно проинструктировал арабского товарища. В частности, тот был обязан долго не ломаться, постараться попасть к Томасу домой, а оттуда дать знать звонком с паролем: "Можно ли заказать столик на послезавтра?" Ни в коем случае арабчонок не должен выпрашивать у Бюргера деньги - это могло отпугнуть. Томас не любил платить, даже за главное удовольствие.

Леша сидел у телефона, как на гвозде. Чем закончится авантюра? В любом случае она приведет к разрыву с Томасом.

Только с какими потерями - вот, в чем вопрос? Наконец, звонок. Голосок на хреновом немецком: "Можно ли заказать столик на послезавтра?" Конечно, можно, дружище. Леша кинулся в машину. Тормознул у до боли знакомого подъезда. Ключа у него не было.

Вызвать Томаса по переговорному устройству снизу глупо - он удалит арабчонка, вся суть то во внезапности. На счастье шел один из жильцов - толстый дядя. Леша прошел с ним в подъезд. Толстый дядя живет на третьем этаже, работает в полиции, Лешу узнал, поздоровался. Видно, толстяк вообще в курсе их отношений с Томасом.

Бюргер открыл дверь моментально. Потерял мужик бдительность. Леша рванулся в квартиру, имитируя крайнюю взволнованность. Оторопевший Томас побежал за ним.

- Дела совсем дрянь, - говорил на ходу Леша, - они выгоняют меня. Сегодня шеф заявил, что у меня нет совсем шансов, нам надо серьезно поговорить. Что делать? Я в полном дерьме.

- Ты бы позвонил.

- Что звонить, Томас! Наступает крах, их ничто не остановит. Что делать без работы в чужой стране? Милостыню просить?

С последней фразой Леша вошел в комнату. Томас не успел преградить путь. А там, в хорошо знакомой Тармакову комнате, сидел арабчонок. Согласно ранее разработанному плану.

- Гут ивнинг, - улыбнулся арабчонок-провокатор.

- Гут ивнинг, - сказал Леша и резко повернулся. - Ну... понятно. Действительно, лучше бы позвонить.

Леша широко зашагал обратно к двери. Томас застыл и не двигался с места. Потом Томас звонил три раза на день, извинялся, объяснял.

- Как ты мог! - говорил ему Леша. - С такой дешевкой! Сколько ты ему заплатил? Проверься на СПИД.

И еще Леша говорил Бюргеру всякое колкое и гнусное. Тот съедал. В конце концов, Леша запустил следующим образом:

- Ты знаешь, как мне плохо сейчас. Я на грани. Давай созвонимся через несколько месяцев, там будет виднее. Не терроризируй меня.

Так красиво, задушевно он это сказал, что у самого чуть слезы не навернулись. Томаса, видно, тоже проняло. Томас прекратил звонить. Операция закончилась в лучшем виде - бескровно.

Леша вышел из кафе. Все-таки здесь хорошо готовили. Тот же шницель подадут в любом заведении, но не сравнить... Может, это иллюзия, привычка давит. Он опять пошел на счастливый, праздничный Кертнер. Вена ждала Рождество. Он тоже ждал Рождество, первое Рождество не за забором советского поселка. Как и все люди, что гуляли по этой престижной улице, он верил в Санта-Клауса, приносящего благополучие. В уходящем году судьба, в общем и целом, смилостивилась над ним. А завтра? Черт знает, наверное, еще придется погрызть землю.

Он смотрел на витрины, подходил к лоткам. Надо купить рождественские открытки, подарки. Слава богу, немного - раз, два и обчелся. Что подарить дедку? Что-то оригинальное, но что... Интересно, что дедок ему подарит. Не иначе какую-нибудь дрянь, мелочь, у них здесь купеческий размах не принят.

Леша задержался у шикарного бутика. Тут когда-то под воздействием винных паров и чар красотки-продавщицы он купил галстук. Этот галстук стоил, как атомный бомбардировщик. Ужас... Сейчас бы он не сделал подобной глупости. Тогда не выдержал. Девушка смотрела на него, как на миллионера, во взгляде читалось такое... Он не посмел ее обмануть...

Рядом остановилась невысокая полноватая женщина в длинной шубе из чернобурки. Вокруг нее носился ребенок лет пяти.

- Сережа, прекрати, сколько можно мучить маму, - сказала она ребенку на чистом русско-одесском языке.

- Я баба-яга, - кричал Сережа.

- Вы видели этот смех? - говорила дама. - Если бы все были такие бабы — яги, как ты, то чем бы мы пугали детей?

У Леши шевельнулось желание обратиться к ней. Но он передумал. Зачем заниматься пустым? Ему сейчас самому до себя.

Октябрь 1988 г. - ноябрь 1989 г.
Сочи - Москва - Варна - Сочи

Я ПОСТАРАЮСЬ ВАМ ПОМОЧЬ

Повесть

Сергей Турдин шагал по коридору институтского общежития твердой, уверенной походкой. Пальто его было расстегнуто, длинный шарф свисал до полу, шапчонка - по-молодецки, чуть-чуть набок. Так, разговор наверняка предстоит тяжелый. Непросто уломать этого фрукта. Но в принципе реально. Главное, подход найти. Турдин пихнул ногой дверь.

- Здорово, Олег. Учишься?

Сидевший за столом щуплый белобрысый парнишка, на вид лет пятнадцати, не больше, обернулся.

- Нет, письмо домой пишу, - ответил он.

- Письмо ты еще тридцать раз успеешь написать. Я предлагаю вариант поинтереснее, а именно: отметить сегодняшнее событие.

- Какое событие?

- Такой экзамен спихнули, а он спрашивает, какое событие. Чудак-человек! Лучше скажи, стаканы у тебя имеются?

Сергей привык брать быка за рога, не рассусоливать. "Надо его расшевелить, не дать опомниться," - мыслил про себя он. Хозяин не очень-то был настроен выпивать, но под энергичным давлением гостя сломался. На столе появилась принесенная Сергеем бутылка крепкого вина. Сморщенные яблоки и банку дешевых консервов извлек Олег. Застолье началось с мемуаров, обильную пищу для которых дал прошедший экзамен. Потом пошли вольные темы, обо всем понемножку: о преподавателях, об одногруппниках, о филиппинской медицине, о целительнице Джуне, о книгах и модных дисках.

Турдин постепенно, без спешки, подводил к основному. Наконец, Олег спросил:

- Как Марина? Я же ее с тех пор не видел.

"Пора", - решил Сергей. Затвор щелкнул.

- Мы разводиться будем. Только я прошу тебя в институте особо не распространяться.

- Понимаю, - тихо сказал Олег. Чувствовалось, что ему стало неловко.

- Я не хочу, чтобы наши знали. Тем более, что окончательно это пока не решено. Дитя жалко, а то бы я давно ушел.

- В твоих делах трудно советовать, но мне кажется, что тебе надо хорошо подумать и не торопиться.

Турдин в глубине души усмехнулся: мол, малыш, еще и советы выдает. Впрочем, не за тем он сюда пришел, чтобы оценивать поведение Олега. Ближе к делу.

- Да я и не тороплюсь. Но жить невозможно. Старик, сам посуди. Как можно жить, если каждый день тебе говорят: "Ты бездельник, иждивенец, ничего из себя не представляешь. Женился ради

прописки." Какой я иждивенец? Стипендию получаю, вечером работаю. Конечно, троих на мои деньги не прокормишь. Но ведь я не Брумель, выше головы не прыгну. Если сейчас гнаться за деньгами, придется бросить учебу. Что мне, разорваться, что ли? И так стараюсь изо всех сил. С малым гуляю, по хозяйству делаю, что просят, и все плохой. Самое противное, что Маринка не своими словами говорит, мамаша ей сценарии пишет.

- Ее мать с тобой в плохих отношениях?

- Мягко сказано... в плохих отношениях. - Сергей состроил кислейшую мину. - Она готова меня удавить. В свое время, когда я ухаживал за Маринкой, мамаша принимала меня довольно неплохо. Только теперь я понял ее замысел. Конечно же, она с большим удовольствием выдала бы замуж свою дочь за сына каких-нибудь важных родителей. Но потом ей, видимо, пришла в голову мысль, что безродный иногородний зять - это то, что требуется. Безродного зятя легко превратить в работника, который будет строить дачу, вскапывать грядки на огороде, делать ремонт квартиры. При этом он будет смотреть в рот глазами, полными благодарности за то, что его обогрели и накормили. Правда, дорогая теща потом быстро сообразила, что ишачить я не собираюсь. Тогда она начала давить на меня. Но это не помогло. И вот, наконец, убедившись в моей полной непригодности, она стала уговаривать Марину развестись.

- А Марина собственного мнения не имеет?

- В том-то и дело, что Марина легко поддается влиянию. К тому же в детстве ее научили слушаться старших.

- Тогда надо серьезно поговорить с тещей.

- О чем с ней говорить?

Сергей раздражался все больше. Кажется прогнозы подтверждаются. Тяжелый тип, этот Олег Крутиков. Настоящий дальтоник, различает только белое и черное. Из всех видов маневров признает лишь лобовую атаку. Недодали пять копеек в столовой - требует их, задерживая очередь. Решила группа умаслить математика: подарить ему бутылку хорошего коньяка перед сессией, Крутиков - против. И ведь сорвал мероприятие - упрямец. Толковать с таким броневиком - наказание. Однако, Турдин понимал и другое. Стоит убедить малыша в правильности и справедливости идеи, и неугомонную энергию можно повернуть в нужном направлении, и броневик будет крушить вражеские бастионы. Турдин помнил, как малыш "пробил" ему стипендию на первом курсе, ходил колотил в каждую дверь и выколотил-таки. Тут основное - убедить, доказать, разложить аргументы в строгом порядке.

- Ты должен попросить тещу не вмешиваться, не разрушать семью, - заявил Олег.

- Абсолютно бесполезно. Мамаша привыкла диктовать. Не вмешиваться она не может,

- Все же на твоем месте я попытался бы ей объяснить. Она ведь тоже человек.

- Ох... пообщался бы ты с моей тещей, благие намерения сразу бы пропали.

- Значит, никакого выхода нет?

- Выход, конечно, есть, - глубоко вздохнул Сергей, - только где? Ладно, поживем увидим. Понимаешь, старик, осуществлению мамашиных планов препятствует одна немаловажная деталь - квартира. Раньше они жили втроем в двухкомнатной. Марина, тесть и любимая теща. Потом добавился я, потом родился Колька. Нас стало пятеро. Тесть под художественным руководством супруги сумел получить кооператив. Старики уехали и оставили нам свою квартиру. Теперь, в случае развода, мы будем разменяться. Этого как раз и не хочет теща.

- Что же она хочет?

- Она хочет, чтобы вся квартира целиком досталась Марине, а я убрался.

- Это незаконно. Ты имеешь право.

"Тьфу... Типичный Крутиков," - подумал Сергей.

- Законы тещу не интересуют. Главная ее задача сейчас - заставить меня уйти и не претендовать на жилплощадь.

- А каким образом можно тебя заставить?

- Каким образом? Поначалу пытались напирать на совесть. Мне говорили: "Квартира не твоя. Ты должен взять чемоданчик и тихонько исчезнуть, если ты не бессовестный человек". Я на это ответил так: "Вы, любезные родственнички, не получили бы кооператив, если бы здесь не был прописан я и мой сын. Следовательно, как с законом, так и с моралью у меня все в порядке". После того, как с совестью разобрались, разгорелась тайная война. Маринка накатала телегу, что я, дескать, пьяница, дебошир, не даю покоя окружающим и соответствующим органам необходимо принять меры. Меня вызвал участковый, показал бумажку. Хорошо, он оказался отличным мужиком. У него у самого точно такая же история. Мы часок душевно побеседовали, и, когда я уходил, участковый сказал: "Будь осторожен. Эта публика любую гадость может подстроить".

- Не понимаю, как решилась твоя жена на клевету, - искренне возмутился Олег. - Она мне тогда очень понравилась. Приятная, милая девушка.

- Да она в принципе неплохая баба. Только вот влиянию поддается. Мамаша кого хочешь с пути истинного собьет. Летом еще одна провокация была. Выхожу я из автобуса где-то в семь вечера. На

остановке стоит тесть. На нем костюм с орденскими планками.

Думаю, что вдруг он нацепил этот костюм, вроде бы не праздник. Тесть увидел меня, подбежал, заорал: "До каких пор ты будешь издеваться над моей дочерью?" Я стою молчу. Так хотелось съездить ему по физиономии! Еле сдержался. Тут до меня дошло, почему он надел именно этот костюм. Представляешь сцену: молодой парень у всех на глазах ударил ветерана. Уголовное дело, не меньше. А он специально стремился к обострению: ругался, оскорблял, даже схватил меня за рукав.

- Неужели специально?
- Конечно. Теща продумала до мелочей.
- И чем кончилось?

- Я не проронил ни слова, руки держал по швам. Его стали успокаивать прохожие, потом он махнул рукой, сел в автобус и уехал.

- Ну люди... В какое болото ты попал!

"Ага клюет, - оценил Турдин. - Надо грамотно подсечь".

- Случай тяжелый. Противник начал применять запрещенные приемы. Хотя скорее не запрещенные, а изощренные, потому как правил в этой игре не существует.

- Ты ошибаешься, - возразил Крутиков,- правила существуют. Их не существует для нечестных, плохих людей.

- Плохой, хороший... какая разница? От того, что я дам кому-то оценку, ничего не изменится. Все оценки субъективны. Я считаю, что моя теща - дрянь. А если посмотреть с другой стороны. Она же желает добра дочери, стремится избавиться от непутевого, с ее точки зрения, зятя. У нее свой интерес, у меня свой, вот мы и взаимодействуем.

- Я не понял твою мысль.

- Когда-нибудь поймешь, - менторским тоном произнес Сергей, но тут же спохватился и выкрутился (не к месту были наставнические ноты). - Прости... Я, конечно, не должен так с тобой разговаривать. Тем более, что ты раз в десять меня способнее. Наверняка, лет через тридцать, изрядно потолстевший и полысевший, я буду рассказывать внукам, что учился в одной группе с самим Крутиковым.

- Брось ты, - чуть улыбнувшись, проговорил Олег. У него даже уши покраснели. Лесть действует, видно, и на скромных. Пока Крутиков сосал пресладенькую конфетку, подброшенную Сергеем, воцарилась тишина. Для актера (а Турдина выставили в свое время из театрального училища якобы по собственному желанию) пауза значила многое. Сказанное должно уложиться в голове. Оратор предоставил слушателю возможность поразмыслить. Однако давать долго размышлять опасно (бог знает до чего противоположная сторона додумается!) Потому Турдин вскоре нарушил молчание:

- Посмотрим... куда кривая выведет. Составлять планы и программы бесполезно. Все равно они не осуществятся. Кстати, где твой сосед по комнате?

- К себе поехал. У него мать заболела.

- Значит, ты один-одинешенек. Отлично... Можно сказать, идеальные условия. Олег, у меня есть большая просьба. Можно, я у тебя поселюсь? Не насовсем, конечно... пока соседа нет. Помоги, а то больше и податься-то некуда.

- Пожалуйста, живи. Вдвоем веселее.

- Спасибо. Я, наверное, до конца сессии побуду. Там разберемся. Глядишь, какой-нибудь медведь в лесу сдохнет и у некоторых просветлеют мозги, хотя надежда на это слабая. Во всяком случае у них появится повод для раздумий.

- Как ты собираешься объяснить свое исчезновение? - спросил Олег.

- Никак. - Турдин вскочил и забегал по комнатушке. - Почему я обязан кому-то что-то объяснять? Меня считают неодушевленным предметом, а я должен давать отчет? Размечтались...

- Этим ты только ухудшишь.

- Не ухудшу. Больше ценить будут. Обзвонят знакомых, меня там нет. Пусть гадают на кофейной гуще. Может, я другую бабенку нашел и к ней перебрался.

- Непонятно, зачем нужны какие-то подозрения.

- Это, брат, не подозрения, а ревность. Ревность далеко не всегда продукт большой любви. Очень часто она продукт большой обиды, появляющейся из-за того, что ранее неподвижный шкаф вдруг начинает двигаться к двери. Индивида заливает горечь: его, одного из лучших в этом бренном мире, нежданно взяли и променяли. Индивид же не хочет признаваться себе в том, что он далеко не лучший. В итоге моя жена, надеюсь, осознает, что от привлекательности голливудских кинозвезд, также как и от душевной щедрости пушкинской няни Арины Родионовны ей ничего не досталось. Сыскать поклонника ей сложно. Так что немножко ревности полезно для сохранения семьи. Здоровое соперничество способствует развитию спорта.

- Зачем ты женился, если она тебе не нравилась?

- Старик, мы с тобой, по-моему, слишком увлеклись скучными разговорами и забыли о главной, просто-таки святой обязанности. Давай выпьем.

Чрезмерное углубление в морально-этические проблемы приостановилось. Турдин переключился на анекдоты, шуточки и тому подобный отвлекающий треп. Первый этап переговоров завершился для него успешно: Олег согласился предоставить временное убежище. Теперь предстояло решить следующую, не менее важную задачу -

уломать малыша забрать из квартиры вещички. Сам Сергей являться домой не желал во избежание сцен и скандалов. Прислать вместо себя поверенного казалось ему гораздо оригинальнее. Такой выпад сильнее ударит по противнику. Эдакое пренебрежение. Я, мол, с вами и встречаться не хочу. Только как уговорить Олега? Сергей пошел прямым путем. Слезливая просьба натолкнулась на упорный отказ. "Прийти в чужой дом и требовать чужие вещи я не умею" отрезал малыш. Сергей двинулся в обход, молил, доказывал, обещал золотые горы в качестве благодарности. Не помогло. Тогда была применена домашняя заготовка: имитация обиды и угроза разрыва дипломатических отношений. Когда Турдин уже схватился за ручку двери, малыш уступил.

- Подожди... Я поеду с тобой, - выдавил он через силу.

- Спасибо, - деловито сказал Турдин, резко сменил гнев на ми- лость. - Давай еще раз повторим либретто. Значит, сейчас я позвоню Марине по телефону, затем мы ловим такси, доезжаем прямо до подъезда, ты поднимаешься на восьмой этаж в тридцать вторую квартиру, запомнил... восьмой этаж, тридцать вторая квартира, хватаешь без лишних слов груз и опускаешься вниз, где я тебя жду в такси. Все предельно ясно. В доме два лифта, один из них грузовой, поэтому потеть не придется.

Чемоданчик Сергей собрал, естественно, заранее. Вынести его незаметно было невозможно (тем более, что уже вторую неделю у них гостила теща). Человеку со стороны пусть попробуют не отдать.

Сделали все согласно либретто. На улице из автомата Турдин по- звонил жене. Разговаривал жестко, с увеличенным содержанием металла в голосе. Олег переминался с ноги на ногу рядом. По мрачному лицу чувствовалось, что ему затея не нравится. Тем более он видел через толстое стекло в будке, как неистовствует Турдин с трубкой в руке. Ох, эти семейные дрязги! Но ничего не попишешь. Друзей надо поддерживать в трудную минуту. Сергей вышел злой и красный.

- Я им покажу милицию! - пробормотал он, сжав кулаки.
- Чего там? - тихо спросил Олег.
- Ничего. Обычные бабские трюки. Покатили.

Последние детали уточнялись в такси. Турдин симулировал приподнятое настроение: острил, громко смеялся, хлопал Олега по плечу. Когда машина подъехала к длинному, на полквартала, двенадцатиэтажному дому с красными балкончиками, Сергей даже поцеловал малыша в щеку. Жест весьма странный, но чего не бывает от волнения! Крутиков скрылся в подъезде. Сергей сидел в такси, нервно ерзая и мотая головой по сторонам. Гонец долго не возвращался. Как в воду канул. "Чаи он с ними гоняет, что ли?" -

подумал Турдин. - Чего тянуть? Чемодан под мышку и с приветом. Черт... Связался с размазней". Сергей разнервничался. Четверть часа показались столетием. Он уже было хотел подняться на этаж в целях инспекции, но не поднялся. Планы спутало одно обстоятельство. Позади старенькой "волжанки" с шашечками на боку, в которой Турдин имел счастье и несчастье находиться в тот момент, остановилась милицейская машина. Два молоденьких и довольно щупленьких милиционера зашли в подъезд. Сергей напрягся. Куда они направились? Неужели Марина с тещей вызвали? Нет, невозможно. Абсолютно нелогично. Угрожать по телефону одно, а реально пойти на такое... Нет, он не допускал этого. Правда, на всякий случай скомандовал таксисту развернуться и отрулить подальше. Мало ли... Турдин оценил богатство своей интуиции чуть позже, когда такси на всех порах неслось по дороге прочь от длинного дома с красными балконами. Сергей был в шоке. Его словно озноб пробирал. Он то и дело оглядывался: не гонятся ли за ним? Вроде не гнались. Повезло... Если бы тачка стояла у подъезда, Крутиков бросился бы к ней. Началось бы разбирательство, канитель. Пришлось бы базарить с милиционерами. А так... все просто. Олег ни в чем не виноват. Ну отвезут в отделение, ну побеседуют и отпустят. Сергей закрыл глаза и вспомнил эту дикую сцену: выходит тихоня, отличник, моралист Крутиков в сопровождении людей в форме. Нелепость... Вот стервы. Ведь могли бы и его также... под белы рученьки. Впрочем, могли, да не смогли. Вовремя ноги унес. А Крутикова отпустят. Обязательно отпустят. Кому он нужен?

Вадим Александрович минут сорок бродил около ректорского кабинета. Зайти не решался. Без спросу неудобно, а секретарша как назло куда-то запропастилась. На кончике языка вертелись слова, которые он скажет. Нужны точные, ясные слова. Любое начальство не любит тех, кто мямлит. Вадима Александровича раздирали сомнения. Может, вообще не ходить? Испортишь, потом кусай локти. Нет, все же идти надо. Нет иного выхода. Только вот объяснить бы толково! Он собрал силу и волю в кулак и сгорбившись, воровато озираясь, двинулся вперед.

Человек, заседавший в кабинете, оказался совсем не страшным по обличью. Его острый, как у Буратино, нос и оттопыренные уши вызывали скорее смех.

- Здравствуйте, - сказал ректор, оторвавшись от бумаг. - Вы по какому вопросу?

- По личному, - неуверенно ответил посетитель.

- Честно говоря, время вы выбрали не совсем удачное. Через двадцать минут у меня начнется одно мероприятие.

- Я ненадолго. Только посоветоваться. Беда тут приключилась.

- Проходите, садитесь, - по-деловому отреагировал ректор. - Меня зовут Игорь Анатольевич. Ваше, простите, как имя - отчество?

- Вадим Александрович.

- Очень приятно. Так какая беда у вас приключилась?

- Сын мой в милицию попал.

Проговорив это, Вадим Александрович сжал крепкими пальцами с задубевшей кожей заячью шапку и перчатки так, что еще чуть-чуть и повалил бы дым.

- Ваш сын - студент нашего института? - спросил Игорь Анатольевич после некоторого раздумья.

- Да.

- Как его фамилия? Курс? Факультет?

Ректор взял карандаш и бумагу. За маской равнодушного спокойствия ощущался прилив эмоций, причем далеко не положительных.

- Четвертый курс, экономический факультет. Фамилия, как и моя... Крутиков. Олег Вадимович Крутиков.

- Каким образом он оказался в милиции?

- Сам толком не разберусь. Я только сегодня прилетел, три дня назад позвонил мой брат... он здесь живет, и сказал, что Олега посадили. Я сразу рванулся, но пока билет взял, потом рейс из-за погоды отменяли.

- Значит, вы не в курсе дела?

- Ну, кое-что я узнал. Утром я разговаривал с парнем, с которым был Олег. Этот парень, его Сергеем зовут, рассказывал, что он попросил Олега взять вещи у его жены. Они вроде разводятся.

- Простите, я не уловил, чья жена и кто разводится?

- Сергей разводится. Мой еще не женат. Они вместе подъехали на машине. Олег поднялся наверх и его задержали.

- За что задержали?

- Сергей говорит, что все подстроила теща, а Олег не виноват.

- Этот Сергей тоже наш студент?

- Да, он с Олегом в одной группе.

- Как фамилия?

- Сейчас... - Вадим Александрович принялся судорожно шарить по карманам. Наконец, он извлек замусоленный листок.

- Турдин его фамилия.

- Интересно, куда делся Турдин, когда задержали вашего сына?

- Говорит, в машине сидел, ничего не видел.

- Так... ничего не видел. Ну а с сыном вы беседовали? Как он объясняет?

- Никак не объясняет. К нему не пускают. Он же на сутках сидит.

- На каких сутках? - изумленно спросил Игорь Анатольевич.
- Пятнадцать суток ему дали. Свидания там не разрешаются.
- Пятнадцать суток! Вот это да. Студент четвертого курса.

- Что же с институтом будет? Выгонят? - не выдержав, пульнул главный вопрос Крутиков. Он чувствовал себя получше. Рассказал все. Словно гора с плеч свалилась. Теперь уж будь что будет.

- Не знал, как квалифицируют юристы, но речь, по сути, идет об уголовном наказании или почти уголовном наказании. Преступников в советских высших учебных заведениях, сами понимаете, мы не обучаем. Поэтому вашего сына исключат из института. Это вне всякого сомнения. Более того, его немедленно исключат из комсомола. Он комсомолец?
- Комсомолец... Значит, точно исключат?
- Абсолютно точно.

-Обидно... Какой он преступник! Мальчишка, пацан... - оглоушенно бубнил себе под нос Вадим Александрович. Ему стало тошно. В голове полная каша. Как хотелось убежать отсюда, из этого казенного помещения с ковром, не ныть, не просить, не унижаться. Наверное, он так бы и сделал, если бы дело касалось его лично. Но сын... Сколько надежд! И сколько успехов! Неужели все под откос?
- Мальчишка... Сколько ему лет?
- Двадцать в апреле исполнилось.

- Двадцать лет! В этом возрасте следует уже осознавать ответственность за свои поступки, - продекламировал ректор голосом завуча школы на родительском собрании. - Подождите, почему двадцать? Он же на четвертом курсе.

- Поступил в шестнадцать, в школу пошел с шести. Его в порядке исключения в школу приняли. С золотой медалью кончил. В институте ни одной "четверки", все "пятерки".
- Совсем ни одной "четверки"?
- Совсем ни одной. В школе грамоты без конца, - Вадим Александрович почему-то затараторил. - На олимпиадах все время места занимал хорошие. В институте тоже... Общественник, сейчас вот по профсоюзной линии, в профкоме где-то.

- Как же ваш гениальный ребенок, медалист, активист и отличник умудрился получить пятнадцать суток? - рубанул ректор.

- Сам не пойму. Он сроду никогда не дрался, не царапался ни с кем. Сидит себе читает, с дедом спорит. У нас дед, моей жены отец, очень умный был мужик. В пятом классе учительница даже нас предупредила: говорит, пусть он больше на улице гуляет, а то от усиленных занятий головой заболеет. Жена испугалась, начала его таскать по театрам, кино, чтобы отвлечь, в десять часов загоняла спать, телевизор заставляла смотреть. Но без толку! Он если за

телевизором сидит, все равно чего-то думает, чего-то соображает. И до сих пор.

- Редкий случай. Сейчас студента нельзя обвинить в том, что он много думает. Сейчас студент много болтает и много желает, к глубоким раздумьям его не тянет. Но тогда тем более непонятно, как мог думающий студент угодить в милицию. Вообще откуда что берется? Сын престарелой матери-пенсионерки, приехав из стройотряда, переворачивает столик в ресторане и разбивает зеркало, потом велит официанту включить в счет стоимость ущерба. Откуда купеческие замашки у человека, росшего в честной, трудовой семье со скромным достатком?

- Мой не разбивал зеркала, - испуганно возразил Крутиков.

- Я не о вашем сыне. У меня учится немало ловцов приключений. Вот недавно... Тоже тихий мальчик, в рот спиртного никогда не брал, как утверждают родители, залез на столб и стал в громкоговоритель орать песни соответствующего содержания. Что это? Откуда?

- Вам, наверное, кажется, что я все наврал про Олега. Но я не наврал. Я же не дурак. В такой момент... Хотите, грамоты покажу. Потом у профессора можно спросить, который Олега в аспирантуру звал. Он с ним очень дружит. Домой к нему часто заходит, к Виктору Аполлоновичу.

- Вы имеете в виду Виктора Аполлоновича Ворнова?

- Да-да, - оживился Вадим Александрович. - Он к Олегу хорошо относится. Как родной. Они вроде статью какую-то написали вместе. Вот-вот публиковать должны. Олег хвастался.

- Ворнов у нас любит искать молодые таланты. Скажите, а почему бы вам не направиться в соответствующее отделение милиции, не объяснить там подробно обстоятельства и не просить определенным образом помочь? Возможно, учитывая личность вашего сына и просьбу, они пойдут навстречу.

- Они не пойдут навстречу, даже если захотят. Дело сделано, отменить приговор нельзя.

- Но надо хотя бы выяснить обстоятельства.

- Обстоятельства я сегодня выясню до конца. Сергей мне дал телефон и адрес своей жены и тещи. Я к ним подъеду вечером или позвоню.

- Вам виднее. Но в милицию пойти, на мой взгляд, стоит.

- Схожу и туда, - убито сказал Крутиков. - Извините, я вас отвлек.

Ректор вышел из-за стола.

- Ничего, это моя работа. Вы правильно поступили, что пришли ко мне. Хотя в данном случае трудно чем-либо посодействовать. У вас есть мои координаты? Если нет, секретарь изложит мой график и укажет, где и когда меня можно найти. Если появятся новости,

известите. Договорились?

- Да.

Игорь Анатольевич пожал мозолистую руку Крутикова, стараясь не глядеть ему в глаза. В самом деле, чем он мог его утешить? Чем можно помочь в подобной ситуации и зачем помогать? Студент совершил проступок и должен расплатиться за это. Подход здесь нужен строгий и формальный. Да-да, формальный. Формальность в данном случае оправдана. Но все же история не до конца ясная. А Игорь Анатольевич неясностей не любил. Десятое чувство мгновенно подсказало ему алгоритм решения.

- Вадим Александрович, одну минуту, - окликнул он Крутикова, когда тот уже выходил. - Скажите, вы ранее контактировали с семьей того молодого человека, с которым был сын?

Крутиков повернулся.

- Сергея? Нет...

- Выходит, вас там никогда не видели и не слышали?

- Нет. Откуда?

- Как вы в первый день сумели узнать, что именно Сергей был очевидцем задержания? Ведь с сыном вы не беседовали?

- Так Сергей же и позвонил брату, а брат сразу мне по междугороднему. Если б не он, мы бы и сейчас ничего не знали.

- Где он взял телефон брата? Простите за настырность. Я просто стремлюсь досконально разобраться.

- Телефон... - Вадим Александрович замялся. - Олег, наверное дал. В одной ведь группе. Он часто к нему заходит, дядька все-таки родной. Брат у меня добрый. Последнего куска не пожалеет.

- В таком случае у меня есть предложение, - прервал рассуждения о брате ректор. - Разрешите позвонить жене этого Сергея и представиться отцом Олега.

- Вместо меня получается.

- Вместо вас.

Проситель, судя по выражению лица, не понял смысла операции, но противиться не стал. (Начальнику видней.)

- Как лучше, так и делайте, - дипломатично заявил он.

- Хорошо. Только я попрошу не уходить, разговор будет в вашем присутствии.

- Как скажете.

- Номер телефона дайте-ка мне, пожалуйста.

Они вернулись к столу. Был снова извлечен помятый до неприличия листик с накарябанными вкривь и вкось цифрами. Лжеотец Олега энергично принялся осуществлять свой хитрый замысел. Ему подфартило. Марину удалось застать сразу.

Игорь Анатольевич начал без многословного введения.

- Вас беспокоит отец того самого Олега, который сейчас отбывает пятнадцать суток. Я только сегодня утром приехал и хочу, чтобы вы изложили по порядку подробности происшедшего. Кроме самого факта я по сути ничего не знаю.

В кабинете повисла мрачная тишина. Ректор, нахмурив брови, выслушивал сбивчивый рассказ. Крутиков застыл в неподвижности, пытаясь уловить, о чем журчит в трубке писклявый голос.

- Если не виноват, за что же его посадили? В итоге он взял их или нет? Вы его видели после этого? Зачем? - выстреливались один за другим вопросы. - Теперь что делать? Ведь его, круглого отличника, исключат из института, потом ни в какой вуз не примут. Иезуитская идея вашей матушки поломала человеку жизнь. Что делать? А вы подумайте. Иногда полезно думать. До свидания, надеюсь, нескорого. - Игорь Анатольевич со злостью бросил трубку.

- Что она? - боязливо спросил Крутиков.

- Она сказала, что ваш сын ни в чем не виноват. Милиция, оказывается, предназначалась для ее мужа.

- Как это?

- Ваш сын пришел, попросил вещи, ему их не дали и захлопнули перед носом дверь. Он еще постоял на лестничной площадке. Пока стоял, может быть, раньше, мать Марины вызвала милицию. Она думала, что зять рядом, только боится показываться на глаза. Видите, тот хитрец сидел в машине и на машине благополучно ретировался.

- Так за что же его упекли? Что он сделал?

- По словам Марины, ничего. Здесь мне предельно понятно. Ему могли приписать хулиганство, нецензурную брань, заявить, что он рвался в квартиру. Хорошо, у этих мерзавок не хватило изобретательности незаметно положить в его карман часы или кольцо.

Тогда бы посадили на несколько лет. Единственное, что я не пойму, почему он подписал протокол. Ведь обязательно составляют протокол, в котором излагается происшедшее. Ему надо было не подписывать, доказывать. Тем более свидетелей нет.

- Разве он сообразит? Пацан... Если что и доказывал. Откуда знать?

- Да, мы не знаем. Кстати, эта девочка утверждает, что ваш сын был выпивши, по крайней мере от него пахло.

- Олег не пьет. Иногда, в компании или на праздник. Вообще-то не выпивает. Врет она.

- Не похоже. Девочка, чувствуется, прямолинейная и наивная до чрезвычайности. На ее месте следовало бы держать язык за зубами. Обычно люди, замешанные в неблаговидных делах, умеют маскироваться, а эта болтает все подряд. Кстати, где вы остановились?

- У брата.

- Напишите-ка свои координаты на всякий случай. Я тут

поразмыслю, пораскину мозгами. Если что-то придет в голову, позвоню обязательно.

"Во дает! Сам позвонит", - удивился про себя Вадим Александрович.

- Хотя придумать нечто спасительное сложно. И все-таки, мне кажется, вы должны пойти в милицию, объяснить ситуацию, они наверняка подскажут какой-нибудь вариант. Только, конечно, надо изыскать подход, не бросаться на них с криками и обвинениями.

- За что обвинять? Они причем? И потом мое мнение такое: если уж попал, значит, где-то вина есть, пусть не полностью, но есть. Где-то свалял дурака. И посидеть полезно для опыта. А то все по книжкам. Вот учебу жалко.

- Понимаю и обещаю подумать. Не буду вас больше задерживать.

Игорь Анатольевич срочно закруглил затянувшуюся беседу. Он торопился. И так массу времени потратил на горе-студента четвертого курса экономического факультета Олега Крутикова. Каждым студентом заниматься, расследовать лично каждое ЧП - жизни не хватит.

Он даже рассердился на себя. Сначала на себя, затем на секретаршу. "Бездельница. Бегает по буфетам, а у меня проходной двор. Пора ее проводить на пенсию. Взять девчонку с вечернего отделения". Недовольство было немедленно доведено до сведения секретарши. Нина Петровна, получив втык, в долгу не осталась. Она служила при всех институтских хозяевах и вела себя очень независимо, прохладно-пренебрежительного отношения к новому начальнику не скрывала. Подумаешь, без году неделя, а раскомандовался! Старый-то был царь, член-корреспондент и вообще... Какие люди приходили! Какой почет! И не мелочился мужик вроде этого. Опоздала, ладно, вышла, переживем. Тем более, что сам в кабинете редко появлялся: то за границу, то еще куда... К праздникам всегда подарок. Однажды даже хрустальная ваза перепала. Видно, преподнесли, а ему незачем, вазами и без того дом заставлен (Нина Петровна приглашалась иногда в царские покои и имела возможность лицезреть их во всем прямо-таки музейном великолепии). Короче, прежний сам жил и другим жить давал. Не то что этот. Сплошные требования и замечания. Зануда чертов. Полаявшись с Ниной Петровной, взвинченный, раздраженный, Игорь Анатольевич побежал на собрание. Вялые речи ораторов успокаивающе действовали на нервную систему. Он понемножку отошел. Неприятности выветрились из головы. Остались радужные мечты. Рассеянно глядя на трибуну, он представлял лес, ослепительно белый снег, яркое солнце и себя на лыжах. Замечательно... Вдруг картинка лыжной прогулки исчезла, и появилась другая картинка. Тот же зал, та же трибуна, на трибуне

белобрысый парнишка маленького роста. Председательствующий объявляет: "Слово предоставляется члену профкома Олегу Крутикову". Да, именно Крутикову. Председательствующий сначала смешно исковеркал фамилию, потом исправился. Игорь Анатольевич четко запомнил детали. Детали порой лучше запоминаются, чем существо. Правда, в данном случае в памяти отложилось и существо. Парень критиковал работу столовой, критиковал смело, эмоционально, порывисто. На ровносером фоне выступлений на профсоюзной конференции это было живое, яркое пятно. Когда проходила конференция? Буквально недели две назад. Может, ошибка? Может, то был не Крутиков? Или совпадение? Что меняется? Отличник, получи повышенную стипендию, молодец, а попал в милицию, пеняй на себя. Ректор старался отмахнуться в душе от дурной полудетективной истории, поставить раз и навсегда точку. Но не смог. Сгорбленный, разбитый отец, трясущийся как абитуриент на экзамене, белобрысый мальчик на трибуне, противный сюсюкающий голосок некой Марины. Идиотская цепочка. Будь они все неладны. Без них миллион проблем, нет еще подбросили головоломку. Настроение резко испортилось. В затылок засела какая-то гадость и зудела, проклятая, не давая покоя.

После собрания, уже из кабинета, он позвонил профессору Ворнову, которого упоминал в разговоре Крутиков-отец. Виктор Аполлонович Ворнов принадлежал к категории пострелов, которые всюду поспевают. Не было ни одного семинара, симпозиума, ни одной конференции без его участия. Ворнов в десяти местах читал лекции, везде числился научным руководителем или на худой конец оппонентом, конвейерным способом производил монографии и учебники. Профессор отличался сверхделовитостью и безотказностью: он был готов выступить в детском саду на тему "Теоретические основы построения тарифов" (причем рассказ в доступной для аудитории форме с анекдотами и прибаутками), лишь бы это было выгодно с материальной или какой-либо иной точки зрения, скажем, для улучшения отношений с персоналом детсада с целью устройства внука. Игорь Анатольевич недолюбливал Ворнова, как и многие в институте (слишком разворотливых всегда не особо любят), но считался с фактом его существования как с объективной реальностью. Игорь Анатольевич обладал трезвым мышлением, он не считал, подобно некоторым, что если сильно ополчиться на объективную реальность, она от этого перестанет существовать. В принципе ведь каждый сам решает в жизни держать ли в кармане свежие непомятые купюры или разменять их на пятаки. За размен можно осуждать, но нельзя бить, тем более ничего крамольного Ворнов не совершал, напротив, его деятельность приносила институту пользу: пеклись

словно блины диссертации, то здесь, то там публиковались статьи, вокруг профессора буйно рос дублирующий состав - молодые, толковые ребята. Следует отдать должное "тренеру" - дураков он не брал, даже когда очень просили. Как ученый экономист он, видимо, отдавал себе отчет в том, что издержки от дураков в долгосрочном плане обычно гораздо превышают сумму возможных дивидендов от покровительства "нужному" бездарю.

Ректор не чаял застать неуловимого Виктора Аполлоновича ни на кафедре, ни дома. Звонил без малейшей надежды, для очистки совести. Потому изумился, услыхав характерное ворновское приветствие: "Здравствуйте, товарищ Путинцев". Именно так, профессор обращался ко всем: от студента до академика. Никаких имен - отчеств. Несколько необычно для наших широт, зато его никогда ни с кем не путали. Стиль - тоже визитная карточка. Личность деловая это понимает.

Информацию Крутикова-отца Виктор Аполлонович подтвердил: парень талантливый, отличник, занимается в научном студенческом обществе. Ректор карт не раскрыл, не стал распространяться об инциденте. Просто не объяснил причину интереса и все.

Вечером, за ужином Игорь Анатольевич Путинцев еще и еще раз обдумывал происшедшее. Странная история. Похоже, что мальчишка попал случайно. Слишком благородный у него облик. Но тут же овладела Путинцевым иная идея: что если все объединились и водят за нос, выгораживают своего. Папа-радетель, таинственная "телефонная" Марина, Ворнов. Сплели сети и давай его ловить. Изобрели легенду, договорились, расписали роли и давят ему на психику, мол, подсоби, не дай пропасть хорошему парню. Сегодняшний визит отца смахивает на наивность, настоящие ловчилы поступили бы по-другому. Но как знать. Порой нестандартный, по- детски наивный ход оказывается выигрышным. Любая авантюра в сущности наивна, но далеко не любая авантюра проваливается. Черт разберет. Ясно одно: здесь совсем другой случай, просто так на пятнадцать суток не сажают. Дыма то без огня не бывает. Тоже самое сказала и жена Анна Павловна, которой он после определенных колебаний поведал сюжет.

- Парень вроде положительный, честный. Учится на "пятерки". Отзывы о нем весьма лестные, - выложил аргументы "за" Игорь Анатольевич.

- Кто у него родители? - строго спросила жена.

- Не в курсе. Отец, чувствуется, человек честный и прямой. Переживает, конечно. Впрочем, его можно понять.

Путинцев специально взял на себя функцию адвоката, поскольку в прокуроры с ходу записалась Анна Павловна. Ему хотелось

пофехтовать доводами. Ведь только в споре рождается истина.

- Детей надо лучше воспитывать, а не переживать. Сейчас переживать поздно. Он хоть в армии был?

- Нет.

- Вот пойдет в армию, там быстро мозги вправляют.

- Ты говоришь так, будто тебе решать.

- Тут и решать нечего. Разве после пятнадцати суток оставляют в институте?

- Если я захочу, то оставят, - с хозяйской уверенностью заявил Игорь Анатольевич, удивившись в душе сам себе: чего ради потянуло выпендриться. Наверно, заела безапелляционность жены.

- Игорь, не изображай из себя шахиншаха. “Если я захочу, то оставят", - передразнила она.

- Да, если я захочу, то оставят. Я могу сделать так, что никто ничего не узнает.

- Зачем тебе это надо?

- Это другой вопрос.

- Это главный вопрос. Рисковать незнамо ради чего. Ведь ты рискуешь. Кто-нибудь пронюхает и будет шум. На твое место много охотников.

- Ладно, успокойся. Я не собираюсь ничего предпринимать. И вообще предоставь мне, пожалуйста, возможность самому заниматься своими делами. Я не нуждаюсь в поучениях.

- Я не поучаю, я советую.

- Мне не нужны советы, - повысил тон Игорь Анатольевич. Прения начали его раздражать.

- Перестань кричать, - завелась Анна Павловна. - Я зла не желаю. Сидишь в кабинете и ничего не видишь. Тебе надо вести себя очень осторожно, очень... Вытянешь этого парня, кто-то случайно узнает и все, ты пропал... И главное зачем. Кто он тебе? Брат, сват, родственник или знакомый? Отец пришел к нему, поплакался, он уже готов выгораживать неизвестно кого. Какие-то глупости.

- Не глупости, - пошел на принцип Путинцев. - Набираем всяких балбесов, за которых просят мамы, папы, тети, дяди, добрые друзья, начальство, тянем их до диплома, потом выпускаем специалистов с коэффициентом полезного действия равным нулю. С ними-то мы нянчимся, так почему не выручить действительно талантливого человека, он ведь по идее имеет больше прав на то, чтоб о нем позаботились.

- Ты говоришь чепуху. Права... позаботились... Талантливый человек... Откуда ты взял, что он талантливый? Да, даже пусть талантливый, твое какое дело? Не надо хулиганить.

- Насчет хулиганства я еще проверю. Если произошла ошибка, и он

не виноват...

- Ты его будешь выручать, - с издевкой произнесла Анна Павловна.

- Да.

- Дурак.

Игорь Анатольевич взвинтился.

- Замолчи... И не нарывайся. Иначе я...

- Что ты... Я... Тоже мне. Давно ли голос подал? Что ты без меня стоишь? Дворы бы тебе подметать, если б не я. Сколько сил вложено. И вот благодарность. Вспомни, кто устраивал тебя в аспирантуру, кто всю жизнь бегает, суетится, организовывает, договаривается? Кто?

- Ты, - тихо сказал Путинцев. Стремительное изменение темы несколько ошарашило. - Я не отрицаю.

- Еще бы ты отрицал!

- Тем не менее я не заслужил оскорблений.

- Заслужил. Рассуждаешь, как трехлетний ребенок. Пускаешься в сомнительные аферы.

- Ах, аферы. Я пускаюсь в аферы. Хорошо. А как назвать твои бесконечные задания, твои списочки во время вступительных экзаменов, шушуканья по углам, устройство на работу разных знакомых и прочие комбинации. Вот настоящие аферы.

- Это не аферы. Это дела, - язвительно усмехаясь, поправила жена.

- Это обман и нарушения элементарной нравственности.

- Без такого обмана ты остался бы тем, кем был: бухгалтером в тресте и до седых волос сводил бы дебет с кредитом. Я подняла тебя, я работала только на тебя, чтобы ты что-то из себя представлял. Наверно, зря... Говорила мать: "Разведись с этим паразитом. Мы поможем деньгами и Витьку вырастим". А мать щедростью не отличалась. Если уж деньги обещала, значит, сильно она тебя любила.

- Что же ты ее не послушала?

- Глупая потому что.

- Еще не поздно исправить ошибку.

- Поздно. Поезд ушел.

- Да, конечно, уже поздно. У тебя наступил золотой период, период стрижки купонов. Ты стремилась и, наконец, достигла. Ура! Раньше ты, возможно бы и развелась, но сейчас это совсем нелогично.

- Опять дурацкие шуточки.

- Какие тут шуточки? Период, действительно, золотой. На работе почти не появляешься. Зачем появляться? Ведь замену всегда найдут. Попробует Кудрявцев не найти. Сгорела тогда его докторская. Свободно переносишь занятия, соединяешь две группы. Кто тебе указ? Никто. Сама себе хозяйка. Потом вдруг в Сухуми пригласили на недельки две. Отчего бы не слетать, если люди хорошие? И,

естественно, что сына хороших людей, патологического бездельника, надо оставить на кафедре после окончания. Почему бы не оставить? Ведь затраты энергии щедро окупаются. А тут еще звонит Танечка Семенова, порученьице дает: такого-то распределить туда - то. Как не помочь? Танечка подруга верная.

- Про Семеновых ты бы помолчал. Они нам много хорошего сделали: и квартира, и моя поездка во Францию, и твои повышения. Много хорошего еще сделают. Семенов перспективный, он будет расти как на дрожжах.

- Семенов - делец, - крикнул Игорь Анатольевич.

- Кто в наше время не делец? Только ты. Но ты - это особый случай. У тебя есть жена, которая крутится как белка в колесе, думает и рассчитывает. Не всем так везет.

- Ты стала крутиться слишком активно. Пора утихомириться. Здоровье подорвешь.

- Трогательная забота.

- Мне давно стоило проявить заботу о твоем здоровье, как физическом, так и моральном. Твоя кипучая деятельность зашла за определенные границы. Последняя же выходка вообще меня изумила. Я имею в виду кляузу Павловой.

- Я ее не писала.

- Ты ее продиктовала, ты убедила Павлову в необходимости полить грязью Мишлину и порядки в отделе кадров. Мишлину вызывают в партком и начинают разбираться. Тогда ты даешь совет уже Мишлиной составить контркляузу на Павлову. Затем с твоей же помощью дело заминается. В итоге и та, и другая обязаны тебе. Так? Хочешь скажу, для чего потребовалась эта довольно сложная комбинация? Тебе нужен выход на мужа Мишлиной.

- Ошибаешься. На ее брата. Муж тоже интересен, но меньше, чем брат.

- Этого я, к сожалению, не учел.

- Ты много не учитываешь. Явно переоцениваешь свои способности. Ты талантлив в работе, тебе давалась учеба, но это далеко не все, что надо. Куда важнее найти общий язык, уметь поладить. Это целое искусство.

Путинцев настойчиво командовал собственной порывистой натуре не обострять и побыстрее прекратить бесполезную душевыматывающую стычку. Сколько раз он обещал себе не базарить без толку с женой. Тем более ее не переспоришь. Но неизменно какие-то черти хватали за язык и выпускали на волю эмоции. Вот и сейчас. Хотел смолчать, да не смог.

- Искусство интриг и махинаций, - подлил масла в огонь Игорь Анатольевич.

- Правдолюбец! Очень честный, а сам с удовольствием пользуешься тем, что я делаю, и читаешь нравоучения. Ты бы помешал мне вместо нравоучений. Но это выгодно, ведь твоя высокая мораль без моей аморальной помощи сразу помрет.

- Напрасно ты считаешь, что я ограничусь словами.

- Какие же будут дела?

- Для начала я удалю тебя из института.

- Меня? Ха-ха, - демонстративно расхохоталась Анна Павловна. - Скорее ты уйдешь из института.

- Нет, уйдешь именно ты. Произойдет это в самое ближайшее время. Подбери хорошее место и подавай заявление.

- Чего ты добиваешься? - Тон Анны Павловны стал суше. - Желаешь остаться без поддержки? У тебя и так много врагов. В отличие от Стасова, люди тобой недовольны и потихоньку шипят. Пока шипят, потом выступят открыто. А ты рубишь сук, на котором сидишь.

Кого ты подразумеваешь под понятием "люди"? Приспособленцев? Конечно, они недовольны. Стасов в последние годы путал дверь с окном, и за его спиной творились безобразия. Сейчас я поприжал теплую компанию. Она, естественно, не рада: при Стасове было лучше, вольготнее, легче хапать.

- Наступила эпоха путинцевских преобразований. Преобразование номер один - изгнание жены из института.

- Представь, преобразования. Стасов оставил тяжелое наследство... хотя, несмотря на это, я его глубоко уважаю, точнее не его, а память о нем.

- Тем не менее Стасов просидел ректором двадцать пять лет. Дай Бог, тебе просидеть столько.

- Какая разница, сколько занимать должность, двадцать пять лет или три года? Это имеет значение только для родственников. Для остальных важно состояние дел. Обшарпанное здание, везде грязь, в столовой кормят похлебкой и котлетами из хлеба, правила приема нарушались сплошь и рядом, в аспирантуру только по звонкам и просьбам, науки по большому счету нет, одна симуляция бурной деятельности, даже перерыв на обед у студентов - двадцать минут. Разве за двадцать минут успеешь поесть? Когда Стасову сказали на комсомольском собрании, что перерыв слишком маленький, он ответил: "Берите с собой термосы и бутерброды". Профессор так говорит. Потом удивляемся, откуда берутся гастриты и язвы.

- Оттого, что ты ввел часовой перерыв, жизнь изменилась?

- По крайней мере спасенное количество желудков.

- Думаешь, тебе за это кто-нибудь скажет "спасибо"? Никто не скажет. Всем наплевать.

- Я не рассчитываю на благодарности. Это моя работа. Ты же подметаешь пол дома не ради благодарностей, а просто ради чистоты. Противно жить в свинарнике.

- Вот именно противно, - взяла еще на полтона выше Анна Павловна. - Раз уж ты выбрался из свинарника, то надо ценить это и вести себя умно, чтоб опять в свинарник не попасть. Возомнил... Я приказал, я поприжал... Дадут по шапке-ушанке, рыдать будешь.

Люди кое-что имеют, ну и пусть имеют. Они же не за счет тебя имеют, а за счет своей... - она долго искала слово, - расторопности.

- Мошенничество ты называешь расторопностью.

- Называй как хочешь. Неважно. Важно другое: ты сломаешь шею, если не выкинешь из головы дурацкие мысли.

- Дурацких мыслей я из головы не выкину. Насчет шеи не беспокойся, она у меня крепкая. Не такой я наивный, чтобы ходить напрямую. Мошенники сами съедят друг друга и даже не догадаются, кто их перессорил. Я постою в сторонке и понаблюдаю.

- Как же твоя высокая нравственность?

- Нравственность всегда конкретна, как и истина. Я понял это давно. Еще когда Леньку Куркина выставили. Как его мордовали! А за что? За то, что талантливее всех.

- Гонора было много.

Верно, гонора было много, но таланта было куда больше. Игорь Анатольевич дружил с Куркиным, подпитывался около него идеями. Голоштанная, но яркая аспирантская пора. Кроме надежд и идей ничего. Здорово помогал тогда Леня. Как хотелось ему вступиться за друга, когда возник этот идиотский сыр-бор! Возник из-за ерунды, но не случайно. Слишком уверовал Куркин в свои силы, в свое первенство, в свою звезду. Слишком сильно блестел, кое у кого в глазах зарябило. Никаких авторитетов не признавал, идолов по боку, есть лишь правда, ей и служи. Накрутил по-пацански и вылетел из обоймы. Потом работал по холодильным установкам, зашибал халтурные рубли, запил. Последний раз приходил к Путинцевым в прошлом году. После ста граммов опьянел, пустился философствовать. В общем-то неглупые вещи говорил, видно, хорошие мозги и в водке утопить непросто. Мрачная получилась встреча, с осадком. Вспомнились старые обиды. Еще бы им не вспомниться! В решающий момент знакомые и друзья, а их была у Куркина масса, отступились. Отступился и Игорь Путинцев, правда, отступился с тяжелой душой, скрежеща зубами, но душа и скрежет не в счет. Факт оставался фактом: в драку не полез. Тогда-то впервые сформулировал Игорь Анатольевич железобетонное правило: воевать надо, точно просчитав соотношение сил. Для победы нужно превосходство в силах. "Что собственно изменится оттого, - рассуждал он, - что я влезу? Меня

растопчут, появится еще одна жертва и ничего не изменится". Куркина выгнали, Путинцева судьба помиловала и наградила за сдержанность кандидатской степенью. Впрочем, судьба ли наградила? Наградили люди, конкретные люди, в том числе тот же Стасов. Сложно, двойственно относился он к Стасову. С одной стороны, осуждал за стремление всем угодить, включая собаку дворника (чтоб ласкова была), зачастую в ущерб интересам института, за строгое деление подчиненных на "своих" и "чужих" ("своим", естественно перепадало больше), за консерватизм и самоотход от дел, повлекший за собой неразбериху, дезорганизацию и злоупотребления. С другой стороны, чисто по-человечески он не мог не быть благодарным Стасову. Ведь именно Стасов без лишних нервов провел его, неказистого, застенчивого паренька, родившегося в провинциальном городке, по служебной лестнице. Если русская литература очень обязана гоголевской "Шинели", то Путинцев не менее обязан покойному патрону. Были вокруг ребята поэнергичнее, посильнее, чего таить, поумнее, но почему-то Путинцева поставил бывший ректор своим дублером. Игорь Анатольевич как личность порядочная помнил это. Помнил он и обаяние, душевность Стасова, его впечатляющий, подавляющий внешний облик: благородная седина, солидность, царственный взгляд сквозь затемненные очки в толстой оправе. Говорил он неторопливо, медленно, красиво. Любой первокурсник сразу понимал, что выступает главный и сообщает главное. Правда, содержание страдало банальностью, но ведь публика часто больше любуется изяществом формы, чем изяществом мысли.

В первое время после назначения, стоя на трибуне или сидя в президиуме, Игорь Анатольевич замечал в зале насмешливые глаза. "Что еще за Буратино здесь взялся. Неужели сие явление называется ректором?" - заявляли глаза. Да, на Стасова глядели по-иному, с интересом, с уважением, как на отца родного, несмотря на то, что недостатков у отца было хоть отбавляй. В коридоре раздался топот. Вскоре в комнату ворвалось двадцатилетнее дите Путинцевых - Витя. Дите ворвалось прямо в верхней одежде, не снимая разносящих повсюду грязь модных штиблет. Личико Вити свидетельствовало о гусарской неуемности натуры и явно не академическом складе ума.

- Батя, наше вам с кисточкой, - просолютовал ребенок и громко запел. - Тара-тара-тара-там. Тара-тара-тара-там.

- Как ты сдал экзамен? - спросил Игорь Анатольевич.

- Три балла. Я доволен. По такому дурацкому предмету больше и не получишь. Тара-тара-тара-там.

- Особенно, если не заниматься.

- Что вы там пили? - вступила в беседу мама.

- Почти не пили.

- Тем не менее от тебя пахнет.
- Сухого выпили чисто символически.
- Это у тебя после сухого руки трясутся?
- Это у меня от усталости. Бессонные ночи перед экзаменом, с книжками и тетрадками. Совсем отняли у ребенка детство.
- Наташины родители были? - не унималась Анна Павловна.
- Были.
- И отец?
- И отец.
- Ты с ним разговаривал.
- Нет. О чем мне с ним разговаривать?
- Хорошенькое дельце. Ходишь к девочке в дом, имеешь серьезные намерения.
- У несерьезного человека не может быть серьезных намерений, - вставился папа.

Анна Павловна покосилась на мужа.

- Что за идиотская манера перебивать? А с Татьяной Николаевной ты говорил?
- Буквально два слова. Она спросила, как ты себя чувствуешь, я ответил: нормально.
- И все?
- Все. Ладно, мать, отстань.
- Что значит отстань? У отца хамить научился. Ты меньше на него смотри.
- Я бы попросил, - подал голос Путинцев-старший.
- Родители сидели с вами за столом?
- Нет, - раздраженно гаркнул Виктор. Матушкин допрос надоел ему. - Они помаячили по квартире, потом папаша вызвал машину и смотался с мамашей на дачу.
- Такой удачный момент был, чтобы поговорить, а ты его не использовал. Бестолковщина... - занервничала Анна Павловна.
- О чем я должен говорить?
- О том, что вы решили пожениться.
- Мы пока не решили пожениться.
- Как, то есть, не решили? В каком же качестве тебя принимают Наташины родители?
- Они меня не принимают, я не к ним хожу.
- Когда взрослый парень ходит к девушке, это означает, что он имеет серьезные намерения.

Игоря Анатольевича охватила мелкая дрожь. Его всегда охватывала мелкая дрожь, когда жена ударялась в демагогию. Демагогию он в принципе не терпел (лучше уж помолчать), но услышанные из уст близких, каждой черточкой и жестом знакомых,

вызывали просто физиологическую реакцию организма.

- Опять намерения... Отвяжись мать. На ночь такие разговоры вредны. Кровавые девочки будут сниться.

- Ты не очень-то пижонь. Вот возьмет тебя Наташин папа за шкирку и спустит с лестницы. Тогда узнаешь. Это тебе не уличная девка: погулял и бросил. Так получишь, что надолго запомнишь.

- По виду он мирный.

- Я же не в буквальном смысле. Ты не в детском саду, должен понимать. Николай Иванович - могущественный человек. Ему пальцем пошевелить - и от тебя ничего не останется. И на отце отразится.

- Бать, слышишь, твоя карьера в моих руках, - заржал Витя.

Батя задумчиво покачал головой.

- Ничего смешного, - строго сказала Анна Павловна. - Ты, действительно, можешь своим безрассудным поведением угробить отца.

- Короче, мать, что ты от меня хочешь?

- Чтобы ты, наконец, сделал предложение и не мучил девочку.

- Всего-навсего предложение! - воскликнул Игорь Анатольевич.

- Откуда ты знаешь, что она мучается? Ей неплохо живется с родителями, и она вовсе не стремится выйти замуж.

- Все девушки хотят выйти замуж, просто порядочные девушки этого не показывают. Если Наташа тебе нравится, почему бы не жениться?

- А если не нравится?

- Если не нравится, то какого черта ты с ней встречаешься? - сорвалась мать. - Учти, доиграешься. Подведешь нас. Об отце подумай.

- Не обижай маму, Витя. Женись! - съязвил Путинцев-старший.

- Опять дурацкие шутки! Важный разговор, он шутки шутит.

- Этот разговор иначе как шутку воспринимать нельзя, - постановил Игорь Анатольевич. - Женитьба сейчас немыслима. На какие, спрашивается, средства он будет содержать семью? Ведь будущий глава семейства даже стипендии не получает и, насколько я понимаю, при подобном старании, вернее, при отсутствии какого бы то ни было старания, он никогда ее не получит.

- Можно подумать, на стипендию проживешь, - пошел в контрнаступление Витя. Любое упоминание о стипендии портило ему настроение.

- Я когда-то жил на стипендию.

- Это было когда-то.

- Конечно, на одну стипендию не проживешь, - рассудила мама, - и мы обязательно поможем. Семеновы тоже сделают все для единственной дочери.

- Семья не может существовать на подачках. Не лучше ли продолжать встречаться, дружить, немного окрепнуть, встать на ноги и потом пожениться.

- За это время они сто раз поссорятся. Мало ли что случится. Тут надо ловить момент. Хорошие девочки встречаются сейчас редко. А то до тридцати лет будет с дружками хороводиться и водку пить.

- Я водку не люблю, - выступил Витя. - Вот коньячок - это высокий класс.

- Ты на лимонад не заработал. Помолчал бы, - цыкнул папа.

- Ничего, батя, достаточно мне жениться, как я сразу заработаю на кусочек хлебца с икоркой, и денежки, которые вы на меня тратили, вам же и вернутся. Так что в ваших интересах поить меня коньячком.

- Значит, деньги вернешь. Спасибо! Интересно, где ты собираешься их взять?

- Нигде. Мое дело маленькое - поставить в ЗАГСе подпись. Эта подпись означает, что вы приобрели новых родственников, с помощью которых ты, батя, станешь академиком или там еще кем- нибудь. Вот тебе и навар. Денежки-то и вернутся.

- Логично, - после паузы произнес Игорь Анатольевич. - Чувствуется мамин стратегический расчет.

На удивление Анна Павловна молчала.

- Какая там стратегия. Ежу ясно, что с такими родственниками не пропадешь.

- Нет. Ты не прав. Расчет стратегический. Тебя уже два года мама нацеливает. Хочешь десять рублей? Пожалуйста. Хочешь двадцать рублей? Пожалуйста. Только при одном условии: эти десять или двадцать рублей должны быть пущены на увеселение Наташи. На другую фондов не выделялось. Жесткое правило. Хочешь пригласить Наташу в гости? Пожалуйста. Хочешь пригласить другую? Ни за что. У Наташи день рождения. Кто покупает подарок? Конечно, мама. Кто приказывает ежедневно звонить Наташе и встречаться с Наташей? Кто, наконец, приказывает жениться и немедленно? Конечно, мама.

- Опять болтовня! - все же не выдержала Анна Павловна. - Как ты мне надоел сегодня своим нытьем. Совсем с ума сошел. Словно с цепи сорвался.

- Ты, видно, решила держать меня на цепи.

- Нужен ты мне очень, держать тебя на цепи! Стараешься сделать как лучше, а тебе в душу плюют.

- У тебя нет души. Если бы у тебя была душа, ты бы не заставляла сына жениться и не разлагала бы его морально.

- Чем же я его разлагаю? Тем, что советую жениться? Если он не женится сейчас, то через год он тебе какую-нибудь с двумя детьми приведет. Тогда запоешь.

- Пусть с двумя или тремя детьми, только бы я видел, что мой сын подчиняется чувствам, а не чьим-то распоряжениям.

- Я пойду, - сказал Витя, почесав затылок. - Сами выясняйте отношения. Кстати, непедагогично ругаться при детях и нетактично говорить о присутствующих "он". Гораздо изящнее "сэр Путинцев". Гутбай, бойс энд герлз. Тра-та ра-тара-там. Тара-тара-тера.

Пританцовывая, чадо удалилось. Матушка бросилась за ним. В этот момент тихо и противно запищал дверной звонок (придумали, заморские черти, звонки, аж сердце выпрыгивает). Пришел брат Игоря Анатольевича - Леня. Хозяйка встретила гостя холодно. Она была с Леней в ссоре. Обиделась за колкости, которые тот позволил отпустить в ее адрес за столом в компании "приличных людей. Представить только: сам не бог весть что, а еще насмешки строит! Анна Павловна как женщина строгая возмутилась. Она супруга ректора, профессора и не по чину какому-то прорабу Лене смеяться над ней. Анна Павловна и приглашать то его не желала. Нечего мешать икру с селедкой! Солидная публика и Леня с солдафонским юмором... Нелепость. Но муж настоял на приглашении: видите ли, взыграли родственные чувства. Анна Павловна восприняла это как очередной камешек в свой огород. Ведь раньше родственные чувства особо не проявлялись, теперь вдруг взыграли. Действительно, Игорь Анатольевич мало контактировал с братом. Трудно сказать, почему. Наверное, характеры разные. Леня спокойный, уравновешенный, без взлетов и падений. По всем параметрам норма. Жизнь не бьет и не балует. Лишь в последнее время зашебутился - решил поехать в загранку. Поездка - дело сложное и хлопотное, без брата - начальника не обойдешься, потому Леня стал бывать у Путинцевых чаще. Игорь Анатольевич, скрючившись, сидел в кресле. Гость сидел на диване рядом и болтал о том, о сем. Оба собеседника мучились. Подобное мучение обычно испытывается в первой части любого предметного разговора, когда речь еще не заходит о главном, когда надо для приличия почесать языки. Леня, однако, недолго терроризировал словопотоком, сообразив по исподлобному взгляду брата, что пора браться за суть.

- Позавчера меня вызвал наш начальник управления и слезно просил, чтоб я с тобой потолковал. Понимаешь, его сын никак не сдаст философию. Шепни там кому надо. Тем более философия - предмет второстепенный для инженера. Поморцев то наш сам пытался уломать философа. Звонил ему, даже домой ездил. Тот уперся, как баран. Ваш сын, говорит, это Поморцев мне рассказывал, даже законов диалектики не усвоил. А парень хороший и учится вроде неплохо.

- Ты с ним знаком?

- Нет, но...

- Ну, и каким образом я должен разговаривать? - хмуро спросил Игорь Анатольевич. - Поставьте три, инженеру философия не нужна.

- Тебе виднее, как разговаривать. Но троечку поставить надо. Не на вступительных же. Ты пойми, не помочь нельзя. Если Поморцев начнет палки в колеса вставлять, моя командировка тю-тю. Знаешь, желающих там много. Он обязательно начнет портить, если не помочь... Не хочешь, сам попроси Аню. Она уж точно сделает.

- Ты сам ее попросить разве не можешь?

- Она на меня дуется... после дня рождения.

- Пустяки. С моей женой договориться просто. Окажи ей мелкую, еще лучше крупную услугу, и она забудет обиду. У нее ведь нет принципов. Есть мелкий расчет. Вот так и живем...

- Игорь, в общем, я тебя очень прошу утрясти.

- Леня, тебе не кажется, что мое содействие окажет развращающее влияние на этого парня. Вдумайся, молодой человек с первых шагов в жизни уверует, что оценки ставятся не по знаниям, а по знакомству, что оценки попросту выбиваются родственниками и друзьями, что папа, если он занимает высокое положение, может все, даже то, что не положено и что в каждом заборе есть дырка, куда пролезают так называемые умные люди типа моей жены. Например, Виктор усвоил сию азбуку довольно четко. К экзаменам не готовится, в институт ходит редко и получает одни "тройки”. Представляешь, при отце-ректоре получать "тройки"! Значит, он ноль, преподаватели с пересдачей не хотят связываться: все равно, мол, рано или поздно придется... Тебя не пугает, что через каких-нибудь двадцать-тридцать лет такие люди придут нам на смену. Меня это пугает.

- Ну, Витька не такой уж плохой. Пока бездельничает, припечет немножко, будет вкалывать, как следует. Все мы были шалопаями.

- Нет, не все.

- Ты, конечно, не был. Ты у нас исключение. Мать никогда не могла от письменного стола отогнать. Зато теперь большой человек.

- Что толку? Что у меня за жизнь? - неожиданно сказал Игорь Анатольевич.

- Уж тебе на жизнь жаловаться грех. Живешь ты хорошо, - прорвало Леню. - Машина, дача, квартира большая, на юге каждый год отдыхаешь... в санатории, перед тобой расшаркиваются. Грех жаловаться.

- В том-то трагедия: внешне очень хорошо, внутренне очень плохо. Двадцать лет назад у меня в кармане лежало не больше пятидесяти копеек, но у меня была сила, была уверенность, что при желании можно перевернуть мир, что я полезен, необходим, и это окрыляло. Сейчас я чувствую себя далеко не таким сильным и уверенным, и

крыльев уже нет. Крылья будто отрубили. Взамен крыльев есть деньги. Их, конечно, гораздо больше, чем двадцать лет назад.

- Когда молодой, кажется, что ты самый лучший. Мне, вон, тоже казалось, что я стану чемпионом по гимнастике. А потом... Вообще, мне твои, Игорь, трудности непонятны. Ты прости, по-моему, это, как говорят по-русски, с жиру.

- Как же, с жиру, Леня! Разве тебя не бросало в отчаяние от собственного бессилия. Хочешь что-то сделать, ничего не получается, хочешь что-то изменить, ничего не меняется. Словно головой бьешься о бетонную стенку. Когда меня назначили ректором, я подумал: "Наконец-то. Теперь я наведу порядок, выставлю подлецов, дураков и жуликов. Карты в моих руках!" Как я ошибался! Борьба, действительно, началась, но успехов пока мало, очень мало. Я столкнулся с целым механизмом взаимозависимости и взаимоподдержания дельцов, как ни странно, среди них - многие порядочные люди, которым за спокойное поведение гарантируется спокойное существование. Молчи, и все будет прекрасно, ты получишь свою долю. Об интересах дела давно забыто, есть клановые и личные интересы. Каждый делает то, что ему лично выгодно. Это настоящая беда, Леня.

- Ты хочешь, чтоб как в сказке! - почти крикнул брат. - Будто у тебя у одного... У меня вон тоже всякое приключается. То пьяный придет, то прогуляет, с материалами сплошная напряженка. Палец звонить опухает. И липу пишем. Куда денешься? Ты ему мало выведешь, он тебя пошлет подальше и пойдет в другое место, где заплатят сколько нужно. Или какой-нибудь из треста приедет, мозги пудрить. Так и подмывает его обматюкать, а нельзя. Терпение надо иметь, относиться спокойнее. Иначе нервов не хватит. А ты дергаешься, психуешь.

- Я не психую.

- Ты психуешь и между прочим зря. От твоих дерзаний никакого проку. Один в поле не воин.

- Сегодня ко мне приходил проситель, - после паузы раздумчиво проговорил Игорь Анатольевич. - Его сын попал в милицию и получил пятнадцать суток. В милицию попал случайно: так сложились обстоятельства. Парень хороший, отличник, общественник. Сейчас мы обязаны его отчислить, отчислить отличника с четвертого курса, к тому же ни в чем не виноватого!

- Что там было?

- Долго рассказывать. Факт тот, что он не виноват. По доброте душевной решил помочь товарищу, его оклеветали, обвинили в хулиганстве и посадили. Справедливо его отчислять? Анна, например, считает, что справедливо. Так считает Анна, которая будет хлопотать о любом уголовнике с тремя судимостями, если ей пообещают

вознаграждение. Это правильно?

- Правильно или неправильно, какая разница? Это ваши личные заботы. Меня больше волнует философия и сын моего шефа. Я тебя очень прошу устроить. Столько времени ушло на оформление, столько канители: справки, печати, характеристики, диспансеры и теперь, когда уже вот-вот, он возьмет да и отмочит что-нибудь. А он отмочит. Мужик дрянной, завистливый.

- Леня, когда ты был у нас в последний раз? - вдруг спросил Игорь Анатольевич.

- Не помню. По-моему, на дне рождения. Да, больше я не заходил, - зло ответил Леня. Лирические отступления, навязываемые братом, его раздражали. Дело серьезное, не до лирики.

- Стало быть, два месяца назад. А звонил сколько раз?

- Откуда я знаю? Чего ты ни с того ни с сего.

- Весьма странно, когда родные встречаются раз в два месяца, и то, если требуется что-либо кому-то устроить. Ты, кстати, мог бы и не приходить. Позвонил бы по телефону. Часика два бы сэкономил.

- Что ты выступаешь? Я у тебя хоть раз в два месяца появляюсь, а ты у меня? Раз в год, если не реже. Звонить вообще не звонишь. Конечно, тебе некогда. Ты теперь большой начальник. До бедных ли тут родственников.

- Я вовсе не пытаюсь оправдаться и тебя ни в чем не виню. В чем тебя винить?

- Вот именно в чем? Целыми днями мотаешься, голова кругом, еще этот отъезд проклятый. Устал я. Ужасно устал. Но ты, я смотрю, тоже **не** цветешь. Даже седеть начал. В сорок то пять лет! На твоем месте я бы взял отпуск и поехал к черту на кулички, чтоб никого не видеть и **не** слышать. Прихватил бы смазливую студентку... для разнообразия. Шучу. Насчет студентки шучу, насчет остального не шучу. Ты очень близко к сердцу принимаешь разную ерунду. Да, не все путем. Ну и что? Мы же не боги, мы люди.

- Люди... И поэтому обязаны думать не только о себе.

Игорь Анатольевич умолк. Леня подавленно уставился в стенку напротив. Лицо его приняло печальное выражение. Не повезло. Попал не под настроение. Не стоило заводить разговор о философе, лучше было бы в другой раз. Проклятая торопливость. Неожиданно Леню посетила свежая идея. Что если... Но не успел открыть рот, как в дверь просунулся Витя и словно нарочно уволок отца на тет-а-тет. Витя позвал настойчиво и таинственно. Путинцев-старший, решив, что вопрос серьезный, послушно откликнулся. Оказалось, предмет плевый - сынуля клянчил пять рублей тайком от мамаши. Игорь Анатольевич с ходу отрезал, высказал кучу резкостей, от которых у малого покраснели кончики ушей. Высказал и пожалел об этом. Стоило ли

устраивать сцену из-за пятерки? Стрельба ядрами по воробьям. Виктор перевернется и выцыганит еще где-нибудь. А отца больше не попросит и советоваться с ним не будет. Вот и вся воспитательная ценность нравоучений.

Игорь Анатольевич стоял в коридоре и разглядывал семейные фотографии под стеклом в книжном шкафу, точнее делал вид, что разглядывал (Анна Павловна превратила шкаф в выставку, не по шибкой любви к искусству, конечно. Книги у Путинцевых были сплошь ценные, сплошь дефицитные подписки и фото надежно закрывали корешки от жадных глаз визитеров). "Нескладный денек, — думал Путинцев,- с утра кувырком". Да, редко когда случается поругаться и с секретаршей, и с женой, и с братом, и с сыном. Дурацкая история про отличника-хулигана виновата. Почему она так расстроила? Похожа на ситуацию многолетней давности с Куркиным? Ну и что. Способный бегун почти на старте сошел тогда с дистанции. Грустно, однако, что делать? Остались на дистанции спортсмены послабее, но похитрее, поцепче. Впрочем, разные были, хитрые и простодушные, цепкие и не очень. Одни держались в тени, полагались на скромность, другие вроде Громова, ловчили и строили на левые деньги особнячки, третьи ходили столбовой дорогой, рубились в чистом поле, четвертые, вроде Газдюка - дальнего родственника Анны Павловны - возили студенток на дачу и тем довольствовались, пятые, шестые, седьмые избирали пятый, шестой, седьмой варианты. Марафон продолжался, все бежали вместе. Старина Стасов, осуществлявший судейство, в процесс не влезал. Он, Игорь Анатольевич Путинцев, решил влезть, восстановить справедливость, дисквалифицировать недостойных, стимулировать достойных, влить в бегунов свежие силы. Ради этого он детально разбирался с просителем, ссорился с домашними, нервничал, доказывал, убеждал. Еще один кусочек сердца был без жалости отрезан сегодня. Каков же эффект? Вопрос самый главный, самый мучительный. Эффекта со знаком плюс пока он не видел. Затаила злобу секретарша, взбудоражилась жена, обиделся сын, раздосадован брат. Станут ли они и многие другие лучше в результате его, Игоря Анатольевича, твердости? Раньше ему казалось, что станут. Раньше, когда он копил силы, не лез на рожон, не выпячивался, как Куркин, кое-где молчал, кое-где мирился, кое- что старался не замечать. Себе объяснил: мал я ростом, чтоб голос подавать. Сначала дорасту, потом... Нормальный, логичный компромисс. Ныне дорос, что же? Голосок такой же тонкий, почти детский. Пытался кричать, не слышат, а слышат, серьезно не воспринимают, отмахиваются: мол, нашелся грамотей. Ну а даже если воспримут, если сумеет он на свой строгий лад настроить, что получится? Чего добьется? Врагов появится масса, лично себе -

дивидендов никаких, выиграет институт - Бог его знает! Интриги, драки, драчки будут (сегодняшние дрязги - цветочки) ибо любая перестройка - процесс бесполезный. Последует ли за болезнью процветание - неизвестно. Может, не затеваться, плюнуть, жить по-стасовски, пускай плывет кораблик по воле волн, качается в разные стороны, а ты сиди, грейся на солнышке, вдыхай целебный морской воздух и ни к кому не приставай, не мешай экипажу, ребята толковые, разберутся без тебя.

Игорь Анатольевич встрепенулся. Прямо мысли Анны. Критиковал он их с полчаса назад, да к ним же и вернулся. Он вспомнил тон жены, нахальную уверенность, ее хрипловатые трели. Точно такие трели раздавались сейчас за дверью в комнате. "С кем она там болтает? Наверно, по телефону", - подумал Путинцев. Он подошел ближе, напряг слух. Нет, Анна Павловна говорила не по телефону, она говорила с Леней.

- Поморцев - это тот, который пчел разводит?

- Он самый, - полушепотом частил Леня. - И отказать ведь неудобно и даже опасно. Мужик он паршивый, начнет палки в колеса вставлять.

- Не надо отказывать. Зачем? Тем более, дело мелкое.

- Я просил Игоря, но он не хочет. Видите ли, скажет развращающее влияние.

- Это в его стиле. Я тебе сколько раз твердила: не теряй время на пустые диспуты с Игорем. Есть трудности, иди ко мне.

- Ты на меня вроде обиделась после дня рождения, я и прикинул.

- Плохо прикинул. Я отходчивая. Сейчас обиделась, завтра забыла. Зато я никогда не забуду то, что кому-то обещала, - елейно пропела Анна Павловна.

- Ты здорово поможешь, если уломаешь философа поставить хотя бы "тройку", - опять заныл Леня.

- Конечно, уломаю. Я с ним и говорить не собираюсь. Я через завкафедрой Самарина. Тот сообразит с полуслова. Фамилия парня Поморцев?

- Да, а преподавателя Полищук.

- С какого он факультета? Впрочем, неважно. Сообразят. Завтра займусь и позвоню тебе вечером.

- Спасибо, Аня. Очень выручишь.

- Ты свое "спасибо" через год не забудь, когда будешь ходить с сомбреро на голове. А то у вас, Путинцевых, на добро память плохая, короткая. Сначала кланяетесь, потом грязью обливаете.

- За мной такое не водится.

- Дай Бог... дай Бог.

Игорь Анатольевич тихо отошел. "Тьфу, гадость, - прокатилось в

мозгу. - Готов целовать ей ноги". Ладно. Ему стало пусто и безразлично. К чертям собачьим! Варитесь все в собственном соку, только отстаньте. Могила вас исправит. Один в поле не воин. Стоп! Кто-то говорил это сегодня. Кажется, Аня. Или брат? Вроде, Аня. Умная Аня. Стратегическая Аня. Пока он кричит, бьет себя в грудь, ораторствует, она действует. Вот и весь эффект! Путинцев закипал, быстро, на большом огне закипал. Кровь хлынула к лицу. Ему почудилось, что он видит эту кровь, густую и почему-то совсем темную. Еще мгновение... он метнулся назад к двери и открыл ее настежь. Заговорщики нервно вздрогнули.

- Господа и дамы, какая радость, - жестко, почти жестоко бросил Игорь Анатольевич.

- Иди отдохни. У тебя безумные глаза, - сказала после некоторой паузы жена.

- Отдыхать в скором будущем придется, увы, тебе. Завтра же подашь заявление об уходе.

- Ух, как грозно.

Она пыталась продемонстрировать спокойствие, но беспокойство было весьма заметно.

- Не уйдешь сама, я тебя выставлю. Хватит! Долготерпению и либеральничанью конец! Отныне я не считаю нужным ни с кем церемониться! Это относится ко всем без исключения: родственникам, знакомым, сотрудникам и даже прохожим на улице. Хватит! Пора закручивать гайки! Виктора я предупредил, что если будет продолжать учиться плохо, кое-как, то я отправлю его в армию. Поговорю с военкомом и тот найдет место, где аристократические замашки, прививавшиеся годами, устранят в два счета. Не сумели воспитать родители, пусть воспитывает сержант. Государство дает отсрочку от призыва для того, чтобы люди изучали науки, а не слонялись без толку. Тебе я еще раз повторяю: уходи из института.

- Игорь, успокойся. Не пори горячку, - робко вступил Леня.

- И ты подал вопль протеста. Что ж, логично. Ты ведь тоже имеешь маленький интересик. Маленький-маленький. Тебе надо вытянуть за уши кого-то, чтобы другой кто-то не шепнул кому-то и тебе бы не сорвали загранкомандировку. Тебе ведь наплевать, тебе лишь бы оформиться и уехать. Только если все будут плевать, мы утонем. Вот какая неприятность. Я раньше иногда тоже думал: ладно, как-нибудь, а потом это "ладно" мне по физиономии... с размаха и за горло душить.
- Путинцев закашлял. - Что касается твоего протеже, то он будет сдавать на общих основаниях. Что заслужит, то получит. Не сдаст в установленные сроки, отчислим. Вот так.

- Так, значит, так, - буркнул Леня.

- Единственное, что я гарантирую,- беспристрастное и объективное

отношение экзаменаторов. Я лично прослежу. И не советую искать окольных путей, обращаться к услугам добрых фей. Феи, конечно, помогут, как некогда помогли они мне и так же, как и меня, они тебя продадут, будут торговать тобой оптом и в розницу, пока не выпотрошат окончательно и не выбросят в вонючую мусорную яму.

- Это говорит интеллигент, профессор, - поддела жена.

- Я не интеллигент. Раньше был интеллигентом. Ты и прочие вовсю паразитировали на этом. Теперь я буду злым и формальным. Очень злым и очень формальным... и никакой интеллигентности. Иначе сейчас жить нельзя.

- Ребята, я пошел, - заявил Леня. - Ругайтесь дальше. Мне надоело. Дома сцены, на работе сцены, еще здесь сцены. Сыт по горло. Тебе, Игорь, вот что скажу: так с родичами не поступают, это во-первых, во-вторых, я тебя больше ни о чем не попрошу, приходить к тебе не собираюсь, звонить тебе не собираюсь. Навязываться не приучен. Я тебе не холоп, ты мне не барин.

- О чем ты, Леня? Какой холоп, какой барин?

- Какой холоп? Тот самый, которого дальше кухни не пускали. Ничего... перезимуем и без твоей милости. Будь здоров.

- И ты туда же. Стоило чуть-чуть не угодить, уже готов уйти и не приходить никогда.

- Да, я туда же. Куда мне?! Мы же люди простые, титулов и званий не имеем, ваших мудростей нам не понять. Куда все, туда и мы. Будь здоров.

- Я тебе позвоню завтра вечером, - полетело вдогонку уходящему Лене от Анны Павловны. Тот лишь сокрушенно махнул рукой.

- Эх ты... как ни стыдно, - накинулась она на мужа.

- Аня, оставь меня, выйди, пожалуйста... пожалуйста. Очень тебя прошу.

- Я оставлю. Скоро все тебя оставят. Останешься один.

Она выбежала, щелкнув дверной ручкой. Путинцев опустился в кресло. Он сидел в нем неподвижно полчаса, час, два часа. Немножко вздремнул. Когда расклеил веки, часы высвечивали двенадцать. Совсем поздно, нужно укладываться. Утром к девяти, опять на манеж, опять в кабинет. Один обычный рабочий день сдан в архив, другой обычный рабочий день наступает. Впрочем, минувший день не совсем обычный, да и в архив сдавать его рано. Он смутно почувствовал: что-то недоделано, что-то висит на нем. Но что? Ах да, история с Крутиковым. Снова вспомнился растерянный, неумело заискивающий папаша, резковатый в словах и жестах студент-мальчик на трибуне конференц-зала. Чем-то похож парнишка на молодого Куркина. Чем-то неуловимым. Наверное, гордо поднятой головой. Хотя, какое это имеет значение...

Игорь Анатольевич достал из бокового кармана пиджака сложенный вчетверо листок. Перед тем, как звонить, еще раз задумался. Не отложить ли? Уже поздно, и, кроме того, Крутиков-отец разыщет его сам. Как-никак, он главное заинтересованное лицо. А может, это не так? Может, главное заинтересованное лицо он, Путинцев? Сейчас он спасет справедливость, любой ценой, потом белобрысый мальчик, талантливый и критически мыслящий, возмужав, повзрослев, будет зубами грызться за справедливость и тоже протянет руку кому-то. Это ведь цепная реакция. Стоит лишь начать. Конечно, замять с пятнадцатью сутками непросто. Придется пойти на нечестность.

В случае провала - крупные неприятности. Но он готов к ним. Что касается морали, то она на его стороне. Лучшая прививка от зла - то же зло, только в малых дозах. В этом ныне он ни на секунду не сомневался.

Здравствуйте, Вадима Александровича будьте добры. Здравствуйте, Вадим Александрович. Не разбудил вас? Беспокоит Игорь Анатольевич Путинцев, к которому вы сегодня днем приходили. Узнали? Превосходно. Вадим Александрович, я хотел бы завтра с вами встретиться с тем, чтобы обсудить ваши проблемы, точнее проблемы вашего сына. Нет, не в институте. Рядом с институтом есть книжный магазин. Прямо в переулке за нашим зданием. Вы его найдете легко, любой подскажет. Я вас буду ждать в половине второго на скамейке напротив входа в магазин. Там один вход. На этот вопрос я пока дать ответ не могу. Одно твердо обещаю: я постараюсь вам помочь. Не за что еще благодарить, не за что. Итак, завтра в половине второго на скамейке против входа в книжный магазин. Прошу не опаздывать, поскольку я тороплюсь, и у нас будет мало времени для беседы. До свидания. - Он положил трубку.

ОЧЕРЕДНОЙ РАУНД СЕЛИВАНОВА

Повесть

Иван Никитич Поздняк пристально оглядел свои владения. Все как будто на месте. Два бильярдных стола стоят, полочки с аккуратно уложенными шарами висят, недавно побеленный потолок не обвалился. Никитич удовлетворен. Он погладил брюхо и заковылял в подсобку за веником. Начался обычный рабочий день, начался, правда, не в двенадцать, как написано на табличке у входа, а в четыре. Это была традиция. Поначалу она не слишком понравилась администрации, но Поздняк хорошо поставленным голосом доказывал, что нормальному отдыхающему и в голову не придет променять до обеда пляж на санаторскую бильярдную, а ненормальных надо воспитывать. Доказательства плюс твердокаменный нрав работника размягчили руководство: на расхождение между писаной нормой и сложившейся практикой стали взирать сквозь пальцы. Репутация Поздняка укрепилась. Он твердо, по-хозяйски, держал бразды правления небольшим обособленным хозяйством и беспрекословно подчинялся им же созданному ритуалу. Подметание пола ровно в шестнадцать часов было неотъемлемой частью ритуала. Причем, летом непременно в облинявшей безрукавке, легких коротковатых брюках и сандалиях на босу ногу. Если бы окружающие заприметили его без этой униформы, они бы, наверняка, поддались панике, предчувствуя приближение природных катаклизмов или отстранение от должности директора местного курортторга. Основная масса игроков собиралась к пяти. Но первые ласточки прилетали, не успел Поздняк убраться. Сегодня всех опередил Федор Алексеевич Селиванов, румяный здоровяк лет сорока пяти, обутый в методично отстукивающие чечетку сабо. Фирменный теннисный костюм, белая пляжная кепка в увязке с бегавшим взглядом словно заявляли: "Вот я какой. А ну, на сколько вы меня оцените?" Поздняк Селиванова знал неплохо, поскольку тот отдыхал в санатории каждый год в бархатный сезон и частенько заходил в бильярдную.

- Привет, Иван Никитич.
- Здорово. Чего-то исчез ты совсем, загулял.
- Точно, загулял. Море, солнце, южные красоты...
- ...Южные красавицы.
- С тобой, Иван Никитич, темнить, я вижу, бесполезно, - криво улыбнулся Селиванов.
- А чего темнить-то, курортник - одно слово и сразу ясно.
- Так уж сразу? Если так, давай партию сгоняем.
- Сейчас вот закончу.

Поздняк любовно сконцентрировал сор и выбросил его в ведро, прохрипев:

- Не забыл, что ты две партии должен отдать.

- Потому и пришел, что помню. Неудобно в проигравших ходить, не в моих это привычках. А то, если б счетов не было... сам черт бы меня сюда не загнал. Зачем, спрашивается, в чудесный день убивать время в душном помещении? Это уж, когда погода плохая, либо так, для разнообразия.

Последнее высказывание полностью совпадало по духу с официальным мнением Поздняка. Тот аж просиял.

- Э... да так, братец, я тебе и отдых весь могу испортить. Буду выигрывать, а ты как человек гордый будешь здесь постоянно отыгрываться, и в какой стороне море забудешь.

- Это вряд ли. Ты тут себя, Иван Никитич, переоценил, помешать мне отгулять законные деньки не удастся. Если я за что-то взялся - все, до конца, только до полной победы.

-Ну победа бывает и на подставках, или шарики-дурики разные забегают случайные. По-моему, шар забит, значит, он трудовой и красивый, а не забит - нечего разговоры пустые начинать. Если ситуация вынуждает, можно рискнуть, даже порой нужно. Помнишь мы играли дней десять назад, еще ребята здесь толкались?

- Женька, что ли, с Мишкой... Помню, - хмуро отозвался Иван Никитич.

- Вот рискнул я тогда в конце, еле шар от борта оторвал, но все-таки залетел он, и я выиграл. Но там вариантов не было, два шара осталось на столе, вот и вертись, как знаешь. А когда есть вариан- ты... бесцельно рисковать. Извини, не в моем характере. Я с твоего позволения, закурю.

- Вообще-то влетает мне за вашего брата-курильщика, ну да лад- но, бог с тобой, по старой дружбе.

Поздняк вытащил из стоявшей в углу тумбочки массивную стеклянную пепельницу, протер рукой пыль и поставил пепельницу на подоконник.

- За курение влетает, но пепельницу на всякий случай держишь.

- А как же, - буркнул Поздняк и поспешил отвести внимание от пустякового прокола. - Слушай, давно хотел спросить, профессия у тебя какая?

- Коротко говоря, моя профессия - исследователь, - тоном высо-кого докладчика изрек Селиванов - Работаю в научном институте, заместителем директора, что еще... доктор наук, играю в преферанс, по шахматам имел когда-то первый разряд, могу работать на токарном и фрезерном станках не хуже среднего станочника, знаю столярное дело, резьбу по дереву, вожу машину с десяти лет... имею жену, ребенка... печатные труды.

- Богато... А скажи-ка, чего же ты исследуешь?

- Физику, Иван Никитич. Физику - сердцевину, так сказать, наших представлений о материальном мире. Ай-ай-ай... закатил. Плохи мои дела, так и проиграть недолго.

- А я что говорил. Будешь, если такой гордый, еще месяц отыгрываться. Скажи-ка, наверно, хорошо ученым человеком быть. Я-то сам отставник, отслужил свое, служба тяжелая была... на Севере. Теперь вот здесь обосновался - природа, погода, работа спокойная, без спешки. А раньше... Сейчас бы я уже не потянул те нагрузки... Вот и интересно мне, как другие люди работают, ученые, к примеру?

- Любая работа сложна и трудна, если ей как следует заниматься. Легкой работы нет, не существует в природе, работу можно искусственно сделать легкой, превратить ее в забаву единственным путем - бездельем, - Федор Алексеевич прибавил пафоса. - Что же касается ученого, исследователя, то он, конечно, не бегает целыми днями взмыленный, хотя иногда приходится и побегать. Тут своя специфика. Ученому в большей степени, чем кому-либо, нужна усидчивость, умение и желание шаг за шагом, каждодневно двигать вперед начатое дело, ему нужна особая сосредоточенность, поиск главного и отсекание маловажного. Вот часто говорят: "рассеянный, как профессор". Это все-таки не до конца правильно, потому что профессор рассеян в бытовых мелочах, с одной стороны, с другой стороны, он максимально сосредоточен для обдумывания своих целей, то есть он рассеян в одном из-за сосредоточенности на другом.

Глубокие философские размышления вслух прервались ввиду изменения игровой ситуации.

- Как прекрасно стоят... просто лучше придумать нельзя. Сейчас...

- Эх... такие шары, - завистливо проговорил Поздняк. - Тут два брать надо.

- Зачем же сразу два. Мне пока одного достаточно. Отлично... Теперь второй. Не поспел. Ладно, переживем. - Селиванов глянул на полку, неторопливо, с наслаждением затянулся. - Я тут сказал про ученого - усидчивость, целеустремленность, а ведь, пожалуй, это не главные отличительные черты. В любом занятии без старания и стремления ничего не добьешься. Вот что касается главной отличительной черты, то это безусловно высокая самодисциплина. Без нее не получится научный работник.

- Ясно. В общем, тяжелое дело наука. Не каждому дано. Я не смог бы. Помню, как в училище учился... давно это было... что-то выучил, что-то не выучил, где-то сообразил лучше, где-то хуже, экзамен сдал и хорош. Сидеть и чего-то изобретать - это не по мне. Способности,

видно, нет. Природа обделила.

- Разве природа дает способность?

- А то кто же? - изумился Иван Никитич. - Как это называют? Забыл. Вот память стала. Вспомнил - гены.

- Ага, значит, гены, - саркастически улыбнулся Федор Алексеевич. - Они во всем виноваты. Тупой человек, ленивый - сразу ясно - у него такие гены. Умный человек, работяга, спасибо родителям - гены получились на славу. Представь, Никитич, лет эдак тридцать назад, когда ты был крепче, решительнее и, естественно, моложе, пришел бы к тебе человек и предложил бы заниматься совсем другим делом, скажем, быть ученым. Ты бы долго не соглашался, он бы упрашивал, в конце концов уговорил бы, и жизнь с того момента крутанула бы тебя на энное число градусов. Но ведь ты бы не растерялся. Чего теряться! Трудолюбие есть, желание и энергия есть, уверенность в своих силах тоже есть. И был бы успех, большой, либо малый в зависимости от величины трудолюбия, желания, энергии, уверенности.

- Стоп... стоп. А как же способности?

- Способность - это умение, возможность производить действия. И состоит она как раз из трудоспособности, включающей трудолюбие, энергию, желание и прочие качества, о которых я уже распространялся, - оратор торжественно зарядился воздухом и пустился дальше: - И природной предрасположенности - тех самых генов. Причем если бы было возможно количественно оценить, измерить способность, доля природного дара составляла бы, мне кажется, пятьдесят процентов, доля творческих профессий больше - может, до сорока-пятидесяти, но это уже предел. Все это, конечно, очень условно и приближенно. Но смысл тот, что природный дар, важность которого для всех занятий разная, все же играет ограниченную роль и занимает скромную долю в общей способности человека к конкретному делу.

- Объяснил ты складно. Так складно, что я даже, честно говоря, не все понял. Не обижайся. В главном я понял. Ты думаешь, что способность - это труд, а гены - во вторую очередь.

- Если не в третью.

- Пусть в третью. Ответь мне тогда на вопрос. Я, например, не умею рисовать. Беру чистый лист и, кроме кривых покосившихся фигур да линий не ахти каких прямых, ничего путного на бумаге показать не могу. А внучка моя... сына дочка, значит, маленькая девочка, десять лет всего, та рисует вовсю, в студию ходит. Так вот ответь мне, почему я, пожилой человек, не умею рисовать, а девятилетняя девочка умеет? Разве это не природа?

- Нет, не природа, - отрубил Селиванов. - Сколько раз в своей

жизни ты, Никитич, рисовал? Наверное, по пальцам можно сосчитать?

- Конечно... Когда мне было.

- В этом-то и дело. Невозможно, не рисуя, не упражняясь, уметь рисовать. Чудес не бывает. Возраст здесь не причем. Работать надо!

Иван Никитич, слегка оглушенный боевым рокотом соперника, смолк. Он подошел к окну, отставил кий в сторону, мечтательно посмотрел вдаль. Вдруг его физиономию преобразили смятение и злость. Грузный Поздняк засуетился, бурча под нос.

- Идет... ах ты черт... давно не виделись. Бросай цигарку.

- Кто там?

- Врач идет. Скворцова Наталья Евгеньевна, зануда несчастная. Черт... у нас тут как раз накурено. Как назло.

- Успокойся, не съест же она тебя. Мы с ней сейчас мило, дипломатично побеседуем.

- С ней побеседуешь... как же.

Обещанная Скворцова в сопровождении молоденькой медсестры свалилась на головы игроков тунгусским метеоритом. Судя по наружности, она была в возрасте и состоянии, которое обычно характеризуют: "хотя уже... но все же еще..." "Бабенка ничего. Надо взять на заметку, - прикинул Селиванов. - А то Светлана уедет, совсем скучно будет".

- Здравствуйте, - громко изрекла врач, обшаривая голубенькими глазками культурное заведение.

- Здравствуйте, - откликнулся Селиванов.

"Ага, пудру и помаду употребляет в обилии, - подумал он. - И ногти отрастила. Сразу видно, грядки не копает. Впрочем, не для грядок же она нужна".

Поздняк пасмурно посмотрел на Скворцову, тихо и невнятно поздоровался. Та с места в карьер покатила бочку.

- Неисправимый вы человек, Иван Никитич. В бильярдной вечно дым коромыслом. Не желаете никаких порядков соблюдать. Сколько мы ругаемся из-за курения, вы ноль внимания. Что опять докладную главврачу подать, опять разбираться будем?

Поздняк воспринял критику болезненно.

- Вот ты, понимаешь. Только заходит - одно и то же. Я не мальчик, чтобы меня учить. Мне, слава Богу, не столько лет. Пишите хоть тридцать три докладные. На-пле-вать!

- Поживем - увидим.

- Извините за вмешательство, - с наскоро надетой улыбочкой включился в принципиальный спор Селиванов. - Мне кажется, имеет место некоторое недопонимание, которое началось с того, что наш уважаемый Иван Никитич с пылу-жару воспринял выражение

"дым коромыслом" несколько иначе, чем его следует толковать. В живой разговорной речи это выражение означает шум, там, беспорядок, в крайнем случае веселье, а дым тут совсем ни причем.

- Интересно, - сказала Скворцова, словив камень, посланный по хитрой траектории в ее огород.

- Хотя, откровенно говоря, веселья у нас не наблюдается. Скучный разговор - все, чем мы довольствуемся. Вот, если бы вы составили компанию, подняли бы общий настрой, и все наши недостатки, против которых вы так страстно сражаетесь, устранились бы.

- Вы так думаете?

- Я уверен.

- Мы вам не сможем ничем помочь, потому что не играем в бильярд.

Юная сестричка прыснула.

- Тогда есть другое предложение. Через полчаса кончится перерыв в кафетерии. Чашка кофе, я думаю, не помешает двум очаровательным врачам.

Он специально повысил девочку в звании.

- Вы очень любезны, но увы... у нас сегодня много дел.

"Много дел... А сама загорелась. Сияет, - констатировал про себя Федор Алексеевич. - И злость пропала. Светлану провожу, берусь за эту".

- Дел всегда много, а ценных предложений всегда мало, так что вы рискуете упустить шанс.

- Вы так думаете?

- Я уверен,

- Все же мы пойдем. Требования, Иван Никитич, надо выполнять, иначе нашим ссорам не будет конца.

Она дошла до двери, приостановилась, затем обернулась и еле слышно проговорила:

- Вы очень уверенный человек. Это вам помогает жить?

- Безусловно.

- Интересно.

- Итак, я считаю, что мое предложение остается в силе. Ваше право - взвесить и принять окончательное решение. Если решение будет положительным, то я к вашим услугам.

- Мы взвесим, - ни с того ни с сего вставилась медсестра. Скворцова удостоила невоспитанного ребенка таким взором, от которого иной мягкий человек захотел бы лечь в гроб и никогда оттуда не подниматься.

- Отлично. Найдете меня здесь в бильярдной. Сегодня я буду играть до самого закрытия, - заключил Селиванов и подумал: "Вторая тоже неплохая. Но слишком молода. Пацаны, наверное, прыгают.

Рожу еще набьют. Не хватало на отдыхе иметь неприятности из-за соплячки". Инспектирующие покинули бильярдную. Поздняк вздохнул облегченно.

- Слава богу ушла... красавица. Наболтала, поиграла на нервах и смылась с умным лицом! Удовольствие получает от того, что дергает людей понапрасну. Она тут одна такая. Другие врачи придут, спокойно скажут: ты мол, Иван Никитич то и то...

-Чего ты с ней не поделил? Отчитает она тебя, а ты послушай, извинись, пообещай исправиться. Случай подвернется - о жизни с ней поговори, улыбнись пару раз.

- Да чем я провинился. Извиняться да улыбаться. Мне седьмой десяток, не тот возраст, чтобы перед каждой пеструшкой унижаться.

- Здоровые нервы во сто крат дороже, чем твои соображения. Ради чего ты с ней дерешься? Чего хочешь добиться? Ровным счетом ничего.

- Хочу добиться, чтобы она меня оставила в покое.

- Этого можно достичь путем поиска человеческого контакта без взаимных оскорблений и криков "наплевать". Причем так восстановить спокойствие гораздо вероятнее и быстрее, чем дракой.

- С ней найдешь контакт ... как же.

- Найти контакт можно со всеми, если стремишься. Ты только что был свидетелем, как я с ней мирно, вежливо корректно поговорил.

- Ты, видно, специалист по таким делам.

- Специалист, не специалист, но советую все-таки изменить тактику, в мелкие стычки не ввязываться и избегать конфликтов.

-Может, ты и прав, но я, например, привык говорить прямо, так, как есть, не вилять и не петлять. Потом, если от конфликтов убегать все время, то...

- Кто сказал, что надо все время бегать от конфликтов? - перебил Селиванов.

- Ты и сказал. Кто же еще.

- Тогда ты меня неправильно понял, Иван Никитич. Я имел в виду избегать конфликтов мелких, случайных, ненужных, чтобы попусту не растрачивать силы. Что же касается конфликтов крупных, тормозящих развитие, то здесь отступничество есть проявление слюнтяйства, слабохарактерности. Такие отступки большого дела до победного конца не доведут. Они все изгадят. Но и тех, кто кичится своей прямотой, не соизволяя свернуть в сторону вообще, в любом, пусть самом малозначительном, вопросе, упрямствуя и капризничая, не считаясь ни с какими обстоятельствами... иначе как баранами не назовешь, это тоже бесполезная публика.

- Стоп, стоп, ты говоришь: большое дело, малое дело, а как ра-

зобрать, где оно большое, где малое?

- Отвечаю: готовых рецептов для конкретной ситуации выдать нельзя из-за бесконечного множества и разнообразия ситуаций, возникающих ежедневно, ежемесячно, ежеквартально, ежегодно. Итак, готовых рецептов нет, а что же есть? Есть голова на плечах, в том смысле, что каждый отдельный случай следует обдумать, определить его значимость и решить, стоит сражаться либо нет, быть ли мягким или жестким, настойчивым или вялым, словом, какую линию проводить. Со временем в этом отношении приобретается опыт, появляется чутье, интуиция и в итоге сформировываются нормы, правила и внутренняя логика поведения личности.

- М-да... Сильная теория. - Пока Поздняк мученически морщил лоб, вникая в суть сильной теории, в бильярдную заглянул загорелый, интересный парень, похожий по всем данным на знаменитого исполнителя роли Тарзана в некогда нашумевшем американском фильме.

- Здорово, Эдик. Как жизнь? - просалютовал Иван Никитич.

- Ничего, двигается. Хотел поиграть, смотрю, пока не с кем.

- Это не беда.

- Пойду пройдусь, подышу свежим воздухом.

- Обожди проходиться. Сыграй вместо меня, - Иван Никитич повернулся к Селиванову. - Ты уж извини, окунуться больно хочется. Последние ведь денечки море хорошее. Осень... Вот, понимаешь, получается: отдыхающие, которые приезжают на двадцать четыре дня, купаются больше, чем местные. Не поверишь, за этот год в море купался раз семь, не больше. Партию эту я так и так про-играл, мне кажется. Давай, Эдик, заступай. Я пошел, последите, чтоб порядок был.

Он схватил матерчатую сумку, бросил туда плавки и полотенце, и кометой понесся на улицу. Селиванов с Эдиком начали играть в обстановке строгого молчания, будто разыгрывалась решающая партия матча за шахматную корону. Эдик упорно мазал руку мелом, неединожды обходил стол, выискивая подходящую пару. Селиванов первый пошел на контакт:

- Извините, мы не познакомились. Селиванов Федор Алексеевич, за бильярдом и чашечкой кофе просто Федя.

Молодой человек подчеркнуто кивнул.

- Эдвард, Эдик, Как угодно.

- Не далее как сегодня, кстати, мне о вас рассказывал Иван Никитич, говорил, что вы игрок отличный и с оригинальным подходом.

- Что же он имел ввиду под оригинальным подходом?

- Видимо, то, что подставки бьете не иначе, чем третьим ша- ром, причем, судя по тому, как Иван Никитич преподнес, делаете вы

это односторонне, вне зависимости от того, как реализовывает подставки соперник.

- Что же в этом оригинального? Просто я считаю, что так честнее.

- Честнее. Гм...

- Простите, не расслышал.

- Нет-нет, ничего... это я про себя. Эдвард, разрешите задать не слишком скромный вопрос. Вы давно здесь живете?

- Нет, я приехал в Ялту приблизительно год назад.

- Я так и думал. Вы очень отличаетесь от здешних людей манерами и выговором. Вы не похожи на южанина.

- На кого же я похож?

- Скорее всего на москвича. Угадал?

- Почти... Я жил в Ленинграде.

- Выговор у москвичей и ленинградцев одинаковый.

- Можете не оправдываться, я уже успел отдать долг вашей удивительной проницательности, - с кислотцой сказал Эдик.

- Я, собственно, не пытался оправдываться, хотел лишь выявить факт. Что вдруг вы переехали сюда? Простите, конечно, за крайнее любопытство. Здоровье неважное или личные причины?

- Со здоровьем у меня все в порядке, пока не жалуюсь. Личные причины? Смотря, что под ними подразумевать. Вообще, это долго и тяжко объяснять. Короче были обстоятельства.

- Понимаю.

- Что вы понимаете? - вырвалось у парня. - Я сам-то во многом разобраться не могу.

- Значит, вы недостаточно стремитесь разобраться.

- Как просто. Недостаточно стараетесь и все. Звучит, как приговор.

- Что касается звучания, то тут у каждого слух свой. Что касается упрощения, то его, как впрочем, и усложнения, в моих словах не было. Я высказал нормальную, здоровую мысль. Вы же не станете отрицать, что, если кто-то в чем-то не разбирается, он обязан стремиться разобраться. Это совершенно естественно. Он может неправильно разобраться. Это иной вопрос.

- Вы утверждаете, что при желании возможно все понять. Ладно... Вот вам история, ординарная житейская история. Представьте, в благополучной и обеспеченной семье рождается мальчик. Папа мальчика - очень видный человек в своей области. Родители полны нежности к ребенку и, как люди серьезные, уделяют немалое внимание его умственному и физическому развитию. Проходит время, и мальчик, как положено, поступает в столичный институт, изучает иностранные языки, неплохо учится. У него веселая компания, вполне приличные друзья, в принципе никаких проблем.

Впереди - хорошие перспективы, вокруг - спокойствие и уверенность, о чем еще мечтать. Но вдруг в мальчике что-то ломается, его начинает все раздражать, его занимают весьма странные мысли. Он мечется, ищет выхода, потом уходит из института и, отслужив в армии, выбрасывается судьбой на брег морской, в маленьком курортном городке вдали от знакомых, друзей и родителей. И после высоких надежд работает всего лишь матросом на лодочной станции. Вот какая история. Легко ли в ней разобраться даже при желании? Что молчите?

- Я думаю. История, конечно, странная, но ничего недоступного нормальному уму в ней нет. Чтобы окончательно все прояснить, я бы хотел уточнить только ряд предметов. Момент первый. Этот ваш мальчик, он что...

- Мальчик - это я. Не удивляйтесь моим откровениям. С вами тянет поговорить. В этом благодатном уголке говорить не с кем, к сожалению, и не о чем. Разве что о портвейне.

- По-моему, вы излишне категоричны.

- Поживите в общежитии в комнате с двумя алкоголиками, будете категоричным.

- Ладно... это выяснили. Момент второй и главный. Вот было сказано, "в мальчике что-то сломалось, что-то его начало раздражать", и напрашивается единственный вопрос - что его раздражает, что в нем сломалось?

- Видите ли, рано или поздно настает время, когда мальчика стесняет, убивает его положение мальчика, робко прячущегося за чьей-то спиной и не могущего ничего создать. Ему хочется стать сильным, крепким, хочется вырваться из своей оболочки. Это желание шевельнется почти у всех, проявится далеко не у всех, а сбудется лишь у некоторых. Так и плетутся вечные мальчики сами не знают куда. Мне в один прекрасный миг опротивело. Я решил себя почувствовать. И ушел... и не жалею.

- Так, теперь ясность абсолютная, - воскликнул Селиванов. - Что сказать? Я полностью согласен с принципиальным подходом, мне понятно желание, как вы выразились, почувствовать себя, добиться успеха в жизни, быть личностью в самом высоком и гордом значении слова. Однако из этого важнейшего, необходимого, как воздух, для каждого человека убеждения, вы сделали неправильный практический вывод. Зачем понадобилось бежать от всех подальше, бросать учебу, к которой, похоже, был интерес? Во имя чего? Разрушив старые психологические устои, вы не создали новых. Вы поломали прежнюю жизнь, поломали просто так, потому что сдали нервы, и не знаете, что сейчас делать. Любая ломка не является самоцелью, она производится, чтобы расчистить место для нового

строительства. Вы разломали, а что строить неизвестно. В конце концов, не для того вы столько лет учились, чтобы выдавать отдыхающим лодки и инструктировать их, куда можно заплывать, а куда нельзя.

- Всякая работа важна и нужна.

- Полностью согласен. Я бы еще, правда, добавил, что всякую работу надо делать как следует. И если вы скажете, что эта работа вас больше удовлетворяет, чем прежнее занятие, я подниму руки кверху. Но вы не скажете этого.

- Почему вы так решили?

- Я достаточно внимательно слушал ваш рассказ и старался уловить интонации. Только и всего. Итак, я прав или не прав?

- Правы. Но это ничего не меняет. Да, положение мое странное. Одно греет: нашел я все-таки силы повернуться в другую сторону, повернуться резко, смело. Неудовлетворенность пройдет, она ведь из-за быстрой смены обстановки, новых впечатлений.

- Эдвард, скажите честно. Если бы вам сейчас предложили продолжить штудировать иностранные языки, вы бы отказались?

- Чудес не бывает. Кто предложит? Добрый волшебник?

- Значит, это было б чудом и долго уговаривать не пришлось бы.

- Не пришлось бы.

- Видите... Мой вам совет: уезжайте домой, к папе с мамой, займитесь своим делом, займитесь серьезно, выдвиньте перед собой цель - это главное, на остальное не обращайте особого внимания, не бросайтесь из угла в угол.

- Исключено, - отрезал Эдик.

- Что именно исключено?

- Все... Вернуться домой после... Нет, невозможно. Должна же быть гордость.

- Гордость заключается в том, чтобы добиться успеха в жизни. Гордость в чистом виде я не признаю, вернее, различаю гордость полезную, способствующую работе по достижению цели, и вредную, препятствующую этой работе. Далее. Родители, безусловно, примут вас без упреков. Вы, кстати, единственный ребенок в семье?

- Да.

- Тем более. Если вы возвратитесь, чем помешают родители? Ничем. Могут ли помочь? Конечно. Поймите меня правильно. Речь идет не о протекции, а о хороших условиях для работы, лучше которых в настоящий момент вам нигде не предоставят. Не использовать такой шанс - просто тупость. Иное дело, когда помощи и соответствующих условий нет. Так было поначалу в моей жизни. Отец погиб на войне. Мать осталась с двумя детьми на руках. Жили скудно, тяжело, экономили на всем. После войны пошел в школу,

окончил ее с одними пятерками. Мать настаивала, чтобы я продолжил учение, а я хотел устроиться на работу, материально укрепиться, встать на ноги. Мы долго с ней спорили, в итоге выбрали компромиссный вариант. Я поступил в институт и одновременно работал на заводе. Вот какая у меня исходная позиция. Иногда мне кажется, если бы исходная позиция была другой, более благоприятной, я бы тоже был другим, вялым, дряблым, без хватки и умения, без страстного желания суметь и достигнуть. Ведь характер не формируется сам по себе, его выковывает жизнь. Убедил я вас?

- В чем?

- Хотя бы в том, что исходные позиции у всех различные, это нормально, и нет ничего зазорного в том, что позиция у вас надежнее, чем у кого-то, впрочем, если бы она была хуже, чем у кого-то, и поэтому надо немедля ехать домой.

- И опять попасть в прихлебаи.

- Что же особенного. В конце концов, сразу сильными не становятся. Постепенность нужна.

- Блестящее кредо.

- Здорово, мужики, - раздался голос позади.

В раскрытом окне красовалась одутловатая передняя часть головы, именуемая еще, применительно к другим людям, лицом. Голова принадлежала Михалычу - хранителю ворот санатория. Михалыч славился большим демократизмом: пропусков и курортных книжек он никогда не спрашивал, посторонние могли запросто проходить на территорию, гулять где угодно и даже брать на память полюбившиеся им вещички. Последнее, как правило, провоцировало скандалы. Михалыча взгревали, но от служебных обязанностей не освобождали, полагая, что ошибки он допускает не по злому умыслу, а по природному пристрастию к проклятому зелью.

- Здравствуйте, - мягко сказал Селиванов.

- Никитич куда делся? - выпалил стражник.

- На пляж пошел купаться. Сейчас уж должен прийти. Подождите немного.

Эдвард демонстративно стоял спиной.

- Не могу. Я же на дежурстве. Эдик, тебя начальник пляжа разыскивал.

- Когда?

- Полчаса назад (нецензурное выражение). Где, грит, Эдик, если встретишь, грит (нецензурное выражение), передай, чтоб срочно на пляж (нецензурное выражение). Испортилось чего-то (нецензурное выражение).

- Опять... Сколько можно.

- Тельфер для лодок чинить.

- Я ему втолковывал, что тельфер надо как следует отремонтировать. Раз я подправил, второй раз, третий, хотя вообще- то это электриков работа, а не моя, но все время так продолжаться не может. Надо капитально отремонтировать и освободиться от этой возни. Он ищет меня после работы вместо того, чтобы насесть на кого следует и сделать, Но ничего... Сейчас пойду исправлю... в последний раз. Потом пусть как умеет, так и выкручивается. Извините. Надеюсь, мы еще сыграем.

Эдвард прислонил кий к стене и умчался. Михалыч почапал за ним следом, предварительно стрельнув у Селиванова сигаретку. Федор Алексеевич остался стеречь имущество. Он присел на стул, вытянул ноги и принялся пускать дым колечками. "Чудной мальчишка Эдик. Как он сказал... Блестящее кредо," - вспомнил Федор Алексеевич. Кредо... Это слово всегда гипнотизировало. Когда-то, еще в пору аспирантства довелось ему присутствовать на встрече с молодым, тогда еще только входившим в моду художником.

Далекая от искусства аудитория сперва скучала. Но стоило художнику приступить к рьяной критике Пикассо, французских импрессионистов и прочих знаменитостей, публика очнулась. Завязалась перепалка. Защитники Пикассо встали стеной. Еще бы... Охаивать такой авторитет. Температура в зале стремительно поднялась. Страсти кипели. Аспирант Федя Селиванов пристально глядел на неистового живописца и чувствовал, что тому абсолютно наплевать и на основоположника кубизма, и на импрессионистов. Просто, чтобы создать впечатление, нужно было кредо, и не такое как у большинства, серенькое, прилизанное, согласованное, а свое собственное, особое, яркое. Открытие поразило Федора Алексеевича. Неважно ругать или славить, соглашаться или оспаривать, главное - звучать, главное - не повторяться, иметь сочно окрашенное мнение. Тогда возникает ореол, представление. Тогда ты фигура. Первым экспериментальным подтверждением нечаянно сделанного открытия стала племянница профессора Щетинина, тихая, скромная Люба, будущая жена Селиванова. Он сумел внушить исключительность. В два часа ночи оригинал Феденька мог вскочить с узенькой девичьей кроватки, прекратив бурно ласкать подругу Любушку, включить лампу на столе и конспектировать толстые умные книги по физике. Он мог в Новый год заканчивать главу диссертации, не отмечать день рождения якобы из-за срочности задания шефа, ночами без шибкой надобности торчать в лаборатории, вечерами вместо спектакля печатать никому не нужный материал. Романтичная девушка прониклась духом высокой преданности науке и, сломав упорное сопротивление родителей, вышла замуж за безродного

бескопеечного, бес прописочного, подающего надежды фанатика. С того момента тонко оформленное кредо многократно помогало его творцу. Патент приносил большие дивиденды.

Иван Никитич не появлялся. Селиванов совсем замаялся. Видно, из-за сказочной погоды даже самые сознательные игроки устроили бойкот. Одиночество убило Федора Алексеевича. Он уже собрался нарушить союзнические обязательства и самовольно покинуть пост, как вдруг оказался в компании симпатичной женщины, бесшумно вошедшей в бильярдную.

- Добрый день, - сказала она.

- Добрый день, - сказал он.

- Меня зовут Наташа. Я хотела бы немножко поиграть. Правда, заранее предупреждаю, что я плохо играю, только несколько дней назад научилась.

- К сожалению, я должен идти.

- Послушайте, это не по-джентельменски. Дама просит, а вы словно ее не замечаете.

- Если дама просит, дело другое. Расставляйте шары, берите треугольник, выбирайте кий - работайте. И давайте договоримся действовать в высоком темпе, не растягивать удовольствие.

- Приказ ясен, товарищ начальник.

Она довольно быстро расставила пирамиду. Селиванов разбил ее. По первому удару соперницы он определил, что мадам к профессионалам не относится, посему нуждается в инструкциях.

- Решительней. Левой рукой получше упритесь, не нервничайте, никто за вами не гонится.

- У вас всегда такой командирский тон?

- Не всегда.

- Выходит, у вас ко мне особое отношение.

- Вот это как раз не выходит. Просто я тороплюсь и стремлюсь чуть-чуть поторопить вас. Я обещал позвонить домой.

- Звонок срочный, отложить нельзя?

- Наташа, вы мне положительно нравитесь своей хваткой. Вы наступаете без малейшего промедления и замешательства. Ха-ха. Спешу обрадовать, звонок несрочный: скажу жене, что жив-здоров, погода не подводит, узнаю, что дома происходит и все.

- Но тогда можно позвонить в любое время.

- В любое время не получится. Я обещал. Не позвоню, будут волнения, зачем это надо?

- Вы уверены, что волнения будут?

- Будут.

- Господи, мой бы муж уехал куда-нибудь, хоть на неделю, я волноваться бы не стала.

- В каждой семье-свои традиции, своеобразно отличающиеся друг от друга, ничего не попишешь.

- Какое там своеобразие! Существуют люди под одной крышей, вместе ведут хозяйство. Некоторые, в конце концов, разводятся, другие покорно тянут лямку. Что вы усмехаетесь?

- Кто сказал, что я усмехаюсь?

"Чего она добивается? - растерянно соображал Федор Алексеевич. - Странная особа."

- Вижу.

- Ха-ха-ха. Наташа, вы молодец. Но, честно говоря, мне кажется, вы слишком смело обобщаете.

- Смело... Я как-то на досуге сделала подсчет. Из двенадцати знакомых моего возраста семеро разводились.

-А я, например, не разводился, и у меня сплошное и полное хорошо, как говорится, и дома, и на работе.

- Выходит, вы счастливый человек.

- Я четкий человек. Что еле-еле прикасаетесь? Сильнее... Вот это настоящий удар, со смыслом.

- Удары, оказывается, тоже бывают со смыслом.

- А как же.

- Бильярд - целая наука.

- Конечно. В каждом явлении надо разбираться, уметь, знать иначе... как в песне поется, нам удачи не видать. С бильярдом в этом отношении легче. Если вечеров пять не пожалеете потратить, то на среднем уровне научитесь играть обязательно. Говорю вполне ответственно.

- Вы то усложняете, то упрощаете. Вообще я не встречала людей, которые говорили, что у них "сплошное хорошо". Разве у полнокровного человека может быть "полное хорошо?"

- Почему нет? Вы ошибаетесь, ищете, натыкаетесь на трудности, но в то же время двигаетесь в заданном направлении и потому вам хорошо. Поменьше эмоций, побольше рассудительности, ума. Вашему вредному пессимизму я противопоставляю здоровый оптимизм. В качестве примера возьму себя.

- О, это, наверное, очень интересно.

- Не знаю. Возможно. Итак, о моей семейной жизни. Вопрос: что в моей семейной жизни является главным? Ответ: главным является то, что за достаточно большой период времени я с женой ни разу по-крупному не ссорился, тем самым было обеспечено спокойствие, уверенность и нормальное самочувствие.

- Как вам это удалось? - с выражением произнесла Наташа.

- Вот так. Сумел я. Прежде всего потому, что я думал, размышлял. На различные мелочи смотрел сквозь пальцы, никогда не делал из мухи слона, не заводился по пустякам.

В крупных вещах проявлял терпение, не торопился, никогда не

разжигал искусственно противоречий, навсегда старался их потушить, залить ледяной водой, суть в том, что я шаг за шагом подталкивал жену к правильному пониманию, схватыванию многих вопросов, пока она, наконец, освоила окончательно это правильное понимание.

Селиванов поставил левую ногу на стул, расположил под углом сорок пять градусов к полу кий, приняв вид важный и даже грозный.

- Послушайте... Но это же ужасно, - заверещала Наташа. - Нельзя сводить живое существо к счетно-решающей машине. Ведь есть желания, страсти, переживания, любовь, ненависть. Вы хотите запрограммировать каждое действие. С ума сойти. Если долго копаться в себе, морочить себя самоанализом можно так закопаться, что потом трудно будет вернуться назад. - Она покрутила пальцем у виска.

- Согласен. С одной - единственной поправкой - давайте сразу разграничим анализ и самоанализ как понятия принципиально разные, которые вы, кстати, смешали. Самоанализ - штука вредная и не потому, что, как вы утверждаете, надо беречь голову от лишних нагрузок. У людей, в большей степени подверженных самоанализу, образно выражаясь, погруженных в самих себя, обычно наблюдается пониженная практическая активность. Они много рассуждают над своими поступками, следят за нюансами душевного состояния, то есть они углубляются в себя в то время, когда необходимо изучать окружающий мир и его внутренние зависимости и себя как частицу этого мира. Для этого существует анализ. Почему именно так? Потому что человек обязан быть деятелем, преобразователем, практиком и еще раз практиком, чтобы им быть, надо знать окружающий мир. Переросший определенные рамки самоанализ, как правило... не всегда... но как правило, снижает практическую продуктивность. Отсюда он вреден. Вреден не любой самоанализ, а лишь переросший определенные рамки. Какие именно рамки? Рамки, определяющие самоанализ как средство от самоанализа как цели. Если человек разбирает собственные поступки и переживания с тем, чтобы, лучше познав самого себя, повысить тем самым практическую полезность, это самоанализ как средство, он нужен, и я за этот самоанализ. Но если разбор собственного поведения происходит просто так, потому что человек привык так делать, не преследуя никаких целей, то этот самоанализ - потеря времени и пустая трата сил. Это что касается самоанализа. Перейдем теперь к анализу.

- Не перейдем. Я сдаюсь. Давайте поболтаем о другом, о веселеньком, интересном. Что мы все, как на собрании, - сказала Наташа и подумала: "Умный мужчина. Любопытно, какой он в постели".

- Нет уж, дайте-ка я договорю, - сказал Селиванов и подумал: "Кажется, я подавил ее. Великое дело кредо". - Иначе обо мне сложится неправильное впечатление. Это ведь ужасно обидно быть неправильно понятым. Вот вы, например. Взяли и обозвали меня счетно-решающей машиной. Почему? Оказывается потому, что у меня нет страстей и переживаний, есть только эдакий рассудочный аппарат, который высчитывает, что стоит делать, что не стоит. Далее вы утверждаете, что так жить нельзя, так жить противоестественно. Вот и выходит, что вы совсем не поняли, о чем я битый час толковал. Человек не машина, он обязан иметь чувства, и чем красивее и утонченнее они будут, тем лучше. Без чувств человек превращается в дубину, неодушевленный предмет.

Наташе начало надоедать общение. Тяжеловесные идейные конструкции давили на психику. Федор Алексеевич же все больше самовоспламенялся, упиваясь широтой полета своей буйной мысли.

- Чувства неизменно должны управляться разумом. В этом весь фокус. Рациональное начало должно превалировать над биологическим началом.

- Послушайте, - не выдержала Наташа, - ваш практицизм потрясает. Для вас и жена, наверное, единица в штатном расписании.

- Между прочим, вы недалеко ушли от истины. В какой-то степени для супружества характерна проблема правильной расстановки кадров. Вы подыскиваете на определенную работу человека, который бы справился, по вашему мнению, с возложенными функциями. Что касается жены, то ее функции своеобразны, все их определяют по-разному. Вот и я попытался сперва их определить, а потом найти, так сказать, соответствующую кандидатуру.

- О боже... Вам не скучно жить?

- По моему виду это можно заподозрить?

- Вид у вас не скучающий. Но бесконечно решать какие-то вопросы, искать разные кандидатуры...

- Зачем мне искать кандидатуры. Кандидатура жены давно найдена, данной проблемы для меня не существует. Она решена.

- А если вы встретите женщину и полюбите ее?

- Вариант исключается. Моя жизнь устоялась, она развивается в ритме и направлении, которые меня вполне удовлетворяют. Кардинально что-то менять я не хочу. Глупо рубить сук, на котором сидишь, причем неизвестно ради чего.

- Послушайте, это же мещанство.

- Никакое не мещанство. Мещанство есть самодовольство, мелкие интересики, психология типа "урвать побольше и удрать". Я же доволен своим образом жизни, дорогой, по которой шагаю, но

считаю, что отрезок, который я прошагал, еще мал. Я не доволен этим отрезком и надо еще идти вперед.

- А любовь? Вы верите в любовь?

- Безусловно, верю.

- Но как можно любить с рассудком? Рассудок - это расчет. Где есть расчет, там нет любви.

- Расчет расчету рознь. Обычно под расчетом подразумевают наличие того обстоятельства, что одна из сторон хочет извлечь материальные выгоды из связи с другой стороной. Такой расчет порицается, и это, действительно, общепризнанно.

- Вы тоже порицаете?

- Естественно.

- Как же так? Здесь тоже работает в первую очередь голова.

- Голова работала у Эйнштейна, и голова работает у младшего научного сотрудника, который за двадцать лет не способен защитить кандидатскую диссертацию, у обоих работают головы, но по- разному. Дело в том, что материальные выгоды чаще всего сиюминутны, а ставка исключительно на них недальновидна. Мой расчет - расчет дальновидный, необходимый, помогающий жить и отнюдь не корыстный. Конечно, полностью материальный вопрос отбрасывать нельзя, его надо учитывать, но как одно из звеньев в цепочке, не больше.

- Выходит, материальная сторона все-таки имеет значение?

- Безусловно. Супружеские отношения являются в первую очередь отношениями имущественными, - приказным тоном объявил Селиванов. - Ставя подписи в ЗАГСе, люди расписываются во взаимных обязательствах поддерживать друг друга и до определенного возраста детей. Непонимание главного значения, первичности материального аспекта супружеских отношений ведет к очень отрицательным последствиям. Многие, особенно в молодости, считают, что брак - только, так сказать, духовный союз и, естественно, ошибаются, а от ошибочных убеждений до ошибочных действий дистанция небольшая.

- Неясно. То говорите, что материальная сторона вас не интересует, теперь доказываете, что материальная сторона самая важная.

- Вы опять смешали различные вещи. Когда я говорил, что материальная сторона главная, я пытался объяснить сущность семейных отношений. Когда же я говорил о своем расчете, то имел в виду принципы взаимоотношений, на которых должна строиться семья, подчеркиваю, принципы. Здесь полезно сравнить с экипажем космического корабля, состоящим из двух человек, задача которых - выполнение предписанного объема работ, и не только задача, но и смысл существования экипажа вообще. Вне своей деятельности

экипаж никому не нужен. С другой стороны, чтобы двое людей успешно трудились в течение длительного времени, необходимы взаимопонимание, взаимоуважение, взаимодополняемость личных качеств и так далее, то есть нужна психологическая совместимость. Это основа взаимоотношений между космонавтами, равно как и между супругами. Теперь ясна разница?

- Между чем и чем?

Между сутью семейных отношений и принципами взаимоотношений участников этих отношений.

- Послушайте, как можно в одной фразе три раза повторить слово "отношения", - уела Наташа.

Селиванов не успел дать фундированное объяснение. На процесс речеизлияния резко отрицательно повлияло проникновение в помещение коренастого молодого мужичка с уже лысеющим черепом и тупым подбородком. Третий-лишний смотрел невесело и неласково.

- Здравствуйте, - сказал он.
- Здравствуйте, - кивнул Федор Алексеевич.
- Наталья, ты собираешься на ужин или нет?

"Муж", - поставил диагноз Селиванов.

- Собираюсь.
- Тогда пошли. Еще билеты в кино надо взять.
- Я в кино, наверное, не пойду. Я смотрела этот фильм.
- Ладно, пошли, потом разберемся.
- Извините, пойду, - нарочито громко обратилась Наташа к сопернику. Соперник в тот момент решил выступить в роли простачка.
- Что ж это, жена в бильярдной, а супруг нет. Непорядок.
- Не умею.
- Приходите, научитесь.
- Спасибо, до свидания.

Счастливая чета ушла. Вскоре тронулся и Селиванов, не дождавшись Никитича. Он был раздосадован. Игра не сложилась, любовь тоже, проповеди не принесли удовлетворения, должностное лицо купается в рабочее время и заставляет курортников дежурить на своем месте. Сплошное безобразие.

Федор Алексеевич притаился на скамейке в парке, наслаждаясь радостью ожидания. Радость, правда, сочеталась с легким переживаньицем. Все-таки авантюра, точнее авантюрка, кадрить бабенцию на курорте, когда та отдыхает с мужем - типом мрачным и, судя по поведению, суровым. Но авантюры были Селиванову знакомы и, сказать прямо, страстно любимы им. Конечно, без

глупостей, без детства, с мозгами и расчетом. Тем более здесь дело- то мелкое, любовные игрушки на морском побережье, невинные шалости, ерундовина. В конце концов, время хочется убить, в компании с Наташей убивать веселее. Только вот где она? Уже на четверть часа опаздывает. Какая наглость! Непунктуальность его всегда бесила. Ведь непунктуальность - двоюродная сестра бестолковости, которую Федор Алексеевич презирал более всего на свете. С бестолковых ничего не выжмешь, ни единой капельки сока, следовательно, зачем они нужны? Несолидная, второсортная публика. Наоборот, шустрик много может дать, независимо от того, кто он, дворник или профессор. Эта истина усвоена четко. Есть глупыши, которые предпочитают общаться "по чину", пренебрежительно не замечая нижестоящих. Не таков Селиванов. Его широкая душа вмещала и продавца обувного магазина, и академика, и шофера, и директора завода. Любому найдется место, лишь бы тот любой оказался полезным. Иметь сто полезных друзей- значит иметь сто рублей (если откровенно, то не сто, а гораздо больше).

Наташа прибыла тогда, когда ее поклонника покидали последние нервы. Однако, учитывая зародышевую стадию отношений, он воздержался от выговоров и предупреждений и даже сумел натянуть на физиономию резиновую улыбку. Кавалер предоставил даме руку, и они направились на прогулку. Дабы не натолкнуться на любопытные глаза каких-либо знакомых, был избран хитрейший, малоизвестный широким массам отдыхающих маршрут. Осторожный Федор Алексеевич осведомился у Наташи о местонахождении мужа. (На всякий случай, как говорится, во избежание.) Муж, согласно ее версии, торчал в кино. "Сегодня две серии. Прекрасно", - сообразил Селиванов. Он вспомнил московские варианты, аналогичные прикидки, старинную подружку Надю, к которой регулярно захаживал на рюмку чая в отсутствие супруга, естественно. Надя жила около его института. Собственно сам факт ее появления на горизонте тесно связан с этим обстоятельством. Перейдя на новую работу, Селиванов сразу задался целью завести в окрестностях явочную квартиру с интеллигентной хозяйкой милой внешности, желательно одинокую и обязательно днем сидящую дома. Как приятно вместо общепитовского борща вкушать борщец домашний, с мясцом и полносочной капусткой, потом послушать музычку, расслабиться ну, и телу, безусловно, дать поразмяться, опять же поспать. После долгих поисков он раскопал Надю. Надя идеально годилась на роль - красивая, по профессии искусствовед, постоянно дома, готовит хорошо. Единственное "но" - замужняя. Правда, мужичок часто ездил в командировки. По сумме параметров

вполне подходяще. В час Федор Алексеевич исчезал со службы и бежал в башню напротив, где обычно торчал до трех-четырех. О благоприятности ситуации красноречиво свидетельствовала автостоянка, если асфальтированный пятачок язык повернется назвать стоянкой.

Сигнальная система функционировала следующим образом. Видишь "Жигуленок" серебристого нетипового цвета, значит муж или в командировке, или болен. Здесь надо выяснять, звонить. Не видишь - иди смело...

Наташа слушала монологи-проповеди с нескрываемым интересом. Актер возбуждался от этого сильнее и сильнее (Ничто так не вдохновляет, как восторженное внимание публики). Тем более, где можно пофилософствовать всласть? Лишь на отдыхе, в компании не знакомых, не связанных с тобой по службе людей. С коллегами, особенно с начальством, Федор Алексеевич предпочитал не спорить на вольные темы. Мало ли... Сложится определенное мнение, неправильно оценят, потекут кривотолки и сплетни. На работе он не выпячивался, принял защитный серый цвет и затих. На досуге уместно и потрепаться, посрывать аплодисменты, поднабрать очки. Аплодисменты и очки! Как любил он их! Аплодисменты не ради аплодисментов, аплодисменты, ради репутации, "ради новых побед".

"Мудрый мальчик, посодействуем", - сказал давным-давно дядя жены при первой встрече, хлопая по плечу. То был чрезвычайно нужный хлопок. Потом за ним следовали другие: "Талантливый ученый, способный организатор", "молодой кандидат наук", "молодой доктор". Он трудился день и ночь. Не постигал что-то головой, брал энергией, въедливостью, и непременно благодарил и кланялся, покорно поджимал ноги, даже по просьбе уборщицы, когда та мыла под столом (уборщицы почему-то всегда норовят трудиться в присутствии публики, обязательно шмякая шваброй по ботинкам, переворачивая перед носом стулья и грозно выкрикивая: "По мокрому не ходить!"). Гигантские усилия не были напрасными, как не было напрасным все то, что он делал. Нынешний период характеризовался устойчивостью, спокойствием, комфортом. Нет, не расслаблением, а именно комфортом, материальным и психологическим. Одно иногда расстраивало, подвывало где-то там, на дне души: поскупился в свое время на детей. В молодости Федор Алексеевич считал, что дети - самый невыгодный бизнес. Сплошные расходы, ноль навара. Сколько нервов, трудностей. После рождения

сына решил твердо: с пеленками навечно завязать. Сейчас жалел. Конечно, дети - бизнес нелегкий, но, черт побери, выгодный, при умной, то есть, селивановской, постановке. Сын уже плодоносит, он опора, реальная поддержка. А если сыновей или дочерей (пол не важен), пятеро! Тогда это клан, тогда прибыль утраивается, упятеряется плюс эффект взаимовыручки. Запустив команду на орбиту, он бы мог только дергать за нитки подсчитывать дивиденды. Увы, упущенное не наверстаешь. Заводить дополнительное потомство в сорок пять явно не резон. Пятнадцать-двадцать лет минимум пробежит, пока появится серьезная отдача. Да и силы уже не те, энтузиазм не тот. Посещала порой Федора Алексеевича экстремистская идея взять ребенка из детского дома, но практического выхода она пока не имела. Что-то внутри тормозило, что-то внутри не позволяло.

За разговорами они углубились в места, куда нога человека ступала не особенно часто и с большой осторожностью. Быстро, неожиданно упала темень, словно шторы задернули. Где-то рядом находилась беседка, по замыслу Селиванова, конечный пункт путешествия. Осталось вычислить ее и устроить привал, может ночлег. Романтическая ночь на свежем воздухе в лесу, с незнакомкой. Он предвкушал сто крупных и мелких удовольствий.

Ой, да она же с мужем", - вспомнил Селиванов и с прискорбием похоронил мысль о ночлеге. Он стал обмозговывать варианты. В сущности, вариантов насчитывалось два. Насчитывалось два, а выпал третий, непредвиденный.

Темноту рассек луч фонарика. Послышалась отборная подъездно-площадная, отнюдь не салонная, матерщина. Парочку гуляющих обступили четыре фигуры: две квадратные, одна прямоугольная и одна какая-то бесформенная, несуразная. Лучик нагло скользил по путешественникам. Федор Алексеевич моментально сообразил: дело дрянь, вляпался. В подобных ситуациях надежды на интеллигентное обращение наивны.

- Закурить, мужик, нету? - спросила бесформенная фигура.

Кто-то сзади легонько толкнул в спину Селиванова. В ту же секунду пискнула Наташа под дружный конский гогот желающих закурить.

- Сигарет, к сожалению, нет, но достать их можно, - мягко, душевно, вкрадчиво сказал Селиванов. Таким тоном он обычно говаривал с большим начальством. - Сейчас бы выпить, ребятки. Но где взять? Вечная проблема. Деньги есть, а выпить нечего и не с кем.

Федора Алексеевича больно пнули. "Бараны, - подумал он. -

Стукнуть бы их как следует или ремешками с солдатскими пряжечками поучить, чтоб до крови, до мяса". Он бы даже повесил их вниз головой, не колеблясь, но...

- Седой, кончай перебирать ножками, - тявкнул бесформенный. - Клиент прогнуться хочет.

- Да, было бы неплохо, - пробормотал Федор Алексеевич. - Деньжата есть, водки нет... Если вы купите... замечательно. Я деньги принесу, вы уж там сами. Хе-хе. Мне смотаться две минуты. Раз и готово.

- Куда смотаться? - перебил несуразный.

- В санаторий. Мы же из санатория, из Москвы приехали, из столицы, значит. Приезжайте к нам в гости. Я на Юго-Западной живу. Под домом бар и магазин... Хе-хе... Очень удобно. Трезвым ни в жизнь не останешься. Хе-хе...

Вскоре Селиванов, обезумевший, счастливый, потный от волнения, летел горным орлом назад, в корпус. Его отпустили за обещанными финансами, оставив под залог Наташу. Возвращаться с кровными к этой сволоте он не собирался. Дело было, конечно, не в деньгах. В итоге Федор Алексеевич с легкостью выбросил бы сотню и еще сотню ради сохранения здоровья и спокойствия (потеря трудоспособности обойдется дороже). Но кто гарантирует галантное отношение к нему со стороны хулиганья даже после вручения откупных? Деньги захапают и вдобавок наваляют. Не вернуться - означало поставить под удар Наташу. Что они с ней сделают? Впрочем, вполне могут что-то сделать и до его прихода, и во время оного. Опять же где гарантии? В конце концов, размышлял Федор Алексеевич, что уж такого ей сделают? Убьют? Вряд ли. Нет смысла. Судя по всему, они не маньяки. Изнасилуют? Более вероятно. Ничего, баба взрослая, выдержит, не развалится. Изобьют? Не исключено. Поболеет, выздоровеет. В общем, в любом случае его возвращение - дополнительная жертва, притом бессмысленная. Наташе вряд ли поможешь, себя явно подрубишь. Привести милицию? Глупо. Шум, гам, тарарам, свидетели, протоколы, уголовщина. Потом шайка отомстит, из-под земли найдет, из теплой койки на даче вытащит. Нет, надо немедленно уехать, сейчас же. Кинуть вещи в чемодан и к тетке в Ялту на первой попутке. Если вовремя не сбежать и не явиться с деньгами, тогда точно не сдобровать. Если что-нибудь стрясется с Наташей, завтра же будут разбираться. Муж подымет всех святых. Кто с ней был, кто видел? Не дай бог. Докажи, что ты не рыжий. Нет, руки в ноги и... отставить сопли.

В комнату он заскочил как угорелый. Барахлишко упаковал с

шустротой, завидной для армейских командиров. Горничной пробубнил что-то о тяжелей болезни жены, сунул ей пятерку (уже в дороге пожалел: вполне можно было ограничится трешкой) и испарился. Втянув голову в плечи, крадучись, изогнувшись в три погибели, выбрался окольными путями на шоссе. Кажется, никто не заметил. Повезло, успел до окончания фильма. Иначе пришлось бы объяснять знакомым мотивы срочного убытия (он завел здесь массу знакомств, в том числе весьма полезных. Балбесы приезжают на отдых только жарить пузо и торчать в море, умные типа Селиванова еще и связи налаживают).

На рынке транспортных услуг он скоро разобрался. Стоило намекнуть таксисту, который якобы уже закончил работу, на двойную ставку, как торг прекратился. Сама судьба со скоростью восемьдесят километров в час несла Селиванова в Ялту, на перевалочную базу, к тете.

Заместитель директора извлек из кармана жилетки массивные золотые часы, каковые производили очень давно, еще когда об экономии драгоценного металла не задумывались. Половина третьего. Еще рано. Щетинин обещал появиться в институте в три. Маэстро уезжал на неделю в Италию, где ему присудили очередную премию очередного научного общества. Прилетел он вчера. Стало быть, сегодня Селиванов как любимый зам должен первым приложиться к ручке после недолгой, но тяжкой разлуки коллектива с руководителем.

Против ожиданий Щетинин позвонил сам и попросил немедленно зайти. Определенные нотки в голосе указывали на деловой характер предстоящей беседы. Федор Алексеевич ринулся охотничьей собакой к шефу. Тот встретил нежно и сердечно. Селиванов с порога выразил уверения в беспредельном уважении ученых к корифею, чей весомый вклад в науку отмечен еще одной премией.

- Эта премия - чистая символика, - остудил Щетинин пыл величающего. - На Западе любят образовывать всяческие ассоциации. Пенсионеры, домохозяйки, студенты - все создают ассоциации. И непременно учреждают медали, премии. Своеобразная форма удовлетворения тщеславия: мы-де не простые, мы награждаем. Мы важная организация.

"Конечно, с твоими регалиями это трын-трава," - подумал Селиванов, а вслух сказал:

- Но данное общество имеет солидную репутацию.

- Данное имеет. Однако сейчас мне хотелось бы поговорить о другом. Вы настроены на серьезный лад?

Последний вопрос всегда задавался Щетининым перед большими делами. Селиванов как фигура приближенная не раз слышал его и отвечал обычно что-нибудь типа "так точно", "да", "конечно".

- Конечно.

- Хорошо. Итак, Федя, я заболел.

"Неужто на пенсию засобирался", - обрадовался в душе зам, но глубоко спрятал радость под маской серьезной озабоченности:

- Опять сердце?

- Хуже. Помните я рассказывал об экспериментах в институте физиологии?

- Помню. Многообещающие эксперименты.

- Именно, - воскликнул директор, - Так вот я заболел идеей начать подобные эксперименты у нас. Физиологи будут гоняться за своим, мы за своим. Я долго носил эту идею. Теперь, мне кажется, пора ее осуществлять.

"Тьфу ты, называется заболел. Шутник чертов," ругнулся про себя подчиненный.

- Если я не ошибаюсь, аналогичные попытки в институте были?

- Были, - нахмурился Щетинин. - Пятнадцать лет назад. Прекратились из-за непонимания некоторых администраторов. Я не сумел тогда отстоять. Впрочем, объективности ради заметим, что нас ожидал провал. Мы располагали слабенькой аппаратурой, скудными знаниями.

Маэстро углубился в детали.

Федор Алексеевич оформил мину трепетного внимания. Идея ему положительно нравилась. Вообще он любил все идеи, которые приносили пользу безотносительно их правильности. Каковы ставки - вот главный вопрос для игрока. Какова конъюнктура - тоже очень важно! Надо опровергать закон всемирного тяготения (Ньютон резко упал в цене), опровергнем, заорем: "Жулик! Столько лет мозги пудрил! Яблоко, видите ли, ему на башку свалилось. Жаль, что не арбуз". Надо хвалить закон всемирного тяготения (Ньютон подскочил в цене), похвалим, заскандируем: "Мо-ло-дец, Исаак! Скольким на голову яблочко падало и ничего. Тебе упало и враз гениальное открытие. Потрясающе". Есть, конечно, глупцы, привыкшие спорить, конфликтовать, доказывать, что тот метод порочный, а этот замечательный, то предложение пахнет нафталином, а это свежо и оригинально. И ведь доводят друг друга, бараны, в инсульты вгоняют, в инфаркты. Сколько могил на кладбищах от этой возни! Нет бы объединиться, сказать: и так хорошо, и сяк хорошо, да совместными усилиями эксплуатировать жилу.

Новая задумка Щетинина особенно пришлась по душе Федору Алексеевичу. Почему? Во-первых, потому что это задумка

начальника. Во-вторых, присутствует масштаб. В-третьих, возможны сочные плоды. Не будет плодов, звон по крайней мере обеспечен: мол, штурмуем передовые рубежи, а результаты, мол, не сразу, не торопитесь, товарищи из инстанций. Короче, стоит посуетиться.

- Задача ясна, - выслушав, отчеканил Селиванов. - Что теперь предпринять.

- Тебе ясна. Мне не очень. Хотя первый шаг виден невооруженным глазом: надо провести пробные эксперименты, хорошо их предварительно подготовить. Провести совместно с Институтом физиологии. От пробы много зависит. На нее я буду ссылаться при дальнейшем пробивании. Лохова уже известил, он заинтересовался. С ним я всегда договорюсь.

"Конечно, своя рука - владыка", - с некоторым волнением оценил Федор Алексеевич последние фразы шефа. Он всегда ощущал волнение, когда Щетинин всуе называл фамилии, от одного звучания которых ему лично хотелось встать и отдать честь.

- ... Завтра же выходи на НИИ физиологии. Там есть замдиректора Ляновский. Но он, как говорится, постольку — поскольку. Ведет тематику там Янушева Наталья Георгиевна, старший научный сотрудник. Точнее не ведет, но больше других соображает. Кстати, именно она заразила меня фантастическими планами.

- Вы ее знаете лично?

- Да и достаточно близко. Ты разве не встречал ее у меня дома?

- К сожалению, нет. Только слышал.

- Вот и познакомишься. Редчайшая женщина. Молодая, обаятельная, тонкая, невероятно трудолюбивая - все при ней. И далеко не синий чулок. Ждать не умеет, сутками работает... по- настоящему. А у нас в шесть вечера пустое здание. Ученые превратились в чиновников. От звонка до звонка. Я в свое время ночевал в лаборатории на раскладушке.

"Зато теперь король", - прокатилось в селивановском мозгу, а в эфир пошло туманно-дипломатическое:

В настоящее время вряд ли есть необходимость в экстремальности. Институт в целом справляется.

- Федя, меня не переубедишь. Запал не тот, вот беда. Слишком много развелось типчиков, думающих лишь о том, чтобы нарезаемый им кусочек пирога был покрупнее и пожирнее, Янушева мне нравится еще потому, что преобладает в ней не коммерческое начало, а душевное.

"Когда все есть, можно и о душе поразмышлять. Сначала бытие, потом уж сознание", - прикинул про себя Федор Алексеевич.

- ...Если бы моя дочь была похожа на Наталью Георгиевну, я бы носил ее на руках, - тихо произнес Щетинин и замолчал. Мгновенно исчезла жизнерадостность, и прекрасной лепки лицо посерело. После паузы шеф глухо спросил:

- Как Любаша поживает? Почему не заходит? Обещала Полине Исидоровне, так и не зашла. Забыла нас, стариков.

- Устает очень. Ритм такой напряженный. Давление еще мучит. Раунатин пьет в огромном количестве.

- Гулять надо больше. Перед сном особенно. На дачу к нам собрались бы.

- Мы к себе на дачу собраться не можем. Задач много.

- Федя, у меня к тебе есть просьба, личная. Поговори с Инной. С ней происходит нечто ужасное. Ты в курсе ее нового увлечения?

- В курсе.

- Страшная фигура. Отпетый алкоголик. Как на службе держится... не представляю. Инна изменилась. Мешки под глазами, нер- вная, злая. В прошлое воскресенье приехали к нам пьяные. Меня не было. Полина Исидоровна выгнала их и проплакала всю неделю. Плохо. Она окончательно сходит с рельсов.

- Я постараюсь повлиять.

- Она с тобой только и считается. Меня дочь не слушает давно. Брата в грош не ставит. Вот так.

- Я сделаю, как требуется, - рапортовал Селиванов.

- Ладно, не буду задерживать. Все ты понял. Более конкретно план экспериментов я изложу в записке, которую через два дня тебе дам.

- Ясно, завтра же приступаю, о результатах вам докладываю и ожидаю указаний.

Выходя из кабинета Щетинина, Федор Алексеевич к бешеному своему неудовольствию обнаружил, что на жилетке оторвалась пуговичка. "Проклятая Любка, сколько раз предупреждал! Зараза, - ругнулся замдиректора. - Кстати, следует ее пристыдить за невнимание к дядюшке". Селиванов тут же организовал телефонный втык жене.

- Чтоб сегодня же вечером навестила. Безобразие! - кричал он в трубку. - Племянница называется!

- А ты пойдешь? - звучал тихий, робкий голосок с другого конца провода.

- Нет. Я занят. Пока.

Федор Алексеевич не лгал. Он действительно вечером был занят. В "Национале" аспирант из Грузии устраивал скромный товарищеский ужин на двоих. В Тбилиси уже встречи были, теперь контакты на московской земле. Они сулили массу приятностей, от которых закостеневшая душа научного администратора слегка

размягчилась.

На следующей неделе Селиванова подстерегала неожиданность, Надо прямо сказать, неожиданность препротивнейшая. Первый холодок прошелся по его спине после звонка широко разрекламированной Щетининым блестящей исследовательницы Натальи Георгиевны Янушевой. До боли знакомый тембр. Уж не Наташа ли это из санатория, брошенная тогда на произвол судьбины? "Нет, невозможно", - уверял себя Селиванов. Таких совпадений не бывает. Смазливая девчонка, точнее привлекательная бабенка и вдруг... Немыслимо. Литературщина. Бред сивой кобылы. Кстати, где та Наташа работала? Кажется, она ни словом не обмолвилась о своей работе, о коллегах, о связях. Зато он много болтал, в том числе и про шефа. Федор Алексеевич задрожал, как осиновый листок. Что если Наташа и Наталья Георгиевна - одно и тоже лицо? Значит утечка информации, случайная, глупая утечка плюс дурацкое происшествие. Пойдет по цепи: шеф, Полина Исидоровна, испорченная прошловековым благородством старуха, Любка. Хотя, черт с ними: с Полиной и Любкой. Шеф - вот главное. Разрыв с ним смерти подобен. Беда. Нервы замдиректора натянулись словно тонкие нити. Ум спокойно повторял: ничего, наверняка, совпадение, ну почудилось по телефону, не расстраивайся, но интуиция, проклятущая, твердила: это она, влип ты, дружочек, думай, как выкарабкаться.

Интуиция не подвела Федора Алексеевича. Когда Янушева вошла в кабинет, он на четверть умер. Когда ни готовишься к плохому, когда оно все-таки наступает, становится тяжко. Шок, однако, рано или поздно отступает. И тут встает проблема: не подать вида. Сугубо официальный, сугубо деловой разговор. Я вас раньше никогда не видел, не встречал, обсудили, разошлись.

Наталья Георгиевна глядела на героя своего легкого курортного флирта с нескрываемым презрением. Ее подчеркнуто вежливый тон еще больше усиливал напряженность.

"Интересно, выдержит или не выдержит? - прикинул Селиванов. - Я первый не полезу. Но если не выдержит, нужно придумать нечто изящное и оригинальное, придуриваться шлангом не логично". Наташа не заставила себя долго ждать.

Вопрос полетел прямо в лоб, без предисловий и переходов.

- Федор Алексеевич, куда вы сбежали?

- Я срочно уехал к родственникам в Ялту.

- К родственникам в Ялту? - Глаза Янушевой сузились и чуть ли не заслезились. - Как просто... в Ялту. Но вы ведь понимали...

- Я прекрасно понимал, но посудите: если бы я принес сумму N

плюс единица, помиловали бы нас эти господа? Сомневаюсь.

- Поэтому вы сбежали?

- Да. Одной жертвой меньше. Я все равно бы с ними не совладал.

- И вы обманули их.

- Когда обманывают жуликов, то это не обман.

- Между прочим, эти жулики отпустили меня, а вас... Вы вовремя удрали.

- Видите, как здорово, - Селиванов хмыкнул, - чудесная концовка. Примчись я с деньгами, такой концовки не было бы.

- Вы подлец, Федор Алексеевич, - задумчиво, без пыла произнесла Наташа.

- Типичный пример обывательской философии. Идет интеллигентный человек по улице. Рядом кого-то бьют. Почему он обязан вмешиваться? Он сам слаб, немощен, его самого требуется защищать. Зачем лишние жертвы? Нет, ославят. Назовут трусом. А если пришибли из-за глупости, объявят героем.

- Валентин Дмитриевич считает вас сверхпорядочным, - продолжила Наташа, оставив без внимания аргументацию противоположной стороны. - Боже мой. Вы и его провели. Удивительно, подлец, а всем нравится и живет припеваючи.

"Дурочка, это происходит сплошь и рядом. Иди еще кашки манной в детском саду поклюй, коли подобной истины не уразумела", - хотел было выкрикнуть Селиванов, но вовремя остановился. Упоминание имени-отчества директора сильно ударило по психике. В воздухе запахло жареным. Худшие опасения подтверждались. Девица оказалась к тому же с жутким характером. Такая точно утопит. Сейчас необходима была молниеносная и точная игра. И он продемонстрировал игру.

Сцена, которая разыгралась в кабинете, с точки зрения сложившихся традиций взаимоотношений между индивидами в современ- ном обществе (тем более речь идет о должностном лице в разгар рабочего дня) выглядела прямо-таки ирреально. Представьте себе, солидного мужчину, в костюме (французского производства, заметим), с галстуком в белоснежной рубашонке, ползающего на коленях в казенном помещении перед, в сущности, молодой, не отмеченной пока особыми титулами женщиной. Здорово, не правда ли? Оригинально, даже романтично. А что говорил в сей ответственный период Федор Алексеевич! О, это поэма, богатая пища для баллад, сказаний, женских романов, философских изысканий. Удалось услышать лишь часть, малюсенькую часть трогательной речи, причем, к сожалению, не самую удачную, не самую яркую.

- Наташа... я много думал, о том ужасном поступке. Мучился, метался. Я ненавижу себя за трусость. Сегодня вот хотел объяснить... Бравада, бравада. Признать собственную низость трудно. Я искал доводы... Мне сложно. Простите меня, Наташа. Простите... Простите.

Тут следовали поцелуи туфель, откровенный психоз. Горючие, настоящие слезы. Да-да, слезы. Именно настоящие, не вымученные. Не каждый актер сумеет заплакать естественно. Селиванов это мог. Он мгновенно вживался в образ. Еще бы... Ведь под угрозой разрушения то здание, которое строилось годами. Тут рыдать, землю грызть надо. Потому искренность достигалась полная.

Вообще искренность была не чужда Федору Алексеевичу (безусловно, с некоторыми оговорками). Когда он ухаживал за Любой, он любил ее самозабвенно, по-сумасшедшему. Некоторые сокурсники болтали тогда шепотком, что, дескать, ради карьеры парень женился, без чувств. Они, примитивы, ошибались. Чувства были. Правда, любил Федя не только душу и тело, но и связанные с браком перспективы. Причем для него все элементы, эротические и деловые, сливались в нерасторжимое целое. Ему не приходилось насиловать натуру, наступать на собственное горло. Обнимая Любу, он обнимал идею. Первое стимулировало второе, и наоборот, второе первое. Получалась психологическая гармония, его, селивановская, гармония.

Наташа буквально очумела. Круглыми, беспокойными глазами лицезрела она коленопреклоненного замдиректора и мямлила нечто вроде: "Что вы! Встаньте... Я не знала. Извините". В беспамятстве она выбросилась за дверь, ответив стократным "да" на предложение пообедать на неделе в ресторане "Зимний сад", что на седьмом этаже гостиницы "Москва" (любимая точка Федора Алексеевича: простенько, недорого, без ищущих девиц и подгулявших спекулянтов), где обсудить программу предстоящих экспериментов и "прочее". В голове Натальи Георгиевны царил невероятный сумбур. Чтобы разложить мысли по полочкам теперь ей требовался не один день.

После ухода Янушевой Селиванов долго отмокал в кресле. Тяжко. Будто вагоны двенадцать часов разгружал. Ни рукой, ни ногой не шелохнуть. "Приду домой и сразу в теплую койку спать," - размечтался Федор Алексеевич. Но, как любят писать фельетонисты, не тут-то было. Новое известие обрушилось на уставшую от постоянного напряжения головушку замдиректора с фантастической, невероятной, где-то обнадеживающей силой. Щетинина ударил инсульт, маэстро положили в реанимацию. Полина Исидоровна,

задыхаясь и заикаясь, умоляла немедленно поехать в больницу. Через несколько минут Селиванов уже развалился на заднем сидении машины. В мозгах варилась новая ситуация. Какой поворот! Жалко старика, но что делать. Жалостью не поможешь, нытьем не спасешь. Нечего попусту расходовать нервы. Живым жить, мертвым гнить.

Впрочем, Щетинин еще не умер. Однако... в который раз интуиция, его особая интуиция нашептывала: нет, не выкарабкается Щетинин. Значит, впереди ответственный раунд, не исключено, один из самых ответственных в его длинном боксерском бою. Кому достанется институт? Вот вопрос вопросов. Нельзя терять время, нельзя зевать. Сегодня-завтра нанести визиты ключевым людям, кое- кого обзвонить. Так, а предлог? Предлог отличный - болезнь директора. Какие-то нужно выдумать в этой связи проблемы и дела. Ладно, сие уже детали. Главное - заканчивается очередной раунд. Начинается следующий. Итоги заканчивающегося периода неплохие: вакансия раньше прогнозного срока (по расчетам Щетинин мог протянуть еще лет пять), нейтрализация Наташи (в изменившихся условиях она совсем не страшна, кстати, знать бы раньше об инсульте, и валяться по полу не пришлось бы. Увы... все не предугадаешь), хитроумное бегство от хулиганов в санатории (ведь, отдубасили бы, скоты) и прочее разное. Короче, никакого отклонения от намеченных целей, наоборот, приближение к этим целям. Теперь не останавливаться, проламываться дальше.

Машина остановилась. Федор Алексеевич вышел и шагнул прямо в грязь (черт разбери, откуда в погожий день на тротуаре грязь и лужи). Ботинки сразу приняли неприличный для представительного товарища вид. Он не на шутку разозлился. Тьфу... Вечно какая-нибудь гадость приключится. Вроде мелочь. Но зачастую именно мелочь больше всего и портит настроение. Селиванов с досады плюнул и потом по зеленому газону пошел к проходной больницы. В траве грязные ботинки не были видны.

Тайный визит профессора Воланда
накануне перестройки

Повесть

Где-то в середине восьмидесятых по Москве прокатился слух, что в городе опять, спустя почти полвека, объявился профессор Воланд со своей компанией. Я был тогда внештатным автором в одном журнале. Помню, как-то в редакции меня отловил невысокий черноволосый паренек и сбивчиво, шепотом сообщи), что он общается с профессором Воландом и его людьми. В доказательство он сунул общую тетрадь, исписанную мелким почерком.

- Почитайте, здесь об этом написано, - нервно лепетал парень, протягивая тетрадь. - Только не показывайте никому.

Я счел паренька за сумасброда, из тех графоманов, которые толпами обивали пороги "толстых" журналов. Но тетрадь взял.

С тех пор прошло десять лет. Я больше не встречал паренька. В редакцию он больше не приходил, а его координат я, по глупости, не спросил. Даже имени не знаю. По с каждым годом мне все больше хочется встретиться с ним. Мне кажется, он не соврал тогда - он действительно общался с Воландом. И поэтому я решил опубликовать его общую тетрадь. Может, после публикации хлопец откликнется ... если живой. Вот эти заметки...

Однажды весною, в час небывало жаркого заката в Москве, на Пионерском пруду (до 1932 г. - Патриарший пруд), появились он и она. Она - среднего роста, худенькая, симпатичная, в обычном летнем без претензий платье. Он - невысокий, не очень, видно, крепкий, с маленькими ладошками, облаченный в костюм, белую рубашку с галстуком. Тяжело, невероятно тяжело таскаться по зною, в многолюдном городе, застеленном асфальтом, в костюме, да еще при галстуке, но раз молодой человек решился на это, значит, имелись причины.

Попав в тень зеленеющих деревьев, парочка первым долгом направилась к табачному киоску.

Следует отметить первую странность майского вечера на Пионерском пруду. Во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, - никто не пришел под деревья, никто не отдыхал в спасительной тени, пуста была аллея.

Купив пачку сигарет, они расплатились и уселись на скамейке лицом к пруду и спиной к Бронной.

- Сейчас бы нарзанчику, - мечтательно сказал он.
- Где же его взять? - вздохнула она.
- Может, пройдемся пешочком, поищем, где фанту продают?
- От фанты еще больше пить хочется. И потом, извини меня, от нее пахнет парикмахерской. Желтая пена. Фу...
- И икота жуткая.

- Вот именно. Лучше потом ко мне поднимемся, кофейку примем.

Он согласился. Почему бы не согласиться, если мысль абсолютно здравая? Кстати, пусть простит меня читатель за оплошность. Ведь я до сих по не представил наших героев. Спешу исправиться. Итак, она - Елена Емова, студентка института международных отношений. Он Андрей Митев, студент того же института, ее однокурсник и друг. Лена жила здесь на Бронной, в современной пристройке к старому, видавшему разные виды дому. Андрей частенько бывал у нее, не менее часто прогуливались они у пруда и покуривали. Дело в том, что родители Лены, несмотря на вполне серьезный возраст дочери (как-никак двадцать два года), строго запрещали курение. Приходилось заниматься невинными пионерскими шалостями на Пионерском пруду, соблюдая необходимые меры предосторожности. Сегодня курили не просто так, а по особому поводу: успешно спихнули тяжкий экзамен по философии. А принимал экзамен не кто иной, как самый дотошный и авторитетный профессор - Иван Николаевич Понырев. Сдать Понырева - не шутка. Восьмидесятилетний старик страдал научным фанатизмом, патологической любовью к истине и тому подобными комплексами. Других подходов, кроме прямых, к нему не наблюдалось. Вообще, надо отметить, что Иван Николаевич был фигурой в высшей степени любопытной. В молодости он писал стихи, публиковался под псевдонимом Бездомный, говорят, даже приобрел известность в литературных кругах, но затем по неясным причинам из поэтического мира ушел. Кое-кто утверждал, что он имел прямое отношение к удивительным, фантастическим событиям, происходившим в ряде московских кварталов в начале или середине тридцатых годов и нашедшим отражение в романе Булгакова "Мастер и Маргарита". Булгаков, якобы, описал в книге подлинную историю Понырева. На любой слух существует, естественно, контрслух. Согласно контрслуху Понырев лично знал Булгакова и тот, желая умаслить приятеля либо в порядке хохмы налепил одному из персонажей точные анкетные данные Ивана Николаевича. О том, что же творилось на самом деле, никто, как обычно, достоверными данными не располагал и, скажем откровенно, располагать не стремился. Куда больше, чем события пятидесятилетней давности, волновала окружающих, в частности студентов, необъяснимая суровость и непредсказуемость действий престарелого профессора. Действительно, зачем, спрашивается, смазливенькой девчонке, в будущем мужниной жене, разбираться в мудростях диалектики. Поставь "тройку" и отстань. Нет, завалит. Опять же дополнительные вопросы о пятом прокураторе Иудеи всаднике Понтийском Пилате. Ведь ни в одной программе про Пилата ни слова! Понятно, дружба с Булгаковым, глубокая тема, но почему студент обязан учить то, что

учить необязательно. Вот что значит профессор с репутацией! Не приструнишь, не пикнешь поперек характера. Другого бы выгнали за чудачества, а его терпят, более того, гнут перед ним шапку.

Впрочем, не ко всем Иван Николаевич проявлял суровость. Некоторых он трепетно уважал. Например, того же Андрея Митева. Трудно определить, за что уважал: то ли за ум, то ли за кругозор, то ли за скромность, то ли за проникновение в глубины "Мастера и Маргариты" (Андрей неоднократно беседовал с Поныревым о романе), но факт был налицо: уважал!!! Потому сегодняшняя отличная оценка сенсацией не стала. Лена получила "хорошо" и тем осталась довольна (твердая хорошистка, она никогда сильно не блистала, но и позади не плелась. Шагать в ногу с большинством - такое ее кредо).

Им было весело и приятно друг с другом. Андрей беспрестанно рассказывал анекдоты, дурил, каламбурил. Лена, в основном, слушала и смеялась. В отличие от многих ее сверстниц она не болела болтливостью, говорила мало, но весьма метко и постановляюще. Вместе они составляли слаженный, хороший дуэт.

Тут я вынужден поведать о второй странности, имевшей место в тот вечер. Сигареты, купленные в табачном ларьке, не курились, то есть не тянулись абсолютно. "Эка странность", - возразят матерые курильщики. - Сигареты мокрые, оттого не тянутся. Почему мокрые? Это надо у директора фабрики спросить, лучше не спрашивать, а поймать его и... чтоб брак не выпускал". Ладно, товарищи курильщики, пусть по-вашему. Но как объясните следующее: черный, безобразно жирный кот чинно продефилировал мимо скамейки и громко произнес: "Минздрав предупреждает: курение опасно для вашего здоровья". Молчите... То-то. Я тоже молчу. И наши молодые герои тоже замолчали в совершеннейшем недоумении.

Дальше больше. В аллее показался высокого роста брюнет, гладко выбритый, с кривым ртом, а во рту... Не поверите... С левой стороны платиновые коронки, с правой - золотые. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Возраст неопределенный. Одет в вытертые джинсы, водолазку и поношенную кожаную куртку. Подстрижен по последней моде. Короче, иностранец либо фарцовщик.

Подойдя к скамье, на которой расположились Лена и Андрей, неизвестный покосился на них, остановился и вдруг изрек, вернее пробубнил с иностранным акцентом, но не коверкая слова:

- Добрый день, друзья мои.

- Добрый день, - последовал ответ Андрея. Он сжал нервы и волю в кулак, предчувствуя недоброе. Лена прощупывала брюнета рентгеновским взглядом и тоже не ощущала никакого энтузиазма. Она в принципе избегала разговоров с неизвестными на улице, а здесь еще

этот сомнительный внешний вид... Явно пахнет инцидентом.

- Как поживает Иван Николаевич? - спросил высокий.

- Какой Иван Николаевич? - несколько испуганно отреагировал Митев. Кстати, ему показалось лицо собеседника знакомым. Только где он его видел? Похоже, в кино. Может, он артист?

- Понырев. Иван Николаевич Понырев, коему вы сегодня утром сдавали экзамен.

"Видно, кто-то из института", - смекнул Андрей и решил проявить благоразумную, дипломатическую сдержанность:

- Иван Николаевич поживает неплохо.

- М-да, - высокий закрыл свои разноцветные глаза, одна бровь стала еще выше другой. - Пятьдесят лет минуло. Подумать только. Как сейчас помню. Сидели мы на этой скамейке, у этого пруда, и был тогда жаркий майский день.

“Сколько же ему лет?” - искренне удивился Андрей.

"Жулик, аферист, - сообразила Лена. - И будто назло ни милиционеров, ни дружинников".

Вот вам еще странность: представители правоохранительных органов и организаций обычно дежурят неподалеку, а в сей нужный момент отсутствовали. Ни свиснуть, ни крикнуть. Вернее, кричать можно, но без толку, только себе во вред. Единственный выход: хитро выкрутиться.

Пока встревоженные студенты лихорадочно шевелили мозгами в поисках путей отхода, брюнет продолжал действовать, и вылетали из его золото-платинового рта фразы стройные по форме, но бредовые по содержанию. Конечно, не вызывало сомнения, что брюнет личность образованная, не иначе специалист в области философии и истории, но... тип все же подозрительный, не исключено, того... слегка тронутый. Открытым оставался вопрос о национальной принадлежности незнакомца. Многочисленные загадки были отгаданы (хотя отгаданы ли?) чуть позже, когда брюнет, словно спохватившись, сказал:

- Ах, да. Я забыл отрекомендоваться. Профессор Воланд. Председатель ученого совета по черной магии.

Андрей аж поперхнулся. Лена сощурилась.

- Не смешно, - вырвалось против желания у Андрея.

- Совершенно верно, - мрачно проговорил собеседник, качая головой. - Не смешно. Абсолютно не смешно. Работать в нашей сфере чрезвычайно грустно. Порой смертельно надоедает. Увы... Что делать? Служба, друзья мои, долг. Вам знакомо понятие долга?

Неизвестно, что ответила бы молодежь и в каком тоне, и как вообще развивались события, если б на асфальт перед ними не упал откуда-то сверху черный кот-толстяк. Упавши, необычное животное (я

по крайней мере таких котов не встречал. Кстати, Лена тоже. Она сама потом призналась в этом. А Лена, между прочим, в котах и кошках разбирается здорово, благо с детства с ними возится) элегантной походкой направилось к даме и кавалеру, встало на задние лапы и отрапортовало на чисто русском языке:

- Доктор черной магии Бегемот Иван Христофорович. Происхождение - из кошачьих. В настоящее время являюсь заместителем председателя ученого совета, того самого совета, который возглавляет профессор Воланд.

И кот расплылся в отвратительной подобострастной улыбке.

Неодинаковые мысли породило у Андрея и Лены явление зверя с научной степенью. Андрей понял, что дело вполне серьезно, что судя по всему, высокий брюнет, действительно профессор Воланд, о котором писал Булгаков (приметы сходились), если так, то пообщаться с ним - уникальная возможность, и ей, этой возможностью, следует непременно воспользоваться. Трудно, однако, поверить в подобное, и Митев, как человек здравый никогда бы не поверил, но... есть "но"... сказалась психологическая обработка Понырева. Иван Николаевич не раз подчеркивал в задушевных беседах со своим любимым студентом, что в основу романа положены реальные события, что он сам видел Воланда на Бронной и именно после той памятной встречи началась катавасия в среде московской творческой интеллигенции, столь ярко и сочно отраженная выдающимся писателем. Теперь ведь тоже Бронная, тоже Воланд и персонаж книги - говорящий черный кот по фамилии Бегемот (правда, тогда Бегемот еще не был доктором черной магии и не служил заместителем, по крайней мере, автор умолчал о его чинах и титулах, но за пятьдесят лет можно защитить диссертацию и получить должность, тем более, если иметь неформальные связи с председателем ученого совета). Короче, Андрей был почти готов верить. На "почти" отводилось процентов десять-пятнадцать. Что касается Лены, то ее проблема доверия не занимала. После церемонии представления кота она испытывала дикое волнение. Тут не до анализа. Черные ли маги эти двое, либо разбойники, какая разница? Главное - они отнюдь не безобидны, точнее опасны. Благоразумная девушка не стала дожидаться неприятностей и очередных сногсшибательных трюков. Она вскочила и с достоинством произнесла:

- До свидания. Нам пора. Скоро приедет мама.

- Зачем понадобилась фраза о маме, не до конца ясно. Мама приедет через минут пять-семь. Смоленская площадь совсем близко. Для машины это не расстояние.

Лена вздрогнула. Информированность брюнета поразила. Откуда он знает про матушку и про маршрут? Вахтерша в подъезде проболталась,

вероятно. Ах, старая ведьма. Лялякает с посторонними, разносит сплетни. К приличным визитерам обязательно пристанет, а с аферистами дружбу водит.

Андрей схватил подругу за руку и сбивчиво зашептал:

- Не убегай. Это серьезно, понимаешь... Потом объясню. Я не уверен, но мне кажется. Вдруг судьба.

Лена искренне изумилась, но ответила спокойно:

- Ладно, оставайся. Я все же пойду. Обещала вернуться вовремя. Завтра встретимся.

И моментально скрылась. Позже Лена частенько вспоминала эти свои заключительные слова и диву давалась: почему она, человек твердый, сказала именно так, почему не настояла, почему не поволокла Митева прочь от незнакомца и говорящего кота. Опять странность.

После стремительного исчезновения Емовой брюнет задрал голову и уперся золотящимися от солнца глазами куда-то в небо.

- Хорошая женщина, - раздумчиво молвил он. - Жаль, не выйдет за вас замуж.

- Что? - возмущенно протянул Андрей.

- Через год у нее свадьба в "Национале", где-то в марте, числа шестого-седьмого. Вас туда не пригласят. И правильно сделают. Неблагородно сыпать соль на рану.

- Мессир обожает благородных... хе-хе... с некоторых пор, - пропищал кот.

- Обман. Свадьбы не будет, - заикаясь от потрясений, пробормотал Андрей. - Вы лжете.

- Поучтивее, - строго предупредил брюнет. - Уважайте мой возраст и положение, а также неистовую, патологическую честность. Заодно повернитесь и извольте полюбопытствовать: приехала родительница вашей знакомой. Вы засекли на часах?

Митев повернулся и увидел, как из машины вышла Марья Николаевна - мама Лены с сумкой в руках. Прошло не более пяти минут. Прогноз (назовем это прогнозом) сбылся.

Дрогнуло сердце Андрея. Разбились последние сомнения. Рядом с ним на скамейке, здесь, на Пионерском пруду, майским вечером сидел легендарный профессор Воланд, о котором столько рассказывал Иван Николаевич Понырев. Сопровождал профессора его помощник, теперь уже заместитель, не менее легендарный, кот Бегемот - серьезнейший соперник московской милиции эпохи тридцатых годов. Предполагаю, изрядное число читателей скептически ухмыльнется: дескать, не валяйте дурочку, Воланд - чистый вымысел, плод воображения. Не буду с ним спорить, дабы попусту не отвлекаться. Впереди много интересного, тратить пыл на зряшные дискуссии -

преступление. За мной, о други, попутешествуем всласть по сюжетному лабиринту.

Итак, Митев признал брюнета в качестве Воланда. Далее, естественно, завязалась оживленная беседа. О чем? О разном. Черный маг расспрашивал о городе, о нравах, традициях. Внимал молчаливо, от комментариев воздерживался. С особенным пристрастием любопытствовал о Понырeве-Бездомном. Выслушав подробную информацию об отставном поэте, профессор сказал:

- Неплохо бы его повидать... Сколько воды утекло.

- Не стоит видать. Дедушка старенький, эмоции ему противопоказаны. Пусть принимает воздушные ванны и пьет кефир, - вставился кот. Он лежал на аллее и жевал яблоко, имея вид прямо-таки развязный.

- Ты прав, Бегемот, - согласился Воланд. - Не надо трогать старика. Он заслужил счастье, а значит покой. Нашего молодого приятеля, - маг зыркнул на Андрея, - мы попросим не разглашать факт сегодняшней встречи, чтобы не нервировать учителя.

Фраза о неразглашении совсем не понравилась Митеву. «Уже начинает давить, навязывать условия».

- Попросим также о мелкой услуге. Мы только что приехали в Москву и, к сожалению, не позаботились о гостинице. Не могли бы похлопотать на небезвозмездной основе, само собой разумеется.

- Неужели гостиница - проблема для всемогущего мага? - подловил собеседника Андрей.

- Проблема. Без блата и магам хода нет, - мяукнул кот.

- Помолчи, - бросил Воланд соратнику и, блуждая зеленым глазом, продолжил. - Моя просьба относительно гостиницы - намек на вашу пустующую квартирку. Родители ведь в отъезде?

- Да, - в жутком страхе признался Митев.

- Отлично. Пустите нас ненадолго, заработаете на пять лет безбедной и на тридцать лет бедной жизни. Со своей стороны обещаем спокойствие и полный порядок. То, что происходило в те давние времена в квартире № 50 дома № 302-бис по Садовой улице никогда не повторится. Сейчас мы прибыли не устраивать шум, а просто отдохнуть, набраться сил, заодно и поработать над монографией.

- Сдадите жилье, возьмем в соавторы, - вкрадчиво пропел Бегемот.

- Я бы с удовольствием помог, и денег мне не надо, но...

- Что но? - мягко-жестко сказал Воланд.

- Но я боюсь, что вы чего-нибудь поломаете, и мне ужасно влетит. Ссориться с родичами не хочется, - чистосердечно раскаялся Андрей. - Мне безразлична мебель, но отец очень переживает за нее.

Профессор кашлянул (лицо его приняло мрачнейшее, суровое выражение) и над Бронной совершенно отчетливо стала видна в

высоте луна, но еще не золотая, а белая (между кашлем и луной связи, наверное, не существует, просто совпадение). В аллеях на скамейках появилась публика, однако, опять-таки на всех трех сторонах квадрата кроме той, где находились наши герои. Дышать было гораздо легче, и голоса под деревьями зазвучали нежнее, глуше.

- Итак, вы нам отказываете, - с плохо скрываемым недовольством заявил Воланд. - Принимаете социально опасных лиц типа Нежина, а нам отказываете.

Андрей дернулся. По телу в сотый раз за вечер пропустили двести двадцать вольт. Осведомленность мага уже не удивляла, она раздражала не на шутку. Настоящее, матерое, посконное, задубевшее хамство. Какое ему дело до Нежина? Нежин - лучший друг. Не вчера, не на улице или в парке они познакомились, не один килограмм соли съели и не одну чашку кофе выпили вместе (насчет кофе не смейтесь, горячительных напитков Митев не употреблял по причине принципиального к ним неуважения). В конце концов, право хозяина кого-то приглашать, кого-то не приглашать. Последнюю мысль Андрей прямо и высказал вслух, полагая, что этим расставит точки над "i" по вопросу о квартире. Однако, ответ профессора подорвал непреклонную твердость и посеял необъяснимое смятение.

- Ваш приятель - карьерист, - сказал профессор. - Он мечтает об удачной женитьбе, больших деньгах.

- И почестях, - добавил кот.

- Он дружит с вами, потому что ему выгодно дружить. Вместо общежития комфортабельная квартира.

- И бесплатно, - не унимался кот. - Плюс круг вашего общения.

- Прекратите... прекратите лгать, - гневно закричал Андрей. - Я лучше знаю. Не нужна клевета. Клеветать легче всего. Вы даже его не видели.

Воланд снисходительно поводил зеленым глазом по студенту.

- Надеюсь, никогда не увидим. Тем более он улетает в Крым.

- Если возьмет билеты, - зло бросил Митев.

- Он возьмет билеты! - безапелляционно резанул Воланд.

Вот тут я вынужден перенести действие со скамейки у Пионерского пруда в кассы Аэрофлота, где теплейший друг Андрея Олег Нежин давился за билетами в жемчужину Черноморья - Крым. Перспективы добыть драгоценные бумажки были весьма мрачными. Впереди человек двадцать плюс внеочередники (особливо частили женщины с грудными детьми. Создавалось впечатление, что они специально рожали детей, чтобы улететь на курорт), плюс шустряки с записками, удостоверениями (один пытался даже козырять мандатом дружинника, но его быстро разоблачили и выгнали вон), плюс публика со связями ("Я от Михал Палыча", "Лев Яковлевич просил дочку с зятем

отправить"), плюс темпераментные кавказцы, которые беспрестанно подмигивали девушке в окошке кассы и вытаскивали из карманов вельветовых пиджаков пухлые портмоне. К тому же время от времени ломалась машина, выписывающая билеты, да и сами билеты, честно говоря, уже почти кончились. Короче, тоска. И еще духота неимоверная, кондиционеры отключены: на лето их, вероятно, поставили на ремонт, чтобы подготовить к зимнему сезону. Потный Олег погибал от отсутствия свежего воздуха и шансов окунуться в море. От полной безысходности потянуло на сладкие грезы.

"Эх, удачно бы жениться и не толкаться здесь. И домой бы принесли, в конвертике", - мечтал он. В воображении рисовалась радужная картинка. Он, прилизанный, элегантно одетый, с небольшим, придающим положительность брюшком, утром садится в новенький автомобиль и едет на службу. Служба непременно в престижном крупном учреждении. Коллеги боятся и кланяются в пояс: зять какого-то. Хотя какие коллеги, подчиненные, а не коллеги. Ведь сразу начальником поставят. По воскресеньям на дачу всей семьей, дача, конечно, шикарная, после обеда прогулка по лесу, игра в теннис, вечером банька. А еда! На веранде он ясно видел стол со свеженькой икоркой, зеленью, мясцом с кровинкой (он любил с кровью), пирожками, марочным вином, с привезенными прямо из совхоза фруктами, обычными и диковинными. Словом, хорошо! Очнулся Олег от мечтаний после сильного удара в плечо.

- Вы тута не стояли, - орала какая-то бабка прямо в ухо. Видно, эта же бабка и ударила.

- Как, то есть? - возмутился Нежин.

- Вы за женщиной в красном занимали. Она от меня далеко. Потом она с военным договорилась и...

Последовали сбивчивая, но интригующая речь о даме в красном, сумевшей путем кулуарных договоренностей добиться желанной цели.

- Ко мне это не имеет отношения, - логично рассудил Олег.

- Имеет. Молодежь пошла... врать и не краснеть. Не стоял тута. Залез, безобразник. Мужики, врежьте ему как следует, чтоб не лез. Ишь, морду наел. Не стоял тута.

- Не стоял, - хором подтвердила очередь и чьи-то сильные руки схватили Нежина и швырнули в сторону. Столкнувшись с каким-то мягким, крупногабаритным телом, он упал. Мимо пронесся непонятно откуда взявшийся черный кот громадных размеров. Когда Нежин поднялся, сгорая от негодования (три часа битвы и вот результат: выкинули), на него в упор взирал полный гражданин, до боли в сердце похожий внешне на ... кота. Случается порой подобное: человек смахивает на животное.

- Здорово, Олежка, - сладенько промурлыкал гражданин. - Не

узнал?

- Нет, - растерялся Нежин.

- День рождения Митева помнишь?

- Ага... ага, - протянул Олег, - припоминаю.

На самом деле ни черта он не припоминал, и субъекта этого с маслянистым взором отпетого бабника лицезрел впервые. Хотя... на дне рождения Андрея было шумно и многолюдно, мало ли кого могло занести. К тому же, крутился тогда Олег вокруг одной девушки и на присутствующих не обращал особого внимания.

- Слушай, помоги, - притворно взмолился Бегемот (а именно он морочил голову бедному парню).

"Так, сейчас деньги попросит".

- Купил билет на послезавтра в Крым. И как назло шеф в командировку снарядил. Не нужен билетик?

- Да... не нужен... очень нужен. Где... где?

У парнишки аж дыхание сперло. Вот совпадение, вот счастье привалило.

- Значит, берешь?

- Беру, беру... спасибо... Помню. День рождения.

- Прекрасно. Подожди переоформлю фамилию, давай сюда паспорт.

Все развивалось сверхстремительно. Нежин не успел опомниться, как оказался за дверями касс с зажатой в потном кулаке бумажкой. Рассмотрел он ее, спасительную, лишь позже, в отдельной кабинке мужского туалета (рассматривать на улице - безумие: вырвут с руками). Документик чин-чинарем: номер рейса, номер места, дата. Не иначе улыбка судьбы.

Пока Нежин сходил с ума от удовольствия, председатель совета по черной магии и его бойкий заместитель обедали чем бог послал на квартире у Митева. Сам Андрей подавал на стол, нарезал, варил кофе, стараясь обслужить почтенных гостей по высшему классу. Раз после долгих колебаний согласился их принять, то уж надо принять как следует. За столом визитеры были немногословны. Кот. сидел надутый и злой, потому что ему сильно попало от Воланда. Попало заслуженно. Во время поездки от Малой Бронной на улицу Василисы Кожиной, где проживал Андрей, Бегемот трижды отличился. Во-первых, он категорически отказался прокатиться на такси. "Выбрасывать на ветер трешку. Лучше я пойду пешком или полечу по воздуху," - возмущенно просипел он. "Но ты же недавно в Монте-Карло тысячами швырялся", - заметил профессор. "А на такси мне жалко", - упорствовал Бегемот. Пришлось передвигаться общественными видами транспорта.

В метро кот опять устроил номер. Он попробовал тихонько проскочить мимо контролерши, предполагая, что с четвероногих пяти

копеек не взимают. Но контролерша проявила бдительность. С кличем: "Не положено, вернись, скотина такая!" она носилась за ожиревшим животным по залу, потрясая палкой. Пассажиры испуганно шарахались, человек двадцать за время ловли просочились, не опустив пятака, паника поднялась необыкновенная, а разъяренная контролерша наслаждалась погоней. Поймать Бегемота ей, естественно, не удалось. Тот шмыгнул в вагон, двери захлопнулись, и с концами.

Следующее приключение произошло уже на улице. Кот прицепился к тучному гражданину, лежавшему под голубеньким "Жигулем". Представьте на минутку: в городе жара неимоверная, душа так и просится на зеленую травку, в лесок, на дачку, к речке-речушке, а машина как назло подвела. Гражданин чертыхался, пыхтел, обливался потом, плевался, но толку никакого. Рядом переминалась с ноги на ногу злая, раскрасневшаяся жена, готовая разнести на мелкие кусочки проклятую жестяную банку и ее водителя. Их сынуля - подросток, засунув ручонки в джинсы, наблюдал с кислой миной на физиономии, как мучается папа-неумеха. В общем, ситуация легко представляется. Что же сделал кот-прохиндей? Он подскочил (в человеческом обличье) к отчаявшемуся отцу семейства и предложил свои услуги, назвавшись победителем городского конкурса на лучшего автомеханика. Тучный гражданин согласился не сразу. Он долго пялился на Бегемота, допрашивал его, даже потребовал документы. Бегемот ткнул ему под нос диплом победителя конкурса и паспорт. Бумаги оказались в полном порядке (у черных магов с этим не проблема), и хозяин дал разрешение на ремонт. Не успел сын-подросток достать из пачки очередную сигарету, как дело было в шляпе. Мотор зарычал, гражданин замычал, жена покраснела еще больше. Нетрудно понять, однако, что кот не из благородства затеял эту аферу. Он надеялся на встречную услугу, а именно, что их с Воландом и Андреем бесплатно отвезут на улицу Василисы Кожиной. О своих желаниях Бегемот прямо и заявил.

- Отвести денег стоит, - ответил тучный, заваливаясь в авто.

- А ликвидация неисправности денег не стоит? - по-чиновничьи сформулировал идею возмущения кот.

- Две секунды копался и уже лапу тянет. Времена прошли... без кошелька никуда, - бормотал тучный.

- Крутые бабки чувак делает, - с некоторым благоговением произнес сын-подросток, усаживаясь на заднее сиденье.

Женское чутье тоньше, чем мужское. Потому жена скаредного автомобилиста, раскрасневшись до предела, зашептала:

- Петя, дай ему руль. Не ссорься.

- Руль за то, что он пришпандорил чего-то? Никогда! Жулик,

спекулянт. О таких в газетах пишут.

- Зато, небось, "Мальборо" курит и модных телок на тачке возит. Классика, - завистливо сказал сын-подросток.

- Во-первых, не рубль, а столько, сколько стоит проезд на такси отсюда до улицы героини войны Двенадцатого года Кожиной, - отчеканил Бегемот. - Это почти два рубля. Во-вторых, за саму работу я беру пять копеек, остальное - за то, что знаю, как работать, в отличие от вас.

- Ну и знай, - бросил неблагодарный гражданин и нажал на педали.

Вот тут-то и случилась жуть. Машина напряглась, взвыла, затем оторвалась от земли и вертикально, без разбега... поднялась ввысь под дикий хохот кота. Стоявшие в сторонке и лицезревшие весь конфликт от завязки до комического (а для кого-то явно трагического) финала, профессор и Андрей реагировали по-разному. Профессор закрыл глаза и погрузился сам в себя, Андрей же онемел от ужаса и слова вымолвить не мог. Мгновенно набежала толпа. Все психовали, перебивали друг друга, пихались локтями. Версий выдвигалось тысяча. Иные не теоретизировали, а действовали, например, швыряли в неопознанный летающий объект камни, дабы установить, что из этого получится. Наконец какой-то очкастый и щуплый, с ободранным портфелем в державших только ручку и ложку руках бабским голосом пропищал: "Наверняка посланцы внеземных цивилизаций. Надо позвонить в Академию наук". "Правильно, - хором отозвалась толпа и добавила. - У-у-у-у, внеземные цивилизации!" Это было первое общее мнение. "Откуда внеземные цивилизации? - выступил гражданин с сильным кавказским акцентом. - Это "Жигули" новой модели. По шоссе бегает, по воде плавает, по воздуху летает. Три "Мерседеса" стоит. Целый год работы. Земляк из Министерства обещал достать". "Правильно, - хором отозвалась толпа и добавила. - У-у-у-у, дорогая стерва". Это стало вторым общим мнением. "Фильм делают, - громыхнул на всю улицу бас. - Совместное производство. Режиссер наш. Снимают в пяти странах. Я в журнале читал". "Правильно, - хором крикнула толпа и добавила. - У-у-у-у, любят наши режиссеры совместное производство." Таково было третье общее мнение. Пока внизу публика продолжала гадать, наверху семейство продолжало страдать. Водитель-папа исступленно долбил в дверцу, надеясь ее открыть (зачем неясно). Но тщетно. Дверца не открывалась. С физиономии мамы краснота спала, зато напала мертвенная бледность. Она утопилась в сиденье, запрокинула голову и шептала: "Идиот... Руль... Руль... Идиот..." Сынок валялся сзади. Глаза его затуманились, в речи пропала связанность и членораздельность. Сторонний

"клево-то", "офигеваю", "чувак-фирма", но смысл высказываний вряд ли уловил.

Когда накал достиг некого критического предела, профессор Воланд командным жестом позвал кота и сурово поглядел на него. Кот зажмурился, застонал, потом скорчил молящую морду. Однако Воланд суровости во взоре не уменьшил. Пришлось заместителю председателя ученого совета по черной магии, охая и ахая, раздосадовано шлепая лапами, потопать к месту происшествия.

Толпа не успела опомниться, пассажиры летающих "Жигулей" не успели окончательно сдвинуться с ума, как машина оказалась на земле. Отец семейства выскочил первым. Но исчезнуть ему не удалось: дорогу преградил ужасно похожий на кота человек в милицейской форме.

- Инспектор госавтоинспекции Бегемот Иван Христофорович, - грозно проговорил кот-оборотень. - Ваши документики, пожалуйста.

Завидев старого знакомого, переквалифицировавшегося за несколько минут из победителя городского конкурса на лучшего автомеханика в сотрудники ГАИ, мужик приоткрыл рот, пустил слюну, затем... затем бросился на колени.

- Не виноват, - вопил он. - Ошибка... помутнение... заставили.

- Кто заставил? - строго спросил Бегемот. - Продавать ворованные стройматериалы, и на вырученные незаконные деньги приобретать автомобиль тоже заставили?

- Ой-ой-ой. Не губите. Ошибка... помутнение. Все воровали и я тоже.

- Все сядут и вы тоже. И еще. Вам известно, что правила запрещают использование машин в качестве летательных аппаратов? На каком основании вы оторвались от земли?

Шофер, хорошо знающий правила и пребывающий в спокойном расположении духа, наверняка взялся бы поспорить относительно наличия запретов и отсутствия оснований, но наш герой в спорщики уже не годился.

- К черту, - воинственно кричал он. - Проклятый тарантас. Точно вы подметили, дорогой товарищ инспектор. Воровал ради нее, дурацкой железки, ночей не спал, с прокурором каждый день мысленно беседовал. И что она мне дала? В раба превратился: отвези, привези, чини, на станции техобслуживания ищи какого-нибудь Володю и ври ему что ты Марьи Иванны из обувного брат и тебе надо срочно, иначе уедет тетя Сима и загнать по приличной цене не получится. Что я с этой дрянью вижу? В метро я хоть баб красивых видел а с этой коробкой кроме жены никого. Дорогой товарищ инспектор, занесите в протокол: передаю безвозмездно "Жигули" детскому саду номер пять, где я когда-то воспитывался... Я ведь детдомовский.

Последние фразы прозвучали тихо, проникновенно и уже без пафоса.

- Лучше дай руль, - вставила подскочившая жена. Она снова покраснела.

- Рупь? Все рубли дам. Надоело... Коврики, тумбочки, гарнитурчики, клубничное варенье, раскудрить ее... Бесплатно детскому дому номер пять и точка.

- Пожалел рубль, потерял тысячи, - шепнул Воланд на ухо Андрею. - Так бывает в жизни часто. Мотайте на ус, молодой человек, пригодится.

И профессор хохотнул, обнажив искрящиеся, несметной стоимости зубы. Страшно, зверино выглядел он в этот момент. Чувствовалось, что удовлетворение, но не доброе, а жестокое, гневное удовлетворение разносилось с кровью по всему его сверхъестественному телу. Тем временем в дискуссию вступил очухавшийся после потрясения сын будущего покровителя детского дома.

- Клевота, фазер, сочно рубишь. Нашу точилку пихнем, фирмовую закатим. Бабульки неслабые, зато солидняк. Шалашовки и сиповки в ноль попадают.*

- Фирмовую закатим? Солидняк, говоришь? - прорычал отец, щурясь, словно от яркого света. - Подойди сюда, родненький.

Ничего не подозревавший ребенок повиновался старшему и подошел. Мгновенье - и таинственным образом, без видимого приложения усилий джинсики сынули присползли с деликатного пространства между спиной и ногами, а в руках папани черт знает откуда оказался ремень с замечательной, я вам доложу, пряжкой. Таким образом, необходимые условия для успешного осуществления воспитательной акции сложились. И началось... Улица наполнилась истошным вытьем. Крепко зажатый между ног бати наказуемый почти не сопротивлялся и правильно делал, ибо сопротивление было бесполезно.

- Когда не ждешь ударов, их обязательно получаешь, - прокомментировал события Воланд и зашагал прочь от места происшествия. Андрей и Бегемот тронулись следом. Они шли, а вдогонку им полетели характерные звуки шлепающего ремня и дикий, животный оглушительный гогот. Это гоготал отец.

- Клево, - приговаривал он, ускоряя темп порки. - Га-га-га. Солидняк.

- О-о-о-о, - ревел бедняга.

- Фирма, - разыгрывал отец. - Сейчас еще модняк будет.

* Хорошо, отец, правильно мыслишь. Нашу машину продадим, купим иномарку. Деньги немалые, но зато престижно. На девушек произведет большое впечатление (Перевод автора).

И он от души засандалил пряжечкой.

Финал сцены черные маги и их новый знакомый не лицезрели. К тому времени они уже обедали на квартире у Митева.

"Первая фаза операции близилась к успешному окончанию", - громко прочитал Воланд. Андрей дернулся. Заспанная физиономия с трудом оторвалась от письменного стола. Вот такая оказия! Неужели заснул? Выходит. Странно! Ведь спать не хотелось, совершенно не хотелось. И обычная вечерняя усталость куда-то пропала. С каким энтузиазмом Андрей заперся в своей комнате, когда гости улеглись. Бумага, ручка, полная тишина и горный поток мыслей. Сколько он раньше мучился, боясь приблизиться к чистым листкам. Отчетливая картинка образов будущего романа никак не виделась. Замысел был, образов не было. Сегодня ночью образы пришли, живые, с кровью и костями. Он физически их ощущал, знал о них все, представлял каждый жест, каждый взгляд и по-настоящему, как жених невесту, любил Джульетту. Она закрыла собой его глаза, резкая, порывистая, воздушная, тонкая. Почему именно сегодня они повстречались? Помогли ли в этом черные маги? Наверное. Впрочем, Митев не думал в тот момент о магах. Он писал, он торопился. Временами ему казалось, что кто-то проник в комнату и встал за спиной. Тогда Андрей бросался к двери, неистово трепал ручку, убеждаясь всякий раз в ошибочности своих подозрений. Иногда слышались шорохи и звуки, напоминающие мяуканье. Затем и вовсе удивительные вещи начали мерещиться: смех, кашель, волчий вой, лошадиное ржанье, причем смех издевательский, кашель туберкулезный, ржанье предсмертное. Короче, жуть. Другой лишился бы рассудка, но увлеченному творчеством легче. "Нервы", - решил Митев, тем самым оградив себя от ненужных тревог. А как хорошо работать и спать, не испытывая тревог! Если же к отсутствию тревог добавляется присутствие духовного удовлетворения получается истинная сказка. В сказочном состоянии и пребывал Андрей, пока его не разбудил Воланд.

- Первая фраза операции близилась к успешному окончанию, - повторил профессор.

Андрей тут же стыдливо положил ладони на исписанный лист.

- Не волнуйтесь, - сказал профессор. - Нет ничего зазорного в том, что молодой человек стремится отличиться. Чем нырять на спор в ледяную воду или прыгать с пятого этажа на асфальт, лучше сочинять роман.

У Митева шевельнулось желание возразить, но мысли наехали одна на другую, спутались и вместо словесного ответа получился немой: кислая мина и демонстративное перекладывание рукописи в ящик стола.

- ... Правда, я вижу, вы желаете отличиться серьезно, не по-детски.

Учтите, затеваете опасную игру. Писательство - чернорабочая романтика. Писатели - большие люди, к тому же наивные. Они считают, что можно прожить сто разных жизней одновременно. А живому существу одну бы жизнь суметь прожить! Но дело ваше. Тем более когда есть талант... Кстати, первая глава мне понравилась. Живо, с юмором, с характером. Только стиль жидковат. Фразой не наслаждаешься, чересчур она экономичная.

- Я учусь на экономическом факультете, - огрызнулся Андрей и чуть было не спросил гостя, как тот умудрился прочесть первую главу и вообще войти в комнату с запертой дверью, однако быстро вспомнив, с кем имеет дело, от вопроса воздержался.

- Критику не переносите. Напрасно. Критика-скрытое признание достоинств. Критикуют, значит, задело.

- Где-то уже я это слышал.

- Я не претендую на первородство. Я продал первородство за чечевичную похлебку профессора. Но на вашем месте следует быть учтивее и не подчеркивать факт чужого авторства на мои высказывания.

- Ладно. Буду учтивее, - резковатым тоном заявил Митев. - А вы дадите слово не читать чужие рукописи без разрешения. Согласны?

- Вы ставите условия? Смело. В вашем хамстве есть нечто подкупающее.

За дверью раздался грохот. Воланд и Митев прервали неприятный разговор и направились в соседнюю комнату. Там они увидели занимательную сценку. Бегемот, одетый в кимоно с вышитыми на спине иероглифами, швырял на пол огромные куски льда, потом собирал осколки и аккуратно клал их в бокал, наполненный жидкостью розоватого цвета. Морда кота изображала совершеннейшее блаженство.

- Ледок, - воскликнул он. - Да вы знаете, что это такое? Величайшее изобретение. Пить прохладительные напитки без льда - преступление. Я бы ввел статью в уголовный кодекс: не употребляешь лед - от трех до пяти лет лишения свободы со строгой изоляцией.

И кот истерически засмеялся, потирая руки-лапы от удовольствия. Его усы задергались, увеличились в размерах, стали менять окраску каждые секунд тридцать и вращаться подобно воздушному винту вертолета. Похоже, что животное было в игриво-веселом настроении и просто-напросто валяло дурочку. Хотя, кто поймет, когда маги дурачатся, а когда говорят вполне серьезно!

- Что в стакане? - строго спросил профессор.

- Компот из свежих фруктов, мессир. Наш юный друг думает, что это марганцовка. Ошибаетесь, молодой писатель. Это компот. Вы его опишите в следующей главе. Целую страницу только о компоте. Чтоб

слюна потекла или стошнило. Лучше, чтоб стошнило. Кстати, как обстановка с женщинами? Хозяин уже позаботился или нет?

- Какие женщины? - возмутился Митев.

- Не шарьте под балбеса, - зарычал кот, распластавшись на диване и похлопывая себя по жирному телу. - Самой последней кошке ясно, кто такие женщины, и зачем они нужны. Заодно подыщите хорошенькое местечко за городом, поле с высокой рожью, потому, что я лично, как явление цивилизованное, в неволе не размножаюсь, и тихой овечкой прикидываюсь не более часа десяти минут. После часа десяти я превращаюсь в агрессора и работаю по договору подряду.

- Это называется цивилизованным явлением? - бросил Андрей.

- Да. Мои правила, а именно: размножаться на воле и прикидываться тихой овечкой не больше часа десяти - не что иное, как лозунги нынешней цивилизации.

- Как ты распустился, скотина, - внешне бесстрастно сказал Воланд.

- Мессир, вы несправедливы. Право на шалости - мелкая компенсация за преданность. И вы сами... сами... это право предоставили и гениально обосновали. Цитирую: разрешить шалить ближним, чтобы ближние не разрешали шалить остальным. Да и что ужасного я делаю?

- Ты надоел... ужасно. Убирайся к черту! - исключающим любые возражения тоном произнес профессор.

- Повинуюсь, - кот вскочил и отдал честь. - Убираюсь. Извиняюсь. Прощаюсь. Ожидаю ваших сигналов и указаний.

Бегемот впрыгнул в дырявые домашние тапочки, извлек из-под стула потертые джинсы: плотно завязал пояс кимоно, нацепил светозащитные очки. Вид его был вполне сумасбродный, следовательно, привлекательный.

- Счастливо оставаться! Вам, писатель, больших книг и маленьких интриг! И ни в коем случае не ходите в ресторан Дома литераторов. Не дай бог, что стрясется. Хе-хе. В свое время случались истории.

Не успел Бегемот договорить, как самовключился стоящий в углу телевизор. На экране шествовали трое мужчин с туго перетянутыми ремнями талиями, в крагах и с револьверами в руках. Передний крикнул звонко и страшно:

- Ни с места! - И тотчас же все трое открыли стрельбу. Следующий кадр - веранда под тентом, столики, рюмки, лафитники, бокалы, чинная публика и вдруг рожи Бегемота и еще какого-то мерзкого типа в клетчатом костюме. Затем в тент ударил столб огня. Как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенте и стала расползаться во все стороны. Огонь, проскочив сквозь нее, поднялся до самой крыши. Лежащие на окне второго этажа папки с бумагами вспыхнули, за ними

схватило штору, и тут огонь, гудя, как будто кто-то его раздувал, столбами пошел внутрь дома. Через несколько секунд по асфальтовым дорожкам, ведущим к чугунной решетке бульвара, в панике бежали люди... много людей. Дальше на экране возник солидный товарищ в летнем пальто на шелковой подкладке, с двумя длинными предметами под мышкой. Предметы были запакованы в газетную бумагу.

Из коробки телевизора раздался треск, изображение пропало.

- Потряска, - заорал кот. - События пятидесятилетней давности. Я молодой, красивый, полный юношеского задора. Пожар в домике грибоедовской тетки.

- Глава двадцать восьмая романа Булгакова, - прошептал Андрей.

- Точно. Мессир, один вопрос. Почему еще нет фильма о наших похождениях? Представьте, сколько интересного! Здесь и детектив, и фантастика. А можно и мюзикл засандалить. Публика бы валом валила в кинотеатр. Если телеверсия в сериях, народ бы бежал после работы домой, перестал бы есть, пить, бестолково шататься по магазинам, эмоциональный заряд такой, что производительность труда наутро вырастала бы минимум процентов на двадцать. Снизилось бы число разводов, преступлений, ибо больше было бы страха. Ведь на страхе все держится! Не так ли?

- Не так, - вступил в полемику Андрей.

- Убирайся скорее! - не дал разбушеваться страстям Воланд.

- Так точно, - гаркнул кот. - Освобождаю от своего присутствия. Немедля еду на киностудию с пачкой наличных. Буду всех угощать и требовать съемок фильма о наших с вами, мессир, приключениях. Сценарий подготовите вы, молодой литератор. Не забудьте вставить в художественное полотно какую-нибудь Клаву с ткацкой фабрики и отобразить ее бешеную, но безответную любовь к одному из магов... допустим ко мне. Ведь я самый симпатичный и добрый маг, кого еще любить?

- Пошел, - взревел профессор.

Сильный ветер пронесся по комнате. Шлепнула дверь. Пыль поднялась столбом. Несколько тонких книжек слизнуло со стола и прокатило по паркету. Андрею в глаза угодила неясного происхождения гадость. Когда эту гадость укрыватель представителей нечистой силы (а как по-другому охарактеризовать человека, который приглашает к себе домой руководство ученого совета, не значащегося ни в одном официальном документе!) выплакал и выморгал, в помещении уже наблюдались безветренность и покой. Воланд в шикарном белом костюме, с бабочкой на шее (маленькой, в горошек аристократической бабочкой) застыл у окна, скрестив руки. Бегемота не было. Специфического запаха Бегемота тоже не ощущалось.

На стуле валялся громадных размеров, червонного золота

портсигар. Крышка портсигара играла синими и белыми бриллиантовыми огоньками. Под стулом - рваные тапочки кота: тихая овечка в спешке оставила свои копытца, а может сбросила их специально, на память. Противные тапочки, равно как и воцарившийся после таинственного тайфуна беспорядок разозлили Андрея. Он выразил неудовольствие, но выразил весьма своеобразно: принялся собирать раскиданные стихией вещи, не обращая никакого внимания на почетного гостя. Воланд недолго терпел пренебрежительное отношение.

- Давайте завтракать, - подал голос он.

- Сейчас я закончу. Не дом, а штаб разбитой армии.

- Штаб разбитой армии - это чернейший пессимизм, крушение, катастрофа. На вас тоже навалилось подобное?

- Слава богу, нет.

- Тогда давайте завтракать.

Но завтрак упорно не получался. Закончилась уборка, пошли телефонные звонки. Андрей только успевал подскакивать и с безразличностью учрежденческой секретарши отвечать: "Вы не туда попали", "Они уехали", "Здравствуй Коля. Нет. Сегодня занят", "Не узнаю. Ах Таня, да-да припоминаю. Море, пляж, песочек. Было. Звякни через месяц". В очередной раз сорвав трубку, Митев обнаружил, что провод перерезан.

- Зачем вы подошли? - спросил Воланд. - Звонка ведь не было.

- Зачем вы вырубили связь?

- Я вырубил связь? - наиграно удивился маг и совершенно несолидно загоготал. Его глаза стали неподвижными и тупыми". Я идиот", - откровенно заявляли глаза. Моментальное преображение почтенного ученого в человекообразное дерево без смены костюма, с помощью пластики лица и одной реплики впечатлило Андрея. Да кого бы это не впечатлило? Спектакль, однако, продолжался.

- ...При чем тут я? Ложные обвинения. Мои руки не шевелились. Расстояние до трубочки с аппаратом несколько метров. Любому известно: не прикладывая рук, обрезать нельзя. Я их не прикладывал, значит...

- Вы приложили свои способности.

- Какие способности?

- Особые, - после паузы выдавил Андрей.

- Ага... особые, то есть сверхъестественные, то есть чудотворные. Не стыдно. Вас чему в школе учили? Что вам говорили про сверхъестественное? Все естественно, все, что "сверх", то неестественно. Так? Позор. Верить во всякую муть, в чудеса, в магию. Между прочим, я и раньше замечал у вас эдакий уклончик. Душок, такой, знаете, гниловатенький. Ведь ваша любимая героиня Джульетта

тоже обладает особыми... да-с... талантами. Опять чудеса!

- Не чудеса. Просто плохо изученная наукой область.

- Браво. Изящная уловка. Прежде была дьявольская сила, теперь малоизученная наукой область, прежде сапожник, теперь обувщик. Сразу иная песня.

- Неизведанное всегда принимали за дьявольскую силу. Не верить и бояться легче, чем вдумываться и объяснить.

- Вы вознамерились превратиться именно в того подвижника, который объяснит...

Тут бриллиантики на крышке портсигара сверкнули, черти, так, что Митев зажмурился.

- ...и докопается до истины. Имейте в виду, экзальтированные дамы не будут утирать слезы краем платочков и носить букеты весенних цветов на вашу могилу. Правда - черствый хлебушек. Из ста правдоискателей лишь один добирается до цели, остальные тонут в реке забвения.

Митев хитренько улыбнулся.

- Вы меня пугаете целое утро. Суровая писательская романтика, черствый хлеб правды...

- Я пугаю? - вновь заактерствовал профессор. - Помилуйте. Кого ныне испугаешь? Никто ничего не боится. Ребенок смеется, когда видит Бабу -Ягу. Рабочий усмехается, когда ему грозят увольнением. Директор поплевывает в потолок через 3 дня после того, как ему вкатили выговор, актриса пропускает мимо ушей строгие замечания режиссера, ибо режиссер ее любовник. Кто кого боится? Никто никого. Мы, маги, и то в загоне. Нет, пятьдесят лет тому назад такого не наблюдалось. Жители тряслись, слухи о наших ...проделках... точнее шутках... вернее акциях справедливости... или еще вернее, действиях, наводили панику, держали город в напряжении. Нас чувствовали, как лошадь чувствует хорошего наездника. Эх, времена... Когда Коровьев...

Здесь Воланд осекся и сжал челюсти так, будто бы кто-то пытался с невероятной силой их разжать.

- Что Коровьев? - оживился Андрей, услыхав фамилию спутника профессора в рискованных прогулках по булгаковской Москве. Заметим, профессор впервые упомянул о Коровьеве.

- Кто? Не слышу.

- Опять прикидываетесь. Вы прекрасно слышите. Оговорились, лишнего сказали, выворачивайтесь достойно, без шутовства. Почему вы не желаете рассказать мне о Коровьеве? Где он?

- Тихо! Тихо! Ни слова о Коровьеве! Ни слова! Я требую! Придет час, расскажу. Но это потом. Вы очень неосторожны, молодой сочинитель. И дипломатичности ни на грамм.

- Кофе не желаете? - прервал Андрей гневную речь Воланда.

- Давно желаю, - громко ответил тот.

Кофе по- восточному получился отменным. Пьянящий аромат наполнил квартиру и проник за ее пределы, доставляя соседям, особенно тем из них, кто проголодался, немало страданий. Насколько страдали соседи, настолько наслаждался почетный гость. Он пил малюсенькими глоточками, причмокивая, глубоко вздыхал, томно опускал веки, где-то походя на певца, который исполняет старинный романс. К кофе была предложена запеченная с овощами и картошкой рыба. Это блюдо матушка Андрея готовила всякий раз, когда требовалось кого-то принять. Сейчас Андрей впервые делал самостоятельно, по памяти. Волновался страшно, но в итоге не опозорился. Воланд умял рыбку за милую душу, оставив лишь полублестящую тарелку.

После еды настроение черного мага заметно улучшилось. Представляю, как не согласятся, удивятся, не исключено, и возмутятся иные читатели: "Неужели плотный завтрак влияет на магов? Ничего подобного за профессором писатель Булгаков не замечал. Да и по сути сие чистейшая лабуда. Ирреальное, сверхъестественное, высокое и на тебе, рядом такое банальное, такое земное". Что ответить? Не мудрствуя лукаво, скажу: я пишу то, что знаю, чего не знаю, не пишу. И потом (все-таки тянет на мудрствование), мне кажется, заземленность есть у любого, кто ходит по земле. У магов в том числе. Однако, не будем развивать данную идею, последим лучше за дальнейшими событиями.

Итак, Воланд насытился и пребывал в совершеннейшем довольстве. Правда, вслух свои чувства не выражал. Андрей тоже молчал, лихорадочно прикидывая, что намерен предпринять гость в ближайшее время. Вообще какова его программа? Неужели он собирается торчать целыми днями на квартире и превратить хозяина в няньку и кухарку? Но ведь приедут родители, к тому же надо готовиться к экзаменам, да и связаться накрепко с профессором небезопасно.

Но прогнать его одинаково небезопасно. Тяжкое, мутное положение.

- Хотите развлечься? - наконец заговорил Воланд. - Отвлекитесь. Переживания отрицательно влияют на продолжительность жизни. Обещаю не доставлять хлопот, в квартире долго не находиться и вас не эксплуатировать в качестве домработницы. Устраивает?

- Да, - лаконично отбился Андрей, а про себя подумал: «О, господи! От него точно не скроешься. В черепную коробку залезет», Воланд ухмыльнулся, не иначе, как по поводу черепной коробки продолжал:

- Развлечение развлечению рознь. Я предлагаю весьма интересный

план. Составите компанию?

- Сперва раскройте план.

- Логично. План прост: мы сидим в этой замечательной комнате, и с помощью вашего телеприемника наблюдаем за моим заместителем, который в настоящий момент бродит по улицам.

- Я не приучен подглядывать.

- Подглядывают за голыми женщинами в бане, а мы будем наблюдать за ближним, особенно подчиненным. Какое наслаждение порыться в его интимных бумагах, случайно услышать его доверительную беседу, в которой речь заходит о себе самом, или неожиданно узнать о любопытном эпизоде в его автобиографии. Впрочем, вам еще не понять. С годами...

- Вряд ли.

- Дурная манера перебивать. Я обиделся и приступаю к осуществлению плана консультаций. Хотите, сотрудничайте со мной, хотите, нет. Упрашивать я не собираюсь.

- Нашли предлог.

- А вы не давайте предлогов, - издевательским тоном оборвал Воланд. Не дожидаясь ответной реакции, схватил телефонную трубку и сердито буркнул:

- Бегемота, пожалуйста, да поживее.

Второй раз за утро чудес заработал телевизор. На экране отчетливо, в полноте красок и оттенков нарисовался кот. С физиономией карточного валета, засунув руки в карманы, скользил безобразник притворно деловой походкой по подземному переходу. Люди в современной Москве ходят быстро, целеустремленно, не оборачиваясь. Кот не отставал, видно, что под ритм и стиль огромного города он подстроился. Вообще, внешне он ничем не выделялся - обыкновенный прохожий, один из сотен тысяч.

У газончика кот замедлил шаг, огляделся. Покрутил усики, почесал затылок, потер ладони. «Затевает что-то», - определил про себя Андрей. На экране тем временем успевшую изрядно надоесть рожу Бегемота сменил крупный план женщины лет сорока пяти. Женщина тихонько плакала. Андрей пригляделся. Лицо довольно милое, но измученное, прямо-таки изможденное. И морщин больше чем, предлагается по возрасту. Руки трудовые, без нежной белизны и наманикюренных ногтей. По тому, как она плакала - скупо, скромно - было ясно, что это занятие для нее непривычное, что каждая ее слеза весит очень тяжело.

- Не расстраивайтесь. Все утрясется, - раздался сладенький голосок и в тот же миг рядом с женщиной оказался Бегемот.

- Спасибо, - сказала она почти шепотом. Чувствовалось, каких усилий стоило «спасибо».

- У вас горе? Не могу ли я чем-то помочь. Я известный журналист. Ежедневно в номере. Как раз сегодня опубликовали мой подвал «Увеличение лесозаготовок по мере углубления в лесной массив». Читали?

- Нет, - с изумлением и поклонением произнесла новая знакомая Бегемота.

- Напрасно.

- Товарищ журналист...

За две минуты кот узнал обо всем (только женщины умеют так излагать): о муже - пьянице, о двух детках - шеегрызах, о двадцати годах работы на стройке, о Петре Иваныче, который забыл свои обещания и отказался посодействовать с квартирой.

- Изучим... выступим... накажем, - напустив на себя гонор, бурчал обманщик. Для полноты впечатления он еще записывал что-то в блокнот.

Воланд склонился к уху Андрея и оживленно прокомментировал:

- Обратите внимание, ворует ваши идеи. Ведь это ваш персонаж. Как бишь его... Михаил Николаевич предлагал активно использовать прессу и ярлык журналиста. Браво... Поздравляю с успехом.

Комплимент был чертовски приятен Андрею, но наружу восторг не выплеснулся. Молодой сочинитель сохранил бесстрастный и независимый вид уставшей от почестей знаменитости.

А в телевизоре... маячил Бегемот. Во весь опор мчался он по лестнице учреждения. На административный характер данного учреждения указывал ряд признаков: коридоры, отделанные деревом, стук пишущих машинок, синтетические паласы с удушающим запахом на полу (особым образом запахи тоже передавались зрителям в квартире на улице Василисы Кожиной), наконец, служащие при галстуках, с папками и бумагами, величающие друг друга по имени-отчеству. Преодолев лестницу, кот в три прыжка оказался в центре толпы, которая расположилась вокруг высокой двери. Недолго думая, кот рванул на себя дверь и под неодобрительный гул и пронзительный крик «Нельзя к нему!» ворвался в кабинет.

Сидевшие за длинным столом устремили раздраженные взоры на неведомо откуда взявшегося типа. Последним поднял свои ясные голубые очи тот, кто заседал во главе - худой, интересной внешности мужчина, одетый в шикарный костюм - тройку.

- В чем дело? - спросил худой бархатным голосом, очень тихо, но внушительно.

- Жена у меня померла, Петр Иваныч, - провинциальным говорком сообщил Бегемот и зарыдал (какой прохвост!).

Петр Иваныч покачал головой.

- Печально... Соболезнуем. Но у нас совещание, товарищ.

- Помогите... Прошу помочь. Автобус организовать. Ребят из бригады отпустить. Еще...

- Мы понимаем ваше горе и постараемся по мере сил помочь. Но, мне кажется, вам стоит прежде всего обратиться в похоронное бюро. Подобные обряды - это целиком их сфера. Тем более у нас сейчас - товарищи подтвердят - сложное положение с транспортом.

- Петр Иваныч, - взмолился Бегемот, - двадцать лет тружусь, одни благодарности. Сроду не просил. Сейчас просто выхода нет. Выручайте.

- Ладно - ладно. Попробуем посодействовать. Позвоните моему секретарю часа через два. Я передам ей указания.

- Спасибо.

- Не стоит.

Ровно через часа два кот позвонил. Ответ последовал предельно четкий: шеф уехал по делам. Никаких указаний не оставлял. «Передайте вашему начальнику, что он скотина», - выпалил кот на прощание.

- Будут трупы, - тяжело вздохнул Воланд. - Туповатый руководитель этот Петр Иваныч. Интуиции ни на копейку.

- Вы же обещали обойтись без трупов, - вспыхнул Митев.

- Если обещали, тогда обойдемся.

На экране трупов пока не наблюдалось, а наблюдались явления вполне обычные, будничные. В маленький дворик, робко приютившийся между многоэтажными домами, вошла молодая блондинка с энергичным взглядом и резко очерченными черными бровями. В больших, почти мужских руках она держала солидный по размерам кожаный портфель. Несколько минут назад блондинка ловко выпрыгнула из машины, остановившейся у другой стороны дома, к которому она сейчас направлялась. Водитель машины - высокий худощавый парень в клетчатом пиджаке - после ухода своей спутницы стал нервничать (по крайней мере так казалось со стороны), он включал и тут же выключал радио, до блеска протирал светозащитные очки, все время ерзал, словно пытаясь найти удобное положение и беспокойно вертел головой.

Тем временем блондинка подошла к рыжеватому мальчугану, лет девяти-десяти, который весело играл со сверстниками в футбол.

- Здравствуй, - громко сказала женщина и мальчик сразу обернулся.

- Здрасьте, - пробормотал он в ответ.

- Меня зовут тетя Аня, - представилась женщина. - Твое имя, я знаю, Денис. Мне твоя мама много рассказывала о тебе.

- А вы пришли к моей маме? - перебил мальчик.

- Да, я пришла к твоей маме, - улыбаясь, и почему-то особенно радостно сообщила тетя Аня.

- Я еще поиграю немножечко, мама все равно раньше четырех не приходит с работы, а сейчас только два.

- Нет-нет, - ответила блондинка, перестав улыбаться, - пойдем, я дала слово Наталье Алексеевне, что подожду ее дома и заодно посмотрю, как ты сделаешь домашние задания.

- Ну еще чуть-чуть.

- Перестань ломаться, - резко сказала женщина.

- Ладно, - огорченно вздохнул ребенок и, подхватив тяжелый портфель, побрел к подъезду.

Блондинка шла рядом. И ухмылка ее выдала. Андрея будто током ударило: кот! Кот в новой роли! Теперь он играет миловидную даму. Зачем - вот вопрос? Андрей украдкой глянул на Воланда. Тот сидел чинный, невозмутимый, как на дипломатическом приеме. Что означала эта невозмутимость?

...Вскоре нежданно-негаданно появившаяся тетя Аня развалилась в мягком кресле и пила предложенный Дениской как полноправным хозяином холодный сок. Утолив жажду, она сказала:

- Денисочка, не хочу отвлекать тебя от уроков, не теряй времени, садись заниматься. Только принеси мне какие-нибудь журналы или книжки, я их посмотрю, пока придет мама.

Как только малый ушел в свою комнату, блондинка поднялась с кресла. Она внимательно осмотрелась: полированная стенка с множеством дверец и полочек, журнальный столик, большой диван с непрактичной шелковой обивкой, два стула с гнутыми ножками, сделанных под старину. Внутри стенки стоял телевизор и немыслимо громоздкий магнитофон. Осмотревшись, женщина взяла в руки кожаный портфель, с которым пришла. Довольно быстро красивые безделушки, занятные сувениры, в основном, заморского производства перекочевали из расписных шкатулок и вазочек в портфель. Взяв все, что только возможно было унести, блондинка-кот скользнула в спальню, вытряхнула в одну кучу содержимое низеньких тумбочек, спрятанных по бокам кровати, и туалетного столика. Отобрав какие-то цепочки, наскоро запихнула вещи назад и остановилась в нерешительности. Тут ее внимание привлек замшевый, с оригинальной вышивкой футляр для очков, который лежал на книжной полке. Блондинка открыла футляр и глаза радостно блеснули (Ох, глаза Бегемота. Едва ли в целом мире сыщешь похожие). Она моментально вернулась в гостиную и бросила футляр в свой портфель.

- Фу, уголовщина, - сморщившись, воскликнул Митев.

- Любезнейший, не торопитесь с выводами. Вы ужасно не терпеливы, - все также невозмутимо отреагировал профессор.

... Кто-то ходил по коридору. Шаги замедлились, затем раздался восторженный вопль мальчишки и послышался женский голос.

Блондинка метнулась в кресло, придвинула к себе журналы и уткнулась носом в цветную фотографию. Через секунду в комнату вошла высокая женщина с лучистыми, живыми глазами, открытым ясным лицом. За ней влетел Дениска.

- Тетя Аня, - орал он, - вот и мама.

- Здравствуйте, Наталья Алексеевна, - самодовольно начала тетя Аня.

- Здравствуйте, - тихо сказала Денискина мама. - Вы собственно по какому поводу?

- Я по серьезному поводу, - заявила блондинка и многозначительно посмотрела на ребенка.

Мать намек уловила, и тоном, не терпящим возражений распорядилась:

- Денис, иди учить уроки.

Сын сообразил, что от него хотят избавиться и что наступил самый лучший момент отправиться на улицу.

- Мамочка, можно пойти погулять? Я уроки уже сделал.

- Ладно, иди, - отмахнулась Наталья Алексеевна.

Они остались наедине.

- Я вас слушаю.

- Я пришла за своим мужем, - объявил кот.

- Что?

- Да, я пришла именно за ним и берегите нервную систему, она вам еще пригодится. Мы с вашим мужем любим друг друга, давно встречаемся.

Наталья Алексеевна очень побледнела, начала тяжело дышать и медленно опустилась на стул, потом негромко сказала:

- Вы меня обманываете, я не верю.

Но в действительности она поверила. Поверила, потому что уже однажды обожглась. Три года назад в одну из пятниц, вечером, Наталья Алексеевна не поехала сразу с работы, как обычно, на дачу из-за сильной головной боли. Вернувшись домой, на городскую квартиру, она застала своего мужа в обществе незнакомой симпатичной женщины. Были слезы, бурные объяснения, однако, до разрыва дело не дошло. Наталья Алексеевна оцепенела. «Неужели опять?»

- Мне абсолютно наплевать, что вы там думаете. Я пришла за Петей, хочу дождаться его, и с ним решить, - продолжал бешенную атаку кот. - Рассказываю сейчас, чтоб вас инфаркт не прихватил, когда он подаст на развод.

- Инфаркт? Как ты смеешь... ты... девчонка. Это хамство и низость.

- Держишься за мужика, который пяти минут тебя вынести не может, а сама выступаешь.

- Что? - Наталья Алексеевна схватила массивную пепельницу и

ринулась к «сопернице». Та успела вовремя вывернуться и отбежать к двери. Пепельница просвистела над башкой кота, с шумом отлетела от двери и брякнулась на пол.

- Вон, вон из моего дома! - неистовствовала опозоренная женщина. В следующий миг ее взгляд упал на прислоненный к стене кожаный портфель.

- Что это такое?

- Ты разве не видишь? Портфель... с барахлишком.

- Каким еще барахлишком?

- С моим барахлишком, не с твоим же. Я с дачи приехала.

- С какой дачи?

- С Петиной.

- Ах, с Петиной. Ты уже на даче побывала.

- Побывала и дачка мне понравилась, двухэтажная, то, что надо.

- Убирайся отсюда, иначе... - Наталья Алексеевна запнулась и вдруг цепко ухватила блондинку и толкнула ее так, что та, спиной отворив дверь, вылетела в коридор. Затем был выпихнут портфель.

- Забирай-ка и убирайся.

- Зря психуешь. Мужа, считай, у тебя нет. А за хулиганство я на тебя в милицию заявлю, дело пришьют.

Бегемот выскочил. Наталья Алексеевна нервно сорвала телефонную трубку и дрожащими пальцами набрала знакомый номер.

- Слушаю, - раздался бархатный мужской голос.

- Ты... ты... подлец.

- Алло, Наташа, что случилось? - заволновался Петр Иванович, тот самый Петр Иванович, который имел глупость легковесно отнестись к просьбе кота о похоронах.

Теперь для Андрея ситуация прояснилась абсолютно. Зампред совета по магии решил строго наказать бюрократа и с этой целью изобрел новый фокус. Ай-да зампред, ай-да прохвост!

Мигом Петр Иванович приехал домой. Разбирательство Наталья Алексеевна начала с пощечины и обильных словоизлияний. Муж лепетал невнятное, затем вдруг рявкнул во всю мочь:

- Молчать! Прекрати немедленно! Объясни членораздельно, что произошло. И перестань глядеть на меня, как кошка на собаку.

- Не знаю уж какая кошка, но ты... Ты спрашиваешь, что произошло. Ничего из ряда вон выходящего. Разве только визит твоей новой любовницы, но это стало обычным явлением для нашей семьи.

- Неужели приходила Елена?

- Имя тебе лучше знать. И не делай, пожалуйста, удивленный вид.

- Но я действительно не соображу, - протянул Петр Иванович, - неужели Елена после всего сказанного тогда...

- Хватит прикидываться. Речь идет не о старой, а о новой Елене,

или как там ее зовут.

- То есть?

- Хватит, я тебе говорю. Твоя блондинка хоть и нахальна до предела, но зато не изворачивается и предельно откровенна.

- Какая блондинка?

- У меня страшно неразборчивый муж. Связывается с женщиной и не помнит ее внешности. Ха-ха. Здорово! Чего ты болтаешь башкой в разные стороны. Ее здесь нет, я вышвырнула ее вместе с портфельчиком.

- Погоди, погоди. Портфельчик... У нее был портфель? Ты его вышвырнула. Умница! Ты бы лучше посмотрела, все ли вещи на месте, родная моя. Тебя тут за нос водили, а ты ушами хлопала. Где серебряные рюмки, где хрустальная ваза, которую я из последней командировки привез, где статуэтка? Где это? Где? Где? - орал Петр Иванович. Он носился по комнате, глазенки его бегали.

Наталья Алексеевна кинулась в спальню. Заветного футляра не было. Она все поняла.

- Ну и ну, - не унимался Петр Иванович, - история! Поверить идиотским басням и выкинуть свои вещи из дома.

- Почему выкинуть свои вещи?

- Как ты думаешь, что лежало в портфеле?

- Да... С ума сойти.

- Тебе это не грозит, не бойся. Тебе не с чего сходить.

- Пожалуйста, дай валокордин, - тихо попросила она, - мне что-то не по себе.

Муж принес маленькую чашечку и пузырек, живо отсчитал капли и подал чашечку жене. В этот момент в дверь позвонили.

- Открой. Наверно, Денис, - сказала Наталья Алексеевна.

Денис вбежал в гостиную с криком:

- Мы выиграли шесть - три.

- Это радует, - отозвался отец.

- А тетя Аня ушла?

- Какая тетя Аня? - взревел Петр Иванович.

- Которая к маме приходила.

- Она, оказывается, тетя Аня. Ты у мамы спроси, она лучше знает.

- А я тетю Аню видел. Она на скамейке с дядькой сидела. Мишка в них мячом бах, в дядьку мячом бум!

Денис засмеялся.

Экран погас. Зрители в квартире по улице Василисы Кожиной несколько утомленно посмотрели друг на друга. Затем синхронно повернулись к окну. О стекло усердно билась необыкновенно здоровых размеров муха и противнейшим образом жужжала. (Типовые мухи жужжат по-иному.) Муха отличалась еще и необычным цветом,

который описать трудно, легче оценить: красивый. Насекомое нервировало Андрея. Рука так и тянулась к тапочку. Но Митев своевременно опомнился. Черту лишь известно, что это за муха! Может, она тоже из воландовской компании и выполняет особые поручения? Может, Бегемот, приняв новое обличье, прилетел к начальнику? Андрей злился больше и больше. Ему надоели гости, надоела свистопляска чудес. Когда товара становится много, он теряет в цене. Чудес стало слишком много, они уже не впечатляли как тогда, на пруду...

Муха переместилась в воздушное пространство вокруг телевизора. Ныла она так, что последние силы терпеть иссякли.

- Уберите ее, - потребовал Андрей.

- Как вы думаете, почему она летает именно там? - глубокомысленно спросил профессор.

- Видимо, почуяла дерьмо. С определенного момента в нашем помещении сильно запахло дерьмом.

- Опять намек?

- Во-первых, не намек, а искреннее высказывание. Во-вторых, слово "опять" неуместно, я не люблю намеков и в ваш адрес их не допустил ни одного. - Митев с удовольствием метелил профессора. Он стремился быть колким, эффектным по форме и очень официальным. Суть его заботила меньше. Главное - напасть, задеть, пронзить. - В-третьих, ваш заместитель - уголовник, вор. Чего он достиг своей комедией? Потрепал нервы - бюрократ прекратит бюрократствовать, поумнеет, подобреет?

- Не надеемся. - Воланд положил руки на колени. - Важны игра, артистизм и удовлетворение от игры... удовлетворение. Когда судья судит, он получает удовлетворение не от торжества закона, а оттого, что преступник извивается в его стальных объятьях, и нет у преступника ничего, ни души, ни судьбы, можно размазать по стенке, можно пхнуть, либо процедить сквозь зубы: "Ладно, живи. У меня сегодня хорошее настроение". Бегемот, конечно, негодяй, но он игрок. Нынешние его игры - невинные детские забавы по сравнению со старыми, когда бились стекла, подлецы летели в другие города, гадюшные заведения сгорали к чертовой матери, а кое-кого выносили вслед за собственным портретом. Заметим, теперь о нашем присутствии знаете только вы, но ни тогда, ни сейчас мы ни на что не надеялись. Человек есть, пока есть грех. Не будет греха, не будет человека, не будет меня... Хе-хе... и моей вечности. Я ведь вечен, и Бегемот вечен, и Коро... то есть магия вечна.

- Мне противны ваши слова.

- Естественно. Вы ведь метите в пророки. Ищите точку опоры, чтобы перевернуть мир, изменить его. Вы пишите роман не ради денег и

славы, я знаю, вас гложет тайная мыслишка об очищении душ. Так?

Митев молчал.

- ...Ни пистолет, ни гениальная страница не поломают надолго психологии. Временное влияние, не больше. Веками происходило одно и тоже. Развивалась техника, представления, а мораль стояла на месте. Ее, правда, часто переодевали в другие одежды, перекрашивали, пересказывали новыми словами, но ... Людей предупреждали не сотворять кумиров, а они их сотворяли и сотворяют. Им говорят: "Не убий, не прелюбодействуй, не укради, не желай дома ближнего твоего". А они убивают, прелюбодействуют, крадут, лжесвидетельствуют на ближнего, мечтают о чужом доме. И ваш роман не спасет и ни на каплю не улучшит. Убийцы будут убивать, развратники прелюбодействовать, воры красть и каждый будет делать свое, ничтожное или великое, что уже делалось раньше и будет делаться потом. Единственное, что способен поправить писатель это свое материальное положение. Кстати... - Воланд перешел на жаркий шепот. - Предлагаю услугу. Реклама ваших произведений, издания, переиздания, переводы на множество языков, распространение в десятках стран. Читатели кинутся на ваши книжки как на стодолларовые купюры. Гонорары польются рекой. Премии, почетные звания, докторские мантии ежемесячно. Дома по всему миру.

- Дома? - с нескрываемой иронией переспросил Митев.

- Именно. Причем шикарные, по современнейшим проектам и старинные, видавшие еще французских королей.

- Только французских?

- Любых. Каких потребуется. А какие около вас будут женщины...о-о-о...о-о-о.

- О-о-о, - подхватил Андрей. - И блондинки? Настоящие, не крашенные? О-о-о. Не толстые, но не костлявые, в самый раз. Не верится. О-о-о.

- Гораздо лучше, чем в самый раз.

И они хором простонали: "О-о-о". Если бы кто-то случайно нагрянул в комнату в разгар исполнения столь странной арии... Впрочем, трудно предсказать, что произошло бы. Возможно, вошедший подхватил и взялся бы выть вместе с дуэтом или свалился в обморок, или вызвал медицинскую помощь соответствующего профиля. М-да, очень странно смотрелась сцена. Но Андрею было все равно, он себя со стороны не видел. Ему вдруг стало весело, и он раздурачился от души. Отчего веселился сам толком не знал. Серьезный человек порой смеется над тем, над чем в иной ситуации он ни в жизнь не рассмеялся бы.

Разрядившись, Митев бросил в Воланда гранату:

- Чего вы добиваетесь байками про блондинок и дома?

- Искренне стремлюсь поддержать талант. Таланты надо поддерживать.

- Поддерживать надо, но не блондинками и сверхгонорарами, а настоящей заботой. Большой гонорар для таланта вреден, он зажирается, перестает размышлять. Рабочее состояние таланта - поиск лишнего куска, спортивная злость и мания величия.

- Привязались к блондинкам. Вы неравнодушны к ним.

- Скорее влияние очаровательной красотки, которую мы вкушали по телевизору.

- Конечно, всегда виноват Бегемот, ну, конечно... конечно... И косвенно, конечно, я ... Спешу реабилитироваться. Есть предложения.

Андрей озадаченно молчал.

- ...Ладно, не напрягайтесь. Я объясню. Слабость в том, что любое произведение создают один или как максимум несколько авторов.

- Так, нечто новое. Вы хотите целую сотню авторов? Целый институт? Оригинальненько. Штатные единицы, должности, коллектив. Отдел лирической поэзии, отдел гражданской поэзии, управление прозы о современниках, отделение исторического повествования. Писатели в девять утра являются на службу, непременно при галстуках и садятся за стол кропать. Один кропает про любовь, второй - про ненависть, третий - про природу, четвертый - про конфликт на производстве. Сюжет заранее утвержден дирекцией. Потом начальник складывает куски, и получается роман.

- Тонкая язвительность - побочный продукт большого ума, но мера... меру и дистанцию вы не держите. Умейте дослушивать до конца. Итак... Слабость произведения в том, что у него один автор, который смотрит одними глазами на мир. Когда он дает чужую психологию, он ее пропускает через себя, и психология перестает быть чужой. Один человек, пусть гений, не может вселиться в тысячу душ и прожить тысячу жизней. И он пускается фантазировать, имитировать, куролесить, крутить.

- Что же здесь дурного? В книге прежде всего обаяние личности автора. В единственности взгляда - не слабость, а сила. Ну а вселяться в чужие души, да, к сожалению, пишущий бессилен.

- Пишущий бессилен, но совет по магии всесилен. Я делаю вам уникальное предложение: совершить серию перевоплощений, прогуляться по душам. Сегодня студент, завтра служащий, послезавтра ученый. Вы исследуете психику изнутри, поживете с иной внешностью, с иным телом, с иными мыслями. И тогда ваш роман будет самым выдающимся, самым потрясающим, сверх... сверх... сверх... невиданной глубины и силы, многоцветным, полнокровным, значимым, насыщенным, высочайше художественным, абсолютно искренним, эмоционально приподнятым, многослойным по

содержанию, стилистически разнообразным, внутренне напряженным, с сочными, запоминающимися картинами, бурлящими характерами, неожиданными сюжетными поворотами, волнующими переплетениями судеб, философическими раздумьями, лирическими отступлениями, смелыми экспериментами с формой, настойчивым поиском истины, отступлениями от сложившихся стереотипов, блестящим знанием предмета, благородно-едким сарказмом, замечательным проникновением в суть, по-настоящему богатым языком, то есть теми качествами, которые должна иметь вещь, чтобы редактор выбросил ее в корзину.

- В кого конкретно вы предлагаете перевоплотиться?

- Не извольте беспокоиться, - зашелестел Воланд. - Организацию путешествия целиком беру на себя. Объекты вселения интереснейшие, разные, но чрезвычайно ценные... Цель первая - студент, вашего возраста. Детали уловите на ходу. Торопитесь. Счастье плывет вам в руки. Согласны?

- Да, - безвольно, подавленно ответил Андрей.

- Отлично, - захлопал в ладоши профессор. - Сами согласились. Никто на вас не давил. Самостоятельно... по воле сердца. Отлично.

Андрей ощутил слабость в теле. Сперва слабость, потом невесомость. В голове - пьяноватость, шумок (будто кондиционер гундосит) и пощелкивание словца "отлично". Вот вдруг поплыли стены, пол. Он падал медленно, пластично, красиво, как в фильмах падают положительные герои. Когда колени коснулись ковра, успел подумать: "Не стоило... Зря... Обманет маг ". На миг в воображении появился крепкий парень в сапогах и ватнике. "Геннадий", - хмуро представился парень и куда-то пропал. И вновь в мозгу застучало: "Не стоило... Зря... Зря... Зря".

* * *

На улице, обычной московской улице, с обычными панельными домами, стояла автомашина. Обычная машина марки "Москвич". За рулем сидел обычного вида гражданин, немножко лысоватый и немножко толстоватый. Было, однако, в лице гражданина нечто необычное, притом непонятно, что именно. То ли дьявольская плутоватость глаз, то ли невероятное сходство с кошачьей мордой. Стоп... кошачья морда! Умный читатель сразу сообразил. Умному читателю дополнительных объяснений не требуется. Вот здесь бы автору взять да подбросить какой-нибудь хорошенький подвох. Вы мол, ждете одно, ну и ждите, а будет-то совсем другое - ха-ха-ха. Увы, подвох не состоится. Правда обязывает говорить правду. И я скажу: да, в "Москвиче" восседал Бегемот, он же по паспорту Костин Вольфрам

Тимофеевич. Не бойтесь, никакой тяжкой уголовщины. Просто кот на время переквалифицировался в скромного жителя столицы, получил прописку (как получил - секрет) и работал доцентом на факультете психологии. И опять-таки не жажди, сообразительный читатель, подвоха. Бегемот являлся самым настоящим доцентом, полноценным научным кадром. Его ставили в пример, на его лекции "Черная магия как лженаука" сбегались отовсюду. Действительно, кто лучше раскритикует магию, как не сам маг? Парадокс? На факультете психологии любили парадоксы. Курс семейных отношений вел трижды женатый и трижды разведенный профессор Шнеерсон, зрительными восприятиями занимался жутко близорукий профессор Гершенсон, а эмоциями - ни разу за последние двадцать лет не улыбнувшийся профессор Мейерсон. С этими и другими товарищами по работе кот... простите, Костин Вольфрам Тимофеевич, поддерживал хорошие отношения. В коллективе пользовался уважением. В быту был скромен. Активно участвовал в общественной жизни. Вот что касается моральной устойчивости, то здесь имелись некоторые... нет-нет, недоработками это назвать нельзя, недостатками тоже, скорее можно назвать особенностями или известными моментами. Объективных фактов (писем, сигналов трудящихся, телефонных звонков, визитов в инстанции), подрывающих репутацию Костина, не отмечалось. Зато отмечалось окружающими повышенное содержание тепла во взгляде доцента при общении с рядом весьма миловидных студенток, а также прямая зависимость между оценкой и привлекательностью экзаменуемой. Однажды на заседании кафедры профессор Шнеерсон состроил соответствующий намек (профессор Гершенсон при этом подмигнул, а профессор Мейерсон кашлянул). Пришлось Вольфраму Тимофеевичу давать объяснения, ибо отмолчаться было бы тактически неверно. Отбился он грамотно, сказав примерно следующее:

- Всякий культурный человек испытывает наслаждение при встрече с прекрасным. А к оценкам у меня такой подход: если девушка симпатичная, то значит скоро выйдет замуж и науки ей мало нужны, следовательно, мучить ее на экзамене не стоит. Но если собой не вышла, значит на хлеб придется зарабатывать самостоятельно, и учиться потому в поте лица. Здесь я спрашиваю по полной форме.

Рассуждения эти, как говориться, приняли к сведению. А на следующий день мыслителю объявили о том, что ему надлежит возглавить летний трудовой лагерь для детей факультетских работников. Объявление произвел профессор Шнеерсон (профессор Гершенсон, присутствовавший при сем, подмигнул, а профессор Мейерсон кашлянул). Было ли новое поручение последствием чьих-то случайных решений или же оно укладывалось в тонкий замысел - загадка. Фактом, однако, является то, что в назначенный день и час

Вольфрам Костин с чемоданом в руках стоял на перроне сумасбродного Курского вокзала и принимал от родителей детишек переходного возраста. Знали бы родители кому доверяют самых дорогих, самых любимых, самых воспитанных, самых умных и талантливых! Впрочем, хорошо, что они ничего не знали. Чем меньше знаешь, тем крепче спишь. И если брать по большому счету, то высококвалифицированный черный маг в роли предводителя подростков куда солиднее, нежели старая дева без призвания к педагогике.

Итак, Костин принимал на вокзале подчиненных. В лица вгляды-вался внимательнейше, стремясь каждое расшифровать. Я употребил слово "стремясь", конечно, крайне неудачно. Ведь заместителю Во-ланда не нужно было стремиться расшифровывать, он просто расши-фровывал да и все. Работа у него такая: внутрь, вглубь проникнуть и оттуда наблюдать, а внешне оставаться на месте, к примеру на пер-роне. "Что значит проникнуть вглубь и оттуда наблюдать? - воскли-кнет иной читатель, - поясните!" Отвечаю: пояснять сейчас не время, лучше давайте изучим, с кем предстояло колготиться целое лето Бегемоту.

Вот мальчик. Большие, в стиле художника Глазунова, глаза. Чуть пробивающиеся усики. Рядом суетится матушка. Вообще он, судя по поведению, очень нервный, но очень честный. Настоян на классической литературе, рассказах интеллигентного дедушки, с которым жил больше, чем с родителями. С подобным ребенком непросто. Он не терпит крика, не слушает тех, кого не уважает. Склонен к самоанализу и немножко к самоедству. При сильном давлении может психануть. "Этого убеждением, логикой надо обрабатывать, - подумал Бегемот. - В принципе зверь нестрашный". Раскрашенная смазливенькая девчушка тоже не испугала начальника. Типовой случай. Джинсики, модные ансамблики, дискотеки, незатейливые поигрывания в кинозвезду, в голове романтический, морской ветерок. "Пугануть родителями если что, и полный порядок", - определил Бегемот. Прошмыгнула рядом, успев вежливо улыбнуться принимающему, пухлая девчонка с румяными щечками и вышедшими в европейских краях из моды косами. "Отличница, активистка, редактор стенной газеты. Стихи пишет: "У нас порядок такой: поел, убери за собой". Ладно инициативу бантиком завяжем, иначе доведет". Дальше. Высокий парнишка в ковбойской шляпе держится особняком. Он красив, физически развит. Он старается подать свою красоту, несет ее бережно, как наполненную до краев чашку. Превосходство - его стиль, пренебрежительный взор - маска, намертво прибитая к физиономии. "Силы боится, нажмешь - на коленях заползает, спесь враз слетит. Кнутом, никаких пряников. У этаких типов от пряников

только хамства прибавляется".

Так последовательно кот перебирал вверенный ему контингент школьной молодежи. Под конец приемки психологические этюды утомили, аж зевота подступила. Вдруг... Вдруг... Будто финским ножом пырнули. Костин увидел его... его самого... неформального лидера. Вон он скачет, голубчик, в неопределенного цвета брюках, грязноватой безрукавке, с петушиной прической, при двух ремнях, каких-то железных браслетах на руках и давно выпрашивающих кашки спортивных тапочках. Вон он остановился, ухмыльнулся, обнажив лошадиные зубы, и уже шепчет что-то на ухо своим очень несерьезного вида провожающим, лет на десять постарше. Потом достает что-то из кармана, перекладывает в сумку, достает из сумки нечто громоздкое, завернутое в газету, вручает это одному из провожающих. И все быстро, резко, незаметно. Кот тяжело, умирающе вздохнул. Кот понял: беда. Девяносто девять процентов выпитой крови, девяносто девять процентов съеденных в лагере нервов придется на сего зверя. Кстати, тот и впрямь смахивал на зверя, точнее на звереныша (ибо ростом не удался).

Костин, с момента обнаружения главного соперника, потерял душевное равновесие и ту сверхуверенность, которая ему была присуща. Не удивляйтесь, братцы читатели! Маг и тот несколько задергался. Это не "минус" магу, не преувеличение рассказчика, а максимальное ощущение реальности. Насколько максимальное судите сами: перед отправлением поезда Звереныш перехватил Бегемота, легонько подцепил его под ручку, отвел в сторонку и заявил следующее (постараюсь не выпустить ни одного слова из приветственной речи неформального лидера):

- Хэллоу, босс. Я - Степан Бабкин, или Стив. Ублюдочные расклады нас ждут. Твари дрянные, что фигуры, что мордахи - кошмар с ружьем. Парни - салажня, детский сад.

- Сколько тебе лет? - делово осведомился Костин.

- Шестнадцать на счетчике настучало. Послушай, босс, нам бы посидеть спокойно, максимкой пораскинуть. - И уже шепоточком, вкрадчиво, ласково:

- У меня фляга спиртяшки припасена, рыбешка, цыпленочек табака горяченький, в фольге, и икорка отличная, астраханская. Разбросай побыстрей этих гавриков и в соседний вагон, в третье купе... там знакомые мужики.

- Ладно, посмотрим, - дипломатично сказал кот.

Обратите внимание, кот не стал возмущаться, топать ногами, шуметь, как сделал бы на его месте любой нормальный взрослый человек, услыхав от несовершеннолетнего столь откровенные речи. Но кот-то не был нормальным, впрочем не был он и человеком. Скажу

более, он посетил третье купе соседнего вагона, то бишь откликнулся на приглашение Звереныша.

В купе шла ожесточенная резня в карты. Неформальный лидер постоянно выигрывал и равнодушно-лениво засовывал мятые трешки и пятерки в глубокий, до колена, карман. Интересно, что проигравшие (это была не та компания, которая провожала на вокзале, а другая, но аналогичного типа) не кручинились по поводу потери денег, скорее, наоборот, воспринимали ее с легкостью и необыкновенной веселостью. К Костину отнеслись радушно. Нашли полстаканчика спирта, намазали хлебушек плотным слоем черной икры. Вольфрам Тимофеевич сидел смирно, не мешал игрокам, не докучал расспросами, наблюдал, прикидывал. Когда ввиду явного преимущества азарт спал, а спирт как следует шибанул в головы, полились беседы. Каждый, кроме Костина, конечно, начал исповедоваться, прилюдно стирать грязное белье своего прошлого. Что касается мужиков из купе, то их истории предстали очень заурядными, хрестоматийными для лиц с тупым умом и острым желанием заработать быстро, не разбираясь в средствах, большие деньги. На этом фоне куда занятнее вырисовывалась короткая биография Звереныша. После шестого класса со школой он завязал. Прокомментировал кратко: "Надоело! Сплошная теория, живого дела нет." Устроился в пункт металлоремонта и, не мешкая, нарыл там новую "золотую жилу" (в дополнение к уже имеющимся, давно освоенным и поделенным между тружениками этой сферы жилам). Малый обзавелся знакомыми в среде крупных коллекционеров книг, антиквариата, живописи (в тринадцать лет - знакомства!), а затем при помощи своих сверстников, поставлявших лом, и двух алкашей с окрестного завода развернул производство непрошибаемых, несгораемых, невзрываемых супердверей. Коллекционеры получали хорошую защиту своим сокровищам. Звереныш получал хорошее вознаграждение. Но музыка играла недолго. Кому-то не понравился молодецкий размах совсем еще сопливого мальчишки, кто-то подсчитал его несопливые доходы, заплелись интриги и в итоге предприятие развалилось. Малыш перебросил свое энергичное тело из металлоремонта в мореходное училище. И снова идеи, и снова неприятности. Проходя практику, предложил он катать пассажиров на прогулочных суденышках не просто, а с культурной программой, для чего привлек случайно встретившихся ему в портовом ресторане артистов цыганского театра. Артисты промотались на курорте и соглашались на любые условия. Звереныш внял, договорился с кем надо, кому надо обещал. Каша заварилась. Зазвенели над водными просторами воспаляющие душу и сердце мелодии. Публика задыхалась от восторга. Ведь у нас любят цыганские песни и пляски. Добавьте сюда матросов, одетых под

пиратов, с закрытым черной повязкой глазом, прохладительные напитки, романтические пейзажи и станет ясно, от чего росли кассовые сборы и не пустовал карман Звереныша. Однако, когда звуки гитарных струн докатились до толстых стен строгих учреждений, где больше предпочитают тишину, у мероприятия появились противники. Первая же проверка смыла инициатора вместе с инициативой. Артисты с кислыми лицами подались домой. Звереныша вызывали в милицию. Зная с какими муками обычно пробиваются к свету любые начинания, следователь упорно не верил, что подросток-практикант сумел за считанные дни уломать начальство, обойтись практически без бумаг, разрешений, согласований. Не верил следователь в случайность встречи с цыганами в ресторане и в чистые помыслы журналиста, поведывавшего о необычных концертах в репортаже по местному радио (журналист вскоре исчез: увлекся певицей, у которой брал интервью тогда на теплоходике, и рванул за ней в столицу). Верили - не верили, но в конце концов по малолетству простили. Правда из училища исключили. Попутно обнаружились еще одни хитрости при поступлении, липовые документы и прочие безобидные вещицы, компенсировавшие недостаток образования.

Сильные потрясения в нежном возрасте поуменьшили бы пыл у кого угодно, да только не у Звереныша. Он, наоборот, прибавил пыл, жадно набирался жизненного опыта. Набирался сперва на овощной базе, потом в кулинарном техникуме, летом в ларьке в парке Культуры и отдыха. Наконец, более или менее осел поваренком в гостиничном ресторане и одновременно вместе с одним доцентом-медиком читал лекции по линии общества "Знание" на тему "Новая техника чистки зубов". Точнее сказать читал доцент, Звереныш организовывал. Именно в этот период подъема родители - оба психологи - отослали свое чудо чудес в летний лагерь под надзор Вольфрама Тимофеевича Костина.

В купе жарило. Мужички заклевали носом. Стив замолк, устав от собственных рассказов. Бегемот сухо, но уважительно попрощался с компанией и вышел. В последний момент Стив всунул в мягкую ладошку начальника сверток с куском рыбки в качестве, так сказать, сюрприза. В тамбуре со свертком стряслось происшествие. Он выпал из рук, раскрылся. Когда же обладатель нагнулся, рыба вдруг заскользила по полу, затем подпрыгнула, да, изловчившись, впилась коту в палец, проскулив три раза специфическим рыбным голосом на чистом, без акцента, русском языке: "Гони пять рублей! Я денег стою! Я дефицит! Меня скоро химотходами совсем отравят!" Одновременно в метре от Костина образовалась тень, которая качалась - качалась и испарилась. После испарения в стенке вагона зияла дыра. Через нее, через эту дыру лилась вонючая, бесцветная жидкость. Костин заткнул

нос. Рыба прихихикнула: "Не нравится? Хотел целлюлозы? Жри теперь целлюлозу и запивай этой водичкой. Хихиканье прекратилось, раздалось грозное шипение: Тони денежки! Или..."

- Зачем тебе деньги? Рыбам деньги не нужны! - воскликнул Вольфрам Тимофеевич.

- Нужны-нужны, - запищала рыба. - С деньгами умирать веселее. И похороны стоят нынче не дешево. Опять же поминки. Ведь тьма народа прибежит. Одних сотрудников Министерства рыбного хозяйства сколько, потом браконьеры, рыбаки, торговая сеть и просто поклонники. - Тут рыба игриво дернула плавниками. - Меня страшно любят. Почти все. А в молодости... в молодости... бог ты мой. Тогда были другие вкусы. Тогда обожали толстеньких, жирненьких, крупненьких. Сейчас будто взбесились... на худющих... ха-ха... на худых бросаются. Косточек захотелось. Жирка никакого, формы... тьфу. Что за формы возьмутся от химии!

Пока рыба трепалась, на глазах Костина происходили потрясающие явления. Вагон обрел вид колоссальных размеров зала, потолки унеслись куда-то ввысь, гигантская люстра разлила неяркий свет. Повсюду зеркала, старина, красота. Зеркала и люстра затянуты черным. Люди за столами буквой "Т" тоже в черном. Официанты двигаются бесшумно. Приподняв с коленей салфетку, встает мужчина, судя по облику достигший немалых чинов. Из бутылки с этикеткой "Органический синтез" ему услужливо наливают в бокал пахучий напиток. Сидящие притихли. Так и хочется вскрикнуть в повествовании избитую, но яркую фразу: "Было слышно, как пролетела муха". Я даже написал ее, но потом зачеркнул, ибо в зале не летали ни мухи, ни шмели, ни комары. По моим данным забежал как-то таракан, настоящий не электронный, так и тот бесследно исчез. Поговаривали, что оборотистый официант тайно поймал его и продал за бешеную сумму в зоопарк. На всем, черти, умудряются зарабатывать.

Мужчину слушали с почтением. Многие плакали. Когда же в речи акцент на эмоции усилился, плач перешел в рыдания.

- Мы знали покойницу рыбу не только как ценный и любимый людьми продукт питания, - на надрыве произнес оратор, - но и как подругу в часы досуга. Истинным наслаждением было ожидать ее на тихой речке с удочкой в руках. Сколько часов сладких ощущений! Она сыграла немалую роль и в воспитании подрастающего поколения. Кто в детстве не любовался плескающимися, простите... плескавшимися в наших водоемах лещами, карпами и прочими категориями водоплавающих. Возьмите аквариумы. Их эстетическое воздействие трудно переоценить. Все это формировало у нас чувство природы, которую мы несем и несли целую жизнь.

Бородатый мужчина с золотой цепочкой на огромном брюхе,

сидевший где-то у двери, возбужденно зачастил на ухо соседу:

- Лещ, карп... хе-хе... а осетринка. Берешь ее, мамочку, на тарелочку. Особливо, если Марфа приготовит. Марфа-девка скорая, по любой части соображает... хе-хе... ну а за осетринку возьмется... ой верная погибель. А уха... уха... ушица... мамочка.

- Извиняюсь, вы из торговли? - аккуратно поинтересовался сосед у бородатого.

- Ага... из торговли. Купец первой гильдии Толстопятов Фрол Степанович. Не слыхали?

Сосед поперхнулся, от кашля покрылся красной краской:

- Не слышал. Извиняюсь, как вы сюда попали?

- Через дверь, как и вы...

Купец на сем прервался. Видно, обидели его чересчур любопытные вопросы и не слишком большое почтение к его личности. К тому же пришел момент закусить. Официанты обнесли натуральной икрой, где-то из расчета две-три икринки на персону. Икринки искусно располагали на кончике ножа. К синтетической икре, горы которой высились на блюдах, никто не притронулся. Лишь Толстопятов с размаху засадил в одну горку расписную деревянную ложку, зачерпнул изрядное количество, но, отведав, пробормотал: "Твари... Повесить надобно". Рассердило Толстопятова и нефтяное мясо с подливой, имеющей длинное название: то ли полихлорвиниловая, то ли монохлорвиниловая, то ли ... впрочем, неважно. Купец сплюнул и хотел даже закатить скандалище, набить лицо официанту, заткнуть кусок мяса целиком повару в рот, однако, вспомнив, по какому печальному поводу явился, закатывать, бить и затыкать не стал. Вот что понравилось Толстопятову, так это помидоры. Правда пробовать их он не решился. Зато подверг товар испытаниям. Раздавить помидор рукой не удалось, алая аппетитная на вид кожа оказалась сверхпрочной, словно железной. "Хоть в Париж вози - не помнешь, и, видать, сгнить, не сгниет. Хорош барыш!" - определил Толстопятов.

После паузы возобновились поминальные выступления. Короткий смешной человечек в мятом костюме говорил громко, почти кричал. Он будто мстил криком за свой низкий рост.

- ... Благодаря рыбе мы регулярно выполняли напряженным трудом квартальные и годовые планы, наши коллективы выходили в число передовых. Трудно осознавать, что ее больше нет с нами. Но трудностей мы не боимся. Мы с трудностями боремся, потом их преодолеваем. Мы обещали и без рыбы регулярно, напряженным трудом выполнять квартальные и годовые планы, выводить наши коллективы в число передовых. Хотя трудно, конечно, осознавать, что ее больше нет с нами. Однако кто трудностей боится, да не мы. Мы с трудностями ведем последовательную борьбу, направленную на их

ликвидацию. В новых условиях безрыбья мы все равно будем стремиться выполнять и перевыполнять квартальные и годовые планы, обеспечивать нашим коллективам передовые места. Хотя сам факт безвременной кончины рыбы будет оказывать отрицательное воздействие на ход выполнения квартальных и годовых планов, вывод наших коллективов в разряд передовых, затруднит это. Но нам ли бояться трудностей? Трудностей бояться - в лес не ходить, говорят в народе. Правильная постановка вопроса. С трудностями следует вести смелую, бескомпромиссную, настойчивую борьбу и в процессе борьбы проводить их полное искоренение.

Говоритель остановился, перевел дыхание:

- Все-таки жалко рыбу, - впервые нормальным голосом сказал он.

- Мама... в молочном соусе любила делать. К маме приедешь, сразу просишь: "Приготовь рыбки". У самого уже виски седые, а просишь, как ребенок: "Приготовь рыбки". Смешно.

Присутствующие хором тяжело вздохнули. Тяжело - тяжелехонько. Пробилась к сердцу фраза "Приготовь рыбки". Точнее призыв "Приготовь рыбки!" Точнее уже вопрос, неясно, к кому обращенный. "Приготовь рыбки?" Вольфрам Тимофеевич Костин, который, кстати, находился за столом, тоже растрогался. Чувства аж челюсти связали. Умеют же некоторые с одного маха... неожиданно... прямо в точку. Костин оглядел оратора. Что-то сидело в нем жутко знакомое. Живинка в глазках что-ли. Боже... это же от Стива... ха-ха от Стива, бойца летнего трудового отряда. Вот открытие! Костин начал рентгенировать каждого. И в каждом... представьте, в каждом явившемся на поминки были черточки Стива. Губы, щеки, глаза, то особое "стивовское", выражение лица - все растащили на кусочки близкие покойницы рыбы. Пока Костин производил наблюдения и сопоставления, оратор опомнился после минутной слабости:

-Выполним и перевыполним квартальные и годовые планы, обеспечим нашим коллективам передовые места. Трудности есть, мы с трудностями боремся. В сложившихся условиях отсутствия рыбы...

Тут публика в нарушение всяческих традиций поминок зааплодировала. Кощунство, но что делать? Зато реальное средство прервать образный рассказ о выполнении и перевыполнении квартальных и годовых планов, обеспечении коллективов передовыми местами. Прием сработал. Типчик наконец уселся. Однако собрание продолжалось. Своими воспоминаниями о рыбе поделился убеленный благородными сединами ученый с тематической фамилией Окунев.

- В этот траурный день мы вновь и вновь спрашиваем друг друга и сами себя: что сделали мы для предотвращения кончины?

Люди в зале напряглись. Кое-кто заерзал. Кое-кто с подозрением сощурился. Кое-кто проснулся.

- ... Я считаю, мы сделали все возможное и невозможное. Но природа есть природа.

Напряжение в зале спало. Ерзать, щуриться, просыпаться прекратили.

- ... Человек рождается, живет и, увы, рано или поздно умирает. Детство, юность, зрелость, старость, смерть - вечные стадии вечного цикла. Аналогично рыба: давным-давно появилась на свет, прожила долгий век, и покинула свет, оставив о себе добрую память. Вероятно, могла еще пожить. Вероятно. Но кто знает, сколько на роду написано существовать? Теоретически и человек должен жить сто пятьдесят лет. А мы рассчитываем лет на семьдесят, максимум на восемьдесят. Мир арена столкновений множества обстоятельств, подчас непрогнозируемых. Потому праздным является вопрос: "Реально ли было предотвратить кончину?" Такой вопрос ничего общего с наукой не имеет.

В зале раздались овации. Опять-таки в нарушение традиций поминок. Но понять надо. Очень убедительно говорил ученый. Просто, доказательно. Великая вещь - умное слово. Иной с помощью умного слова так увлечет, что ты поверишь в необходимость прыгнуть на спор с моста головой вниз. Другой же стоящее дело подаст столь гнусно, что на него под пистолетом не согласишься.

Вдруг тяжелый, застойный воздух разрезал возглас:

- А человечество тоже умрет?

В дверях, скрестив руки стояла долговязая персона, как две капли воды похожая на иностранца. Ученый с уже исторической фамилией Окунев изумился и без свойственной его стилю баюкающей мягкости заявил:

- Вас в каком аспекте, что именно интересует?

- Судьба человечества... только. С рыбой ясно: она родилась, жила и сдохла. Человечество тоже родилось, живет, а что дальше? Ах, я, кажется, не представился. Профессор Воланд. Специалист в области новейших наук.

Основная масса поминающих отреагировала абсолютно равнодушно, лишь малая часть встрепенулась, и один-единственный Вольфрам Тимофеевич Костин почуял сразу дрожь в коленках.

- Что дальше? Рыба уничтожена. Что дальше? Кто дальше?

- Рыба умерла, - закричал ученый Окунев. - Наукой установлено, что рыба умерла. Умерла! Есть медицинское заключение, справки. Авторитетные специалисты у нас и за рубежом признают: у-м-е-р-л-а.

Многоголосый хор запел: "Умерла! Наукой установлено! Есть медицинское заключение! Авторитетные специалисты признают!"

- Рыбу убили, - возвысил голос похожий на иностранца профессор Воланд. - Не беспокойтесь, громкого суда не предвидится. Следствие

не начнется. Виновных нет. А если виновные и есть, то у них стопроцентное оправдание.

Хор мягко подхватил: "Виновных нет! Стопроцентное оправдание! Аминь!"

- Дмитрий Борисович Наплюев, сколько лет вы строили очистные сооружения? - спросил Воланд у розовощекого красавца, восседавшего между двумя милыми дамами.

- Десять лет, - браво ответил розовощекий.

- Почему так долго?

- Денег не выделяли. Мы просили, они не выделяли.

- Верно. Вы просили, они не выделяли. Стопроцентное оправдание! Вам нравится?

"Нравится!" - прокатилось по залу и ритмично повторялось. Забыв про траур, некоторые пошли под "нравится!" в присядку. Видно, действительно понравилось.

- Господин Иридис, - продолжал Воланд странную церемонию. - Ваши танкеры часто терпели аварию и загрязняли море?

- Случалось, конечно, - неохотно сказал джентльмен в смокинге.

- Аварий можно было избежать, если отказаться от старых судов и малоквалифицированного, но дешевого экипажа.

- У нас принято, уважаемый профессор, самим решать, от чего отказываться и на что соглашаться. Я не нарушил правил игры. Я честно соблюдал правила.

- Верно. Как любой настоящий бизнесмен, вы честный и чистый. Стопроцентное оправдание! Нравится?

Опять публика запищала: "Нравится!"

Отдельные сумасброды опять затеялись танцевать под эту потрясающую песню с единственным словом "Нравится!" (кстати, потом целый год пороги ответственных учреждений обивал некто Пузырев, который требовал авторское вознаграждение за исполнение песни "Нравится!" на поминках у рыбы).

- Теперь журналисты и романисты, - объявил Воланд. Левый его глаз резко поменял цвет с зеленого на красный, а после с красного на желтый. - Книги писали, статьи писали? Предупреждали об опасности? Встречи, семинары, конференции проводили?

"Писали... Предупреждали... Проводили,- раздались ответы. Кто именно отвечал, определить было невозможно.

- Блестяще. У вас тоже стопроцентное оправдание! Нравится?

И вновь, теперь уже в электронной аранжировке закрутилась песенка "Нравится!" И все, почти все повскакивали с теплых от долгого сиденья мест, запрыгали, затряслись кто во что горазд. Движения произвольные. Партнеров не нужно. Каждый пьянеет в одиночку. Каждый сходит с ума по отдельности. Лысые и еще

кудрявые, глупые и пока умные, старые и не очень проверяли на прочность свою обувь, по преимуществу импортную. Обувь оказалась крепкой, танец ожесточенным. Пот лился северными реками (для повышения эффективности стоило бы перебросить куда-нибудь часть стока этих рек. Жаль, никому из поминающих не ударила в голову столь обольстительная мысль. Расстегивались рубашки, развязывались галстуки, пиджаки летели на стулья. Жарко! Идет танец!

- Друзья, - сказал в микрофон профессор Воланд. - Вынужден заметить: мы нарушаем нормы элементарной этики. На поминки не приглашены родственники покойной. Мне кажется, настало время устранить недоразумение.

Едва председатель совета по магии произнес слово "недоразумение", как Вольфрам Тимофеевич Костин тихонько, бочком, стараясь не толкнуть беснующихся, равно как и не получить от них незаслуженный толчок, направился к двери. Три минуты спустя он очутился в коридоре, затем по лестнице спустился вниз в подвальное помещение. Там его ожидал Стив.

Ни проронив ни звука, оба субъекта путаными ходами добрались до кладовки. Они открыли ее не без усилий, закрылись в ней, вынули из ларя со льдом осторожно, чтобы не уронить, две форельки, запаковали их в газетную бумагу, аккуратно перевязали веревочкой и отложили в сторону.

А в зале по-прежнему бушевала стихия. Недвижимо стоял только профессор, напоминавший мужественного капитана тонущего корабля. И как последняя команда с капитанского мостика прозвучало:

- Пригласите родственников покойной!

Толпа не слышала приказ. Ей было плевать на разные там приказы. Лишь кто-то отреагировал, прокричав: "Валяй! Приглашай!"

Знали бы разлюбезные гуляющие, какую глупость совершили. Поразмысли ли бы немножко, прикинули, откуда у рыбы родственники, кто эти родственники такие, и вообще что за тип записался в распорядители и делает приглашения. Но не до размышлений им было, они одурели, то ли от горя, то ли от горячительного, то ли от полной неясности и бесконтрольности.

В деревне ничего не знали про похороны рыбы. И, потому, видно, жили спокойно. Кот даже порой забывал, зачем и когда он сюда приехал. И старался не вспоминать. Его распорядок дня был таков: неторопливый подъем, гимнастика в форме почесывания груди и

похлопывания по пухлому животику, после плотного завтрака отбытие вместе с вверенным трудовым отрядом на поле, затем хороший обед, купание в море и сон, сытный ужин, свободное время, наконец, ближе к двум часам ночи отход ко сну. Во время работы подростков на поле, Бегемот обычно располагался неподалеку, на пруду с исключительной чистоты водой. Нет ничего приятней утречком искупаться под лучами нежного солнышка, а после как следует отдохнув, залезть в тенек, и посопеть с закрытыми глазами минут сто двадцать. Вокруг тишина! Воздух первозданный, целебный, без химических добавок. Волшебство! После обеда кот спал уже у моря, к которому трудовой отряд следовал полчаса на автобусе. Но это был уже не тот сон. Вокруг галдели юнцы: шло организованное купание. Физрук орал что-то в рупор. Кто-то ныл, просился вне очереди в море (запускали строго группами по десять голов). Шустряки убегали без разрешения, их ловили вожатые. Опять шум. Короче, на берегу кот спал плохо. Однако, самое любимое время суток - конечно, вечер, плавно переходящий в ночь. Ночью кот, подобно летучей мыши, оживал, и, подобно опять же летучей мыши, принимался за охоту. Добычей его становились... не будем скрывать правду... девицы из отряда, как он их ласково называл "пионерки". Иные испорченные читатели, наверное, сразу вообразили себе сценки. Не торопитесь. Крамолой здесь не пахнет. Просто едва падала темнота, Бегемот садился в машину председатель давал ему свой "газик", а как наш герой сумел договориться об этом один дьявол знает, и тот будет по известным причинам молчать), брал с собой "пионерку" постарше, хороший кусок баранины, хлеб, лук, шампанское, красное вино, шампуры, хрустальные бокалы без подставки, чтобы в землю можно было втыкать, серебряный поднос, ведерка два овощей и фруктов, магнитофон с записями классической и нежной эстрадной музыки, свечи, мягкие тапочки и обязательно лед в дорожном холодильнике. Через минут пятнадцать экспедиция приезжала в укромное, безлюдное "шашлыковое" место. Кот облачившись в кимоно и. надевши тапочки, начинал священнодействовать с мясом. Спутница тем временем собирала хворост. Затем торжественно, со значением, зажигался костер. В ожидании угольков велся изысканный светский разговор. Здесь Костин - кот выступал мудрым и заботливым наставником, здесь он держал приличную дистанцию. Дистанция резко сокращалась, когда поспевали шашлыки, когда крепкие молодые зубки пионерки вонзались в мягкую, с легкой краснотой внутри баранину, когда в ее мозги немножко ударяло вино и шампанское, смешанное с южным, чистейшим до тошноты, воздухом, когда зажигались свечи на столике, когда подавались художественно порезанные фрукты и овощи, когда громкость голосов уменьшалась, когда тем для беседы не оставалось,

когда кассета с симфонией заканчивалась. И тут-то наступала следующая фаза. Кот ставил другую кассету, на сей раз с песнями и приглашал девушку на танец. Причем песни были подобраны одна к одной, не шаляй-валяй. Все на русском языке, никакой иностранщины. Уху хочется слышать, рассуждал он, родную речь. Это же не дискотека, а интим. В тексте же должно говориться то, что сам бы он шептал в данной ситуации, если б магнитофона не было. "Луна, луна, цветы, цветы. Нам часто в жизни не хватает друзей и доброты", - пел ласковый женский голос, и кот сильнее прижимался к партнерше. "Лаванда, горная лаванда. Наших встреч с тобою..." И кот нежно скользил губами по шее. "А ты такой холодный, как айсберг в океане..." И пошли объятия. "Ты стань моей судьбой или уйди с дороги..." И объятия жарче и жарче. "Поет в ночи бегущая волна и танцевать нас приглашает, а в небе светит яркая луна, навечно в танце нас сближает..."

Вот так и жил в селе Иван Христофорович Бегемот, он же, согласно документам, Вольфрам Тимофеевич Костин. "Бездельник, испорченный тип", - скажут многие. Наверное. (Вообще я заметил, что читатель не любит героев сытых и довольных, ему подавай голодных и недовольных.) Но не ради обеления кота, а истины ради отмечу, что отрядом все-таки он руководил. И вовсе не бестолково. Он делал это незримо, внешне без усилий, не за счет энергии, а за счет расчета. Например, кот в отличие от начальников других отрядов не носился по полю с криком: "Петров, давай работай, нечего языком трепать!" Или: "Сидоров, не спи". Или: "Ребята, надо приналечь!" Как мы уже знаем, кот принимал водные процедуры и солнечные ванны на пруду. Но в отличие от тех начальников, кот добился, чтобы заработанные деньги начислялись каждому "пионеру" два раза в месяц в зависимости от выработки, а не переводились на общий счет отряда. Поэтому толкать никого не было нужно. Не хочешь работать - загорай, но ни копейки не получишь. Контролировал выработку колхозный бригадир, с которым Бегемот провел работу, дабы тот не сильно жульничал: намекнул, что секретарь райкома - лучший друг, что родной брательник - следователь прокуратуры и если кого-то надо посадить, то с этим делом проблем не будет. Передовики поощрялись не только наличными: им разрешалось больше купаться, позже ложиться спать, ходить в кино на поздние сеансы. Раз в неделю Бегемот собирал совещание ударников. Совещание проходило так: накрывался хороший стол в комнате начальника, приглашенные ели, запивали чаем и раскованно беседовали. Создавалось эдакое ощущение "клановости", "совета избранных". Кстати, поил Вольфрам Тимофеевич Костин "пионеров" не только чайком. Двоих он даже потчевал вином и сигаретами. Но это не просто за заслуги, точнее услуги. Вечером,

перед отбоем, тайком ныряли в комнату начальника приметные тела: либо худое и очень высокое, либо короткое и полное. Сие были информаторы. Каждый вечер кот имел исчерпывающие данные о настроениях подчиненных, враждующих группах, любовных интригах, а самое главное - о планах. И потому стоило кому-то что-то затеять, кот опять же невидимо, руками прикормленных тайных помощников все пресекал на корню. Нащупал он опору среди местных ребят, валандавшихся вокруг отряда. Парня по кличке "Царек" - лидера местной шпаны - купил просто. Приглашал на дискотеки, разрешал гулять с девицами из отряда. "Царек" ценил доверие и чувствовал свое привилегированное положение. За это он был обязан держать в узде приятелей, не допускать стычек и мордобоев. Помимо "Царька", Костин прихватил и его главного соперника - участкового в чине капитана. Участковый был по характеру мужиком не слишком сложным, чуть что против шерсти, он сразу багровел. Стучал двухпудовым кулаком по столу или какому-либо другому предмету, проникал в самые интимные детали богатого русского языка. Правонарушения он расследовал за пять минут, без бумажной волокиты и безошибочно. Разбили, скажем, в торговом центре ночью стекло, наутро злодей найден. Причем без хитроумностей. Подошел участковый к одному забулдыге и тихо сказал: "Ты, Васька, сучок, окно кокнул?" Тот сначала отпирается: "Ты, что, Михалыч! Я вчера к теще ездил". В хорошем детективе следователь в аналогичной ситуации задал бы коварный вопрос: "А кто может подтвердить Ваши показания?" Или: "Когда вы вернулись оттуда?" Причем следователь потягивал бы сигаретку либо, еще лучше, трубку и внимательно вглядывался в бегающие глаза допрашиваемого. Капитан Михалыч шел своим путем. Вместо коварных вопросов он говорил, меняясь в лице: "Ты мне лапшу на уши не вешай. К теще ездил, едрена конь. Я тебе такую тещу покажу, тра-та-та-та-та, ты у меня тра-та-та-та-та, ты у меня тра-та-та-та-та десять лет тещу не увидишь тра-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та. Чтоб стекло вставил или деньги заплатил сегодня же, и без трепотни, понял?"

- "Ладно Михалыч, - сознавался надломленный виновный. - Сделаю".

- "Попробуй не сделай. Посажу к тра-та-та матери. Артисты. Они окна долбают, а я бегай. Чтоб у меня... И не рассказывай, что таких стекол нигде не достанешь. Чтоб через двадцать четыре часа было. Тра- та-та".

И между прочим, через двадцать четыре часа стекло, действительно, было. Боялись Михалыча. Крепко боялись. Потому-то и завел кот с участковым дружбу, не пренебрегая при этом, как мы убедились, и "Царьком". Дипломатия дала плоды: никаких инцидентов с местными не

случалось, тогда как в соседних лагерях отношения выяснялись каждый вечер.

Замечалось за котом-руководителем еще одно свойство, точнее замечался грешок: он не заставлял вести общественную работу. Не выпускалось стенгазет, не проводилось трехчасовых собраний, утренних линеек, вечерних поверок, не разбиралось публично чье-то поведение, никого насильно не записывали в хор или футбольную команду. Взамен затевались какие-то странные ночные мероприятия типа ночного факельного шествия по стадиону в честь открытия отрядных игр. Имелся здесь неплохой стадион - показательный на всю область. Его чистили, лизали, показывали начальству, но играть на нем особенно не давали - дабы всякие там не топтали газон. Кот сходил два раза в баньку с директором стадиона, в прошлом директором плодоовощной базы в Одессе, и тот разрешил москвичам пользоваться сооружением и вдоль, и поперек, и ночью, и днем. Как раз ночью и решил кот провести мероприятие. Выглядело все феерически. "Пионеры" медленно и бесшумно двигались по беговой дорожке. Кот вещал из радиоузла дикторским голосом, делал длинные паузы и отливал из бронзы каждое слово. И хотя говорил он вещи не новые - о пользе спорта, о воспитании характера, о физической закалке- это воспринималось как проповедь, как... не найду подходящего сравнения. И мурашки по-настоящему бегали по коже. Вообразите, темно, идут люди с факелами и молчат, тишину разрывает только голос с мужественными интонациями. Потом начался концерт: пели песни, читали стихи. За концертом - забег лучших спортсменов на двести метров. Финал - танцы на футбольном поле, фейерверк, шум, толкотня, в общем, балаган.

Кот придумал не только шествие. Его искривленное мышление мага заносило его порой черт знает куда. Он, например, провел конкурс девочек на самую оригинальную прическу. В день конкурса, и три дня после него лагерь бурлил, все обсуждали шансы кандидаток, быстро определялись приязни и неприязни, схлестывались разные мнения. Приз, конечно, получила та участница, которая накануне конкурса ездила с котом в "шашлыковое" место и исполнила с ним дуэтом "Луна, луна, цветы, цветы..." Она же стала и мисс отряда по результатам фестиваля красоты - еще одной затеи Вольфрама Тимофеевича Костина. Для интеллектуалов был устроен политбой на звание "чрезвычайного и полномочного посла" с вручением ящика персиков в качестве премии. Зрителей собралось целый клуб. Три часа они безвылазно сидели и следили за тем, как вымучивают "бойцы" анализ международного конфликта и ответ на ловко закрученный вопрос, как имитируют государственных деятелей за столом переговоров. Было забавно. Всем понравилось. Заодно и что-то

полезное в голову попало.

Но полно о коте. С котом дело ясное. Он неплохо устроился. Берет от жизни высокий процент удовольствия. Как начальник умен, расчетлив, изворотлив. Он выдает нестандартные идеи. В отряде его побаиваются и уважают. Отлично. Впрочем было в деревенском существовании Бегемота одна деталька, которая чуток покалывала, как-то беспокоила. Нет, не особенно беспокоила, а так... Эта деталька звалась Стив.

Разведка доносила следующие данные: в первые же дни Стив вошел в контакт с местным населением - бабками на рынке - и принялся поставлять им клубнику, которую собирал отряд на общественных полях. Не всю, конечно, клубнику, а небольшую ее часть. К нему, естественно, потекли деньжата. Деньги плюс веселый нрав в сумме всегда дают шумную компанию. Кроме того, Стив договорился с несколькими хозяевами, что найдет им "ребят" для сбора фруктов на приусадебном участке. Условия сделки: хозяева получают фрукты, не прилагая усилий (не лазить же пожилым людям по деревьям и не ползать же по грядкам), ребята едят без ограничений витаминные плоды, посреднику выплачивается заслуженное вознаграждение. Кот долго перепроверял разведданные, прежде чем убедился в их абсолютной достоверности. А убедившись, ушел в раздумья. Нет, он не переживал за клубнику, за нарушения порядка. Ему на это было плевать. Но вот росшее на хороших финансовых дрожжах влияние мальчишки, его как начальника задевало. Еще не хватало конкурировать с каким-то ... тьфу... После долгих расчетов Вольфрам Тимофеевич выдал гибкое, как ему казалось, решение: перевести Стива на кухню, отстранив от работы в поле. На кухне, точнее в столовой, по мысли Кота, сыгранный коллектив из местных, чужака там не полюбят и не дадут ему развернуться. Это первое. От отряда неформальный лидер будет далеко. Это второе. Работа в столовой от зари до позднего вечера жутко тяжелая, значит, он будет уставать, терять силенки и энергию. Это третье. Словом, теория выглядела гладко. Но как происходит в семидесяти случаях из ста, практика наносит по теории жестокие удары. Не успели проводить Стива на "другую должность", по деревне разнеслась новость: близ столовой открывается точка, где можно заглотнуть горячих пирожков, чебуреков, ушицы, жареной курочки и тому подобных не лишних для желудка вещей. Да, да Стив быстро уломал директоршу. Они посмотрели друг другу в глаза и поняли все. Вытягивание плана, шумная инициатива на весь район (мол, даешь культурный досуг и сервис), удаление чужака из столовой - вот что такое точка. Разрешалось даже приносить свои продукты и давать указания по приготовлению индивидуального заказа. Разрешалось курить,

танцевать, пить будоражащие тело и воображение напитки. Разрешалось все, кроме неуплаты денег. Стив привлек двух помощников, из числа местных алкоголиков, без юридического оформления, с расчетом натурой, то есть водкой.

Заведение взорвало деревню. Оно стало капканом, куда по доброй воле попадали сельские жители, куда так и манило, куда ноги сами вели. Особенно вечером. Одни запахи чего стоили. Учуяв такие запахи, любой нормальный человек должен был направиться в точку и закусить. Причем обслуживали моментально, с улыбочкой. Даже алкаши-помощники улыбались, обнаруживая подгнившие зубы. И, между прочим, служили исправно. Все приказы малолетнего хозяина исполнялись быстро и без нытья. Заноешь - лишишься довольствия. Довольствие выдавалось три раза в день: утром пятьдесят грамм на опохмелку, обязательно под огурцы и бутерброд, в обед - двести граммов под плотную еду (Стив внимательно следил, чтоб заедали как полагается), вечером после работы - ровно столько, сколько нужно каждому для осуществления процесса доползания до ближайшего куста. В промежутках - ни-ни, только вкалывать, на перекуры не больше двух минут. Дневной расход на содержание штата получался больше литра. Но по сравнению с прибылью это были копейки.

И опять кот терял отряд. Вечером все паслись у Стива. Он кормил, поил, снабжал мелкими деньгами (крупными делился с директоршей). И вообще ходил в героях.

Когда же в своей точке Стив провел конкурс кулинаров, в котором участвовала вся округа - от девок до бабок, с приглашением районного руководства, организацией "настоящей" бани и банкета, популярность парнишки стала уже чрезмерной. Кот понял: опять пора подрезать крылышки. И перевел Стива в культорги. Общественность бурно протестовала: директорша столовой даже пыталась кричать о подрыве инициативы, из района угрожающе звонили, люди попроще обещали "настучать лысому в сопелку, чтоб хорошего парня не трогал". Но Вольфрам Тимофеевич оказался тверд и непреклонен. Меньше всего тужил сам "хороший парень". В области культуры он тоже быстро сообразил: сколотил агитбригаду из пяти девиц и стал давать концерты по окрестностям. Не придерешься - шефская работа. На концерты эти бегали толпами, особенно мужики, потому как члены агитбригады выступали полуголыми, и отплясывали они так, что эх... И опять не придерешься современные танцы, по телевизору показывают. Но по телевизору-то далеко, а здесь вот оно, близко и вживую. Заодно и прокручивались кассеты с модными записями. Желающим Стив переписывал эти записи за очень умеренную плату. Плюс кому нужно чинил магнитофоны ... тоже очень недорого. "Снова- здорово", - вздохнет уважающий законы и мораль читатель. "Снова-здорово," -

вздохнул Вольфрам Тимофеевич Костин. Мозги мага уже не могли придумать новый способ укоротить пыл демократически. Палка, ремень, сбор чемодана - вот все, что предлагала голова. Еще пистолет, однако, это чересчур. Да и понимал маг в глубине маговой души, что проку от репрессий (кроме выстрела в упор) равен нулю целых нулю десятых нулю сотых. Случай особый. "Надо бы доложить", - решил кот.

Стив торопливо шел по параллельной побережью улице. (Возможно, она и не совсем параллельна. Сейчас не помню. Помню, идет улица куда-то вверх, а, возможно, и не так и вверх.) Добравшись до особнячка старинной постройки он остановился, перевел дух. Так, все соответствует описанию: садик, толпа перед входом, табличка с манящей надписью "Республиканский наркологический центр". Темнело. Приближалось назначенное время. Стив хотел сегодня показать пунктуальность. Он чувствовал сегодня себя не привычно. Интуиция подсказывала что-то неопределенное, но важное, переворачивающее. Итак, вперед. Поработав локтями в нестройных рядах красноносых, парень пробился к закрытой двери и стукнул в нее ногой (на аккуратно-вежливый стук он реакции не ожидал). Через минуты две показался взлохмаченный дед в расстегнутом белом халате и мятых серых брюках, поднятых чуть-ли не до груди.

- Чего долбите? Совсем озверели ... - зарычал дед.

- Довженко у себя? - с какой-то уверенностью спросил Стив. Мол, ребята, пришел самый главный, готовьтесь кланяться - так переводится этот вопрос.

- Довженко уехал.

- Пропустите. Я от Вольфрама Тимофеевича Костина.

Если после вопроса дед испытал некоторую нерешительность, которую обычно чувствуют опытные охранники, сторожа, клерки и секретарши, боясь пустить грубость и нарваться на "сильных мира" и их людей, то после требования пропустить, эта нерешительность пропала. Видимо, дед полагался на свою память, а среди помещенных в ней фамилий фамилии Костин не значилось. А следовательно нечего церемониться.

- Не знаю такого. Закрыто. Завтра приходи.

Дед уже собрался хлопнуть дверью, но увидал черного здоровенного кота, вынырнувшего откуда-то, шут его знает откуда. Вышибала с идиотическим удивлением взирал на животное, а оно, это животное, не будь дурным, подскочило к вышибале и ловко, в одно движение, стянуло с него мятые штаны с трусами вместе. Дед, таким образом, предстал во всем своем увядающем великолепии. Вот что делать человеку в подобной ситуации? Есть вариант: поднять одежду, закрыться халатом и уйти. Но наш человек так не сделает, наш человек

бросит одежду, не станет даже застегивать халат и бросится на обидчика. Наш человек - это я деда имею ввиду. Обидчик - толстый кот.

- Ах ты ... Я тебе покажу, - орал дед, сжимая в руках железный прут.

- Показывай своей жене, - нагло провозгласил кот на обыкновенном русском языке, как будто он вовсе не животное, а нормальный гражданин - член общества.

Далее все происходило быстро, по хоккейной схеме: вратаря вытащили из ворот, обвели, растянули на асфальте, а в пустые ворота ... то есть в открытые двери юркнули толстый кот и Стив. Когда дед очухался, зачинщиков происшествия след простыл. И напрасно бегал униженный и оскорбленный "вратарь" по дому в поисках этих следов. Дело его, прямо заявим, было дохлое.

Тем временем в одной из комнат особняка (деду и в голову не могло прийти искать в этой комнате) за тяжеленным массивным столом сидел худощавый мужчина с разноцветными глазами. Лицо мужчины покрывала мрачность. И отовсюду веяло мрачностью, и от ковра, и от псевдодворцовых штор, и от беспорядочно расставленных стульев. И стены давили. Настольная лампа светила ярко. Люстра на потолке зажжена не была. Громко тикали часы на столе - совершенно не гармонирующий с обстановкой дешевенький будильник.

Теперь о присутствующих. Кроме худощавого мужчины с разноцветными глазами ... стоп... что я все вокруг да около ... мужчина ... разноцветные глаза ... Кроме профессора Воланда в комнате находился Бегемот. Митев Андрей устроился в уголке, руководство ученого совета - за столом. Стив зашел бодро, но затем обмяк, опустил плечи. Сесть ему не предложили, правда он уселся без предложения, но как-то осторожно, без прыти.

- Добрый вечер, молодой человек, - поглядывая на будильник, сказал Воланд. - Мы пригласили вас для того...

- Я ничего не знаю, - поспешил выпалить Стив.

- Мы пригласили вас для того, чтобы с вами познакомиться и, возможно, помочь, - невозмутимо продолжил Воланд. - А возможно навредить. Выбирайте.

- Понимаю, - опять выпалил Стив. - Сколько платить за помощь?

- Дорого. Очень дорого, молодой человек.

- Сколько? - спросил парнишка звонко, будто монетка упала на каменный пол.

- Миллионы. И прошу заметить, мы не берем наличными.

- Понятно. Антиквариат, чистый металл, женщины, готика, экзотика и разные аля-улю.

- Нет, - сухо парировал Воланд. - Мы берем душами, человеческими душами.

- Мертвыми?

- Нет, живыми.

Стив раздумывал считанные секунды.

- Сколько платить за души?

- Хе-хе, душа сейчас в цене.

- Хорошо, я готов. Но раз вы просите миллионы, я должен делать по крайней мере десятки миллионов.

- Вы будете делать миллиарды, если... если...

- Готов на все условия, - возбужденно заорал Стив.

- Вот ваше "если" - ваш главный тормоз, ваша гибель.

Сидящий рядышком с председателем Бегемот надулся, состроил глубокомысленность и подпел:

- Исключительно большой недостаток

- Одна девушка, которую звали Гелла, рассказывала мне об одном мальчике, - медленно произнес профессор.

- Ах Гелла, Гелла. - облизнулся Бегемот, - эта грудь....

- ... Мальчик в детстве слыл большим забиякой, во дворе его все боялись. Но вечером, тайно, он с удовольствием играл в куклы с дочкой соседей. Утром герой силы, вечером герой кукол. И никто во дворе не знал про тайну. Кроме дочки соседей. Однако она надежно молчала. - Воланд повернул голову к Андрею Митеву. - Запомните историю, писатель. Из нее может выйти хороший рассказ.

Стив молчал и потел. Он всегда потел, когда нервничал.

- ... Потом ребенок рос, умнел, и однажды решил про себя, что тайны создавать и беречь глупо, когда есть сила, когда ты и так обскачешь всех, когда ты слишком яркий, и излучаешь радиоактивность, от которой любой приблизившийся близко волонтер просто умрет в муках. Неправда. Сила нужна, но сила тайная, спрятанная, яркость замечательна, но яркость прикрытая, а радиоактивность ценна такая, чтобы самый хитрый счетчик не определил. Люди не любят, когда их обходят на поворотах, они не любят гениев, гении их раздражают. А тишайшая овечка никого не раздражает. Днем герой силы, вечером герой кукол. Вот мой соратник товарищ Бегемот, он же ваш наставник по лагерю, сделал фантастическую карьеру. Внешне доцент, а на деле - ха... Многим перегрыз горло, и многим еще перегрызет. И тихо... без рекламы. Днем герой силы, вечером герой кукол.

- Я бы так не сказал, - прошелестел Бегемот. - Мой пример сложен, вы очень упрощаете, председатель.

- Ладно, похороним слова и обиды,- твердокаменно сказал Воланд. - Молодой человек талантлив, он понял нас. Теперь конкретно. Ваше новое имя - отчество - Рамзес Сулейманович. Место - один из солнечных уголков державы. Начнете там, дальнейший рост будет

зависеть от умения работать. И помните, нам нужны миллионы, без скидок, чистейшие миллионы.

- Требуете миллионы, а посылаете, в какую-то дыру, расстроено буркнул Стив. - Дайте магазин в Нью-Йорке.

- Ух ты, в Нью-Йорк захотел, - присвистнул кот. - А анкетка то у тебя чистая?

- Ха-ха-ха-ха, магазин в Нью-Йорке, - засмеялся Воланд.

Кот, конечно, подхватил. Председатель и заместитель вместе засмеялись. Даже Андрей Митев, сохранявший во время разговора мрачно-отсутствующее выражение лица, улыбнулся.

Нагоготавшись, Воланд заискрил глазами и не было в тех искрах ничего от смеха, абсолютно ничего.

- Молодой человек, если раньше вы радовали меня своей незаурядностью, то теперь удивили своей наивностью. У меня даже появились сомнения. Придется провести экзамен. Вопрос к вам только один: какой бизнес всегда самый выгодный?

- У нас или у них? - робко переспросил Стив, кивнув почему - то в сторону окна, как-будто "они" стоят за окном.

- Я же подчеркнул: "всегда". Значит и тогда, и сегодня, и у них, и у нас, и везде, и при любой погоде.

- Порнуха? - робко предположил Стив.

- Фу, как вы дурно воспитаны. Впрочем, это не порнография.

- Военно-промышленный комплекс.

- Газеты читаете.

- Отрывает кусочек газеты, когда приспичит, и читает, - вставился кот.

-Пожалуйста, без старых анекдотов, - прикрикнул председатель на зама и снова обратился к Стиву.

- Ну-с, военно-промышленный комплекс - неправильно. Есть еще идеи?

- Наркотики?

- Нет.

- Продажа прозрачных лифчиков в Костроме и показ там же французского фильмеца "Эммануэль".

- Да, кажется опасения подтвердились. Вам молодой человек, в общественных местах жвачкой спекулировать.

С этим обидным выражением Воланд достал массивный портсигар. Митев и Бегемот вольно или невольно сбились взглядом на портсигар. И мыслями тоже. Андрею Митеву вещица эта показалась знакомой. И видел он ее будто не только у Воланда. Андрей вспоминал: промозглый вечер, концертный зал, где было тепло, певец опирается на усыпанный цветами рояль. Романс, в котором точно были слова "Расставаясь, она говорила..." Впереди сидит лысоватый старичок. На шее у него

бабочка, на груди манишка. "Расставаясь, она говорила..." Старичок плачет. А потом он извлекает точно такой же как у Воланда портсигар. И плачет еще больше. Но плач его неслышный, стыдливый, для себя, не для других. Все устремлены на сцену, старика не замечают. А Андрей замечает. И дрожащую высохшую ладошку, и нервные губы, и слезу, и портсигар. И за горло хватает такое чувство, от которого легко не избавиться. Андрей брел после концерта по серым, мокрым улицам, разбитый, расстроенный, с единственной мечтой - поскорее лечь в кровать, завернуться в одеяло и сбежать от всего и от всех в сон. Нет, он не был сентиментальным, однако иногда его чувственность воспалялась от незначительного, казалось бы, события или воспоминания. Сейчас портсигар... И та же разбитость. И та же мечта - кровать - ночной трон, где человек царствует над собой и миром. Боже, как хотелось Андрею покинуть эту комнату. Какой дуростью представлялись интеллектуальные забавы Воланда, эти игры с малолетним прохиндеем, лифчики в Костроме, общественные уборные, тупое лукавство Бегемота. Тошнота подступает, когда уши слышат пустые звуки речи, а в мозгу звучит: "Расставаясь, она говорила..." Митев припомнил свой роман, чудодейственные превращения, "писательскую критику", и ему стало еще грустнее. Будь сейчас здесь на столе рукопись, он бы с садистским удовольствием сжег ее, а после отправился по мокрым серым улицам к консерватории и проторчал бы у входа весь вечер, дожидаясь старика с манишкой на груди, который опять всплакнет, достанет портсигар.

А то вдруг всплыло в памяти Андрея иное. Много-много лет назад. Еще до школы. Он, упитанный ребенок, любимец родителей, очень нежный и очень забавный. Такой мальчик-ласточка, сю-сю-сю, возьми конфетку. Отец привез живую рыбу и пустил ее в ванну. Вот было радости! Он ловил ее руками, кричал, прыгал от удовольствия, чуть не свалился в ванну, замочил рукава рубашки. И вокруг все улыбались, всем было хорошо и весело. И на следующий день было весело, когда рыбкам срубали головы, у них срезали плавники, ликвидировали хвост, разрезали брюшко до спины. Затем срезали филе вместе с хребтом и реберными костями, оставив на коже 0,5 - 1,0 сантиметра рыбного филе без костей. Срезанное филе очистили от костей, добавили очищенную кильку, размоченный в молоке мякиш булки, очищенный лук, чеснок. Все посолили, поперчили и пропустили через мясорубку. В полученный фарш вбили четыре яйца, размешали и зафаршировали карпа. Чтоб шов не разошелся, увязали рыбешку по всей длине тушки шпагатом. Тушили в небольшом количестве бульона, приготовленного из плавников, хвоста и костей. Бульон варили на слабом огне сорок пять - шестьдесят минут с добавлением головки лука, душистого перца, лаврового листа. В конце

варки бульон посолили и процедили.

Готового карпа уложили на блюдо, на дно которого разложили нарезанный тонкими кружочками лимон и залили бульоном - ланспигом (знаете, что такое бульон - ланспиг?! Я тоже не знаю). Когда ланспиг(!) застыл, рыбу украсили сливочным маслом (путем шприцевания из пергаментного кулька), отварной морковью и зеленью.

Вкусно готовили. И ели вкусно. А малого Андрея, представьте, стошнило. Поднялась температура, ночью он не спал, метался, кричал. Детская впечатлительность. Еле успокоили. Успокоив, объяснили, что волноваться не стоит, рыба ведь и существует для питания человека. А голову отрубили, потому как головы есть вредно, есть в голове какое-то ядовитое вещество, от которого сплошные неприятности. Этих рыбешек поели, а другие вовсю плавают и ничего им не делается. Вот так тихо и ласково, а главное по - умному, Андрея тогда убедили. Наутро он даже попробовал остатки фаршированного чуда. Тошнота уже не ощущалась, напротив, разбирал аппетит. И все же детская психика восприимчива и памятлива. Шли годы и нет-нет, да и воскресала из небытия картинка окровавленных голов с пустыми рыбьими глазами в мусорном ведре. Салат из глаз. Только этот салат к столу не подали. Им не восторгались. Его выкинули. На поминках рыбы это видение снова пришло к Митеву с той фотографической отчетливостью, с какой приходят к нам сцены из глубокого детства.

Воланд укоризненно и важно посмотрел на Митева. Он будто говорил: "Не блуди мыслями. Не ной. Сейчас я сообщу главное."

- Итак молодой человек, - возвестил профессор, - У вас большие проблемы в теоретической подготовке. Но я не отменяю свое решение. Вы командируетесь по назначению. Идите. За дверьми Вас ждут. Доверьтесь этим парням.

- А какой же правильный ответ? Насчет самого выгодного ... - нетерпеливо спросил Стив.

- Самый выгодный бизнес - власть. Все остальное дешево, частно и мелко. Но выжимать соки из власти - это особое занятие. Нужны гроссмейстеры.

- Понял, - заорал Стив во всю мочь. - Понял. Так точно! Исполним в лучшем виде.

Стив неожиданно бросился на колени и стал подвывать:

- О, великий из великих. О, мудрейший. Пройдут месяцы, годы, десятилетия... Пока я жив, не забуду Ваших высоких указаний и замечательных пророчеств. И дети мои, и внуки, и вокруг... и тысячи,

и миллионы рублей... простите... людей будут восхищаться полетом Вашей гениальной мысли. Вы, дорогой товарищ, олицетворяете тип титана, могучего столпа идеи. Спасибо Вам за заботу о простых людях, о нас, о подрастающем поколении. Вся Ваша жизнь пример честного...

- Что ты знаешь про мою жизнь? - жестко отрезал Воланд и почти шепотом приказал. - Иди.

- Повинуюсь. Слушаюсь и повинуюсь.

И против всех законов логики и психологии (насколько мы их понимаем, эти законы) тот самый неукротимый, нагловатый Стив подполз к руке профессора, жадно, но трепетно поцеловал ее, ткнувшись влажным носом в перстенек, и отполз задом аккурат к двери, и поднявшись, робко, неуверенно так же задом вышел.

В коридоре Стива ожидали двое. Оба в плащах кирпичного цвета, в надвинутых на лоб шляпах. Лица бесстрастные, незапоминающиеся.

- Здравствуйте, - дуэтом произнесли двое в кирпичных плащах и дуэтом улыбнулись.

Какая-то неведомая сила получила развитие в Стиве, в самом его организме. Нечто зародилось в груди, потом расширилось, расправило плечи, приподняло подбородок, плотно сжало губы, а потом сообщило необыкновенную твердь. Прямо не ноги стали, а катки, хоть асфальт укладывай. Язык заметно потяжелел, глаза обрели невидимость, в том смысле, что они ничего и никого перед собой не видели, ибо были устремлены в перспективу.

На приветствие кирпичных Стив отреагировал сдержанным кивком. Руки не подал, знакомиться не стал. Один из них вежливым жестом руки указал в сторону лестницы. И Стив пошел туда. Пошел молча, уверенно, не одаряя вниманием этих, которые суетливо семенили за ним.

Покинув особняк антиалкогольного учреждения, они сели в автомобиль.

В городе стояла жуткая жара. Впрочем, это была обычная жара для этого города для этого времени года. Профессор Воланд зашел в замусоренную телефонную будку. Сняв трубку, он в некотором смущении заперемещал вверх-вниз брови. А дело в том, что данный аппарат в отличии от других, уже изученных здесь председателем совета и сопровождающими его лицами, обладал одним уникальным свойством: с его помощью можно было звонить, что председатель без заминки и сделал.

- Алло, соедините с Рамзесом Сулеймановичем, пожалуйста.
Говорит профессор Воланд. - Потом после некоторой паузы:

- Не переспрашивай сто раз. Доложи немедленно, ишак.

И снова пауза.

- Где мы находимся? Сейчас... - председатель приоткрыл тяжеленную (видно гнали план по тоннам) дверь будки и обратился к спутникам - верному заму Ивану Христофоровичу Бегемоту и Андрею Митеву. - Что это за улица?

- Проспект раскрепощенных женщин, - прихихикивая, сообщил Бегемот. - Кстати неплохо было бы раскрепоститься.

Координаты были переданы. Ровно через пять минут к будке, у которой группировалась наша компания, с сиренами подоспели две устланных коврами машины. Причем ковры не из вредной для здоровья синтетики, а настоящие, ручной, искусной, ласковой женской работы. Из машин выскочили молодые парни. Приблизившись к председателю, но не совсем, не так, чтоб дышать ему в лицо, один из парней произнес со страшной почтительностью и почтительным страхом:

- Профессор Воланд?

- Да, - раздалось как удар.

Они мчались с бешеной скоростью по пустынным улицам. Визжала сирена, крутился красный маячок на крыше лимузинов. Милиционеры отдавали честь. Работал кондиционер, маги и Андрей потихоньку приходили в себя от жары.

- Велико ли население в городе? - несколько неожиданно попытался осведомиться Бегемот у встречающих "мальчиков".

- Велико, - отвечал тот, который сидел рядом с шофером на переднем сидении.

- Почему же никого не видно? Работают, что ли? - нудил Бегемот.

- Работают, - следовал ответ.

Кот заржал, а потом, прекратив ржание, припал к уху Андрея и жарко зашептал:

- Когда на трассе карета, в которой мы в данный момент имеем счастье находиться, даже голубей не подпускают ближе, чем на километр. Вот организация. Талантливые кадры я нахожу. Не ценят.

- Тьфу, мерзость, - сказал Андрей.

- Мерзость, но какая крупная. Дай бог вам стать таким же крупным писателем, какой крупной и является он мерзостью. А эти кретины, которые нас везут? Какая выучка! Смотри, как они грамотны.

И Бегемот опять полез на впереди сидящих с допросом, несмотря на неодобрительный взор Воланда:

- Дороги везде широкие?

- Везде широкие, - отвечали "грамотные".

- Как с погодой? Дождей ждете?

- Ждем дождей.

К счастью эта дурацкая беседа вскоре прервалась. Машины проследовали через большие ворота, потом через малые ворота, и оказались во внутреннем дворе-колодце. Нет, это был не двор-колодец Петербурга прошлого века, серый, загаженный, убогий, давящий.

Двор, увиденный магами, был произведением искусства: зеленые газоны определенной конфигурации, экзотические деревья, на которых наблюдательный взор замечал и разноцветные лампочки (для вечерней подсветки), маленькие фонтанчики (не один огромный помпезный фонтан), изящные, небольшие скульптуры (не каменная статуя "девушка с веслом"). Воздух стоял особенный. Во всем окружающем пространстве температура - плюс сорок, здесь двадцать пять, да еще ароматы какие! Здесь время не бежало в сумасшедшей гонке, оно останавливалось, переводило дыхание, истинно расслаблялось в тишине и красоте.

Бесшумный, весь в зеркалах лифт доставил магов, Андрея и неотступно сопровождающих "грамотных" на четвертый этаж. Там, как и во дворе, маячило немало напряженных, скорбных лиц, примерно одинаково напряженных и примерно одинаково скорбных.

Создавалось впечатление, что у каждого из этих людей недавно умер отец или по крайней мере дядя, и они еще не в состоянии прийти в себя.

Наконец открылась высоченная дверь, и еще одна дверь, маги и Андрей очутились в гигантском, с половину футбольного поля кабинете. Вдали, в противоположной стороне виднелась личность за огромным столом. Личность встала, из-за стола вышла и двинулась к гостям. По мере приближения вырисовывались параметры: пухлые щеки, выпирающий живот - эдак шестой месячишко беременности (не пугайтесь, это для сравнения, личность беременной не являлась).

С расстояния в три шага все прояснилось окончательно (правда, маги и не мучились в догадках, ибо знали, к кому попали). Личностью с шестимесячным животом был Стив. Изменившийся, пожирневший, поважневший, но Стив. В сияющей белизной рубашке, белых брюках и белых туфлях. Без галстука, при расстегнутом вороте. На руках часы, массивные, необычные, каких, прогуливаясь по городу, на руках граждан не увидишь. Не будем, однако, морочить себе голову часами и прочей забавной мелочью, которая волнует мещан и которой немало скопилось на Стиве и в стивовском кабинете, обратимся к главному, не мещанскому. А главное, что Стив тепло по-родственному поздоровался с магами и Андреем, произнес приветственную двухминутную речь. Говорил хорошо, спокойно, без слов-паразитов, не жалея красок. В заключении он сказал:

- Я еще раз благодарю Вас и Ваших товарищей за ту честь, которую Вы оказали мне своим нынешним визитом. Я рассматриваю это не

только как внимание к себе лично, но как внимание к возглавляемой мной немалочисленной организации. Обещаю и впредь быть на высоте требований, предъявляемых жизнью, вышестоящими инстанциями, на высоте ваших требований, дорогой товарищ Воланд. Награда - большая честь, мы постараемся честь оправдать.

- Какая еще награда? - резанул профессор.

- Награда... - замялся Стив. Ляпнув привычную для себя фразу, он угодил явно не в ту степь.

- ...Награда... Да... Конечно, награда. Разве Ваш приезд, дорогой товарищ Воланд, не награда? Это самая высокая, самая почетная награда, из всех самых высоких и самых почетных наград, какие мы когда-либо получали. Годы и десятки лет пройдут, но мы не забудем Ваш визит, Ваш взыскательный и отеческий взгляд, мудрейшие советы и рекомендации.

- Мы проголодались, - с безразличием бросил Воланд.

- Это учтено, дорогие товарищи. Прошу пройти в соседний зал. Сегодняшний обед будет как никогда. Узнав о прибытии такого всемирно знаменитого ученого, как дорогой товарищ Воланд и других виднейших деятелей, наши повара обещали приготовить различные национальные блюда, как бы выражающие уважение всех народов мира к гениальным заслугам ярких талантов Ваших способностей бессмертного ума.

Тут Стив на мгновение смолк. Видно, столько эмоций вложил в идею уважения народов к Воланду, что потребовалась передышка. Передышка осуществлялась на ходу, из кабинета, через не сразу заметную дверь в стене в сопредельное помещение. А там! Там было все. Мебель "а-ля", картины, повсюду ковры, и в центре накрыт искрящийся, золотящийся, блистающий стол. Когда уселись, Стив поманил пальцем парнишку с глазами- маслинками, одного из тех, что суетились в окружающем стол пространстве.

- Это наш народный артист кулинарии Бахтияр. Учился в Париже. Получил золотую медаль на конкурсах за рубежом нашего города.

- Бахтияр, я забыл, где проходили эти конкурсы?

- В Австрии и в России, наш руководитель.

- Бахтияр, расскажи нашим великим гостям о сегодняшней программе.

Пока парнишка сбивчиво, обдумывая каждый слог, живописал про плов, жареную дичь, поросенка, репу с белыми грибами, яхнию с почками, курбан-чорбу, ароматические яйца по-китайски, панированные раки "лю", парфе с вином, фруктовом итальянском пироге, а также про флипы, коктейли, санди, коблеры, сидящие упорно ели и молчали, молчали и ели, стоящие следили за наполненностью бокалов и за своевременностью подачи блюд.

- Рамзес Сулейманович,- заговорил Бегемот, облизывая жирные пальцы и икая, - замечательное мясцо... ах... век такого не ел. Рамзес Сулейманович, позвольте вопросец. Сколько имеете в день?

Обслуга почему-то резко засуетилась. Один тип даже за дверь выскочил. Стив же не поменялся ни в физиономии, ни в жестах.

- Я имею очень много, - сказал он.

- Много- это сколько? Миллион? Два миллиона? В день, я прошу, в день.

- Гораздо больше, чем миллион и чем два миллиона, дорогой наш товарищ. Я имею доверие наших людей - простых, честных тружеников. Это они в героическом напряжении сил обеспечили в этом году большой прирост урожаев хлопка, овощей, другой продукции. Замечательные у нас люди. Надеюсь, вы, дорогой товарищ и уважаемый профессор, побываете вместе с товарищами в трудовых коллективах, побеседуете с трудящимися, выступите перед массами.

- А культурная программа намечается? - опять полез кот. Он разыкался совершенно безобразно. Андрею очень хотелось треснуть ему по морде. Похоже, Воланд тоже был недоволен.

- Культурная программа, безусловно, намечается. Наш народ богат культурными традициями. Корнями эти традиции уходят в историческое прошлое. В наше время мы переживаем подлинный подъем культуры. Мы правильно поняли диалектику взаимосвязи национального и интернационального, исторического и современного, славной основы и пробуждающихся творческих сил. Вы, любимый и дорогой академик Воланд и ваши любимые и дорогие друзья, побываете на концертах, встретитесь с мастерами искусств, имена которых известны за пределами нашей земли.

- Сколько стоят мастера искусств? - не отставал кот. - Те из них, которые высокого класса и известны далеко за пределами. Я хорошо заплачу, бесплатно не надо.

Кот перешел на полутон: - Есть валюта... конвертируемая... франки, марки, доллары.

При упоминании долларов глазки Стива заблестели. На секунду появился прежний Стив, Стив эпохи трудового лагеря. Нет, нельзя сказать, что в Рамзесе Сулеймановиче мало что осталось от Стива, но сходство было заметно лишь для квалифицированных экспертов. Но при слове "доллары" сходства добавлялось. Правда, ненадолго.

- Система цен, - начал Рамзее Сулейманович, - должна наиболее полно отражать общественные потребности, потребительскую стоимость продукции. В этой связи общественно необходимые затраты труда не могут рассматриваться в отрыве от того полезного эффекта, который они обеспечивают. Цена должна отражать общественную потребительскую стоимость и ее эффект в потреблении.

Кот опрокинул рюмку коньяка. Ему тут же налили следующую. Он, подлец, и следующую выпил. И воскликнул:

- Устали мы очень. Неплохо и того... отдохнуть... покемарить в широкой постели.

- Безусловно, нелегок был ваш путь. Дорогой профессор, гениальный ученый и его гениальные единомышленники должны отдохнуть после серьезных раздумий и напряженного труда на благо людей, во имя счастья миллионов тружеников. Думаю, не ошибусь, если предложу следующее: сейчас можно поехать в высокую резиденцию. До утра там можно набраться новых впечатлений, свежих идей, а также восстановить творческие силы. Завтра утром я приеду навестить Вас, предварительно соответствующе испросив разрешение у профессора Воланда. Завтра мы продолжим наш плодотворный диалог.

Прощались недолго, но красиво. Рамзес Сулейманович церемониально обнял гостей, сказал каждому теплые слова. Перед Воландом преклонил голову.

На лифте они поднялись на верхний этаж. По винтовой лестнице вышли на крышу. Сопровождали их человек шесть. Один из этой шестерки бежал впереди и открывал двери и не переставая кланялся. С крыши открывался потрясающий вид. Виделись стройные геометрические фигуры. Ленты дорог аккуратно разрезали участки зеленых насаждений, коробки домиков современной постройки имели разный цвет и давали яркую мозаику. Все выглядело свежо, сочно. А совсем близко плыли облака, большие, помпезные. И голубое небо падало на голову. Андрей немного захмелел. Свежий воздух, панорама повели его. И еще он боялся высоты. С детства. Даже с балкона вниз глядеть боялся. Внутри начиналась тряска, тянуло прыгнуть, руки и ноги деревенели, прекращали слушаться. И безумство лезло в мозги.

- Прекрасна жизнь! - воскликнул кот, картинно плеснув лапами. - Особенно, если наблюдать ее сверху. Умные люди только так и делают. Ха-ха- ха.

- Ваши замечания надоели, - бросил Воланд.

- Молчу и повинуюсь. О, мудрейший.

Они сели вместе с сопровождающими в вертолет. Через полчаса вертолет пригнездился в горах, на небольшой площадке. Тут уже встречали. По ковровой дорожке через гигантскую дверь в камне вошли в замок. Здесь была иная эпоха. Горели факелы, освещая огромное помещение, похожее на церковь. Стены и свод украшала вполне искусная роспись, причем в разных стилях. Долго осматривать и оценивать шедевры не пришлось. Гостей развели по апартаментам.

Андрей упал в мягкую кровать и растворился в ней. В полусне он разглядел рядом нежное девичье лицо, с раскосыми глазками, почувствовал прикосновение пухлого тела. Тепло разбегалось по рукам

и ногам, но, удивительно, желания не появлялось. Только лишь пригреться и поспать, поспать... Андрей обхватил пухлое тело руками и механически поглаживая голую спину бесстрастно опустился в сон. Он не заметил, как кто-то тоненькой иголкой кольнул в вену, рука немножко занемела. Митев забурчал, запричитал, не просыпаясь, потом глубоко вздохнул и утих. Видения, которые пришли после укола, были грандиозны и значительны. Они были конкретны, не те бессмысленные, хаотичные сны, смесь реального с абсолютным идиотизмом, что видят люди обычно. Здесь гигантские заводы, чистые, с просторными цехами, готовятся переходить на выпуск принципиально другого вида продукции, отмеченного государственным знаком качества. Трудящиеся овладевают новыми методами управления, развивают творческую активность. Растут благоустроенные поселки, строятся больницы, школы. Скоро пустят бани. Темпы роста производительности труда превышают контрольные цифры. Производство будет модернизировано, и без снижения качества изделий осваивается выпуск современных товаров. В ближайшее время товары поступят в магазины. Это вопрос практически решенный. Поступят товары обязательно и будут пользоваться повышенным спросом. Вообще наметились качественные изменения, возросло строительство, в целом увеличена заработная плата. Реализуются крупные программы. Много делается. Хорошо делается. Магазины для молодоженов регулярно снабжаются душистым мылом. Душистое мыло - вроде бы муть, вроде бы значения не имеет, но молодоженам нравится. Есть и зубная паста, и порошок, кстати не только для молодоженов, каждый свободно может купить пасту, причем неплохую, ту, которая надежно предохраняет от болезней. Паста и порошок, конечно, мелочи. Важна вся сфера потребностей. Ей уделяется большое внимание. Радуют полеводы. В будущем году они существенно повысят эффективность своего труда. Одно из самых неотложных дел у мастеров полей - подготовка семян для посевной. Не зря семена называют золотым фондом урожая. Щедрость гектара зависит от того, насколько добротное зерно припасут колхозы и совхозы. Настоящие хозяева не медлят, они припасают. Не забывают о качестве. Девяносто пять процентов семян зерновых и зернобобовых доведено до нужной кондиции. Остальные пять процентов тоже скоро доведут.

Андрей очнулся с чугунной головой. Попробовал собраться с мыслями, не получалось - стойкая картинка укрытых снегом, бескрайних зимних полей, заботой о которых наполнен каждый трудовой день полеводов, не пропадала. Дьявольщина... Чертовство... При чем тут снег! И откуда полеводы? Митев поднялся с огромной, многоспальной кровати, ослепительно белой, где мог разместиться

наверное, взвод солдат, хотя солдаты к этой кровати абсолютно отношения не имеют. Он вдруг вспомнил: была ведь девушка, лежала рядом голая. Куда она делась? Или это мираж? Как ее зовут? Маргарита... Как Маргарита? Неужели Маргарита? Почему Маргарита? Андрей подошел к овальному столику. На нем с десяток кнопок и на каждой белым цветом буковки-сокращения. Андрей ткнул одну с надписью "мас". Дверь мгновенно открылась и тишайше возник усатый коротышка в белом халате. Он поклонился. Андрей, честно говоря, перепугался, у типа был мафиозный вид.

- Что вы хотите?

- Глубокий массаж, растирания, поглаживания, расчесывание пяток.

- И даже пятки... - вздохнул Митев. -Ладно в другой раз.

- Пожалуйста.

Коротышка с поклоном удалился. Вошла девушка- нет не та, что лежала рядом, ту он помнил, ту он чувствовал- и сообщила, что гостя ждут к завтраку в зале этажом выше.

Вся компания была в сборе. Рамзес Сулейманович говорил, Бегемот кивал, Воланд слушал. Два парня - якобы официанты - возились у стены зала с подносами.

- Проблему с яйцами мы практически решили. В ближайшие годы закрепим результаты, построим новый комплекс и обеспечим себя яйцами.

- Ну, себя-то обеспечим яйцами и без нового комплекса, - заметил Бегемот. - Кстати, есть еще проблема. Вот молодой писатель, - он показал на Митева. - Талант. Ночи не сплю, читаю его глубокие произведения. Какие чувства! Какие мысли! - Кот всплакнул. - Не печатают, сволочи. Давят личность. Шайка продажных редакторов.

Андрей молчал, он хотел что-то сказать, прервать дурную тираду, но слов не находилось, и желания не было, все вокруг казалось постылым, ненужным.

- Безобразие,- качнул головой Рамзес Сулейманович. Тут же прибежал помощник. Видно в кресло была вмонтирована система подачи сигнала, так, чтоб хозяин мог незаметно ей воспользоваться.

- Телефон, - сказал Рамзес Сулейманович. - И соедините с главным издателем.

Прикатили тележку с аппаратом. На аппарате сиял золотой герб.

- Равшан. Слушай меня внимательно. Подобно тому, как хлопковым полям нужно солнце, птицам - небо, нашей литературе нужен прилив. И такой прилив будет. Сейчас тебе привезут гениальную книгу. Ее надо издать, - Рамзес Сулейманович на мгновение задумался, - уже сегодня вечером. К десяти часам. Бумаги не жалеть. Тираж максимальный. Каждый наш трудящийся должен

иметь у себя в домашней библиотеке эту мудрейшую книгу. В десять вечера сто экземпляров привезите мне.

Он отдал трубку помощнику. Тележку укатили.

- Я не передам рукопись, - сказал Андрей. - Она еще не закончена.

- Кто вас спрашивает, писатель! - промурлыкал кот. - К вечеру приказано издать и баста. Таких темпов не знала ни одна страна мира, ни одна фирма. Вот подлинное уважение к творческой личности. Причем Рамзес Сулейманович лично не имел времени и возможности ознакомиться с сочинением, но его блестящее чутье на людей подсказало: здесь подлинное вдохновение. Гнусный редактор читал бы труд 3 месяца, у вас опухнут пальцы набирать номер его телефона. Еще два месяца вы бы ловили его в буфете Дома литераторов или на вечерах, где оплакивают чью-то сломанную судьбу. Лет двадцать назад тот же редактор, будучи моложе и злее, сам ломал ту судьбу, а сейчас сидит на вечере памяти загубленного и плачет, как дитя. Потом труд начнут переносить от одного чина к другому, мол, начальство изучает. Выяснится, что знакомый Вам по одной пьянке журналист Пупкин или Шмупкин однажды отдыхал с редактором и может его попросить. Месяц вы тщетно будете надеяться, что Пупкин посодействует. Ноль. Потому что эта пьеса с заранее известным концом. Потому что места и куски давно поделены. И... там-там-та-та-там... выносится приговор после полугодичной игры. "Ваш роман внимательно рассмотрен... Вы затрагиваете одну из больных, волнующих сторон нашей жизни... Ситуация... не может оставить равнодушным. В этом, безусловно, достоинство романа. Однако, к сожалению, многие характеры обозначены пунктирно, некоторые важные темы заявлены, но не разработаны так, как они того явно заслуживают. Ряд диалогов грешат определенной приблизительностью, расхожими представлениями. А тема... вообще осталась не раскрытой. С радостью можно отметить, что оригинальным представляется параллельное развитие характеров героев. Есть бесспорно любопытные повороты в сюжете, а также моменты, которые несомненно смогут заинтересовать литературные журналы и издательства. Ха-ха. И, наконец, главное. К сожалению наш редакционный портфель переполнен, поэтому в ближайшее время роман не может быть издан. Гуляй, дурачок. Вы бежите к другому редактору. Тот вроде дал надежду. Но это опять обман. Поморочит голову и разведет руками. Дурная бесконечность. Убитые месяцы, годы. Вы видели, писатель, как в цирке гоняют по кругу лошадь? Но лошадь пять минут погоняют и отдыхать, и еще подкормят, чтоб не сдохла. А вас гоняли бы 10 лет, без отдыха и без подкормки. Молитесь! Немедленно молитесь! На благодетеля, на отца вашего, Рамзеса Сулеймановича. Один звонок и вся жизнь. Полминуты и счастье навечно. Понимаете, что это? Что для вас сделано? Молитесь! Молись,

сопляк!

- Не орите, - заорал Митев.

- Наглец, - взвизгнул кот. - Как говоришь!

- Я стараюсь, делаю все. На улицу пойдешь побираться. Выгоним.

- Действительно, - потер подбородок Воланд,- ваше положение обязывает проявлять почтительность.

- Совершенно так, - подхватил кот. - Профессор кратко и мудро объяснил. Извинитесь перед профессором! Вы его оскорбили, проявили непочтительность, хотя ваше положение обязывает проявлять почтительность. Оплевать такого деятеля... Вы бросили тень на весь наш научный совет, вы будете биты. Мы напишем куда следует, мы позвоним куда следует, мы предупредим кого следует, мы сделаем, что следует.

Андрей встал из-за стола. Почему-то внутри торжествовало абсолютное спокойствие. Такое спокойствие обычно приходит после стресса. Страсти взрываются, превращаются в пепел. И ничего уже не важно. Все- дрянь, не имеющая значения.

- Отпустите меня, - сказал он тишайше.

- Куда отпустить? Отсюда нет выхода. Попался, болваненок. Ха-ха-ха.

- Идите, - бросил Воланд.

- Нельзя его отпускать, он же...

- Идите... я повторяю.

- Я думаю, - вступил в дело Рамзес Сулейманович. Он все время молчал, пока шла ругань, только хитрые глазки ходили в разные стороны, присматривались, прицеливались. Ох, азиатское коварство.

- ...Мы отправим товарища в путешествие по нашей сказочной солнечной республике. Уверен, что тогда его произведения станут более яркими, правдивыми, интересными, еще полнее отразят преобразовательную деятельность народа.

Андрей не слышал этого. Он уже спускался по лестнице. За ним шли, бежали, спотыкались типовые ребята с деревянными и каменными рожами. Иные забегали вперед, открывали дверь, толкались под ногами. Другие держались исключительно сзади. Куда он бежал? Неизвестно. Подальше от... От кого? Ведь от этой толпы рож не сбежишь. На площадке уже тарахтел вертолет. Все было готово. Вертолет взял курс.

В небольшом зале на мягком диване они сидели вдвоем. Рамзес Сулейманович держал пухлые ножки в тазике. Жарко. Бегемот то и дело наливал себе воду из серебряного сосуда, метал в воду лед. Можно ли грызть лед? Ужас, когда представишь себе, как неполезно для зубов

разгрызать куски льда. Бегемота это нисколько не смущало, он грыз. Одно слово- кот, животное, откуда кошачьему уму знать, что полезно, что неполезно, что абсолютно бесполезно? Это знает лишь настоящий человек, не оборотень.

- Профессор плохо выглядит, - начал Рамзес Сулейманович.

- Устал, - глубоко-глубоко вздохнул Бегемот. - Трудно. Много забот.

- Забот действительно много. Руководящая работа и в центре, и на местах отнимала много сил, времени. Мы буквально горим, умираем в кабинетах. Те незначительные привилегии и блага, - тут он зачем-то посмотрел на перстенек на указательном пальце правой руки, - которые предоставил нам народ, не могут компенсировать огромные затраты нервов и других элементов. Я иногда думаю об уходе. Но в глубине души понимаю, что уходить нельзя. Бросать ответственный пост в самый разгар борьбы за урожай, за наивысшие показатели производительности - нет, люди не одобрят этого. Они назовут это малодушием.Так же, как не приняла бы научная общественность ухода со своего поста нашего дорогого друга, друга всех трудящихся республики профессора Воланда.

- Конечно. Трудно представить себе: совет без Воланда, Воланд без совета. Магия осиротеет. Черт знает что начнется повсюду: разврат, обман, лицемерие. Сейчас это успешно пресекается, а если...

- Нет, мы даже думать так не имеем права. Профессор - величина всемирно-исторического значения. Его уход был бы невосполнимой утратой для трудящихся всего мира. Наше с вами горе было бы безмерно.

- Я бы не выдержал, - заплакал кот нечеловеческими, огромными слезами. Они траурно замолчали. Принесли устрицы. Устрицы немного подняли настроение. Пришел парикмахер. Причесал волосы на ногах и руках хозяина - Рамзес очень не любил, когда волосы в беспорядке, впрочем, ни один опрятный человек не терпит изъянов в том, что касается культуры тела. Бегемоту тоже причесали шерстку.

На этом записки резко обрываются. Мы никогда не узнаем, что было с магами дальше, как повлияли они на перестройку. Возможно, есть еще одна толстая тетрадь, где все это описывается. Но у меня такой тетради нет. Имей я такую тетрадь, может и жизнь моя и многих других сложилась бы по-иному. Но, увы... Парнишка- то исчез. Где его искать?! И потом, что сейчас гадать! Вот встретился бы в 1917 году американский дипломат и будущий большой политик Даллес с русским политэмигрантом в Швейцарии Владимиром Ульяновым-Лениным и, не исключено, история пошла бы по другому руслу! Ведь Ильич очень просил о встрече. Но была пятница, вечер, Даллес

торопился на теннис и попросил зайти в понедельник. Ленин в понедельник не зашел - он уехал в Россию делать революцию. Они так и не поговорили. О чем хотел попросить Владимир Ильич, Даллес так и не узнал. А мы тем более...

РАССКАЗЫ

О ГАМОВЕ

Владимир Валентинович Гамов вошел в подъезд высотного здания на Смоленской - Сенной, поднялся на лифте, прошел по коридору направо, зашел в крайнюю комнату, уселся на стул, достал из портфеля газету и стал читать. Он всегда приходил на работу рано и, спокойно расположившись, читал газету. Сегодняшний день исключением не был. Далее тоже все развивалось по обычной схеме. Один за одним появлялись сотрудники, и голову приходилось то и дело поднимать, чтобы с каждым поздороваться. Последней вошла Елена Степановна Маслова - красивая, всегда строго и элегантно одетая женщина. Она возглавляла юридический отдел внешнеторгового объединения, тот самый отдел, в котором работал Гамов. Отдел был небольшой, как однажды кто-то сострил, размером всего с полкомнаты. Действительно, юридический отдел занимал только половину комнаты, другую же половину отдали отделу кадров. Соседство это было временное, объединение совсем недавно образовалось, скоро должно было переехать в новое здание, а пока переживало трудности роста. Впрочем, соседство не причиняло беспокойств ни одной из сторон. От отдела кадров в комнате постоянно находилась только Ирочка, девушка с весьма приятной внешностью, бесспорным достоинством которой, по мнению Гамова, являлось то, что она все делала молча: если не печатала на машинке, то тихо себе читала и никому не мешала. Остальные кадровики были все время "в бегах", они лишь забегали и выбегали из комнаты. Начальник отдела кадров имел маленький кабинет в другом конце коридора и здесь появлялся нечасто. В юридическом отделе неотлучно сидел на своем месте лишь Гамов. Так что теснота особо не ощущалась, и два отдела прекрасно сосуществовали.

Едва поставив сумку на свой стол, Елена Степановна обратилась к Гамову:

- Владимир Валентинович, вы звонили железнодорожникам по поводу письма?

- Нет, не звонил.
- Позвоните, пожалуйста, выясните.
- Когда?
- Как когда? Чем раньше, тем лучше.
- Понятно.

Гамов отложил в сторону газету, достал из верхнего ящика стола синюю папку и общую тетрадь. Подобной тетради ни у кого в объединении не было. И не только в объединении. Это была

уникальная тетрадь. В ней Гамов записывал все поручения, которые ему давались, и ход их выполнения, протоколировал совещания и собрания, на которых присутствовал. Все строго выстраивалось по дням, часам и даже минутам. Фактически это был подробный деловой дневник. Тетрадь, лежавшая сейчас на столе, уже двадцать девятая по счету, остальные двадцать восемь хранились у Гамова дома. Открыв какую-либо из них, можно было узнать, какими делами занимался Гамов такого-то числа, такого-то года, как решались те или иные вопросы, какой точки зрения придерживались те или иные люди. Привычку все записывать многие находили странной, многих она просто раздражала, но тем не менее дисциплинировала тех, кто непосредственно контактировал по работе с Гамовым, особенно начальство, заставляла сперва подумать, а лишь потом высказывать вслух, а не наоборот. Сам Владимир Валентинович считал свой стиль естественным и нормальным, наилучшим способом, обеспечивающим порядок.

Разговор с железнодорожниками насчет письма получился непростой. Те никак не могли понять, о каком письме идет речь, кем оно составлено, для чего оно вообще нужно. Владимир Валентинович терпеливо объяснял, его выслушивали и рекомендовали позвонить туда, где в курсе данного вопроса. А где они, те, кто в курсе? Пока Гамов разгадывал эту загадку, появился начальник отдела кадров, лысоватый мужчина с неизменной хитроватой улыбочкой на лице, и попросил принять двух студентов - практикантов из института международных отношений.

- Что мне с ними делать? - спросил Гамов.

- Расскажи об объединении, дай почитать Устав, в дебри-то, конечно, не залезай, им это не нужно.

- Надолго они к нам?

- На несколько дней.

- И какой курс?

- После третьего курса. Ознакомительная практика. Приказ по министерству есть.

- Ну, если есть приказ, зови их сюда.

Вскоре перед Гамовым сидели два паренька - один полный с круглым добрым лицом, другой худой, подтянутый и, по всей видимости, относящийся к своей личности с большим уважением, о чем свидетельствовал взгляд сквозь затемненные очки, который как бы говорил: "А что, собственно, вы мне можете показать и рассказать здесь такого, чего бы я не знал и что бы меня удивило?"

Гамов перебросился со студентами несколькими фразами, дал им

Устав объединения, а сам занялся злополучным письмом и другими делами. Студенты сидели тихо, полный даже что-то выписывал, худой смотрел то в окно, то в текст, то на Ирочку. Последняя судя по всему, вызвала наибольший интерес.

Время летело быстро, близился обеденный перерыв. Практиканты поглядывали на часы, намекая Гамову, что пора их отпустить. Но тот не реагировал. Ребятам надоело сидеть без толку и, потеряв всякую надежду уйти раньше времени, они начали задавать вопросы. Начал полный.

- Разрешите спросить?
- Да, пожалуйста, - откликнулся Владимир Валентинович.
- Какой объем валютной выручки объединения?
- Знаете, ребята, этот вопрос не по адресу. У нас же юротдел, мы коммерческой работой, как таковой не занимаемся. Это вам надо спросить у генерального директора или его замов. Вы у какого-нибудь начальства были?
- Были у генерального директора.
- Вот у кого как раз надо было спросить. Чего же вы растерялись?
- Да он с нами всего разговаривал то минуты две. Спросил как жизнь, как успехи в учебе, сказал два слова о специфике объединения и все.
- Ну, понятно, ему некогда, сейчас как раз переговоры идут.

Неожиданно в разговор вступил хранивший долгое молчание худой.

- А какой у вас загранаппарат?
- Как какой? - усмехнулся Гамов, - сильный, грамотный, компетентный, энергичный.
- Нет, я не про это. Сколько человек работает за границей?
- Немного. У нас ведь вообще маленький штат, сравнительно маленький, конечно.
- А кого посылают за границу?
- Разных людей, но как правило имеющих определенный опыт работы, высшее образование и некоторые другие показатели. Вот окончите институт, приходите к нам работать, увидите, что к чему.
- Да, - многозначительно сказал худой и кисло заулыбался.
- А что, приходите. Работы для вас хватит, перспективы тоже есть. Вы с какого факультета?
- С экономического, - ответил худой, - с транспортного отделения.
- А, что, у вас даже транспортное отделение есть? И что вы там проходите?

- Экономику транспорта, организацию перевозок, фрахтовые, экспедиторские операции.

- Смотрите-ка, как интересно, а я и не знал. И кафедра у вас специальная есть?

- Да. Называется кафедра международных перевозок.

- А кто читает?

- Экономику - Чечков Андрей Семенович, фрахтовые операции - Николаев Дмитрий Сергеевич, организацию - Полянова.

- Полянова Таня?

- Да, Татьяна Николаевна, - хитро прищурился худой.

- Знаю, знаю, - отозвался Гамов, - как она, все такая же красивая и приятная?

Ребята засмеялись.

- Она гораздо приятнее, чем ее скучный предмет, - пошутил полный.

- Да, Таня редкостно красивая женщина. Видите, как мир тесен, я даже и не знал, что она у вас преподает. Кстати, о Николаеве я тоже не слышал.

- Он известный, - сказал полный, - у него масса научных работ, скоро будет докторскую защищать.

- А Караванов Евгений Михайлович случайно не на вашей кафедре?

- Есть такой, только мы его плохо знаем, он у нас еще ничего не вел.

- Да он только недавно из Таиланда вернулся. Вот уж у кого море энергии. Не понимаю, правда, почему он не пошел на оперативную работу, вдруг решил податься в преподаватели?

- А что хорошего на оперативной работе? - проговорил худой, поправляя очки. - Бумажки перекладывать с одного стола на другой? Мы сейчас походили, посмотрели - тоска зеленая, а не работа. Каждый день одно и тоже, и так бесконечно.

- А какая работа по-вашему подходящая?

- Трудно сказать, но, во всяком случае, не эта.

- Значит, трудно сказать... Конечно, после того, как вам в институте в течение пяти лет рассказывали о крупных проблемах и фундаментальных законах, трудно потом прийти на работу и заниматься самыми заурядными вещами, вещами мелкими по сравнению с теми самыми глобальными проблемами. Я тоже поначалу болезненно переживал все это. Мне казалось, да, собственно, так оно и было на самом деле, что то, что я делал, мог делать любой человек, даже без диплома. Но вскоре я понял, что

образование - это лишь фундамент здания, а уж какое здание получится - одноэтажное или двухэтажное - зависит только от меня. Сперва дела у вас будут, действительно, скучные, чего там говорить. Но вы должны усвоить одно правило, один секрет.

- Секрет чего?

- Секрет того, как сделать работу нескучной, как избавиться от положения мальчика в коротких штанишках, с которым никто не считается, секрет роста, если хотите, то есть, секрет универсальный на все случаи служебной жизни. Этот секрет прост: надо быть специалистом, надо стать незаменимым в своей роли, пусть пока маленькой, может потом дадут роли покрупнее. Будучи специалистом вы гарантированы от многих неурядиц. Скажем, не любит вас ваш начальник, но знает, что никто лучше вас не справится с каким-либо заданием, что ему делать? Поморщится, и сам же к вам придет. Так же и с повышением. Кого назначать? Можно взять какого-нибудь балбеса, за которого кто-то звонит и просит. Но за балбеса-то и работать придется, его же за ручку надо вести. А со специалистом никаких хлопот, сам во всем разберется. Вот перед назначающим встает проблема выбора решения и второй вариант здесь явно предпочтительнее.

- Вы считаете, что на практике всегда выбирается именно второй вариант? - перебил Гамова худой.

- Нет, не считаю, вернее наверняка знаю, что не всегда выбирается второй вариант. Но я уверен, что топать по земле своими ножками и стремиться, чтобы эти ножки были как можно крепче - самое надежное. А на практике... на практике, конечно, всякое случается. Помню, когда я еще учился в институте, у нас в группе у каждого была своя метода сдавать экзамены. Один всегда надеялся вытащить нужный билет, у другого всегда отличные шпаргалки, третий рассчитывал на расположение экзаменатора, которое он зарабатывал в течение семестра, четвертый верил в зачетку, в которой стоят одни пятерки и которую из-за уважения к личности сдающего не посмеют замарать и так далее. Причем все довольно хорошо наловчились и весьма прилично сдавали. Но диплом с отличием получил только один из нас - Леня Чекалов, он сейчас в Италии работает. Так вот, у Лени был принцип "тотального" знания, то есть, знать полный объем курса и еще чуть-чуть больше, и это оказалось самым практичным способом, потому что даже если ты выбрал нужный билет или у тебя есть шпаргалка, стоит задать несколько дополнительных вопросов по другой теме или начать копать вглубь, и ты погоришь. Из десяти случаев, по крайней мере, в

одном обязательно погоришь.

- Извините, но уже обеденный перерыв, - робко произнес худой.

- Да-да, - Владимир Валентинович глянул на часы, - мы немножко заболтались. Извините, что я вас задержал. Вы после обеда ко мне вернетесь?

- Мы точно не знаем. Надо зайти после обеда в кадры и все выяснить. Может быть, нас в фирму пошлют или конъюнктурный отдел.

- Ладно, выясняйте сами, - сказал Гамов, укладывая документы в ящик, - только не болтайтесь попусту. Вы в курсе, где у нас можно поесть?

- В курсе.

- Тогда действуйте. Смотрите не заблудитесь и не потеряйтесь, а то здание большое.

- Постараемся, - ответил полный, закрывая за собой дверь.

Гамов еще некоторое время рылся в своем портфеле, потом встал, задвинул стул и вышел в коридор. Он спустился по лестнице, кивая то в одну, то в другую сторону пробегавшим мимо коллегам. Пройдя мудреным лабиринтом коридоров и переходов, он наконец-таки очутился в центральной столовой, занимающей просторное и величественное помещение с высоченными потолками. Владимир Валентинович всегда ходил именно в эту столовую, здесь, по его мнению, кормили лучше всего, буфеты же с их кофе, булочками и свежими сплетнями в кругу сослуживцев он вообще не признавал, его отношение к питанию, как и к любым другим вещам, было взвешенным и серьезным.

Честно отстояв двадцать минут в очереди, Гамов сел за столик и стал сосредоточенно пережевывать пищу, как вдруг кто-то стремительно плюхнулся на стоящий рядом свободный стул и хлопнул его по плечу с громким возгласом:

- Здорово, Володя.

Гамов повернул голову и увидел Мишу Березина, с которым он давным-давно вместе работал, вернее, протирал штаны в одной бездельной организации, которую, в конце концов, к огромной радости Гамова разогнали. С Мишей они одно время перезванивались, бывали друг у друга в гостях, но затем как-то потеряли один другого из виду, и все контакты свелись лишь к телефонным поздравлениям с праздниками.

- О... Приветствую тебя, - произнес Владимир Валентинович несколько растерянно.

Миша поставил на стол чашку кофе и тарелку с бутербродами и

торопливо заговорил.

- Старик, что за дела. Не появляешься, не звонишь. Совсем зазнался. Ленка меня без конца спрашивает, где Володя, почему не заходит... Я тебе, кстати, в апреле звонил, тебя не было дома.

- Точно, не было. Я уезжал.

- Ну, вот. Большую пьянку пропустил.

- По какому поводу гуляли?

- А по такому поводу, что меня директором фирмы назначили. Вот какие дела!

- Поздравляю, - Гамов улыбнулся и подал Мише руку. Тот быстро пожал ее. - Ты растешь не по дням, а по часам.

- Брось ты, где уж нам уж выйти замуж. Ситуация просто удачно сложилась, конъюнктура, так сказать. А ты где? Все там же?

- Все там же.

- А личная жизнь как? Не женился?

- Нет живу один, тихо - спокойно. Никто под боком не зудит, не действует на нервы.

- Понятно. А как Галина поживает?

- Не знаю. Не интересуюсь.

- Понятно.

Миша отхлебывал кофе и яростно уплетал бутерброды.

- Мы тебя тут недавно вспоминали с Шурой Гранковским.

- Надеюсь, добрым словом вспоминали.

- Добрым, особенно Шура... Как ты его тогда в бане отстегал. - Миша загоготал. - Я захожу, слышу стоны из парилки, потом, дверь открывается, и Шура оттуда пулей вылетает в огород... голый. Ха-ха-ха. Хорошо баб на даче не было... Да, бывали дни веселые. Кстати ты в курсе, что Шура в Женеву едет работать?

- В курсе.

- Ничего себе командировочка, да? Правда с его тестем куда угодно можно поехать.

- Причем тут тесть? Шура и сам по себе мужик толковый.

- Толковый... Мало ли таких толковых. Мы вот с тобой, что, бестолковые? Или опыта не имеем. А нас, небось, не пошлют.

- Ну тебе грех жаловаться, особенно в свете последних событий.

- Каких еще событий?

- Ты же стал теперь большим начальником.

- А, ты про это. Нет, Володь, собственно никто не жалуется, но иногда бывает обидно, что тебе ничего, а кому-то все. Несправедливо...

- Шура не кто-то. В его годы мало кто защищает докторскую. А

мы с тобой, к слову говоря, даже не кандидаты.

- Ну и что тут такого. Я всю дорогу на оперативной работе, когда мне было диссертации писать?

- Вот ты говоришь несправедливость. Тебе было некогда, а он успел и защититься, и на практической работе выдвинуться.

Последняя фраза Гамова больно уколола Мишу.

- Защититься, а что защититься, читал я эту диссертацию, никаких великих научных открытий там нет. Так... описание. Недаром его в первый раз провалили. Помнишь, он уже банкетный зал в ресторане снял, людей напригласал, а отмечать оказалось нечего.

- Тем большая ему хвала. Другой бы раскис, а Шура, видишь, со второй попытки, а своего добился.

- Чего добился? Что на гробовой доске напишут: доктор наук? Пусть на моей могиле вообще никаких надписей не будет, обижаться не стану. Жадность, жадность, Володя, человека съедает. Все мало, всем все хочется больше. Вот и Шурка готов был землю зубами грызть, лишь бы только в доктора пролезть, а сейчас Женеву ему подавай.

- Но это же естественно. Пока мы с тобой пили кофе в буфете, он грыз зубами землю, за что теперь получает определенную компенсацию. Все в порядке вещей.

- Старик, я всегда ценил твой юмор, но в данном случае юмор ни при чем.

- Слушай, - сказал Гамов, поставив пустые тарелки на поднос и придвигая к себе стакан чая, - а ты не обратил внимания на такой парадокс: вот работает какой-нибудь бездельник, вернее он не работает, а только присутствует на работе, и часто этот бездельник мирно уживается со всеми, особенно, если атмосфера заведения соответствующая. Никто не кричит, не возмущается. Или, например, кто-то проштрафился. Что ему сделают? Ну, поругают, ну пристыдят, а потом махнут рукой и скажут: "Черт с тобой, только смотри, чтобы это никогда не повторялось". Проштрафившийся вызывает жалость, у него находится тысяча и одно смягчающее обстоятельство. Но зато если кто-то, как ты выразился, зубами землю грызет, пытается что- то сделать, то все выступают против него единым фронтом. Если бы Шура не был доктором и не ехал бы в Женеву, ты бы первый говорил, что он отличный мужик, но раз Шура все-таки доктор и едет в Женеву, значит, он карьерист, бездарь и выскочка.

- Ну ты, знаешь, не перегибай. Я так не говорил.

- Пусть не говорил. Это не меняет сути, парадокс остается.

Казалось бы, по идее все проще простого: у бездельника земля под ногами должна гореть, деловому, наоборот, всяческая поддержка. А в жизни, видишь, не всегда так. Очень уж мы не любим, когда кто-нибудь лучше и удачливее нас.

- Ладно, бог с ним, - Миша махнул рукой, - давай лучше по кофе ударим.

- Я кофе не буду. Мне после него, как ни странно, спать хочется. И вообще, мне пора, счастливо тебе, звони, не забывай.

- Ты тоже звони. И как время появится, заходи обязательно. Я хоть и не доктор наук, но бутылку всегда поставлю, так что заходи. Договорились?

- Договорились.

Гамов встал, пожал руку Мише и быстрыми шагами двинулся к дверям. Подходя к своему этажу, Владимир Валентинович поздоровался с двумя молодыми сотрудницами из финансового отдела, оживленно обсуждавшими за сигаретой какие-то наболевшие и отнюдь не служебные проблемы. Декольте, довольно яркая косметика относили их к той категории женщин, которая по гамовской классификации имела наименование "красотки кабаре". Пятачок, где стояли "красотки", невозможно миновать, не остановившись и не поприветствовав кого-то, потому как здесь была курилка - неофициальный центр общественной жизни объединения. Заключенные сделки, планы, отчеты, перестановки в руководстве, загранкомандировки, различные марки пива, победа, либо поражение "Спартака", поведение в быту отдельных товарищей, новое платье, ноги секретарши и многое-многое другое становилось предметом дискуссий, развертывавшихся в курилке в течение дня. Человек, избегавший посещений в курилке, терял очень многое: он хуже знал людей и хуже знал о людях, чем тот, кто хотя бы раз в два часа высасывал сигарету в компании своих коллег. Ценнейшую роль курилки в живом общении признавали все курящие и некурящие, и только два человека, уборщица Настя и Гамов, позволяли себе открыто выступать против нее: Настя потому, что ей приходилось собирать раскиданные по всей лестнице окурки, а Гамов - из-за принципиального убеждения в том, что курилка вредит физическому и, в не меньшей степени, моральному здоровью. По причине совпадения позиций по вопросу о курилке, а, может, по какой-либо другой причине Гамов был единственным в объединении, к кому Настя питала уважение, о чем свидетельствовала почтительная улыбка на ее морщинистом лице, появлявшаяся всякий раз, когда Владимир Валентинович проходил мимо. Остальных же Настя

терпеть не могла и нередко заявляла об этом вслух в весьма крепких выражениях. Однажды Гамов видел, как она шлепнула тряпкой по ногам генеральному директору и воинственно прикрикнула: "Чего по мокрому ходишь? Ослеп что ли?" Но все прощалось Насте за то, что с утра до вечера без передышек, перерывов и тем более перекуров яростно и упорно она терла пол, ни с кем не разговаривала, ни на кого не отвлекалась, а просто терла пол, бормоча себе что-то под нос или просто ругаясь.

Одна из "красоток" сообщила Гамову чрезвычайно радостное известие о том, что в шесть часов будет собрание, на котором надо обязательно присутствовать.

Собрание оказалось скучным и нудным, и, если бы не привычка вести записи, Владимир Валентинович наверняка бы уснул. К тому же несмотря на обещания говорить кратко, ни один из выступающих не укладывался в регламент. Время перевалило за восемь, все занервничали и заерзали, и стало ясно, что пора кончать. Когда последовала традиционная фраза: "Будут ли товарищи какие-нибудь вопросы?" - кто-то рискнул поднять руку, но аудитория среагировала на этот вызывающий поступок столь бурно, что рука немедленно опустилась. Через несколько мгновений после того, как председатель произнес заключительные слова, в зале уже никого не было.

Домой Гамов приехал в начале девятого. Он переоделся, умылся, поставил кипятить чайник, включил телевизор и уселся в кресло. Кресло было основным местонахождением Владимира Валентиновича в вечерние часы. По своей натуре он был домоседом, а с тех пор как развелся пять лет назад, вообще практически по вечерам никуда не выходил. Его однокомнатную квартиру тоже посещали очень редко: иногда заваливались приятели с бутылками, приходила к нему одна знакомая по имени Мила, высокая женщина с отличной фигурой, и, наконец, раза два в год появлялась бывшая жена с неизменной коробкой конфет, и тогда устраивалось чаепитие и завязывалась душевная беседа. С женой у Гамова всегда были хорошие отношения, а после развода отношения даже улучшились.

Разошлись они тихо, без скандалов, сцен и страстей. Просто Гамов однажды сказал: "Галина, мне кажется, что нам не надо больше жить вместе", а она, помолчав, ответила: "Мне тоже так кажется". Соглашение было достигнуто меньше, чем за минуту, несколько месяцев оформляли формальности, разменивали квартиру, и все делалось чинно, спокойно, как и полагается культурным людям.

Сегодня в столовой Владимир Валентинович соврал Березину, что

не знает, как поживает Галина. Он все прекрасно знал. Знал, что она вышла замуж за известного журналиста, перешла работать на радио, и вообще процветает, по крайней мере, внешне. Факт ее замужества удивил Гамова. Ему представлялось, что он и только он был единственным мужчиной, который сумел терпеть характер Галины в течение какого-то времени, и больше подобных любителей не найдется, а если и найдется, то очень ненадолго. А оказалось, любитель нашелся, и при том не мальчишка, а солидный мужчина. Галина была добрым, отзывчивым, не жадным человеком, но с чрезвычайно сложным характером, с постоянно меняющимся настроением, увлечениями, желаниями. Она могла сутками пропадать на работе, бегать, сломя голову, и хлопотать о чем-то, а могла ничего не делать, могла влюбиться и через два дня разочароваться, могла неделями не обращать внимания на пыль и грязную посуду, а потом вдруг начать стирать, убирать и мыть с утра до вечера, да так, что все вокруг блестело и искрилось. Гамов называл свою жену "хаотичной" личностью, и поскольку хаос, по его мнению, есть явление противоестественное и опасное, шансы бывшей супруги на удачный брак он находил весьма незначительными.

Но ей, как видно, хватило и этих незначительных шансов.

Гамов немножко задремал в кресле, разбудило его пыхтение кипящего чайника. Он со вздохом встал и поплелся на кухню. Стакан чая с печеньем Владимир Валентинович обычно выпивал в девять часов, а ровно в половине одиннадцатого ложился спать. Распорядок дня, как рабочего, так и воскресного, устоялся годами и выполнялся им точно, минута в минуту. Любое отклонение от расписания, кроме тех, что вызваны особыми обстоятельствами, независящими от его личной воли, и в мыслях не допускалось, ведь расписание было частью того, что Гамов называл порядком и чему, подобно идолу, поклонялся всю жизнь. Его порядок покоился на четырех китах: взвешенности, спокойствии, честности,
дисциплинированности. Эти главные принципы определяли его поведение, объясняли, почему Гамов никогда не опаздывал, поручения выполнял вовремя, был вежлив, корректен, не писал анонимок, никому не завидовал, сторонился интриг и интриганов, твердо придерживался им же выдвинутого лозунга "С работой надо справляться в рабочее время" (своей начальнице, Елене Степановне Масловой, в ответ на ее просьбы задержаться на работе после шести часов, он говорил примерно так: "Если мы не успеваем что- то сделать и нужно задерживаться, значит мы не умеем работать и нас надо гнать в три шеи), возмущался, когда вещи лежат не на

своем месте или когда плохо прожарена котлета, не напивался до скотского состояния и не курил. Порядок был для Гамова сводом правил, действующих автоматически, безусловно, как законы природы. Очевидно, что срубленное дерево будет падать вниз, а не лететь вверх, такими же очевидными казались ему нормы, в рамки которых он втиснул свою жизнь. Однако в последнее время начал преследовать и мучить Владимира Валентиновича вопрос: "А что дал ему порядок?" Чем глубже он пытался разобраться, тем противнее становилось на душе. В самом деле, в сорок с лишним лет он не имел ни семьи, ни детей, ни высокого положения. А что, если все правила и нормы сплошной самообман? С другой стороны, почему семья, дети и положение, эти обывательские стандарты, являются для него мерилом? Может его критерии совсем другие. Но какие?

Вот тут-то Гамов всегда останавливался в своих размышлениях, словно натыкаясь на невидимое препятствие, преодолеть которое не было сил. Одно представлялось ему яснее ясного: подчиняться и следовать правилам, как делал он всю жизнь, очень важно, но еще важнее создать верные правила и найти критерии. Первое без второго опасно, второе без первого бессмысленно. Гамов чувствовал, что в его порядок вкралась ошибка, которая и привела к заточению в четырех стенах и к тому, что некому даже будет поправить подушку, если он вдруг заболеет. Наверное, следовало бы отыскать и исправить ошибку, но он не хотел ничего менять и поэтому все оставалось по-старому.

По телевизору шел фильм. Бушевали искусственные страсти, герои, один положительнее другого, бились над решением сложнейших проблем бытия, мучились и страдали в полном соответствии со сценарием, родившимся в чьей-то заурядной головушке. Как только стало понятно, что герои успешно решат свои проблемы, Владимир Валентинович выключил телевизор и лег спать. Лежа в постели, он прокрутил в памяти прошедший день и убедился, что сегодня все было сделано так, как и предполагалось.

"Прекрасно", - подумал он.

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

В ресторане было оживленно. Оркестр с помощью мощной аппаратуры и хриплых голосов прославлял замечательный город Одессу. В просторном зале лихо плясала подвыпившая публика, важно ходили взад-вперед официанты, у входа толпились курильщики, суетился и бегал швейцар.

Дима и Марина сидели за небольшим столиком в уголке, неторопливо беседовали и с интересом поглядывали по сторонам. Доев антрекот, Дима сказал:

- По-моему, пора трогаться. Через двадцать минут закрывают, начнется толкотня. А зачем нам нужна толкотня?

Они встали и направились к гардеробу. Около большого зеркала напротив гардероба Марина остановилась и начала причесываться. Дима знал, что ритуал причесыванья продлится никак не меньше нескольких минут и стоять рядом на вытяжку, как верный слуга и ожидать, пока барышня закончит наводить красоту, ему не хотелось, поэтому он решил подремать в мягком удобном кресле возле окна.

В это время из зала вышли три молодых парня с раскрасневшимися после ужина лицами. Один из них, усатый крепыш в потертых джинсах и с цепочкой на шее, что-то рассказывал, а двое других громко, без удержу хохотали. Взгляд усатого случайно упал на Марину.

- Какая женщина! - закричал он на весь ресторан, - какие ноги, какие формы! Мужики, я балдею.

По Марининой спине пробежала судорога. Она резко повернулась:

- Это... это вы о ком говорите?
- О тебе, красавица, о ком же еще. Нравишься ты мне.
- Да как вы смеете...
- Умные люди говорят: что посмеешь, то и пожнешь.

Друзья усатого загоготали. Тут Марина не выдержала:

- Послушай, ты, пьяная рожа. Замолчи, иначе...
- Что иначе? Ты меня не будешь любить?
- Сейчас я позову мужа и, если ты не замолчишь, он намылит тебе шею.
- А у тебя и муж есть. Но муж нам не помеха, я так думаю.

Дима внимательно наблюдал за развитием событий, хотя делал вид, что смотрит в окно и ничего не замечает. Затем он встал, подошел к Марине и невозмутимым тоном произнес:

- Ты уже готова? Тогда пошли.

Веселую компанию во главе с усатым Дима словно и не видел, отчего те на время опешили.

Однако потом словесная атака продолжилась:

- Это твой муж, красавица? Да он же дохлый, как он с тобой справляется?

- Муж - объелся груш.

- И этим доходягой она нас пугала. Ему по носу щелкнуть, и он улетит.

Дима спокойно, неторопливо застегивал плащ. Марина опустила голову и тщетно пыталась что-то разыскать в своей сумочке. По ее пухлым щекам текли слезы. Когда они были уже у двери, усач заорал:

- Он, наверное, глухонемой. А поди плохо иметь глухонемого мужа. А еще лучше слепого. На сторону гулять легче. Ладно, мужики, пошли танцевать.

На улице Дима робко сказал:

- Не плачь... Что ты плачешь?

- Не плачь? Ты бы лучше, чем меня успокаивать, успокоил бы этих хамов. Позор! - Марина говорила нервно и зло. - Они тебя оскорбляли, оплевывали, а ты стоишь, как истукан, как дубина и ни
слова.

- Неужели ты не понимаешь, что если бы я начал с ними препираться, была бы драка.

- Да лучше драка, чем такое унижение. Твою девушку смешивают с грязью, а ты молчишь. Ты последний трус!

- Я не трус, но драться из-за того, что кому-то понравились твои ноги - это идиотизм. Ты тоже хороша. Видишь, ребята подвыпили, языки у них удлинились, а ты сразу "пьяная рожа", "как вы смеете". Нет бы помолчать, не разжигать страсти. Никакой гибкости, сплошная прямолинейность.

- Зато ты очень гибкий.

- Да, я гибкий. Я сразу сообразил, что один против троих ничего не сделаю, они измолотят меня, и тем дело кончится. И вообще, зачем нужен конфликт, если есть мирные средства? Все драки всегда возникают по самой пустяковой причине: кто-то кому-то не понравился, кто-то кому-то не так сказал и сразу в зубы. Ради чего? Да просто по глупости. Это выясняется утром на трезвую голову, но уже поздно. В жизни надо уметь вовремя идти на компромиссы, Марина, каждый шаг надо обдумывать.

- Ну и иди на свои компромиссы, а меня, пожалуйста, не трогай. До свидания...

- Я провожу тебя.

- Не беспокойся, сама дойду.

Она всхлипнула и побежала вперед. Дима догонять не стал, чувствуя, что объяснения и извинения сейчас бесполезны.

Домой он пришел за полночь. Отец открыл ему дверь, укоризненно посмотрел и безмолвно удалился в спальню. Дима минут двадцать бестолково слонялся по квартире. Спать ему не хотелось, настроение было скверное, и чем себя занять, он не знал.

В голове вертелись горькие обидные слова: "Да лучше драка, чем такое унижение". Дима вдруг живо представил себе сцену: он, беспомощный и тщедушный против троих детин, для которых мордобой, по всей видимости, повседневное развлечение. Каких-то пять минут - и могла произойти трагедия. Ему сделалось жутко. Он почти физически ощутил боль, ощутил удары, сильные, беспощадные удары в лицо и живот. Неужели от того, что его до полусмерти изобьют, кому-то может стать лучше, и та же Марина посчитает свою честь достойным образом защищенной, а своего заступника героем? Неужели герой - это тот, кто безрассудно лезет на рожон и принимает бессмысленные страдания? Почему те, кто умеют хитроумно избегать столкновения и обходить препятствия, непременно получают клеймо негодяев и трусов?

В то же время Дима отдавал себе отчет в том, что со стороны он выглядел жалко. Его словно хлестали изо всех сил по щекам, а он молчал и покорно терпел. Дима вспомнил фразу, которую любил повторять его дед: "Слабого никто не уважает".

Марина ушла, потому что ее оттолкнула слабость, в ней исчезло всякое уважение к нему, и вряд ли теперь это уважение вернется.

Неприятные размышления прервал отец, который приоткрыл дверь, и увидев развалившегося на диване с сигаретой в зубах сына, спросил:

- Чего не спишь? Поздно уже.
- Не хочется, - вяло ответил Дима.
- Ты где это гулял сегодня до полуночи?
- В ресторане был.
- А почему ты такой грустный?
- А разве из ресторана приходят только в веселом настроении? - протянул сын и, вздохнув, добавил, - я с Мариной поругался.
- Чего так?

Дима поведал в подробностях обо всем, что произошло. Отец внимательно выслушал, а потом сказал:

- М-да, любопытный случай. С моей точки зрения ты поступил правильно, хотя если бы я был на твоем месте, то, наверное, не

выдержал бы. Вот только Марина... С Мариной будет сложно наладить отношения.

- Откуда ты знаешь? - почти закричал Дима.

- Понимаешь, женщине нравится, когда из-за нее рискуют, идут напролом, а разные там компромиссы ее не прельщают. Вот так вот... Ничего не поделаешь: что-то теряем, а что-то находим.

- Что-то теряем, а что-то находим, - задумчиво, вполголоса проговорил Дима и умолк.

ГРЕХ ЖАЛОВАТЬСЯ

Директор медленно поднялся со стула и оглядел присутствующих. В зале воцарилась трепетная тишина, которую нарушало лишь бульканье воды - кто-то из президиума наливал себе минералку.

- Товарищи, - торжественно произнес директор, - сегодня в нашей спецшколе №10 с углубленным изучением английского, французского, испанского, итальянского и других иностранных языков, а также физики, ботаники и танцев праздник. Сегодня вы, дети, закончили пятый класс. Ура!

Раздались дружные аплодисменты.

- Администрация надеется, что вы и впредь будете достойно нести высокое звание ученика десятой спецшколы. Для такой надежды у нас есть все основания. Ведь какие у нас ребята! Это же чудо, это же песня, это же головы какие! Вот на первом ряду вместе с бабушкой... здравствуйте, Марья Ивановна... сидит Сашенька Петров, наш отличник, наш общественник. Мальчик - сама скромность, сама добросовестность. При дедушке - начальнике РОНО больше двух дней в неделю никогда не прогуливает. Это же подумать только! А вежливый какой! Бывало, раскричишься... работа, знаете ли, нервная, а он, Сашенька Петров, мягко так, душевно говорит: "Ты что, Васильич, - он меня обычно Васильичем зовет, - суетишься, посиди, успокойся". От таких слов сыновних всякие обиды проходят.

Директор всплакнул. Сидевшая на первом ряду бабушка Петрова тоже всплакнула. И весь зал всплакнул.

- Быть, видно, Сашеньке большим человеком, как дедушка, - продолжал директор. - Сашенька у нас не один. Взять хотя бы Костю Сидорова. Ведь не случайно за хорошую учебу родители ему уже три года доверяют подписывать дневник самому. А папе его, Дмитрию Евгеньевичу, члену родительского комитета, спасибо отдельное. Спасибо ему и его жилотделу за заботу об улучшении жилищных условий наших учителей. Да что тут говорить! Люди у нас чудесные, ученики прекрасные. Вот Танечка Морозова сидит, застенчивая девочка, вся в маму. Маму ее, нашу буфетчицу Ефросинью Тимофеевну, мы все знаем. Спасибо, Ефросинья Тимофеевна, за вкусную и здоровую пищу. Похлопаем, товарищи!

Зал взорвался аплодисментами.

- Что касается "тройки" Тани по математике, то я думаю, Ефросинья Тимофеевна, мы эту ошибку исправим и впредь повторять не будем. Наш математик Петр Константинович - человек новый, человек молодой и несколько горячий. Петр Константинович, - обратился директор к бородатому парню из президиума.

- Исправим ошибку, не проблема, - отозвался тот.

- Нет, что и говорить, ученики у нас замечательные. И родительский актив великолепный. Какой ремонт общими усилиями провели и какие материалы достали! К зиме окна заклеили. Весной эти окна помыли. Нет, нам грех жаловаться! У нас родительский комитет вовсю работает. Никому новую мебель не дали, у нас есть. Путевки в Сочи в неограниченном количестве. В театры хоть целыми днями всей школой ходи. Так могут ли, я вас спрашиваю, у таких славных родителей быть плохие дети? Конечно, нет. Могут ли эти дети плохо учиться? Конечно, нет. Потому-то и показатели у нас лучшие в районе.

Зал был готов дружно зааплодировать, но вдруг шумно открылась дверь и вошел худенький, бледный мальчик.

- Можно войти? - спросил мальчик.

- Почему ты опоздал? - строго отреагировал директор. - И опять без родителей?

- Они на следующей неделе придут.

- Я эту "следующую неделю" ровно два года слышу. Ровно два года я не видел твоих родителей в школе. Отсюда и твои "двойки". Ах, Козлов, Козлов, - глубоко вздохнул директор.

- Ах, Козлов ... Козлов, - зашелестел зал.

Сидевшая на первом ряду бабушка Петрова укоризненно покачала головой.

НЕ МНОГОВАТО?

Ивана Петровича Честного обокрали. Утащили все, что было заработано на нервной, беспокойной и вредной для здоровья должности директора мебельного магазина. Правда, утащили не совсем все. Кое-что осталось, но, несмотря на это, Ивану Петровичу было горько. На работу он пришел раздраженный, топал ногами, стучал кулаком по столу и твердо обещал подчиненным показать место, где зимуют раки.

Неожиданно Честному позвонил его приятель.

- Коля, беда, - закричал в трубку Честный, - обворовали меня. Самые ценные вещи взяли. Даже твой подарок - часы с калькулятором - стянули, гады.

Коля бурно посочувствовал, а потом сказал:

- Слушай, старик. Мои знакомые хотят купить мебель. Мучаются, ищут, а найти не могут. Ты не мог бы им помочь?

- А люди хорошие?

- Очень хорошие и благодарные. Тебе они понравятся.

- Ну, если хорошие, присылай.

Семен Кислов ко Дню радио решил постричься. За несколько минут обкорнали Семена так, что теперь любой прохожий, повстречавшись с ним в глухом переулке, упадет замертво. Парикмахер полюбовался своей работой и задумчиво произнес:

- Три рубля.

- Не многовато? - подал голос Кислов.

- В самый раз.

- В прейскуранте все не учтешь. Вчера, понимаешь, мебель покупал. Три с половиной тыщи отдал да плюс сверху будь здоров сколько. А тебе трешку жалко. Вот народ.

Кислов безропотно полез в карман.

На станции техобслуживания толстый дядя остановил высокого парня в кожаной куртке.

- Семен, здравствуй, - горячо заговорил дядя, - выручай, родной. Распредвал нужен.

- Распредвал - штука дефицитная.

- Понимаю, понимаю. Потому и прошу.

- Ладно, сейчас сделаю. Готовь двести рублей.

- Не многовато?

- Многовато? Вчера вон стричься ходил. Два раза ножничками чик-чик, а трешку вынь да положь. А тебе все многовато.

Дядя безропотно достал из кармана бумажник.

Лехе Степанову и Игорю Царапкину страшно не повезло: в винный отдел они ворвались лишь в четверть восьмого.

- Попробую договориться с таможней, - прошептал Леха. Подойдя к продавщице, он сказал:

- Красавица, оформи-ка нам бутылку водки.

- Что? - зарычала продавщица. - Ты знаешь, сколько времени?

- Знаю, но жить-то надо.

Душа работницы оказалась не каменистой почвой.

- Ладно, дам, гони пятнадцать рублей.

- Не многовато?

- Многовато? Сегодня мой муж за какой-то распредвал для «Жигулей» две сотни уплатил. А ты из-за пятнадцати «рэ» торгуешься.

Степанов безропотно зашуршал купюрой. Уже на улице начал вдруг шумно возмущаться Игорь.

- Где это видано, - кричал он, - чтобы водка после семи пятнадцать целковых стоила? Грабеж.

- Бог с ней. Я сегодня богатый, - ответил Леха, - халтурка неплохая подвернулась. Двоих ребят в аэропорт срочно подвез. Очень торопились. Кстати, они мне одну диковинку показали: часы со счетной машинкой вместе. Говорят, что из загранки привезли, а сами даже пользоваться не умеют. Чудаки.

- Часы со счетной машинкой? Вот черт побери... До чего только люди не додумаются.

ОДНА ИДЕЯ

Валентин Петрович и Вера вышли из школы, когда уже начало смеркаться.

- Как поздно мы кончаем, - сказал Валентин Петрович, - домой приходишь, а уже и спать пора. Сидим все, штаны протираем, а жизнь проходит. Верочка, давайте пойдем до метро пешком, воздухом подышим.

- С удовольствием, - ответила она.

- Вы на меня не обижаетесь, что я вас Верочкой называю?

- Нет-нет, что вы...

- Ну и отлично. Тех, кто мне нравится, я стараюсь называть как можно нежней. Вы не подумайте, я к вам не подлизываюсь. Просто приятно иметь дело с умными людьми. В последнее время мне это не всегда удается?

- Почему же?

- Трудно сказать. Вы лучше, Верочка, расскажите, как вам у нас в школе?

- Я еще не разобралась. Но вообще-то народ здесь трудный.

- Вы имеете в виду учеников?

- Нет, преподавателей. Атмосфера какая-то неприятная. В школе, где я раньше работала, мы все дружили, ходили друг к другу в гости, никогда не ругались. Год назад мое двадцатипятилетие справляли, так вся школа гуляла. Подарков надарили, как будто на пенсию провожали, а я там была всего три года. Если бы мы не переехали, ни за что бы оттуда не ушла. А здесь... Все по-моему готовы разодрать один другого. А директор настоящий хам.

- От него-то все и идет. То, что тогда он вас отчитал на уроке - это еще цветочки. Так что, запасайтесь, Верочка, терпением. Бесконечные проверки, кляузы, унижения и прочее - вам еще это предстоит.

- Неужели никто ничего не может сделать?

- А что сделать?

- Ну хотя бы выгнать его.

- Выгнать... Ха-ха. Ах, Верочка. Вот поживете увидите, как все непросто. Дружин - много лет директор, он плотно прирос задом к своему стулу. К тому же, говорят, у него в роно есть поддержка. Была как-то на него телега, но он остался жив-здоров, а преподавателей, которые эту бумагу написали, выставил. В прошлом году в школе слушалось три серьезных персональных дела, а ему ничего не сделали. Вот так вот.

- Но это же немыслимо. Такой хам, интриган - и вдруг директор школы.

- На первый взгляд многое кажется невероятным.

- Валентин Петрович, а почему он решил вас выдвинуть завучем?

- Бог его знает.

- А правда, что та, которая до меня историю вела, ушла из-за него?

- Не знаю. Официально она ушла в декрет. Болтали, что будущий ребенок от Дружина. Слухи, конечно, вещь ненадежная, но во

всяком случае бабник он первостатейный, это всем известно.

Незаметно они подошли к входу в метро.

- Ну, что, вы в метро? - спросил Валентин Петрович.

- Да.

- Тогда счастливо вам доехать до дома. Я пойду сигареты куплю. До свидания, до завтра.

- До свидания.

Домой Вера ехала в тяжелом настроении. Рассказ Валентина Петровича, увиденное и услышанное за неполные три недели в новой школе не предвещали ничего радостного. И Вера крепко задумалась. Приехав домой, она позвонила Валентину Петровичу:

- Извините за беспокойство. Видите ли, я хотела бы встретиться завтра с вами и поговорить по важному вопросу. Мне пришла в голову одна идея.

- Очень хорошо, когда в голову приходят идеи. Значит, человек еще не погиб как личность. Найдете меня завтра, и мы обязательно поговорим.

Через несколько дней Вера робко постучала в кабинет директора.

- Войдите, - послышался голос за дверью.

Она вошла. За столом сидел лысоватый мужчина с круглой физиономией и красными глазами.

- По какому делу? - не отрываясь от бумаг, сказал он.

- По личному, - мягким голосом ответила Вера.

Директор оторвался от бумаг и уставился на женщину.

- Слушаю.

- Олег Васильевич, я хотела бы пригласить вас к себе на ужин, отметить начало моей работы в школе.

Дружин закашлял.

- Интересное предложение. Сколько я брал на работу людей, никто меня по этому поводу к себе не приглашал. Хе-хе. Интересно. Кого вы еще пригласили, если не секрет?

- Валентина Петровича, Ксению Андреевну и Надежду Павловну, тех, с кем я успела за это время познакомиться.

- Так... Ясно, ясно. Что ж... Попить, поплясать - дело хорошее. Поддерживаю. Только вот, Валентина Петровича трогать я не советую. Он больной человек, сердечник. Это вообще-то никто не знает, так что вы особо не распространяйтесь.

- Я понимаю.

- А в принципе идея отличная. Хвалю. Когда намечается банкет?

- В воскресенье, в семь часов.

- Прекрасно. Черкните-ка мне адрес.

Вера положила на край стола маленький листок.

- Заранее написала. Молодец. Ценные кадры мы растим. Хе-хе.
- Стараемся, Олег Васильевич.
- Старайтесь, старайтесь. Может, что-нибудь и выйдет.

И Дружин загоготал.

В воскресенье в половине восьмого директор был у Веры. Увидев на столе в гостиной большой графин с водкой, бутылку коньяка, шампанское, вино и разнообразную закуску, он оживился.

- Так... А где же остальные? - спросил он.

- Беда, Олег Васильевич, - игриво ответила Вера, которая в туфлях на высоких каблуках, длинном темном платье с блестками и с распущенными волосами походила на звезду экрана, - никто больше не придет. Ксения Андреевна плохо себя чувствует, а у Надежды Павловны сегодня свадьба, сын женится.

- Сын женится? Знаю я этого сына. Он мою школу кончал. Надежда все ходила, "четверки" ему клянчила. А Валентин Петрович?

- Я его даже не приглашала, как вы сказали.

- Правильно. Хвалю. Больному среди здоровых делать нечего. Что ж, плакать не будем, что никто не пришел. Правильно я говорю?

- Совершенно правильно. Садимся за стол.

Они сели за стол.

- Вера, вы одна в таких хоромах живете?
- Нет, конечно. С родителями и братом. Они сейчас на даче.

Дружин подробно расспрашивал о родителях, об учебе в институте, рассказывал забавные случаи, анекдоты и сам же над ними громко смеялся. Не забывал он и о водке. Вскоре директор опьянел, глаза его стали краснее чем обычно, а на лице появилась глупая улыбочка. Нужна была разрядка. Вера включила магнитофон, и они начали танцевать. Дружин крепко обхватил ее обеими руками, прижал к себе и целуя оголенное плечо, зашептал.

- А ты хитрая баба, ох и хитрая. Думаешь, я не понял сразу, зачем ты меня к себе позвала? Думаешь, я не понял, что никого, кроме меня здесь не будет? Ха-ха. Ксюха то на больничном, Надя сына женит, я ей отгул давал. Валентин Петрович ни в жизнь не придет, если узнает, что я тут буду. Он меня, как огня, боится. И не только он боится. Меня все боятся, потому что я сила. Я любому рот заткну. Так что дружи со мной, Вера, человеком будешь.

- А я дружу, - тихо проговорила она.

В семь часов утра около большого многоэтажного дома остановилась машина. Из нее выскочили двое мужчин и быстро скрылись в подъезде. Они вынесли под руки лысоватого субъекта,

который бормотал что-то несвязное. Шедшая за ними женщина держала шляпу и пальто. Субъекта бросили на заднее сидение, там же примостилась и женщина, а мужчины уселись впереди. Когда машина тронулась, Валентин Петрович сказал:

- Вера, познакомьтесь, это мой брат Сергей. Машину водит как бог. Я решил вместо такси его привлечь с утра пораньше.

- Клиент не проснется? - спросил Сергей, не поворачивая головы.

- Не проснется. Он только в четыре утихомирился. Водку вином и коньяком запивал. После такого коктейля он до вечера не отойдет, - успокоила Вера.

Почти всю дорогу ехали молча. Молчание прервал Валентин Петрович:

- Верочка, вам не кажется, что мы поступаем неблагородно?

Вера оторопела, она никак не ожидала подобных слов.

- Не кажется. Вытолкнуть подонка, который издевается над людьми и делает все, что ему заблагорассудится,- высшее проявление благородства. А по-вашему, ударят по одной щеке, подставляй другую?

- Конечно, нет. Но все же не все способы подходят.

- Я согласна, не все. Те способы не подходят, которые не приводят к цели. А если вы выбираете не эффективный способ, но зато по вашему мнению благородный, то вы по сути миритесь со злом. И, потом, как определить, что благородно, а что нет? Ладно, оставим в покое философию. Мы уже подъезжаем.

Машина подъехала прямо к входу в школу. Вокруг не было ни единой души. Около двери расстелили пальто и положили на него Дружина. Рядом бросили шляпу.

В это утро учителя и ученики, подходя к школе, наблюдали сногсшибательную картину. У входа лежал директор и, широко раскинув руки, храпел на всю улицу. Вскоре его забрала милиция.

Дружина с треском сняли. В школе и за ее пределами еще долго не утихали разговоры, ходили разные слухи, выдвигались версии одна другой смелее, строились предположения и догадки относительно того, что же произошло в тот день с Олегом Васильевичем. Что касается Веры и Валентина Петровича, то они никогда не говорили на эту тему, возможно, потому что оба не любили пустой болтовни или по иной причине.

ИЗМЕРЕНИЕ

Он подошел к своей квартире и надавил на кнопку звонка, ожидая услышать торопливые шаги за дверью. Но было тихо. Против обыкновения никто его дома не ждал. Пришлось разыскивать по всем карманам ключ, что доставило несколько неприятных минут из- за мысли о том, что ключа могло и не быть. Однако ключ нашелся в кармане забрызганных грязью, полинявших брюк. Едва захлопнув за собой дверь и сбросив изрядно надоевшие за месяц сапоги и ватник, Геннадий прошел в свою комнату и бросился на кровать.

Он проснулся, когда за окном было уже темно. Шел дождь, капли энергично барабанили по карнизу. Геннадий встал, выпрямился, сделал несколько резких движений руками с тем, чтобы окончательно прогнать сон, и шагнул из комнаты в неширокий коридор квартиры. На кухне он увидел отца, который стоял к нему спиной и расставлял на столе тарелки.

- Приветствую вас, Василий Петрович, - громко сказал Геннадий с едва заметной иронией на лице.

Плечи отца от неожиданности дернулись, он резко повернулся, и, расплывшись в широкой искренней улыбке, той особой улыбке, которая делает людей не выделяющихся своей внешностью, удивительно симпатичными и обаятельными, подошел к сыну и обнял его.

- Здорово. Я тебя будить не хотел, дай, думаю, поспит человек, отдохнет. Ну рассказывай, как работа была?

- Работа... - Геннадий замолчал, - работа есть работа. А где мама?

- Она в Новосибирске в командировке, там какая-то научная конференция. Слушай, Гена, давай поедим, я вот тут что-то приготовил. Ты есть то хочешь?

- Конечно, хочу. С утра святым духом питаюсь.

Ели молча. Геннадий все время смотрел в тарелку, лишь иногда бросал свой скользящий, словно убегающий взгляд по сторонам. Отец сидел неподвижно и о чем-то думал.

- Ах, да, - спохватился отец, - совсем забыл, мы же твой приезд не отметили. Сейчас мы это дело исправим.

Он открыл холодильник и достал оттуда бутылку вина. Выпили по рюмке «за возвращение блудного сына» и за то, чтобы предстоящая учеба на четвертом курсе была успешной. Потом снова молчали.

- Так, - Василий Петрович встал из-за стола, - завтра будет суматошный день, пойдем-ка спать. Уже поздно.

- Я хочу сейчас ванну принять.

- Давай, принимай ванну, а я пойду спать. Да... вот еще что. В понедельник мама приезжает, - отец закашлял и хриплым голосом продолжал, - у нас аврал сейчас на работе, я, наверное, встретить ее не смогу, тебе придется.

- Ладно, встречу, - угрюмо пробормотал Геннадий. Вдруг на мгновение лицо его преобразилось, он задумался и, нахмурившись, произнес: - В понедельник я тоже буду занят и не знаю...

- Что ты не знаешь? Мать, понимаешь, приезжает, ее надо встретить, какие уж дела тебя могут так занимать? Самолет прилетает вечером, так что институт пропускать не надо, да если даже и надо было, ты бы ничего от этого не потерял. Я думаю, что круглому отличнику за небольшой прогул нагоняй бы не сделали, а?

- Не могу я в понедельник и все...

- Почему же это вы, сударь, не можете? - со злой усмешкой произнес отец.

- Я действительно занят. Мне нужно остаться после занятий. И это серьезно.

- Что именно серьезно?

- В понедельник маму я встретить, по всей видимости, не смогу... в силу серьезных причин, - добавил Геннадий нарочито сухим, канцелярским тоном.

- Интересно, какие же серьезные причины?

- Но это уже другой вопрос.

- Что значит другой вопрос? Ты, понимаешь, конкретно говори, а не вертись, - почти крикнул отец.

Сын понял, что упорствовать бессмысленно.

- В колхозе с командиром нашего институтского отряда поругался, теперь он собирается устроить разбирательство в комитете комсомола, в понедельник как раз...

- Из-за чего поругался?

- Дня за три до отъезда он машину заставил после работы толкать. Было холодно, начался дождь, я уже молчу о том, что никому эта, - он подыскивал нужное слово, - благотворительная акция не нужна была, на следующий день могли вытянуть грузовик. А этот друг еще ценные указания давал, там толкай, здесь подожди, сам, естественно, ничего не делал. Ну, я ему, красавцу, сказал несколько задушевных слов.

- И что теперь будет?

- Ничего... А что мне могут сделать? Постыдят, предупредят, в конце концов, намекнут на всякие там последствия, и все дела.

Василий Петрович слушал внимательно.

- Давно, я, Гена, наблюдаю за тобой, за поведением, разговорами, - сказал он, - и скажу честно, многое мне не нравится.

- Да что ты?

- Не паясничай. За три года учебы в институте это не первая история, и думаю, глядя на тебя, далеко не последняя. На втором курсе ты извинялся перед преподавателем за свое хамство, потом был конфликт с группой, сейчас вот снова. Да и не только в институте... в тебе сидит какая-то непочтительность, неуважение ни к кому и ни к чему. Я-де такой хороший, смотрите на меня, я вас никого не знаю, и знать не хочу, да и кто вы такие, чтоб с вами иметь дело.

- Тут я не согласен, - возразил сын, - зачем же белое называть черным. Со всеми всегда и везде я стараюсь быть вежливым. Правда, есть моменты, когда выдержка, как говорится, подводит, но ведь у всякого такое случается. Так что, милый папа, бери свои слова обратно и успокойся.

- А ты меня не успокаивай, - вскипел Василий Петрович, - ты себя лучше успокой, в порядок приведи себя.

- Выяснять сейчас, кто хороший, а кто плохой, я не хочу. И вообще, чего ты доказываешь?

- Ничего я не доказываю, - отозвался отец уже более сдержанно, - просто слушаю тебя и рассуждаю.

- Интересно, до каких глубин ты дошел в своих мыслях, наверное, человечество не подозревает о великом открытии, на пороге которого находится.

- Не знаю, как человечество, но я кое-что понял. Знаешь, почему у тебя вечно неладно? Людей ты не любишь, от этого все идет, вот что... Вроде парень с головой, эрудированный, по всем вопросам, понимаешь, любого за пояс заткнешь, а внутри-то пустота.

- Я всегда удивлялся твоей манере уводить внимание от настоящего дела к философствованиям непонятно о чем и непонятно зачем.

- Что значит настоящее дело?

- Настоящее дело, как я себе представляю, это есть реально делаемое дело, вызванное к существованию определенной целью. Дело и цель - главные вещи, остальное в подчиненном положении, и человеческие отношения, в том числе, дело - это основополагающее явление, все остальное-производное.

- По-твоему, взаимоотношения между людьми - вопрос десятистепенной важности? В конечном-то ведь счете люди делают все для людей, для собственного, их, людей, блага, а доброта и красота разве есть благо уже само по себе?! Это уже целое создание

и, безусловно, как раз настоящее дело. За эти духовные ценности надо так же биться и бороться, как и за все в жизни.

- А стоит ли? Стоит ли бороться? Нет, я конечно, не начисто твои доводы отметаю, я согласен, что отношения между людьми должны быть... - он на мгновение запнулся, - нормальными, здоровыми, но не следует впадать в другую крайность, то есть, чрезмерно возвеличивать значение этого аспекта и думать только о нравственных проблемах, или отдавать их разрешению основное место в жизни. Я вообще против оценки личности по ее душевным свойствам, я считаю самыми важными чертами человека: энергию, целеустремленность и ничего более. Душа - это неясно, смутно, а стремление к цели - реально и четко обозначено.

- Приветствовать можно только борьбу за цель благородную, возвышенную, и борьба такая должна вестись с чистыми помыслами и рыцарскими средствами.

- Красивые слова все это и не больше. Дело здесь совсем не в средствах, а в том, насколько сильно стремление, насколько оно подкрепляется конкретными действиями. Если стремление превращается в пустые грезы, в небесное облачко, которое вскоре рассеется и оставит после себя сплошной самообман и мучительные страдания по чему-то большому и несбывшемуся, тогда все пошло прахом. А средства, что же, - средства зависят от обстановки, которая не всегда, кстати сказать, идеальная. Насчет же чистых помыслов - например, у ученого, сделавшего открытие, никто, я думаю, не стал бы выяснять, что им при этом руководило.

- Ладно, оставим теорию в покое. А вот ты, что ты хочешь от жизни?

- Речей я произносить не буду, скажу просто: я много хочу дать, но много и хочу взять. - Сын встал со стула и подошел к окну.

- Но это же потребительщина в чистом виде.

- Ты не понял мою мысль, - перебил сын, - я говорил про другое. Что есть потребительщина? Много требуют, но ничего не делают, то есть отсутствует то самое стремление, борьба за цель, а значит основа, фундамент. И не надо смешивать.

- Ладно, здесь я спорить не буду, может, это не потребительщина, но отталкиваясь от принципа "цель оправдывает средства", нетрудно докатиться до подлости, карьеризма. Где тут граница, которая разделяет? Ее нет, вернее она есть, но слишком зыбкая.

- А почему ты сказал "снизойти до карьеризма"? Разве до него возможно снизойти? До карьеризма, как ни странно это звучит,

возвышаются, а не падают. Снизойти до карьеризма - все равно, что снизойти до величия - бессмыслица. Правда, я обязан сделать оговорку. Подхалимы, льстецы, все, кто выслуживается перед кем-то из-за своих мелочных интересов, к "моему" карьеризму отношения не имеют. К нему относятся только те, кто бьется за свою цель, закрывая глаза на пустые соблазны и видя только ее как вознаграждение, как единственную звезду на своем пути, которая светит всем, но лишь тебе одному, если ты будешь стремиться, суждено приблизиться к ней и прикоснуться руками.

- Красиво говоришь, но неверно. Разве можно возвеличивать то, что создается нечистыми и нечестными приемами.

- Что ты боишься за приемы? Их каждый волен выбирать в зависимости от своих убеждений, однако главное заключается не в них, а опять же в целеустремленности.

- Сколько я жил, всегда считал карьеризм отвратительным явлением.

- Ты, папочка, страдаешь ограниченностью подхода.

- То есть? - спросил отец.

- То есть, эта ограниченность проявляется в подходе к чужим делам и поступкам со своими собственными мерками. А ведь каждый человек находится в своем измерении, у него свои ценности и оценки.

- Твое измерение я теперь знаю. Твое измерение - это ты сам, окружающий мир - бесплатное приложение к тебе, вокруг есть только вещи, одушевленные и неодушевленные, которые сходны между собой в том, что, ровным счетом для тебя ничего не значит. Вообще, строго говоря, для нормальной жизни тебе в нравственном плане нужна только одна вещь - зеркало. Смотри, сколько у зеркала преимуществ: во-первых, всегда можно видеть себя, во-вторых, можно поговорить с умным человеком, то есть с собой, в-третьих, можно созерцать красоту, это значит смотреть на себя. Словом, зеркало - это чудо. Покупайте зеркало, и вы будете счастливы... правда, при условии, что похожи на моего сына.

- Здравые мысли есть, вот только словесное жонглерство увело тебя с пути истинного.

- Значит, говоришь, здравые мысли все же есть? Ай, спасибо! Очень обрадовал ты меня. Я-то уж грешным делом и не подозревал, что и у меня они могут быть.

- Мысли, действительно, здравые. Ведь ты все абсолютно правильно сказал так, как оно есть и должно быть, только я не уразумел, к чему был шутливо-презрительный тон и комментарии в

таком же стиле. Да, мое измерение - это я. И что же здесь плохого? Почему надо было долго язвить по этому поводу? Ведь все естественно. Каждого человека занимают прежде всего его проблемы, дела, чувства, поскольку он живет в мире своем отдельным организмом. Никто физически не может ставить на первый план чужие заботы, потому что мы в силу раздельного биологического существования вынуждены в первую очередь решать свои жизненные вопросы, ибо если мы не будем их решать, то просто невозможна будет сама жизнь. Образно говоря, можно посочувствовать соседу, страдающему головной болью, дать ему ценные советы или, еще лучше, найти хорошее лекарство, но... ты никогда не ощутишь в полном объеме его несчастье, если у тебя самого не болит голова.

- Таким образом, каждый за себя, так я понял, - сказал отец.

- Нет, неправильно ты понял. Взаимоподдержка среди людей важна и необходима, без нее никуда не двинуться, между тем она служит катализатором решения главных задач общества в целом и каждого его члена и не больше.

- Если логически развить все то, что ты тут... наговорил, получается, что общественное складывается простым суммированием личного.

Не простым суммированием, а где-то близким к геометрическому. Сейчас поясню.

Геннадий сделал паузу, собираясь с мыслями.

- Пояснять не стоит, - опередил Василий Петрович, - допустим, я с тобой согласен, и ты во многом прав, хотя это допущение весьма смелое. Но вот что я тебе скажу. В жизни нельзя считать себя сверхгением, даже если есть большие способности. Надо быть принципиальным, на основе святых принципов искать, учиться, а не тонуть в самодовольстве и восхищаться своими глупостями, как выходит у тебя.

- Что значит святые принципы? По-моему, принцип - это цель.

- Так-так, принцип отныне не правило поведения и не убеждение, а цель, которую, конечно же, ты предлагаешь достигать любыми средствами. Очень мило!

- Почему любыми? Я отвергаю методы, причиняющие беспокойство окружающим.

- А как же быть с ответственностью перед собственной совестью? Потом, как можно, скажем, антиморальными действиями не затронуть окружающих. И вообще, всякое действие, праведное и неправедное, прямо или косвенно касается людей, находящихся

рядом, да и не только рядом. Теперь о цели. Она не существует изолированно и не довлеет над всем. Цель переплетена тесно с другими жизненными явлениями, а не стоит над ними. Цель - это вершина пирамиды, основанием которой служат те самые методы. Цель, по-твоему, явление чисто материальное. Ведь достигнуть любыми средствами возможно только цель материальную, духовные завоевания требуют строго определенного пути борьбы за них. В твоем видении исключительно материальных перспектив отправная точка наших сегодняшних споров и твоего нескладного поведения.

- Я своим поведением доволен, - самоуверенно возразил Геннадий, упираясь широкой ладонью в подбородок.

- Ну, до поведения еще дойдем, - отец говорил деловито и неторопливо, - закончим с теорией. Так вот, цель - понятие и материальное, и духовное. Строго говоря, цель сама по себе материальная всегда имеет духовную сторону, которая выстилает путь движения к материальному началу. А ты оборотную сторону медали под названием «цель» затушевал, а потому взаимосвязь не разглядел. Ладно, оставим философию. Я обещал дойти до поведения. О том, что мне не нравится, я уже говорил не раз и не два раньше. И сегодня разговор с этого начался. Так что мое мнение ты знаешь, оно, как видно, не во многом расходится с мнением других людей. Кроме всего прочего получается интереснейшая штука. Ты тут красочно расписывал, каким должен быть человек - энергичным, с обозначенной целью. Но сам ты не придерживаешься своих убеждений. Одно дело споры за столом, умные беседы в веселой компании, совсем другое - поставить свое существование в соответствии с жизненными планами. А ты? Где страстно проповедуемая энергия, где борьба? Я их не вижу.

- Не сразу Москва строилась.

- Не сразу Москва была построена, а вот строилась она каждодневно, камень за камнем. А в твоем здании нет еще фундамента, да и признаков того, что здание будет возводиться в скором будущем, тоже не замечено. Наш спор - сплошная болтовня по той элементарной причине, что за твоими доводами ничего нет, нет действительного поведения, есть лишь абстрактные размышления. Ты только дерзишь, а не дерзаешь, ведешь себя развязно, нагло, считаешь, что можешь сделать больше, чем другие. А что ты сделал?

- Я полагаю, у меня еще не вышли сроки.

- Вот пока сроки еще не вышли, переосмысли свои... идейки, иначе станет поздно и тогда переосмысливать, вернее перемалывать

их будет сама жизнь, а это гораздо дольше и болезненнее.

- Я не совсем понял, - невнятно произнес Геннадий.

- А ты пораскинь мозгами, может, что и поймешь. Вообще мы засиделись. Нормальные люди уже десятый сон видят.

- Да, - рассеянно протянул сын. Он встал и начал убирать со стола.

- Оставь все на месте, завтра разберемся, - посоветовал отец, а потом негромко произнес, - ты и сам на разбирательстве не особо дури. Продумай все — от и до.

Геннадий отставил в сторону посуду, подошел к отцу, который стоял в дверях. На миг их глаза встретились, но сын отвел взгляд, сказав:

- Ладно, дай-ка я пройду.

Василий Петрович посторонился. Геннадий сделал шаг, резко развернулся и медленно проговорил:

- Я подумаю, обязательно подумаю.

Отец несколько удивленно глянул на сына и лишь, молча, покачал головой.

ТАМАДА

Петька Крепкий подошёл к ресторану где-то около шести. На вежливый вопрос швейцара: "Куда идешь, парень?" ответил учтиво:

- На свадьбу иду, уважаемый.

В банкетный зал он поднялся как раз, когда гости садились за стол. Потом кто-то промямлил банальный тост за здоровье молодожёнов, и все сразу набросились на еду. Жевали молча, увлеченно.

Молчание прервала стареющая дама с томным взглядом, вся обвешанная украшениями, как новогодняя елка.

- Иван Павлович, - обратилась она к Петькиному соседу справа, толстому мужчине, красная физиономия и заплывшие глаза которого ярко свидетельствовали о незаурядном интеллекте, - ждем от вас речи.

- Я еще не настолько пьян, чтобы говорить речи, и не настолько трезв, чтобы их слушать, - заявил толстяк, уплетая пирожок и добавил, кивая на Петьку, - пусть молодёжь себя покажет.

Дама устремила свой взор на Петьку.

- Действительно, молодой человек, а почему бы вам не выступить?

- А удобно ли? - засмеялся Крепкий.

На языке вертелись нехорошие слова в адрес толстяка, который ещё и подлил масла в огонь: "Давай, давай, не робей. Неудобно на гвоздях спать, остальное все удобно".

Присутствующие посмотрели на Петьку. Тот понял, что выхода нет.

- Друзья! - Петька встал. - Давайте наполним бокалы. Сегодня у нас большое событие, а потому хочется говорить стихами. Примите от меня стихотворный привет, подготовленный специально к вашему торжеству, вот он: с большим событьем поздравляю, и в сердце радость не тая, от всей души я вам желаю успехов, теплоты, добра. Горько!

- Горько! - закричали вокруг.

Тост, судя по всему, произвел впечатление, и Крепкий стал объектом всеобщего внимания. Но больше всех его поэтический талант оценил толстяк:

- Вот, а вы боялись, что тамады не будет. Есть тамада! Ещё какой! Поэт, понимаете ли...

“Убить его, что ли?" - подумал Петька. Но убивать толстяка было поздно. Общественность дружно проголосовала за то, чтобы автор душещипательного поздравления занял почетный пост тамады. Пришлось согласиться.

Петька рьяно взялся за исполнение своих обязанностей. Он немедленно выдвинул лозунг "Не делай из пищи культа!", который особенно понравился тем, кому еще не исполнилось 25. В то же время он твердо настоял, чтобы горячее подали уже через полчаса, а не под "занавес", как предлагал метрдотель. Мамаша невесты робко пыталась возразить, но мудрый тамада объяснил ей, что, когда народ разгуляется, горячее никто есть не будет, и оно превратится в источник живой копейки для тружеников системы общественного питания. Мамаша вникла в эти тонкости и больше голос не подавала. Для мальчиков и девочек Петька организовал половецкие пляски под магнитофон, людей постарше он отправил из банкетного в общий зал, где оркестр играл спокойную музыку, старикам загадал загадку: "Есть ли муж у Аллы Пугачевой?", отгадывание которой вылилось в целую дискуссию, а сам решил пока суд да дело прогуляться по коридору и покурить. Настроение было отличное, он чувствовал себя этаким Наполеоном после Аустерлица.

Неожиданно к Крепкому приблизился официант и неуверенным

тоном спросил:

- Слушай, приятель, где я мог тебя видеть? Лицо у тебя больно знакомое.

- Меня часто по телевизору показывают, в передаче "Человек и закон".

- Телевизор... Телевизор я вообще-то мало смотрю, - на полном серьёзе сказал официант. - А скажи, не ты несколько недель назад у профессорской дочки на свадьбе чечётку забацал?

- Ну, допустим, я, - признался Петька.

- А в прошлый раз, когда завмага сына женили, не ты ли драку разнимал?

- Я.

- У меня память хорошая, я сразу узнал. А, наверное, накладно на нескольких свадьбах за месяц гулять? Подарки же нужны. Десяткой тут не отделаешься.

- Какие подарки? О чем ты говоришь? Меня же никто никуда не приглашал.

- Как это?

- А вот так. Элементарный расчет. Когда собирается пятьдесят человек, и половина друг друга раньше никогда не видела, можно преспокойно сойти за дальнего родственника, либо за дальнего друга. Не будут выяснять.

И Петька засмеялся.

КУПАНИЕ КОНЕЙ*

Становилось все жарче. Припекать начало с утра, и к полудню зной стал просто непереносим. Ночью прошел хороший дождь, и воздух был наполнен душными, влажными испарениями. Ни малейшего ветерка, ни едва заметного движения воздуха не остужали нагретую землю.

На берегу реки лежал, раскинув руки в стороны, крошечный, дочерна загорелый человечек. Это Лешка. Он отпросился на часок у матери сбегать искупаться, и теперь, сырой и довольный, блаженно щурился на солнце, растянувшись на раскаленном песке.

Лешка понимал, что пора возвращаться, но ему ужасно не

* Написано в соавторстве с Германом Титовым.

хотелось тащиться в гору по пыльной, душной дороге. Куда приятнее было бы найти на берегу какое-нибудь дерево и полежать под его тенью.

«Однако припекает», - подумал Лешка и перевернулся на спину. Солнце огромным ослепляющим шаром уставилось в лицо. Он закрыл глаза и стал медленно проваливаться в пульсирующий мрак, резко очнулся, боясь заснуть. Совсем недавно он вот также задремал на берегу и едва выкарабкался, получив солнечный удар. Целую неделю потом слегка пошатывало и болела голова.

«Нет, засыпать нельзя, а искупаться еще разок, пожалуй, можно», - решил Лешка. Он вскочил и, увязая по щиколотку в песке, побежал к речке. Мальчик старался зайти как можно глубже и нырнул лишь, когда вода стала накрывать его с головой. С наслаждением он проплыл несколько метров, почти касаясь прохладного песчаного дна, затем поднялся, полежал на воде, остужая разгоряченный затылок, набрал побольше воздуха и снова нырнул. В свои шесть лет он был отличным ныряльщиком и очень гордился этим.

Лешка знал, что ему попадет от матери за долгую отлучку. Поминутно вздыхая, мальчик выбрался на берег. Он надел на влажное тело горячую рубашку и штанишки и угрюмо поплелся в деревню.

Дорога проходила среди унылой, выжженной июльским солнцем степи. Лишь кое-где встречались редкие деревца, да кустарники с серой, пыльной зеленью.

«Эх, ну и влетит же мне», - еще раз с тоской подумал Лешка и ускорил шаг — почти побежал, колотя твердыми пятками по горячей дороге и оставляя за собой шлейф пыли.

...Мать он дома не застал. На крыльце сидела соседка — бабка Мария, а рядом с ней в пыли вместе с курами барахталась Лешкина сестренка Людка.

«Ага, явился, значит», - обрадовалась бабка Мария - «вот теперь и приглядывай за сестрой — мать наказала, а я, пожалуй, пойду, у меня дела тут...» Лешка с ненавистью посмотрел на перепачканную сестру, безмятежно играющую с цыплятами. «Ох, уж мне эта Людка, вырастала бы она поскорей, а то целыми днями около нее пасусь, - думал Лешка. - А если она вообще не вырастет, мне что же, всю жизнь за ней ходить?» Мальчик ужаснулся от этих мыслей, бесцеремонно подхватил под мышку сестру и потащил ее в дом. Людка привычно заголосила. Лешка сунул сестру в кровать и дал ей соску. «И чтоб ни звука!» - прикрикнул он на Людку - та послушно замолчала и через минуту начала тихо посапывать. Делать было

нечего и Лешка тоже решил отдохнуть. Он, не раздеваясь, растянулся на высокой железной кровати и сразу заснул. Ему приснились кони. Целый табун скачет по степи. Слышен дробный топот копыт, звонкое ржание. Чувствуется запах пота и пыли. Кони, словно таинственные сказочные герои, замедленно, плавно летят вперед, навстречу солнцу и свежему ветру. Куда же они? Ах, ну конечно, конечно, к реке. И вот табун, словно одно многоголовое существо, огромной, живой, упругой массой бросается со всего маху во встречные волны, поднимая фонтаны брызг и водяной пыли. Лешка видит сырые, сильные тела, на которых играют солнечные блики. И он сам, оседлав одну из лоснящихся спин, летит навстречу влажному ветру, держась за гриву своей лошади, видит ее большой, удивленный глаз, слышит громкое, торжествующее ржание, переходящее в плач, крик ...

Лешка проснулся. Крик не смолк. Несколько мгновений мальчик лежал, недоумевая, потом вспомнил про Людку и все понял. Он медленно поднялся, зевнул и, не спеша, направился к кроватке сестры в соседнюю комнату. Увидев брата, Людка сразу успокоилась и замолчала, изредка всхлипывая.

Вдруг, с улицы кто-то позвал:

- Лешка, Лешка! Эй!

Мальчик выглянул и увидел соседа Вовку.

- Вот он я, чего кричишь-то, - отозвался Лешка.

- Слышь, Лешка! Пойдем коней купать! - Сердце Лешки радостно забилось.

- Коней? Конечно, пойдем, я сейчас! - Но тут же он вспомнил про сестру и стал лихорадочно соображать, что делать. Купать коней, что может быть лучше, он об этом мечтал целую неделю, а теперь, похоже, все срывается.

- Ну что ты там? Мне некогда! - раздалось с улицы.

- Да сестра тут! Куда я ее дену-то?! - с отчаяньем крикнул Лешка.

- Ну ладно, смотри, а то, если надумаешь, приходи к конюшне.

Лешка от отчаянья чуть не заплакал: - "Неужели не удастся что-нибудь придумать!" Мальчик подхватил ничего не подозревающую сестру, и выскочил на крыльцо. "Стоп,- подумал он,- не с собой же ее в самом деле тащить. А что, если бабке Марии подкинуть! Она, правда, наверняка расскажет матери, но не отказываться же от купания коней!" Лешка забрался в открытое окно соседского дома, оставил притихшую Людку и стремглав помчался через всю деревню к конюшне. Вослед ему несся отчаянный рев сестры.

Он все-таки опоздал. Ребята, те, что пришли пораньше, важные и

счастливые, с достоинством выводили своих любимых коней, вскарабкивались к ним на спины и направлялись к реке. Лешка растерялся. У него не было своего коня, а в конюшне оставалась лишь больная кобылка. Она на днях повредила ногу, перевозя сено, и теперь одиноко стояла в дальнем загоне. "Вот ведь не везет, так не везет", - с отчаяньем подумал Лешка, и устало поплелся прочь. "Ну и ладно, хоть от матери не попадет", - успокаивал он себя. Его обогнали несколько мальчишек, с криками и улюлюканьем мчавшиеся на конях к реке. Навстречу попался сторож колхозной конюшни Василий.

- А ты что же со всеми не поехал? - попыхивая папироской, спросил он.

- Да коня не досталось, - с досадой в голосе ответил Лешка.

- А Шалунья что ж, она ведь еще крепкая, не гляди, что хромая, - лукаво улыбнулся Василий. Лешке вдруг стало ужасно стыдно перед сторожем, перед той кобылой, как будто его заподозрили в чем-то нехорошем. Пряча раскрасневшееся лицо и ничего не отвечая сторожу, он быстро повернулся и побежал назад.

Кобыла заметила его еще у порога и теперь нетерпеливо прядала ушами и косилась большим молящим глазом на приближающегося Алексея. Лешка слышал много историй о лошадях. Обычно они рассказывались ночью, или поздно вечером, непременно у костра. Они были полны какой-то таинственности, своего рода, преклонения перед этими большими и красивыми существами. Лешка воспринимал коней по-своему. Он считал, что кони тоже люди... только кони. Он всегда с болью наблюдал за старым, одряхлевшим мерином-водовозом, когда тот устало тащил в гору свою телегу с бочками. Часто Лешка украдкой пробирался в конюшню, чтобы постоять, молча посочувствовать старому коню.

Потому болью отозвалась в Лешкиной душе встреча со сторожем. Ругая себя и все еще не смея прямо посмотреть в глаза лошаДи, мальчик накинул на нее уздечку, неторопливо вывел кобылу из конюшни, вскарабкался к ней на спину. Лошадь нетерпеливо взяла с места и пошла неровно, постоянно припадая на больную ногу, но все быстрее и быстрее, стараясь догнать основную группу. Лешка, хоть и был неплохим наездником, но на первых метрах забоялся сорваться, а потом ничего - приноровился и, даже стал слегка наддавать пятками по бокам лошади, стараясь ускорить ее неспокойный бег...

...Картина, открывшаяся с крутого берега, была поистине замечательна. Время шло к вечеру, и в лучах заходящего солнца река

сверкала красным отраженным светом. Она была величественна и спокойна, эта река, как и все великие русские равнинные реки.

Противоположный берег, обычно трудноразличимый, сейчас был виден удивительно ясно. Прохладный ветерок, особенно приятный после полуденного зноя, поднял легкие волны, которые с тихим шелестом накатывались на песчаный берег. От неожиданной красоты, открывшейся взору, Лешка натянул поводья, лошадь сбавила шаг, и мальчик замер на минуту.

Шалунья, увидев резвящихся внизу коней, нетерпеливо заржала. Лешка очнулся от забытья и пришпорил пятками кобылу. Та только этого и ждала и, припадая на больную ногу, поскакала вниз, к реке. На берегу мальчик спешился и дал Шалунье волю...

...Через час усталые сырые мальчишки, верхом на чистых, довольных лошадях, вышли на берег. Стало смеркаться, и по реке потянуло зябким ветром. Ежась и смеясь, ребята быстро оделись. Кто-то предложил добраться до деревни наперегонки. Идею все дружно поддержали и тут же выехали.

Шалунья сразу стала отставать. Все ее старания бежать наравне с крепкими, здоровыми лошадьми ни к чему не приводили. Лешка чувствовал, что она бежит из последних сил. Он не торопил Шалунью, понимал, что она может не донести его до деревни, если сразу выложится. Вот уже скрылся в наступающих сумерках ближайший всадник, но лошадь не успокоилась. Лешка слышал ее тяжелое дыхание и нестройный топот копыт. "Ну, давай, давай, лошадка, еще немножко" - упрашивал он Шалунью, похлопывал ее по горячей, гладкой шее. Та, словно услышала его, и стала успокаиваться, шаг ее сделался более мерным. До деревни оставалось километра полтора.

...Шалунья влетела в деревню. На первом же повороте ее больная передняя нога, которую она все время при беге как-то неестественно отводила в сторону, с глухим стуком ударилась о дерево. Лошадь с натужным ржанием грохнулась на передние ноги. Лешка, совершенно ничего не понимая, осознавая лишь, что происходит что-то страшное, кубарем перелетел через голову Шалуньи, ударился всем телом о землю, почувствовал резкую боль в локте и потерял сознание.

Лошадь, по инерции, все еще не отказываясь от преследования основной группы, через несколько мгновений после падения вскочила, резко выбросив передние ноги и, шарахаясь из стороны в сторону, продолжала свой неверный бег. В какой-то миг Лешка, лежащий навзничь без сознания, оказался под скачущей лошадью. В голос завыла какая-то баба, первая прибежавшая на шум, уже поминая мальчонку. Однако, копыта прошли в нескольких

миллиметрах над телом, не задев его ...

Лешка очнулся на жесткой деревянной кровати. Над ним колдовала деревенская фельдшерица. Он видел склоненное внимательное лицо с мелкими капельками пота на переносице, движения губ женщины, что-то спрашивающей у него. Увидел знакомых селян, стоящих у двери и оживленно о чем-то спорящих. О чем же?

И почему он здесь? Почему плачет соседка бабка Мария? Откуда здесь мать? Почему она не в поле? Он попытался вспомнить, что произошло. История дня всплывала в его мозгу лениво, не торопясь. Лешке пришлось почти физически напрячься, чтобы последовательно восстановить цепочку событий. Он вспомнил свое падение и вдруг заплакал. Сначала тихо, словно постанывая, а затем все громче. Он плакал навзрыд, кашляя и захлебываясь своими, наверное, уже последними детскими слезами, интуитивно чувствуя приближение новых больших, неестественно страшных, взрослых потрясений и пасуя перед ними. Ему стало ужасно жаль себя, мать, сестру, а больше всех ту лошадку, с ее большими, грустными глазами и таким нежным именем - Шалунья.

СИЛА ПРИМЕРА

Сергей Круглый, Аркаша Иванов и Вася Пилицын решили достойно провести время. Для этого, естественно, они направились в соответствующий магазин. Когда вышли из магазина, случилось непредвиденное.

- Надоело, - взбунтовался Круглый, - по подворотням слоняться надоело и рукавом закусывать.

- Да, мне тоже хочется культурки, - вздохнул Аркаша.

- Сейчас бы в гости к кому-нибудь завалиться, - размечтался Вася. - Только ко мне нельзя. Жена дома.

- Ко мне тоже нельзя, - сказал Аркаша, - тёща приехала.

- А ко мне можно, - обрадовал корешей Серёга. - Пошли, мужики.

Дверь им открыла пожилая полная женщина. Увидев Круглого, она расплылась в широкой улыбке и воскликнула:

- Зять пришел! И с друзьями. Вот радость-то!

- С друзьями, с друзьями, - сурово проговорил Круглый, - накройте-ка нам быстренько на стол.

Из комнаты выскочила жена.

- Серёженька, - ласково запела жена, - мы уже извелись. Ждем, не дождемся.

- Вместо того, чтобы изводиться, лучше рюмки поставь, - рявкнул Серега, - не из горла же мы будем водку пить.

Вася с Аркашей недоуменно переглянулись.

Минут через двадцать друзья уселись за стол.

- Что-нибудь еще надо? - спросила тёща.

- Нет, - ответил Круглый и добавил, - вы, Марфа Ивановна, погулять бы пошли. Сейчас на скамейке под домом ваши подружки как раз Джигарханяна обсуждать начали.

- Бегу, бегу, дорогой, - заторопилась Марфа Ивановна, добавила: - если не хватит, в холодильнике четвертинка стоит.

Вася с Аркашей чуть не поперхнулись.

- А ты,- обратился Круглый к жене, - Самохваловых бы навестила, ребенка бы их посмотрела. Тем более они давно приглашали.

Как только жена спешно покинула квартиру, Аркаша не выдержал:

- Ну, ты, Серега, и выдрессировал своих домашних. Подумать только, тёща сама четвертинку предлагает. Чудеса...

- Никаких чудес, - деловито произнес Серега, - обыкновенное воспитание. В свое время, мужики, жила у меня птица, то ли канарейка, то ли попугай, сейчас не помню. Но помню, утром в койке лежишь, башка раскалывается, а она, её Митькой звали, как запищит. Однажды мне это осточертело, я подскочил к ней и говорю: "По утрам попрошу не пищать, особенно по понедельникам".

Она не послушалась. Я её второй раз предупредил, а на третий раз взял да и выбросил вместе с клеткой на помойку. Вот такая история.

- История интересная, - сказал Вася, - но непонятно, какая связь между женой, тещей и птицей?

- Связь самая прямая. На сегодняшний день у жены - одно предупреждение, у тещи - два.

ИНТЕРВЬЮ

Не успел Иван Иванович выйти из машины, как его обступила целая толпа журналистов. Вопросы посыпались как из рога изобилия.

- Подождите, товарищи, не все сразу, - протянул Иван Иванович, поправляя скрывавшие пол-лица затемненные очки. - Я же не в состоянии отвечать десяти человекам одновременно.

Откуда-то сзади, энергично растолкав собратьев по перу, выскочил широкоплечий парень и громоподобным голосом изрек:

- Я из молодежной газеты. Скажите, что побудило вас учредить фонд благоустройства города и передать туда часть своих сбережений?

- Я всегда считал главной целью жизнедеятельность на благо людей, во имя их счастья и процветания.

Эстафету подхватила худая девица в белых брюках:

- Корреспондент местного телевидения Семкина. Иван Иванович, правда ли, что за счет ваших личных средств будут теперь производятся все работы по озеленению?

- Да, правда. И не только по озеленению. На улице Строителей предполагается вырыть пруд, в парке будет большой фонтан, а в поселке Овсы мы планируем создать зону отдыха, которая, я надеюсь, станет любимым местом проведения досуга трудящихся.

- Как вы относитесь к проблеме защиты окружающей среды? - не унималась девица в белых брюках.

-Защита окружающей среды становится сейчас делом первостепенной важности, - Иван Иванович говорил медленно с тем, чтобы его слушатели сумели уловить каждую интонацию.

- Человечество, наконец, осознало, что, не решив эту проблему, оно просто не сможет существовать. Опыт ряда стран, например, Японии показывает, сколь опасно насилие над природой. Поэтому, чтобы избежать губительных последствий, необходимо бережно относиться к естественным богатствам.

- Считаете ли вы, что борьба с загрязнением среды требует международных усилий? - спросил высокий мужчина с красивым лицом и благовидным взором, представлявший не иначе как какой- то журнал для женщин.

- Безусловно. В различных странах накоплен определенный опыт, и этим опытом надо обмениваться. Кроме того, известно, что вредное воздействие на атмосферу в одном государстве сказывается на состоянии атмосферы в других государствах. Нужны совместные

меры, нужны международные договоры и соглашения.

- А как насчет охраны природы в нашем городе? - выкрикнул кто-то из толпы.

- В нашем городе проделана немалая работа в этом направлении. Но трудности есть. Возникают они прежде всего по вине нерадивых хозяйственников, которые заботятся о цифрах плана, а не о людях. Общественность у нас еще играет незначительную роль. А от общественности зависит многое. Об этом я уже говорил не раз ранее, повторяться нет смысла. Что ж, товарищи, я думаю мы закончим нашу беседу. Надеюсь, у нас еще будет возможность обменяться мнениями. А сейчас мне просто некогда. Меня ждут. Без ежедневных контактов я не мыслю свое существование.

Иван Иванович неторопливо зашагал в сторону ультрасовременного строения, над входом в которое разноцветными огнями светилось "Ресторан "Лазурный берег".

- Разрешите задать последний вопрос!- заорал широкоплечий из молодежной газеты и бросился вдогонку, - как отнеслись коллеги к вашей инициативе?

- Они отнеслись серьезно, с полным пониманием. - Иван Иванович отвечал, не останавливаясь. - Это не удивительно. Ведь нам, барменам, сегодня под силу решение многих насущных проблем.

1982 г.
г. Сочи

ОТЦУ НИ СЛОВА!

Сашка Сизый был зол. Для злости у него имелись все основания. Стоило на дне рождения знакомого подсесть к симпатичной брюнетке, приобнять ее и начать что-то заливать, как тут же подскочили жена с дочкой и заверещали, что пора идти домой. Когда вышли, Сашка громко возмутился:

- Что за поведение? Никакой культуры! С человеком поговорить не дадут, сразу пошли домой. А ты вообще, - прикрикнул он на десятилетнюю дочь Ирочку, - папа, папа... Ну какой я тебе папа. Дома я тебе папа, а при женщинах я просто Алик, Алик и все. Ты уже в третьем классе, с ходу соображать должна. Недаром по математике одни "тройки"...

- Зато ты с ходу соображаешь... Просто Алик,- протянула жена, - ладно, потом поговорим.

Если бы папа Алик находился в нормальном состоянии, он тут же бы замолчал, зная, как много кроется за почти парламентским выражением "потом поговорим", но сейчас ему было море по колено.

- Прекрасная женщина, - вещал Сизый, - образование, воспитание, языки иностранные знает.

- Она, конечно же, с тобой на французском изъяснялась?

- Нет, не на французском, а на русском. При этом, заметим, ни разу не сказала "дожить" вместо "класть".

Супруга намек поняла.

- Что? - закричала она. - Какая-то один раз улыбнулась, а он уже возомнил... Да если я захочу, мужики будут падать направо и налево. Просто я этого не добиваюсь, я берегу семью.

Последняя фраза обнаружила в Елене Сизой пропадающий дар большой драматической актрисы.

- Ха-ха-ха ... Значит, направо и налево падать... Ладно, пусть падают, я их буду ловить, чтоб нос не разбили. Ха-ха.

- Какой ты все-таки, Алик, примитив.

- Естественно примитив, раз на тебе женился.

- Ах, так. Ну, держись.

Сизая резко рванулась вперед. Сашка пытался нагнать, но силы быстро покинули его. Так и шествовало семейство по хорошо освещенному, оживленному городскому проспекту: впереди, гордо, с высоко поднятой головой вышагивала Елена, сзади, метрах в десяти, плелся примитивный муж, держа за руку дочь.

Только папаня Алик хотел предаться сладостным грезам относительно того, как славно он проведет завтра воскресный день, как вдруг его внимание привлек таинственный интерес прохожих к личности жены. Очень многие, и, особенно, мужчины, окидывали ее пристальным взглядом, глядели ей вслед, кое-кто многозначительно качал головой, а один южный человек с роскошными усами и в кепке стиля "аэродром" просто вцепился в нее глазами и не выпускал до тех пор, пока, случайно зацепившись за чью-то ногу, не растянулся на тротуаре.

"Ну началось ... слева один есть, - подумал Сашка, когда упал южный человек, - сейчас справа повалятся. Вот ведьма - то".

Дома Сизый закатил сцену.

- Позор! - негодовал он, - эта походка, эти манеры, кого соблазнять собралась? Замужняя женщина ... У тебя ребенок, чему ты его учишь?

- А чему ты учишь ребенка? При женщинах я просто Алик...

- Это шутка. Пошутил я. В общем, так. Еще раз замечу, что на тебя со стороны глаз кладут, приму меры.

- А я разве виновата, что с меня глаз не сводят? - скромненько заявила она.

- Вот мы тогда и разберемся, кто прав, кто виноват. Глаз с нее не сводят. Ишь, красавица ...

Когда страсти улеглись, Ирочка подошла к маме и сказала:

- Мам, а ты знаешь, на тебя все так смотрели, а один дядька даже засмотрелся и бухнулся.

- Еще бы, я ведь шла с высунутым языком. Только, тсс! Отцу ни слова!

Ирочка удивленно заморгала глазами.

- С высунутым языком по улице? Зачем?

- Вырастешь - поймешь.

СЕМЕЙНАЯ ССОРА

В квартиру позвонили. Бормоча что-то себе под нос, Галина Никитична засеменила к входной двери. Через несколько мгновений из прихожей послышался хрипловатый голос, и на кухню быстро проследовал с бутылкой вина в руках отец семейства Федор Васильевич, невысокого роста, плотный мужчина с одутловатым лицом. Бутылку он поставил на кухонный столик.

- Ну, что, мать, закусить то у нас есть? - весело спросил Федор Васильевич.

- Закусить то есть, да вот непонятно по какому поводу ты выпивать собираешься.

- Как по какому? По поводу субботы, например. Опять же завтра день железнодорожника, праздник, понимаешь.

-Ладно... День железнодорожника... Руки иди мой.

Вскоре Федор Васильевич в трусах, майке и с чистыми руками сидел за столом с аппетитом ел жареные котлеты с картошкой и с не меньшим удовольствием пил портвейн. Жена сидела напротив и смотрела на него.

- Слышишь, мать, Кулаков "Запорожца" купил. Сегодня на работу

приехал. На черта он ему сдался. Тут и так за баранкой целый день сидишь, света белого не видишь.

- Ленку свою будет возить, детей и то лучше, чем нажираться каждый день.

- Да Ленка не влезет в "Запорожца",- засмеялся муж, - Она в "Волгу" не влезет.

- Ничего, залезет. Она куда хочешь залезет, если надо, больно шустрая.

- Ты чего-то, мамочка, сегодня злая.

- Я не злая, просто устала очень.

- Не дури. Небось, с кем-нибудь поцапалась.

- Ни с кем я не цапалась. - Галина Никитична вздохнула и тихо добавила: - У нас, Федя, событие одно.

- Какое событие?

- Ира с Костей на той неделе заявление решили подать.

Наступила пауза. Глава семьи сосредоточенно глядел в тарелку, потом, не поднимая головы, сказал:

- Ну и пусть, меньше будет шляться.

- Как тебе, Федя, не стыдно. Родная дочь замуж собралась, а ты какие-то глупости говоришь

- Почему глупости? Девку в двадцать лет держать надо, как следует. А лучше мужа никто не удержит. Костя парень подходящий, не шалопай.

- Откуда ты знаешь, какой он парень?

- Да я человека сразу вижу. Кто мне на даче помогал, а? Твои братцы не приехали, они, видите ли заняты, а он приехал и вкалывал будь здоров как. Чего там, парень хороший, помыт, побрит, аккуратно пострижен, одет культурно.

- У тебя главное, чтоб пострижен был.

- Да, потому что я патлатых терпеть не могу. Я бы их всех поймал и гриву бы отрезал. Мужик должен быть на мужика похож, а не ходить заросшим как, понимаешь, болонка.

- При чем тут болонка. Им же жить вместе.

- Кончай, мать, базарить. Лучше Ирку сюда позови.

- Федь, она просила тебе пока ничего не говорить.

- Я говорю, Ирку позови.

- Не надо ее сейчас трогать. Пусть себе телевизор смотрит.

- Я сам знаю, надо или не надо, - вспылил Федор Васильевич и громко крикнул, - Ирина, иди сюда.

- Только ты не обижай ее, пожалуйста, - залепетала жена.

- Не учи меня.

Ирина, белокурая стройная девушка с голубыми глазами пришла и недовольно спросила:

- Чего такое?

- Садись, - приказал отец. - Есть разговор... Мать мне сказала, что ты хочешь выйти замуж.

- Все-таки выболтала, - зло проговорила дочь и бросила на Галину Никитичну взгляд, о который можно споткнуться.

- Не сердись, Ирочка, отец должен знать. Ты ...

- Не об этом сейчас речь, - оборвал хозяин. - Сейчас речь о том, согласны ли мы, твои родители, или не согласны. Так вот, мы согласны.

Галина Никитична хотела было что-то сказать, но муж не дал ей этого сделать.

- Мы согласны, - повторил он. - Женитьба - это хорошо. Я сам бы с удовольствием женился, но бабы меня не любят.

- Будет тебе, Федя, языком трепать. Дело же серьезное.

- Да, дело серьезное. Вот мы тебе серьезно и говорим, что на первых порах поможем, свадьбу сыграем, как полагается, подкинем кое-чего, чтобы штаны не упали. Но учти: теперь ты будешь самостоятельной и надеяться только на свои силы нужно. Никто за тебя ни рожать детей, ни их кормить не собирается. У тебя есть муж, с ним и кумекайте, как да что. Мы с матерью ишачить на вас не будем. Сами добивайтесь.

- Никто вас и не заставляет ишачить.

- Ну и прекрасно. Еще у меня вот какой вопрос: где вы жить будете?

- Что ты к ней привязался, Федя? - недовольно спросила жена.

- Ничего я не привязался. Просто надо обмозговать все.

- В другой раз обмозговать можно.

- Почему в другой? Я хочу сейчас и все тут, никаких... Так где вы будете жить?

- Пока у Кости, а там посмотрим, - медленно ответила Ирина.

- Что значит посмотрим?

- Костя говорит, что его родители вроде бы потом могут разменять квартиру. У них трехкомнатная на троих. Так что это вполне возможно.

- А он с ними говорил на эту тему?

- Не знаю.

- Здорово! Самого главного ты не знаешь. Значит, вот что, в эту субботу надо зазвать сюда его родителей. Слышишь, мать?

- Слышу.

- Напечешь пирогов, пирожков, "беленькую" запасем и потолкуем. А то тебе, дитя мое, только бы потискаться, а где жить и на что, это не волнует. Ведь вот что получается. Костя - студент, ему надо доучиться. На твоей зарплате тоже далеко не уедешь. А кушать хочется каждый день, и другого много чего хочется. Как быть? Бежать к отцу и плакаться: "Забери меня назад. Надоело голодранное замужество". Учти, что я тебя ни в каком виде не приму.

- Пап, но ты же сейчас много получаешь, и мать тоже прилично. Куда вам деньги девать?

- Ты наши деньги не считай, ты лучше свои деньги считай, а наши не надо. Я еще раз говорю: на первых порах поможем, самое необходимое дадим, но ни копейки больше...

- Ничего, папочка, не думай, что на тебе свет клином сошелся. Нам Костины родители помогут.

- Это их дело. Но им я тоже скажу, чтоб не баловали. Сами давайте.

- Мы можем и сами. Костя до института электриком был, так что подработать он всегда сможет. Или пойдет грузчиком куда-нибудь.

- Вот-вот, об этом речь. Пусть собственным трудом...

- Надорваться можно грузчиком то, - заговорила Галина Никитична. - Он не такой - то уж здоровый. И потом, ему же учится надо, а то выгонят из института.

- Не выгонят. - Отец опрокинул полстакана вина.

- Я сама в принципе могу много заработать, - сказала Ирина.

- Ох уж, из тебя работник, - вырвалось у матери, - полдома никогда не подметешь.

- А у нас в больнице можно иметь деньги, ничего особо не делая. Постельное белье поменяла - рубль, утку подала - рубль. За лекарство и уколы-тоже гони монету. Получается не так уж мало. Я просто сейчас за деньгами не гоняюсь, а, вообще, наши девчонки очень нехило заколачивают.

- Значит, деньги с больных сдираете. Здорово. - Федор Васильевич сурово поглядел на дочь.

- Конечно, с больных, с кого же еще… И не смотри на меня так, будто ты слышишь это в первый раз.

- От собственной дочери я это слышу в первый раз. Да... мало я тебя, суку, драл.

- Федя ... Федя, - запричитала жена.

- Что Федя, - вскипел отец, - ты же должна понимать, попадет какой-нибудь работяга в больницу к такой дряни, как ты. И нет у него денег, нет. Что же ему, подыхать?

- Сейчас у всех есть деньги. И потом мне платят копейки. Если платили бы больше, я бы может ...

- Какая ты умная. Я завтра тоже скажу, что мне мало платят и пойду обчищу магазин.

- Пап, ты отстал от жизни. Сейчас все хотят хорошо поесть, хорошо одеться, повеселиться. Зачем придумывать сложности?

- Я тоже люблю хорошо поесть и повеселиться, но я никогда в жизни не воровал и не грабил никого.

- Никто никого не грабит. Просто, если можно иметь деньги, почему бы их не иметь. Ты привык один костюм десять лет носить, а я так не хочу.

- И поэтому давай хапать.

- Мне надоел этот разговор.

- Надоел ... Мне он больше надоел. Из-за таких вот, как ты, у нас все непорядки и получаются. Все только бы урвать, а там трава не расти. Куда только ваше начальство смотрит, я бы на их месте устроил прочистку мозгов, аж дым бы пошел.

- А что начальство? Врачи по трешке не разменяваются, они сотнями берут. Вон главврач наш, "Волгу" купил, сыну "Жигули". А зарплата у него меньше твоей. И если б только главврач. Поэтому если кто-то что-нибудь не так скажет, хоть тот же главврач, я его пошлю, и он смолчит. Да он никогда и не скажет, наоборот, будет защищать, потому, как ему надо, чтобы все было тихо и мирно.

Отец обхватил большими ладонями голову.

- Потеряли люди совесть, и ведь подумать... врач, святой человек. Людей лечит.

- Святой человек... Ха-ха. Думаешь чего все рвутся в мединститут? Святыми стать? Ничего подобного. Раскусили, что если человек болен, он последние штаны снимет, лишь бы выздороветь.

- Не все такие. Я видел врачей, это были настоящие врачи, а не дрянь. А тебе я вот что скажу. Меньше на других смотри, а гни свою линию... честную. Твой главврач рано или поздно будет проедать зубы на казенных харчах. И "Волге" его нечего завидовать, она ворованная. Живи, как полагается.

- Очень скучно жить, как полагается.

- Ах, скучно... Тебе же веселье подавай, я забыл. Да... веселых развелось у нас немало. Пора их в бараний рог скрутить... Вот в газете иногда какой-нибудь ученый статью про экономику напишет и начинает там: фонды, нормативы, коэффициенты. Это, конечно, правильно. Но если человек не работает, а получает зарплату, или приписывает, жульничает, ворует, то вся эта ученая мудрость никому

не нужна, и ничего она не даст. Порядок нарушается, а без порядка куда? Поэтому надо всем миром на эту шушеру навалиться, а заодно и на разгильдяйство и шалопайство. Если дружно, всем миром, то будь здоров, дело будет.

- Правильно, надо навалиться. Я пошла, фильм новый показывают по ящику.

- Куда ты пошла? Сиди и слушай, что тебе отец говорит. Уважение к старшим имей.

- Уважение к старшим... - дочь усмехнулась, - как в первом классе. Ничего я не хочу слушать и учить меня поздно.

- Ирочка, так нельзя, - вмешалась Галина Никитична.

- Мам, ты бы помолчала. Никогда своего мнения не имеешь. Что он скажет, то ты повторяешь.

- Как ты с матерью разговариваешь? - закричал во весь голос Федор Васильевич.

- Да пошли вы... - Ирина вскочила и выбежала из кухни.

- Что ты сказала? - Отец с разъяренной физиономией устремился за ней. Он схватил ее за руку, затащил в комнату и закрыл за собой на щеколду дверь.

- Ну-ка, повтори, что ты сказала, - послышалось из-за двери. Затем последовал шлепок и раздался визг и плач Ирины. Галина Никитична металась во все стороны по коридору.

- Федя, что ты делаешь? - заорала она.

Но отец никого и ничего не слушал. Процесс воспитания захватил его: шлепки сыпались один за другим.

- Живи, как полагается, не хапай, старших уважай, родителей, - приговаривал Федор Васильевич. - Я из тебя всю дурь вышибу. Шелковой будешь.

На шум из другой комнаты прибежал сын Леша, который из - за своего атлетического телосложения и высокого роста выглядел гораздо старше своих шестнадцати лет.

- Чего там Ирка пищит? - спросил Леша.

- Разозлился на нее отец. Ох... кабы не прибил, - шептала Галина Никитична.

- Разозлился, значит за дело. Батя зря не злится, - спокойно сказал Леша.

Они стояли в коридоре еще минут десять, прежде чем Ирина, прикрывая руками красное зареванное лицо, выскочила из комнаты. Следом вышел отец.

- А-а-а... Лешка, - протянул он, - вот, Лешка, погляди на свою умную сестру.

- Бать, за что ты ее?

- А ты у нее самой спроси, пусть расскажет. Дрянь сестра твоя. Учишь детей всю жизнь, а они потом... И ты, наверное, тоже пойдешь работать, будешь воровать, взятки брать, а?

- Почему это?

- А почему она мне сегодня такое говорила? Почему? Запомни, Лешка, в нашем роду воров не было. Мой отец, когда от рака помирал, к себе меня позвал и говорит...

- Бать, ты уже это много раз...

- Значит еще раз послушаешь, - резко оборвал Федор Васильевич, - эх... хотя, что ты понимаешь... В одно ухо влетит, в другое вылетит. Все вы... - Батя сокрушенно махнул рукой.

Больше за вечер он не произнес ни слова, до двух часов ночи просидел на кухне, пил заварку и рассеянно смотрел в окно. Он думал. Ему было о чем подумать.

1983 г.

ЗАЯЦ-ДИССЕРТАНТ

Басня

Радостный и весёлый мчался заяц по лесу. Выскочив на опушку, он увидал лису.

- Здорово, рыжая. Как жизнь?! - что было мочи заорал заяц.

- Что это ты раскричался? - скривилась лиса.

- Да как же не кричать. Вчера диссертацию защитил. Сам лев похлопал меня по плечу и назвал молодцом.

- Сам лев?

- Сам, лично. А потом ещё к себе в помощники пригласил.

- М-да... Неплохо. Работать у льва - не по курятникам лазить, - вздохнула лиса. - А кто же тебя надоумил писать диссертацию?

- Медведь. Он же и научным руководителем был. Хотя, что медведь? Я встречался то с ним раза два за все время. Никакой от него помощи, никаких советов, одно только громкое имя - Миша Косолапый. Ладно, Рыжая, прощай. Мне сейчас недосуг, дел много.

- Прощай. Ты уж не забудь меня и, если там... у льва зайдет разговор, замолви, пожалуйста, словечко. Мол, лиса - животное преданное и может пригодиться.

- Посмотрим, - вяло ответил заяц и помчался дальше.

Около большого, раскидистого дуба он столкнулся с волком, который искал что-то в траве.

- Здорово, Серый. Поздравь меня. Я защитил диссертацию.

- Диссертацию? Интересно.

- Да, представь себе. Сам лев похлопал меня по плечу и даже пригласил к себе в помощники.

- Врешь.

- Не вру, зачем мне врать. У кого хочешь спроси.

- Значит, повезло. А тема диссертации какая?

- Тема хорошая, актуальная. Формулируется так: "О вредном влиянии волков на демографическую ситуацию среди зверей (на примере нашего леса)".

- Что? - рассвирепел волк. Тут он схватил зайца за длинные уши и со всего размаха ударил об дуб.

- Ой, помогите, убивают, - завопил заяц, - отпусти меня, Серенький, ради бога.

- Убивают... Отпусти... Не будешь всякую чушь писать, - зарычал волк и еще раз шлепнул зайца об дуб.

В этот момент откуда ни возьмись из кустов появился медведь. Он схватил волка, потряс его, а затем удостоил жестокого пинка. Волк испытал несколько счастливых моментов свободного полета и, совершив благополучную посадку в крапиве, с позором сбежал.

- Спасибо, Миша, - заикаясь, произнес заяц. - Если б не ты, он бы убил меня.

- И правильно бы сделал. Неблагодарная ты личность, Косой. Мне лиса рассказала все, что ты про меня ей наболтал.

- Прости, Мишенька. Дурак был. Теперь-то я понял, что не так важна тема и содержание, как научный руководитель.

РЕЦЕНЗИЯ

Прошлой зимой писатель Дмитрий Сергеевич Пальцесосов в поисках вдохновения поехал в санаторий. За каких-то пять дней санаторий надоел ему смертельно. Бесконечные процедуры, скитания по парку вперемешку с бильярдом и шахматами не давали

никакой пищи для творчества. Очень расстраивало Дмитрия Сергеевича также то, что среди отдыхающих было совсем мало женщин, а те, которые были, решительно не лезли ни в какие ворота, как в прямом, так и в переносном смысле. Короче, тоска - хоть удавись.

Но вот однажды во время очередной прогулки Пальцесосов узрел стройную блондинку с большими голубыми глазищами. Приглядевшись к ней повнимательней, он понял, что это типичный источник неиссякаемого вдохновения. "Не теряй ни секунды. Действуй!" - подсказал внутренний голос. И Пальцесосов начал действовать.

Широко улыбаясь, он подошел к блондинке и заговорил мягким баритоном:

- Приятно заметить новое лицо. Вы недавно приехали?

-Почему? Я уже здесь довольно долго, - ответила блондинка.

- Странно А я вас ни разу не видел.

- Я вас тоже раньше не видела.

- Это немудрено. У меня, знаете ли много работы. Я, в основном, в комнате нахожусь.

- Работа на отдыхе? Немыслимо. Что же вы делаете?

- Пишу, я писатель.

- Писатель! - протянула блондинка.

Глаза ее наполнились неподдельным интересом и, как показалось Дмитрию Сергеевичу, даже восторгом. "Ага, клюнула", -радостно воскликнул внутренний голос.

- Первый раз в жизни разговариваю с писателем, - сказала блондинка. - Что же вы пишите?

- Все что угодно. Романы, рассказы, статьи.

"Надо было вчера хоть коробку конфет купить. Закусывать совсем нечем", - констатировал мудрый внутренний голос.

- А как вы начали писать? - не унималась блондинка.

- Совершенно случайно. Я работал в колхозе. Вот как-то наш председатель, большого ума человек, на собрании и говорит: "Что же это у нас получается? Дома колхозникам отгрохали отличные, дворец культуры есть, футбольная команда на всю область гремит, самодеятельность призы везде берет. А писателя, чтобы жизнь нашу показал, нет! Тут меня и выдвинули. Потом опубликовали мою первую повесть «Кобелиные зори". И понеслось-поехало. Кстати, на этой неделе как раз шла по телевизору экранизация моего последнего романа "Голубая синь". Правда, фильм называется "Синяя голубизна" Режиссер почему-то захотел поменять название.

Я с ним спорил, но потом решил, что нервы дороже.

- А, я видела этот фильм ... Это про колхозную бригадиршу?

- Про бригадира полеводческой бригады, - уточнил Дмитрий Сергеевич.

- Она влюбляется в одного бездельника из своей бригады, и он под ее влиянием становится передовиком. Смотрела ... как же. Хорошая картина, нужная, - вяло пробормотала блондинка. Глаза ее потускнели, а затем и вовсе потухли.

Пальцесосов почувствовал, что наступил важный момент.

- Ну что, может быть, мы пройдемся вон по той алее.

- Извините, я немножко устала. Как-нибудь в другое время. Счастливо вам пройтись, - ответила блондинка и удалилась.

Дмитрий Сергеевич проводил ее взглядом и медленно побрел походкой побитой собаки по аллее.

«А с Достоевским она бы пошла», - уверенно сказал внутренний голос.

МУЖУЖИ

Завидев идущего навстречу полного, солидного дядю с лоснящейся физиономией, Сенька жарко зашептал на ухо новенькому.

- Влипли. Надо же... Только выпили и на начальника колонны напоролись. Вот невезуха.

- Может сбежим? - предложил наивный новенький.

- От него далеко не сбежишь. Шагаем прямо, стараемся не дышать.

При подходе к шефу мужики выпрямились и напряглись. Но внутренняя мобилизация не спасла.

- Что пил? - строго спросил начальник новенького.

- Портвейн, - признался тот.

- Какой? Чье производство?

- Обычный. Краску.

- Фу, отвратительно, - сморщился начальник. - Ну, а ты? - обратился он к Сеньке.

- Белое столовое. По случаю, знаете ли, к обеду, - брехал Сенька,

- Потом чуть-чуть красненького.
- Правильно. К хорошему обеду вино положено. Чем закусывали?
- Рукавом, - опять признался новенький.
- Безобразие, - закричал шеф. - Хамство. Ужас. Дикость.
- Ну, белое столовое у меня к закуске пошло, - вставился Сенька.
- Красное крепкое к бифштексу.

- Точно, - одобрило руководство. - А к мясному или куриному бульону мадера или херес.

- Бульон я сегодня чего-то не захотел. Зато жена мужужи приготовила. Пальчики оближешь, - продолжал Сенька.

- Мужужи? Интересно. Я не пробовал.

- Что вы? - воскликнул Сенька. - Грузинская кухня, сказка. Мужужи - блюдо из отварной полумаринованной свинины. Делают его из молодого нежного мяса. Но настоящее мужужи должно обязательно сочетать два сорта мяса, каждый из которых готовится разным способом, и в обоих случаях используется винный уксус.

- Потрясающе. А состав продуктов?

- Кроме мяса две моркови, три луковицы, восемь лавровых листьев, двадцать горошин душистого перца, десять горошин черного перца и около двух стаканов винного соуса.

- Здорово. А уксус, уксус; - глотал слюну и задыхался шеф.

- Как правило, прокисшее сухое вино, предварительно настоянное одну-две недели на эстрагоне и базилике.

- Так. Вот что, братец. Ты напиши мне докладную и в ней все по порядку: пропорции, сколько варить, когда подавать. А ты, - сурово посмотрел он на новенького. - На первый раз выговор и премии лишим. И учти... Будешь портвейны хлестать, да рукавом закусывать из водителей выгоню.

И начальник колонны проследовал дальше, бурча под нос: "Мужужи! Скажи, пожалуйста..."

Сенька проводил начальника подобострастным взглядом, а затем хлопнул новенького по плечу.

- Не расстраивайся. Понимаешь, жена у него, директор ресторана, научила на нашу голову. Я тоже без премии целый год сидел, пока не освоился.

Содержание

Повести

Песня, которая не прозвучит.....5
Шанс.....59
Я постараюсь вам помо.....131
Очередной раунд Селиванова……..165
Тайный визит профессора Воланда накануне перестройки.....197

Рассказы

О Гамове.....266
Женская логика.....278
Грех жаловаться.....281
Не многовато?.....283
Одна идея.....284
Измерение.....289
Тамада.....296
Купание коней.....298
Сила примера.....303
Интервью.....305
Отцу ни слова.....306
Семейная ссора.....308
Заяц-диссертант.....314
Рецензия.....315
Мужужи.....317